

М. М. Хвостов

ИСТОРИЯ ГРЕЦИИ

Курс лекций

Издание третье, исправленное

**URSS
МОСКВА**

Хвостов Михаил Михайлович

История Греции: Курс лекций. Изд. 3-е, испр. — М.: Издательство ЛКИ, 2007. — 336 с. (Академия фундаментальных исследований: история.)

Настоящая книга, написанная отечественным историком М. М. Хвостовым (1872–1920), представляет собой курс лекций, прочитанных им в Казанском университете и посвященных истории Древней Греции. Вначале дается краткий очерк методов исторического исследования и обзор источников по греческой истории. Далее излагается собственно история Греции, разделенная автором на пять периодов: эпоха эгейской культуры; греческое средневековье; период классической, или городской, Греции; эллинистический период; период римского владычества. При изложении исторического хода событий автор широко использует данные из географии, экономики, обществоведения и других наук.

Книга будет интересна историкам, культурологам, политологам, преподавателям и студентам исторических факультетов вузов, всем любителям древней истории. Может быть использована в качестве учебного пособия.

Издательство выражает глубокую признательность Илье Никифорову, который предоставил для переиздания раритетные книги из своей личной библиотеки. Эти издания, сохранившие свою актуальность, стали библиографической редкостью.

Настоящая книга была предложена к изданию Ильей Никифоровым.

Издательство ЛКИ. 117312, г. Москва, пр-т Шестидесятилетия Октября, д. 9.
Формат 60×90/16. Печ. л. 21. Зак. № 1183.

Отпечатано в ООО «ЛЕНАНД».

117312, г. Москва, пр-т Шестидесятилетия Октября, д. 11А, стр. 11.

ISBN 978-5-382-00354-2

© Издательство ЛКИ, 2007

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА	
	E-mail: URSS@URSS.ru
	Каталог изданий в Интернете:
	http://URSS.ru
	Тел./факс: 7 (495) 135-42-16
URSS	Тел./факс: 7 (495) 135-42-46

4395 ID 43390

Все права защищены. Никакая часть настоящей книги не может быть воспроизведена или передана в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, будь то электронные или механические, включая фотокопирование и запись на магнитный носитель, а также размещение в Интернете, если на то нет письменного разрешения владельца.

І. Методы исторіи и общій обзоръ источниковъ по исторіи Греціи.

Историческая работа распадается на двѣ стадіи: описательную и объяснительную. Описательная стадія сводится къ возстановленію фактовъ, объяснительная къ ихъ истолкованію или объясненію. Методы описательной исторіи могутъ быть сгруппированы слѣдующимъ образомъ. 1) Прежде всего нужно собрать источники для возстановленія фактовъ. Эта стадія работы — собираніе и систематизированіе матеріала — называется *эвристикой*. 2) Далѣе идетъ стадія, именуемая *герменевтикой* (или интерпретаціей), которая имѣетъ цѣлью истолковать смыслъ собранныхъ источниковъ. 3) Далѣе въ собранномъ матеріалѣ историкъ долженъ отдѣлить достовѣрное отъ недостовѣрнаго. Это будетъ *критика*. И, наконецъ, 4) четвертая стадія описательной работы сводится къ возстановленію фактовъ. Это — *реконструкція*.

І. *Эристика* заключается въ собираніи и расположеніи матеріала. Разсмотримъ, какимъ матеріаломъ источниковъ мы можемъ пользоваться для греческой исторіи.

1) *Языкъ* даетъ обильный матеріалъ для возстановленія фактовъ прошлаго. По исторіи языка можно возстановить нѣкоторые факты изъ жизни народа доисторической эпохи. Такова задача одного изъ отдѣловъ сравнительнаго языковѣдѣнія — *лингвистической палеонтологіи*. Доказано, что нѣкоторыя группы языковъ происходятъ отъ одного общаго языка. Если родственные языки имѣютъ какіе нибудь общіе корни, то изъ этого можно сдѣлать выводъ, что соответствующія имъ понятія были извѣстны народу, говорившему на первоначальномъ языкѣ. Нужно замѣтить, что родство языковъ не означаетъ обязательнаго родства народовъ. Въ исторіи языковъ новѣйшаго времени мы видимъ, что часто разные народы говорятъ на языкахъ другой расы, напримѣръ, часть русскихъ финновъ говорить

на русскомъ языкѣ; евреи въ Европѣ говорятъ на языкѣ той страны, гдѣ живутъ; галлы въ эпоху Римской имперіи говорили на латинскомъ языкѣ и т. д. Но родство индоевропейскихъ языковъ указываетъ на существованіе въ древности народа, говорившаго на индо-европейскомъ праязыкѣ. Группа этихъ языковъ (большая часть европейскихъ и часть азіатскихъ) происходитъ отъ одного праязыка. Путемъ сравненія корней этихъ языковъ мы можемъ возстановить, каковъ былъ уровень культуры праарійцевъ,—народа, говорившаго на индо-европейскомъ праязыкѣ. Такъ, если мы знаемъ, что обозначеніе льна имѣетъ общій корень въ этой группѣ языковъ (греч.—*λίνον*, лат.—*linum*, герм.—*Lein*, слав.—*льнъ*), то значить, что понятіе о льнѣ существовало у арійцевъ до ихъ раздѣленія. Но не только лингвистическая палеонтологія даетъ цѣнный матеріалъ для историка. Языкъ открываетъ намъ пути и для другихъ выводовъ. Напр., изученіе распространенія греческихъ диалектовъ проливаетъ свѣтъ на исторію расселенія греческихъ племенъ, на ихъ передвиженіе и т. п. Такимъ образомъ, изученіе данныхъ языка освѣщаетъ древнѣйшія историческія эпохи.

2) Другая группа источниковъ—это *вещественныя данныя*. Эти данныя изучаетъ *археологія*. По отношенію къ греческой исторіи вещественные памятники играютъ важную роль. При изложеніи курса на нихъ придется часто останавливаться. Они особенно важны для доисторическихъ эпохъ, но нерѣдко ими приходится пользоваться и для эпохи уже исторической. Изъ такого рода памятниковъ мы должны поставить на первомъ мѣстѣ утварь, оружіе, орудія, одежду. Особенно цѣнные памятники этого рода, относящіеся къ древнѣйшему періоду греческой исторіи, были открыты *Шлиманомъ*. Шлиманъ, думая открыть гомеровскую культуру, произвелъ цѣлый рядъ раскопокъ на мѣстахъ, фигурирующихъ въ гомеровскихъ поемахъ: на мѣстѣ древней Трои, въ Микенахъ, Орхоменѣ, Тиринѣ и др. Эти раскопки даютъ матеріалъ для заключенія относительно экономическаго и культурнаго уровня данной эпохи. О раскопкахъ Шлимана подробнѣе будетъ идти рѣчь ниже. Данныя Шлимана были позднѣе дополнены раскопками Иванса (*Evans*) и др. на о. Критѣ.

Другую группу археологическаго матеріала представляютъ *остатки построекъ*. Сюда относятся, напр., остатки дворцовъ, открытые тѣми же Шлиманомъ, Ивансомъ и др. Они указываютъ на существованіе сильной политической власти, повидимому, царской.

Третья группа вещественныхъ памятниковъ — *гробницы*. Всѣ народы очень консервативны въ способѣ погребенія. Поэтому, если мы встрѣчаемъ совершенно одинаковые способы погребенія, то мы нерѣдко можемъ заключать, что эти погребенія принадлежатъ одному народу.

Въ особую группу слѣдуетъ выдѣлить *монеты*. Ихъ наличность указываетъ на существованіе денежнаго обмѣна. Характеръ валюты, монетная единица указываютъ на сферу обмѣна данной страны. По монетамъ можно возстановить хронологическую послѣдовательность династій, царей. Многія династіи Азіи послѣ эпохи Александра Македонскаго можно было опредѣлить только по монетамъ. Находки греческихъ монетъ въ Азіи указываютъ на распространеніе тамъ греческой культуры. Нахожденіе монетъ какого-либо государства въ отдаленной мѣстности является указаніемъ на торговыя сношенія этихъ странъ.

Важное значеніе для историка имѣютъ *памятники искусства*. Многого изъ жизни греческихъ обществъ мы не знали бы, если бы не имѣли остатковъ произведеній искусства. Они знакомятъ насъ съ культурнымъ уровнемъ общества и съ его религіозными представленіями.

Какъ идетъ работа *по отысканію* археологическихъ данныхъ?

Теперь всѣ культурныя общества затрачиваютъ большія деньги на раскопки. Особенно щедро въ этомъ отношеніи было германское правительство. Въ Передней Азіи, Месопотаміи (на мѣстахъ ассиро-вавилонской культуры), въ Греціи и Италіи германскіе ученые производили раскопки. Въ Афинахъ и Римѣ существуютъ отдѣленія Германскаго Археологическаго Института. Особенно важныя раскопки сдѣланы нѣмцами въ Олимпіи и Пергамѣ. Найденныя въ Олимпіи древности оставлены въ Греціи. Изъ Пергама большая часть матеріала вывезена въ Берлинъ. Раскопки, кромѣ Германіи, производятся также греческимъ правительствомъ и Англійей. Последняя производила ихъ между прочимъ на Кипрѣ, Критѣ и особенно въ Египтѣ. Какъ извѣстно, послѣ завоеванія Александра Македонскаго Египетъ обратился въ эллинистическое государство, а затѣмъ и римскую провинцію. Тамъ производятся систематическія раскопки Англійскимъ Обществомъ Ислѣдованія Египта. Въ Англійи большинство такихъ работъ ведется на общественныя средства. Сѣверо-американцы тоже приняли участіе въ раскопкахъ въ Греціи (теперь въ Америкѣ усилилось изученіе древ-

нихъ языковъ). Франція производила раскопки въ Греціи—въ Дельфахъ и на о. Делосѣ, а отчасти въ Египтѣ. Австрійскій Археологическій Институтъ производилъ обследованіе М. Азіи. Россіей производятся раскопки на мѣстахъ греческихъ черноморскихъ колоній—въ Крыму (Херсонесъ, Пантикапей-Керчь и проч.), въ Ольвіи (около устья Юж. Буга). Академикъ Латышевъ приобрѣлъ европейскую извѣстность изданіемъ греческихъ надписей, найденныхъ на югѣ Россіи.

3) Третья группа источниковъ—это *переживанія*. Такъ называются обычаи и учрежденія, потерявшіе свое реальное значеніе, но продолжающіе существовать. Это такой же остатокъ старины, какъ, напр., сосуды, или другіе вещественные памятники. Уже Аристотель обращалъ вниманіе на переживанія. Онъ говоритъ, напр., о странной системѣ выборовъ архонтовъ въ Афинахъ. Каждая фила выбирала кандидата по жребію и потомъ уже изъ этихъ кандидатовъ выбирались архонты—тоже по жребію. Какой смыслъ этой двукратной жеребьевки? Аристотель приходитъ къ выводу, что это переживаніе, имѣвшее, однако, прежде реальный смыслъ. Сначала въ первой стадіи производились настоящіе выборы, а жеребьевка примѣнялась только во 2-ой стадіи, но потомъ выборы были отмѣнены вовсе, тѣмъ не менѣе двѣ стадіи были сохранены, хотя въ обѣихъ примѣнялась жеребьевка.

Другой примѣръ касается исторіи эфората въ Спартѣ. Сторонники эфората въ Спартѣ въ III в. до Р. Х. утверждали, что эфоратъ есть учрежденіе столь-же древнее, какъ и царская власть. Противники же его, въ числѣ которыхъ былъ царь Клеоменъ III, старались доказать, что эфоратъ—позднѣйшее учрежденіе. Въ подтвержденіе они ссылались на слѣдующія соображенія. Въ эпоху царя Клеомена III сохранился старыи обычай, по которому царь могъ не являться на первый и второй вызовъ эфоровъ; лишь на третій вызовъ царь былъ обязанъ явиться. Въ этомъ Клеоменъ видѣлъ переживаніе, которое означало то, что прежде царь совсѣмъ не являлся по приглашенію эфоровъ. Отсюда Клеоменъ дѣлалъ выводъ, что царская власть въ Спартѣ болѣе древняго происхожденія, чѣмъ государственная власть эфоровъ. Такихъ переживаній въ греческомъ государственномъ правѣ было много, и они представляли интересъ уже для древнихъ историковъ.

4) Четвертая группа источниковъ—*народныя преданія и народная поэзія*. У римлянъ народный эпосъ былъ слабо развитъ. У грековъ дѣло обстояло иначе. Главный матеріалъ для

исторіи такъ наз. греческаго средневѣковья (1000—700 г. до Р. X.) даетъ народный эпосъ, хотя дошедшій до насъ не въ чистомъ своемъ видѣ, а подвергшійся обработкѣ. Это—поэмы Гомера. Кромѣ гомеровскихъ поэмъ, дошло до насъ очень много мифовъ и сагъ въ болѣе поздней передачѣ. Изъ нихъ историки старались извлечь чисто-историческій фактический матеріалъ. Думали, что въ основѣ многихъ мифовъ и сагъ лежатъ историческія событія. Однако использовать этотъ матеріалъ такимъ путемъ удалось въ очень малой степени. Это еще, конечно, не означаетъ, что мифы не имѣютъ для исторіи значенія. Англійскій историкъ Греціи Гротъ говорилъ, что хотя изъ мифовъ нельзя извлечь много свѣдѣній объ историческихъ событіяхъ, однако они имѣютъ большое значеніе для историка, ибо они сами исторія, такъ какъ, возникши на извѣстной стадіи развитія народа, мифы отражаютъ его культурный уровень, его духовную жизнь (ср. ниже стр. 13 с.).

б) *Письменные источники.*

А) Здѣсь прежде всего я назову *надписи*, изученіемъ которыхъ занята *эпиграфика*. Сохранились надписи: на стѣнахъ, на черепкахъ посуды, на постаментахъ статуй, но особенное значеніе имѣютъ надписи, помѣщенные на особыхъ доскахъ—деревянныхъ (на таковыхъ были написаны законы Солона, въ подлинникѣ да насъ не дошедшіе), металлическихъ и особенно на каменныхъ плитахъ (стелахъ).

Древнѣйшія греческія надписи относятся къ 7—6 вв. Такова надпись греческихъ наемниковъ египетскаго царя Псамметиха I (650 г.) или Псамметиха II (нѣсколько позже, ок. 600 г., но, во всякомъ случаѣ, не позднѣе начала VI в. до Р. X.). Надпись сдѣлана этими войнами въ Абу-Симбелѣ (въ Нубіи). Не спеціалистъ, пожалуй, можетъ придти къ выводу, что надписи даютъ мало историческаго матеріала. Но такое заключеніе было бы глубоко ошибочнымъ. Содержаніе надписей чрезвычайно разнообразно.

а) На первомъ планѣ слѣдуетъ поставить *законы* и постановленія разнаго рода, изданные или единоличной властью, или вотированные народнымъ собраніемъ. Постановленія народнаго собранія назывались *псефисмами*. Такія надписи даютъ подлинный текстъ закона или постановленія въ моментъ его изданія. Однимъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ подобнаго рода являются *Гортинскіе законы*, открытые въ 1884 г. итальянскимъ ученымъ Альберомъ (Halbherr). Они относятся къ VI в. до Р. X. и содержатъ кодификацію гражданскаго права гор. *Гортинны*

на о. Критѣ. Здѣсь мы знакомимся съ имущественными отношеніями, строимъ семьи, положеніемъ рабовъ, косвенно — съ экономическимъ строемъ.

б) Другой группой надписей являются *памятники международнаго права*: тексты союзныхъ договоровъ, протоколы разбирательства путемъ третейскаго суда и т. п.

в) Затѣмъ слѣдуютъ различныя *финансовыя надписи*, напр., смѣты построекъ, счета, отчеты должностныхъ лицъ объ общественныхъ постройкахъ, иногда съ указаніемъ цѣны. Бѣкъ написалъ свою работу „О государственномъ хозяйствѣ въ Аѳинахъ“, основываясь почти всецѣло на надписяхъ. Организация государственныхъ займовъ, платежей по государственному долгу рисуется надписями. Надписи даютъ матеріалъ для экономической исторіи—именно говорятъ о высотѣ цѣнъ, стоимости рабочихъ рукъ, о примѣненіи вмѣстѣ съ рабскимъ трудомъ свободнаго труда и т. п.

г) надписи слѣдующей категоріи—*списки должностныхъ лицъ, жрецовъ, жореговъ* и т. п. кажутся намъ чрезвычайно сухими, но съ ними приходится считаться. Дѣло въ томъ, что по годамъ архонтовъ или другихъ должностныхъ лицъ датировались событія и документы. По спискамъ должностныхъ лицъ можно возстановить хронологическія даты.

д) Еще болѣе сухими съ перваго взгляда представляются *посвятительныя надписи* (содержаніе обычно таково: „Такому-то богу тогда то за такое то лицо воздвигнута данная стела“). Какъ теперь существуетъ обычай воздвигать иконы или другіе приношенія святымъ, такъ и древніе греки имѣли обыкновеніе воздвигать богамъ стелы (каменные плиты) и статуи, чтобы привлечь на себя или кого-либо другого милость боговъ. Спрашивается, какой же интересъ могутъ представлять эти памятники? Они оживаютъ въ связи съ другимъ историческимъ матеріаломъ. Дѣло въ томъ, что они даютъ намъ матеріалъ по исторіи религіи. Мы видимъ, напр., изъ такихъ памятниковъ, какъ культы восточныхъ боговъ въ Римской Имперіи проникаютъ далѣко на западъ. Такіе памятники проливаютъ свѣтъ и на политическія и экономическія отношенія. Римскіе легіоны состояли изъ самыхъ разнообразныхъ національныхъ элементовъ. Вмѣстѣ съ собой солдаты приносили свои культы, и посвятительныя надписи даютъ свѣдѣнія о расположеніи и составѣ римскихъ войскъ. Еще болшую роль въ распространеніи культовъ сыграли купцы. Такимъ образомъ, по распространенію культовъ можно судить о распространеніи торговли. Иногда въ этихъ надписяхъ бываютъ біографическія свѣдѣнія.

е) Имѣютъ значеніе надписи *почетныя*, воздвигнутыя городами или отдѣльными лицами въ честь какихъ либо людей. Научное значеніе ихъ однородно съ вышеуказанными посвященіями богамъ и съ нижеслѣдующей категоріей надписей.

ж) Важны *надгробныя надписи*, какъ содержащія иной разъ біографическія свѣдѣнія или дающія матеріаль для заключеній объ общественныхъ группировкахъ, напр., о распредѣленіи общества по филатамъ и демамъ. Надгробныя надписи подобно посвятительнымъ и почетнымъ даютъ матеріаль и о расселеніи національностей.

з) Дошли очень цѣнныя надписи, относящіяся къ гражданско-правовымъ отношеніямъ (договоры: купли-продажи, займа, ссуды, залога; залоговыя надписи на камняхъ, поставленныхъ на заложенныхъ земельныхъ участкахъ (*δραση*) и т. п.).

Интересъ къ надписямъ пробудился въ эпоху Возрожденія. Однимъ изъ первыхъ собирателей ихъ явился Чириако Анконскій (XV в.), который собиралъ ихъ, но не обрабатывалъ. Систематическая обработка надписей ведется съ XIX в., главнымъ образомъ, Берлинской Академіей наукъ. Въ 20 г. XIX в. Бѣкъ начинаеть изданіе „*Corpus inscriptionum Graecarum*“ (Собраніе греческихъ надписей) по географическимъ областямъ. Трудную, но важную область филологіи составляетъ чтеніе надписей, такъ какъ многія изъ нихъ дошли до насъ въ испорченномъ видѣ, и ихъ часто трудно возстановить. Отрасль филологіи *эпиграфика* (наука о надписяхъ) помогаетъ разобратся въ надписяхъ. Значительной частью нашихъ знаній въ области древней исторіи мы обязаны именно этой наукѣ. Съ 70-хъ годовъ XIX в. Берлинская Академія начала выпускать новое изданіе надписей, которое теперь носитъ названіе „*Inscriptiones Graecae*“. Въ свою очередь, Французская Академія издаеть надписи изъ Дельфы и Делоса. Вѣнская Академія издаеть малоазійскія надписи (Берлинская Академія ведетъ также изданіе латинскихъ надписей).

Б) Около 35 лѣтъ тому назадъ было обращено вниманіе еще на одну группу письменныхъ источниковъ для греческой исторіи.

Это—*папирусы* съ греческими текстами. Папирусъ—растеніе, произраставшее въ Нильской дельтѣ; стебель папируса раздѣлялся на тонкія полоски, которыя склеивались, прессовались, и получалось нѣчто въ родѣ бумаги желтоватаго цвѣта. Первый греческій текстъ на папирусѣ былъ доставленъ въ Европу въ 1778 г. (*Charta Borgiana*). Въ первыя три четверти

XIX в. въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Зап. Европы появились коллекціи греческихъ папирусовъ (въ Лондонѣ, Парижѣ, Туринѣ, Берлинѣ). Этихъ коллекцій было немного. На нихъ сосредоточили свое вниманіе рѣдкіе спеціалисты, многого извлечь изъ этихъ раннихъ коллекцій не удалось.

Позднѣе—къ концу 1870-хъ гг.—въ *Вѣннѣ* удалось приобрести очень обширную коллекцію греческихъ папирусовъ, которая и до сихъ поръ еще не вполне издана. Эта коллекція одна изъ самыхъ цѣнныхъ, извѣстность которой, однако, долго была не такъ велика, благодаря тому, что изъ нея было издано только очень немного текстовъ. По имени лица, давшаго средства на приобретение этой коллекціи, она называется коллекціей эрцгерцога Райнера.

Совсѣмъ иначе пошло дѣло въ 80-хъ гг., когда англичане предприняли рядъ специальныхъ экспедицій въ Египетъ для розысканія греческихъ папирусовъ. Съ 90-хъ гг. и другія государства стали организовывать подобныя экспедиціи. Теперь образовались большія коллекціи папирусовъ въ Лондонѣ, Оксфордѣ, Парижѣ, Лиллѣ, Берлинѣ, Лейпцигѣ, Страсбургѣ, Женевѣ, Римѣ, Флоренціи и нѣкоторыхъ другихъ городахъ. Въ настоящее время количество, приобретенныхъ въ Египтѣ, греческихъ папирусовъ считается тысячами.

Сохраненію древнихъ папирусовъ въ Египтѣ способствовалъ климатъ—очень сухой. Важно и то обстоятельство, что много поселеній, существовавшихъ въ греко-римскомъ Египтѣ, было потомъ занесено пескомъ, и остатки древности, въ томъ числѣ папирусы, сохранились здѣсь въ очень хорошемъ видѣ. Напротивъ, мы почти не имѣемъ папирусовъ изъ такого важнаго центра, какъ Александрія, т. к. тамъ старые слѣды были сглажены послѣдующими поколѣніями и позднѣйшими постройками. Небольшое количество папирусовъ изъ Александріи находится теперь въ Берлинѣ, но эти тексты, написанные въ Александріи, найдены не въ самой Александріи, а въ мѣстечкѣ Абу-Сиръ-эль-Мелекъ (эти папирусы послужили матеріаломъ для картонажей, въ которые заключались муміи).

Содержаніе папирусовъ очень разнообразно. Здѣсь найдено много текстовъ древнихъ авторовъ. Наибольше крупной находкой была *Афинская политія Аристотеля*, найденная въ 1890 г. въ коллекціи папирусовъ, приобретенной Британскимъ Музеемъ въ Лондонѣ. Это одинъ изъ важнѣйшихъ источниковъ по исторіи Афинъ. Кромѣ того, найдены отрывки многихъ другихъ авторовъ. Почти въ каждомъ новомъ изданіи папирусовъ есть

отдѣль, гдѣ содержатся отрывки вновь найденныхъ литературныхъ произведеній, а также находится много отрывковъ уже ранѣе извѣстныхъ произведеній.

Для общихъ историковъ очень интересны тѣ документы, на которые меньше обращаютъ вниманія историки литературы: это документы, относящіяся, какъ къ дѣятельности правительства, такъ и частныхъ лицъ. Значеніе этихъ памятниковъ очень велико по слѣдующимъ причинамъ.

Во-первыхъ, Египетъ послѣ Александра Великаго сталъ играть очень важную роль въ экономической и чисто-культурной жизни той эпохи. Папирусы, такимъ образомъ, освѣщаютъ жизнь одного изъ самыхъ большихъ государствъ, гдѣ была распространена греческая культура. При Августѣ Египетъ сталъ римской провинціей. Въ это время онъ продолжалъ быть важнымъ культурнымъ центромъ; важенъ онъ былъ и въ экономическомъ отношеніи: онъ былъ житницей государства; здѣсь была широко развита промышленность; черезъ Египетъ шли транзитныя пути на востокъ.

Во-вторыхъ, очень немногія страны древняго міра можно такъ подробно изучить, какъ Египетъ, съ помощью папирусовъ. Египетъ былъ типичной провинціей греко-римскаго міра и поэтому, изучая его администрацію, экономическія отношенія, культурный уровень, мы, вмѣстѣ съ тѣмъ, по аналогіи знакомимся съ подобными явленіями въ остальномъ греко-римскомъ мірѣ. Конечно, въ Египтѣ было много своеобразнаго, но, все-таки, о характерныхъ чертахъ другихъ странъ того времени, въ общемъ, мы можемъ заключать по аналогіи съ Египтомъ. Такимъ образомъ, значеніе папирусовъ сводится къ тому, что, изучая Египетъ, мы косвенно знакомимся съ другими странами той эпохи.

Наконецъ, важное значеніе папирусы имѣютъ съ соціологической точки зрѣнія. Для соціолога важно слѣдить за развитіемъ общества на протяженіи многихъ вѣковъ. Въ этомъ отношеніи Египетъ очень интересенъ. Нѣтъ почти ни одного общества, которое мы можемъ изучать на протяженіи такого долгаго періода времени, какъ Египетъ, за исторіей котораго мы можемъ слѣдить на протяженіи болѣе 5000 лѣтъ. Въ частности греческіе папирусы являются однимъ изъ важнѣйшихъ источниковъ для исторіи Египта на протяженіи 1000 лѣтъ: начинаясь съ Александра, они исчезаютъ лишь послѣ арабскаго завоеванія.

Приходится считаться съ тѣмъ, что содержаніе нелитературныхъ папирусовъ очень разнообразно. На папирусахъ со-

хранилось много законодательнаго матеріала. Къ этой категоріи папирусовъ относятся, напр., тѣ, которые содержатъ податные законы царя Птолемея Филадельфа—объ организаціи обложенія и правительственныхъ монополій; законъ объ амністіи Птолемея IX Эвергета II и т. д. Затѣмъ на папирусахъ сохранилась громадная административная переписка, донесенія должностныхъ лицъ, ихъ распоряженія. Мы видимъ административную жизнь египетской деревни и египетскаго города. Третья группа папирусовъ -- это документы финансоваго характера -- податные списки, переписка по сбору податей Затѣмъ юридическіе документы частнаго характера: купчія крѣпости, брачные договоры. Наконецъ, важное значеніе имѣетъ частная переписка самаго разнообразнаго характера: между родственниками, приглашительныя письма—на свадьбы, на обѣды и т. д. По этимъ даннымъ мы можемъ нарисовать себѣ картину тогдашняго египетскаго общества. Иногда частная переписка содержитъ любопытныя бытовныя черты: такъ, напр., сохранилось письмо мальчика къ отцу съ жалобой, что отецъ его не взялъ въ Александрію п съ просьбой купить подарокъ; упражненія школьника — съ ошибками и т. п.

Исписанные папирусы играли, по минованіи надобности, очевидно, роль нынѣшнихъ бумажныхъ отбросовъ. Они шли на разныя подѣлки. Много найдено папирусовъ въ гробницахъ, ибо папирусы употреблялись въ этомъ случаѣ на картонажи для мумій людей и священныхъ животныхъ. Эти картонажи расклеиваются изслѣдователями и дешифрируются.

Чтеніе дошедшихъ до насъ папирусовъ затруднительно вслѣдствіе скорописи, малограмотности и изорванности. Особую отрасль филологіи составляетъ *папирологія*. Изъ папирологовъ особенно извѣстны въ Англіи—Гренфелль (Grenfell) и Хентъ (Hunt), во Франціи—Жугэ (Jouguet), въ Германіи—Вилькенъ (Wilcken).

В) Кромѣ папирусовъ въ Египтѣ найдено много надписей на черепкахъ (*ботража; ботраков*—по греч. черепокъ). На нихъ писались документы второстепенной важности, напр., расписки объ уплатѣ налоговъ. Отрасль филологіи, изучающую надписи на черепкахъ, обыкновенно теперь называютъ *остркологіей*.

Г) *Авторы*. Сюда относятся какъ литературные рассказы о прошломъ—сочиненія историковъ,—такъ и вся прочая литература: поэты эпическіе, лирическіе и драматическіе, философы, ораторы и т. п. Эти произведенія, во-первыхъ, сами по себѣ представляютъ живые историческіе факты: комедія Аристофана,

рѣчь Демосеена проявели въ свое время болѣе или менѣе значительное историческое дѣйствіе. Но велико также значеніе различныхъ литературныхъ произведеній и съ другой стороны: они сообщаютъ намъ сплошь да рядомъ данныя о событіяхъ прошлаго, въ особенности же о бытѣ, воззрѣніяхъ, вѣрованіяхъ данной эпохи. Объ историческомъ значеніи гомеровскаго эпоса мы уже говорили и будемъ говорить ниже подробнѣе. Лирическіе поэты даютъ также часто очень цѣнный историческій матеріалъ. Напр., лирики Солонъ (кон. VII и нач. VI в. до Р. X.) и Ѳеогнидъ (вторая половина VI в. до Р. X.) даютъ неоцѣнимый матеріалъ для изученія классовой борьбы VI в. до Р. X. Произведенія трагиковъ характеризуютъ намъ міросозерцаніе общества, а иногда даютъ свѣдѣнія и о политическихъ теченіяхъ. Напр., трагедія Эсхила „Персы“ рисуетъ намъ настроеніе аѳинскаго общества послѣ побѣды надъ персами. Комедіи Аристофана даютъ въ высшей степени цѣнный матеріалъ какъ для характеристики борьбы партій въ Аѳинахъ, такъ и для изученія деталей будничной жизни аѳинянъ. Политическія рѣчи *ораторовъ* содержатъ массу данныхъ для возстановленія фактовъ политической исторіи данной эпохи, а судебныя рѣчи ораторовъ-адвокатовъ даютъ главный матеріалъ для изученія греческаго гражданскаго права, рисуя въ то же время намъ детали обыденной жизни и въ частности экономическихъ отношеній эпохи. Произведенія философовъ, рисуя намъ міросозерцаніе эпохи, въ то же время сообщаютъ намъ много данныхъ для характеристики быта (напр., діалоги Платона).

Наибольшее значеніе для современнаго историка Греціи изъ числа произведеній классической литературы имѣютъ, конечно, сочиненія греческихъ историковъ. Детальнѣе болѣе крупныхъ историковъ я охарактеризую въ соответствующихъ мѣстахъ изложенія: понятъ міросозерцаніе историка гораздо легче въ связи съ изображеніемъ той эпохи, когда жилъ данный историкъ. Въ настоящій моментъ я очерчу развитіе греческой исторической литературы лишь въ общихъ контурахъ.

Интереса къ своему прошлому не существуетъ у совершенно примитивныхъ народовъ; зарожденіе этого интереса есть всегда показатель значительной культурности. Первые проблески исторической мысли у грековъ можно видѣть въ греческихъ мифахъ и сагахъ: здѣсь мы видимъ попытки объяснить происхожденіе различныхъ племенъ, родовъ и поселеній по большей части путемъ установленія связи ихъ возникновенія съ тѣми или другими богами и героями. Въ эпоху греческаго

средневѣковья, при господствѣ аристократіи, особенно развиваются генеалогическія сказанія, въ которыхъ аристократическіе роды связываютъ себя со своими мнимыми божественными предками. Въ греческомъ эпосѣ: въ гомеровскихъ поэмахъ, въ поэмахъ Гесіода и др.—эти мѣны и саги о происхожденіи племенъ, родовъ и поселеній отразились въ весьма широкихъ размѣрахъ. Кромѣ того, древніе мѣны и саги дошли до насъ, часто въ очень измѣненномъ видѣ, въ произведеніяхъ позднѣйшихъ греческихъ поэтовъ, историковъ и др. писателей. Приблизительно съ VIII вѣка рядомъ съ этой областью народнаго и отчасти индивидуальнаго творчества, гдѣ работала болѣе народная фантазія, чѣмъ народное размышленіе,—является и другая историографическая струя, вызванная практическими государственными потребностями: въ болѣе культурныхъ государствахъ Греціи появляются списки высшихъ должностныхъ лицъ, смѣнявшихся ежегодно; при отсутствіи опредѣленной эры такіе списки были вызваны необходимостью: только путемъ обозначенія именъ должностныхъ лицъ даннаго года можно было датировать документы международнаго, государственнаго и частнаго права. Такъ, въ Спартѣ около 754 г. появляются списки эфоровъ, въ Афинахъ около 682 г.—списки архонтовъ и т. п. На празднествахъ въ Олимпіи и другихъ мѣстахъ съ VIII вѣка (въ Олимпіи съ 776 г.) ведутся списки побѣдителей на играхъ. Эти списки послужили впоследствіи хронологической основой для позднѣйшей историографіи. Но въ то время, какъ въ Вавилоніи, Ассиріи, Римѣ, въ средневѣковыхъ обществахъ изъ погодныхъ списковъ, составлявшихся для тѣхъ или другихъ цѣлей, развились лѣтописи,—въ Греціи въ болѣе древнее время этого, повидимому, не случилось.

Настоящими родоначальниками греческой историографіи являются такъ называемые *логографы*. Такъ принято называть въ современной наукѣ писателей VI и V вв. до Р. Х., впервые занявшихся систематической обработкой сказаній о прошломъ греческихъ племенъ. Это направленіе получило свое начало въ греческихъ (іонійскихъ) поселеніяхъ М. Азии, гдѣ вообще зародилась греческая наука въ связи съ быстрымъ экономическимъ и культурнымъ ростомъ этой области. Сочиненія логографовъ извѣстны намъ лишь въ отрывкахъ. Логографы, комбинируя мѣны и саги, стремились востановить прошлое греческихъ племенъ и городовъ, допуская сверхъестественный элементъ въ своемъ изложеніи, хотя нѣкоторые изъ нихъ (Гекатей Милетскій) пытались рационализировать,—истолковывать

мины болѣе правдоподобнымъ образомъ, но настоящая историческая критика у нихъ отсутствуетъ. У болѣе позднихъ логографовъ (напр., у Гелланика Лесбосскаго во 2-й половинѣ V вѣка) можно констатировать уже въ болѣе значительномъ объемѣ настоящій историческій матеріалъ: это тамъ, гдѣ они изображали недавнее прошлое городовъ и племенъ (Гелланикъ изобразилъ исторію Аѳинъ въ своей „Аттидѣ“, исторію Аргоса—въ „Жрицахъ Геры“); въ позднѣйшей логографіи замѣтно стремленіе къ болѣе точной хронологіи, основанной на спискахъ должностныхъ лицъ и т. п. (такъ, Гелланикъ въ исторіи Аргоса пользуется списками жрицъ Геры, а въ исторіи Аѳинъ—списками архонтовъ). Однако, главнымъ образомъ, свой матеріалъ логографы черпали изъ устной традиціи. Устная традиція является основнымъ источникомъ и для *Геродота*, который вообще находится въ тѣсной связи съ логографіей. Этотъ писатель, жившій около 485—425 г., описалъ первые годы греко-персидскихъ войнъ съ обширнымъ введеніемъ, содержащимъ изображеніе предшествующихъ судебъ Востока и Греціи; у него очень силенъ миеническій элементъ и очень мало критики собраннаго матеріала (онъ не идетъ далѣе довольно наивнаго рационализированія). Но Геродотъ отличается даже отъ позднихъ логографовъ (Гелланикъ писалъ нѣсколько позднѣе его), во-первыхъ, тѣмъ, что его интересъ сосредоточивается по преимуществу на болѣе близкихъ къ его времени, а, слѣдовательно, и болѣе достоверныхъ событіяхъ; во-вторыхъ, Геродотъ задался болѣе широкой цѣлью, чѣмъ логографы: въ извѣстномъ смыслѣ слова его можно назвать первымъ всемірнымъ историкомъ, ибо онъ, желая изобразить борьбу грековъ съ варварами, дѣлаетъ обзоръ предшествующей исторіи Персіи, Вавилоніи и Ассиріи, Египта и греческихъ государствъ. Далѣе, у Геродота мы видимъ уже и извѣстную философію исторіи: по его представленію, все подчинено судьбѣ и Немесидѣ, которыя караютъ чрезмѣрно возвысившихся или совершившихъ злодѣянія. Сверхъестественное вмѣшательство въ историческія событія Геродотъ допускаетъ вполне.

Громадный шагъ впередъ сдѣлала греческая историческая мысль въ лицѣ *Фукидида*, описавшаго исторію Пелопоннеской войны до 411 г. Онъ лишь на одно поколѣніе моложе Геродота (ок. 459—396 г. до Р. X.), но его историческое міросозерцаніе рѣзко отличается отъ міросозерцанія Геродота. Причина такого различія заключается не только въ индивидуальных особенностяхъ ума Фукидида, но, главнымъ образомъ, въ

томъ переворотѣ въ культурной жизни грековъ, какой имѣлъ мѣсто послѣ греко-персидскихъ войнъ. Фукидидъ является *основателемъ научной исторіографіи*: мы видимъ у него осторожность въ выборѣ источниковъ (пользованіе свидѣтельствами очевидцевъ, документами), въ значительной степени—критическое отношеніе къ нимъ, устраненіе сверхъестественнаго элемента въ объясненіи событій и сознательное стремленіе къ установленію причинной связи между ними. Фукидидъ *критиченъ, реаленъ и прагматиченъ*.

Послѣ Фукидида греческая исторіографія въ общемъ движется по руслу, проложенному этимъ гениальнымъ человѣкомъ. Но въ ней появляются и нѣкоторыя новыя теченія.

Конецъ V вѣка и начало слѣдующаго внесли въ греческую исторіографію новую струю,—именно *политическія тенденціи*, которыя у Геродота и Фукидида сказывались въ болѣе слабой степени. Конечно, тенденціозностью отличаются не всѣ историческія произведенія этого времени. Но въ весьма многихъ отражается политическая борьба эпохи. Дѣло въ томъ, что съ конца Пелопоннесской войны во многихъ государствахъ Греціи, въ особенности въ Аѣинахъ, а также и въ Спартѣ, обострилась борьба изъ-за формы государственнаго строя, тѣсно связанная съ соціальной борьбой. При этомъ стало появляться много памфлетовъ, отстаивающихъ партійныя точки зрѣнія. Къ этой литературѣ относится, напр., памфлетъ о государственномъ устройствѣ Аѣинъ, неправильно приписываемый Ксенофону. Къ этому же литературному теченію въ извѣстной мѣрѣ принадлежалъ публицистъ и профессоръ *Исократъ*, подъ влияніемъ котораго находились многіе историческіе писатели. Соціально-политическая литература оказала значительное воздѣйствіе на исторіографію: слѣды этого воздѣйствія мы находимъ у историка Эфора (ученика Исократа), у Аристотеля и др.

Крупнѣйшими историками, писавшими въ IV в., являются Ксенофонъ, Теопомпъ и Эфоръ. *Ксенофонъ* въ своей „Греческой исторіи“ продолжаетъ Фукидида, начиная изложеніе съ 411 года, на которомъ остановился этотъ послѣдній. Будучи менѣе талантливымъ, менѣе образованнымъ и болѣе узкимъ по міросозерцанію, чѣмъ Фукидидъ, онъ слабѣе послѣдняго и въ области критики и въ области причиннаго истолкованія событій. Въ его сочиненіяхъ рѣзко пробиваются его политическія симпатіи. Въ значительной части своей „Греческой Исторіи“ и въ „Анабасисѣ“ онъ болѣе *мемуаристъ*, чѣмъ историкъ. Другимъ продолжателемъ Фукидида былъ *Теопомпъ* въ „Исторіи

Греци“ (тоже съ 411 г.); его „Филиппики“ давали очень подробный рассказ о событіяхъ эпохи Филиппа Македонскаго. И Теопомпъ тенденціозенъ: его аристократическія симпатіи были замѣтны въ его сочиненіяхъ. Къ сожалѣнію, послѣднія извѣстны намъ лишь въ отрывкахъ (недавно найденъ въ Египтѣ большой отрывокъ историческаго сочиненія, въ которомъ большинство изслѣдователей признаетъ часть „Греческой исторіи“ Теопомпа).

Эфоръ является первымъ греческимъ историкомъ, написавшимъ *общую исторію грековъ*; его сочиненіе оказало весьма сильное вліяніе на послѣдующую историографію, но, къ сожалѣнію, и отъ него имѣются лишь отрывки.

Особую группу среди историковъ этой эпохи представляютъ такъ наз. *аттидографы*,—составители Аттиды, т. е. хроникъ Аттики. Древнѣйшая Аттида, сколько намъ извѣстно, была составлена въ концѣ V в. до Р. X. логографомъ Гешланикомъ Лесбосскимъ. Этотъ родъ историческихъ произведеній получилъ особенное развитіе въ IV и III вѣкахъ (Андротіонъ, Филохоръ, Истръ и др.). Аттиды были, повидимому, расположены по годамъ (согласно списку архонтовъ) и содержали очень много свѣдѣній по исторіи аѣинскихъ учрежденій.

Очень видное мѣсто въ развитіи греческой исторической мысли, какъ и въ развитіи греческой науки вообще, занимаетъ *Аристотель*. Этотъ мыслитель, между прочимъ, задался цѣлью изучить типы существующихъ государственныхъ организацій и условія ихъ измѣненій. Партиійныя политическія построенія первой половины IV вѣка или утопіи въ духъ Платона его не удовлетворяли; онъ пожелалъ поставить науку о человѣческомъ обществѣ и государствѣ на болѣе эмпирическую почву. Для этой цѣли онъ собралъ свѣдѣнія не менѣе, чѣмъ о 158 греческихъ и отчасти варварскихъ государствахъ: это—такъ называемыя „Политіи“. Отъ нихъ дошли отрывки. Но одна „Политія“, а именно „Аѣинская“, т. е. сочиненіе „О государственномъ строѣ Аѣинъ“, около 25 лѣтъ тому назадъ открыта почти въ полномъ видѣ въ Египтѣ въ свиткахъ папируса и въ 1891г. опубликована Кевіономъ. Это въ высшей степени важный памятникъ для изученія исторіи Аѣинъ. Первая половина его представляетъ исторію аѣинскихъ государственныхъ учрежденій съ древнѣйшихъ временъ до возстановленія демократіи послѣ окончанія Пелопоннеской войны, а вторая—изображаетъ государственный строй Аѣинъ въ эпоху Аристотеля. Аристотель пользуется сочиненіями предшествующихъ историковъ (Геродота, Фукидида), включая аттидографовъ, и болѣе,

чѣмъ слѣдуетъ,—политическими памфлетами конца V и первой половины IV вѣка; кромѣ того, Аристотель пользуется археологическими памятниками и косвенными методами (напр., переживаниями). Употребляя съ извѣстными ограниченіями современный терминъ, можно сказать, что „Аѳинская политія“ Аристотеля—это первая исторія Аѳинъ съ соціологической точки зрѣнія.—Другой важный для историка трудъ Аристотеля—„Политика“. Это обобщеніе тѣхъ фактическихъ данныхъ, которыя собраны въ „Политіяхъ“. Здѣсь Аристотель выясняетъ понятіе о государствѣ, классифицируетъ государственныя формы, изслѣдуетъ условія ихъ измѣненій и строитъ въ значительной степени на эмпирическихъ основаніяхъ планъ идеальнаго государства. Помимо массы фактическаго матеріала, сочиненія Аристотеля сыграли важную роль въ дальнѣйшей историографіи, внося новые принципы въ изученіе измѣненій государственныхъ формъ (вліяніе Аристотеля замѣтно не только на его ближайшихъ ученикахъ, но и на позднѣйшихъ историкахъ, напр., Полибіи).

Эпоха Александра Македонскаго весьма расширила *этнографическій* кругозоръ грековъ. Если уже у Геродота и Эфора замѣтенъ интересъ къ негреческимъ народностямъ, если въ началѣ IV в. греческій врачъ при персидскомъ дворѣ *Итесій* пишетъ исторію Персіи, то тѣмъ болѣе растетъ этотъ интересъ послѣ походовъ Александра. Эти событія вызвали къ жизни богатую историческую литературу.

Періодъ послѣ Александра (эллинистическій) характеризуется пышнымъ расцвѣтомъ самыхъ разнообразныхъ отраслей научнаго знанія. Научнымъ центромъ дѣлается Александрія. Въ это время появляется рядъ *хронологическихъ работъ* (Димитрія Фалерскаго въ концѣ IV вѣка, Эратосѣена въ первой половинѣ III вѣка и др.).

Греческая историографія въ эллинистическій періодъ выходитъ, такимъ образомъ, изъ предѣловъ стараго греческаго міра. Въ частности, она пышно расцвѣтаетъ въ *Сициліи* (*Тимей* во 2-й половинѣ IV и первой половинѣ III в.).

Эта эпоха очень богата и *мемуарной* литературой: появляются мемуары царя Пирра, ахейскаго стратега Арата и др. Чрезвычайно богатая историческая литература III вѣка давала массу фактическаго матеріала, хронологически и литературно, почти беллетристически (напр., у Филарха, историка III в., описывавшаго современныя ему событія) обработаннаго, но особнно крупныхъ—съ точки зрѣнія развитія исторической мысли—произведеній въ III вѣкѣ не появлялось.

Такое произведеніе является во II в.; это—сочиненія *Полибія*, жившаго около 205—125 г. до Р. X. Изъ извѣстныхъ намъ греческихъ историковъ онъ ближе всѣхъ подходитъ къ Фукидиду. Замѣтно на немъ и вліяніе Аристотеля. Но тѣ методы критическаго отношенія къ матеріалу, какіе мы видимъ у Фукидида и въ меньшей степени у Аристотеля, тѣ приемы реконструкціи фактовъ прошлаго и ихъ причиннаго истолкованія, какіе были выработаны обоими этими писателями, — Полибіи примѣняли къ гораздо болѣе широкой темѣ, чѣмъ его предшественники: онъ поставилъ себѣ задачей написать исторію завоеванія побережья Средиземнаго моря римлянами, захватывая своимъ изложеніемъ (въ 40 книгахъ) событія съ I-й Пунической войны до покоренія Греціи и Карфагена римлянами. Это—строго прагматическое изложеніе, основанное на обширномъ—въ общемъ объективно представленномъ—матеріалѣ. Къ сожалѣнію, оно дошло до насъ лишь частично.

Греческая исторіографія послѣ Полибія развивается въ предѣлахъ Римскаго государства. Въ общемъ ея представители сохраняютъ широту географическаго и историческаго кругозора, отмѣчающую уже Полибія. Это вполне гармонируетъ съ тою историческою обстановкою, которая ихъ окружала: Римское государство поглощало въ себя все болѣе и болѣе народовъ, окружающихъ бассейнъ Средиземнаго моря; знакомство съ этими народами расширялось. Широту кругозора сохранили продолжатели Полибія: Посидоній (стоическій философъ, родившійся около 135 г.) и Страбонъ (географъ, современникъ Августа), доведшіе изложеніе всемірной исторіи (конечно, въ тогдашнемъ узкомъ смыслѣ слова), первый—до диктатуры Суллы, а второй—до 30 г. до Р. X. Универсальностью отличаются и менѣе даровитые всемірные историки I в. до Р. X. ¹⁾, ведшіе свое изложеніе съ древнѣйшихъ временъ,—*Николай Дамасскій* и *Диодоръ Сицилійскій*. Близко къ нимъ подходитъ и всемірный историкъ, жившій при Августѣ, *Трогъ Помпей*, писавшій на латинскомъ языкѣ и дошедшій до насъ въ сокращеніи *Юстина*.

Авторъ „Исторической бібліотеки“ (*Βιβλιοθήκη ἱστοριῶν*) *Диодоръ Сицилійскій* (I в. до Р. X.) давалъ бы намъ матеріалъ для всей греческой исторіи, но изъ 40 книгъ его произведенія до насъ дошли полностью лишь первыя 5 книгъ, содержащія исторію Востока и греческіе мифы, а затѣмъ книги 11—20, заключающія въ себѣ описаніе событій съ нашествія Ксеркса до ближайшихъ преемниковъ Александра Македонскаго.

¹⁾ Явившіеся въ значительной мѣрѣ компиляторами.

Отъ остальныхъ книгъ дошли лишь отрывки. Исторія Греціи у Діодора переплетается съ исторіей Рима (о значеніи Діодора, какъ источника для римской исторіи, см. въ моихъ „Лекціяхъ по римской исторіи“). Много мѣста отведено у Діодора исторіи Сициліи. Порядокъ изложенія у Діодора хронологическій (по олімпіадамъ, годамъ архонтовъ и консуловъ). Въ основѣ разсказа Діодора, поскольку рѣчь идетъ о греческой исторіи, лежитъ Эфоръ, но Діодоръ пользовался также Геродотомъ, Фукидидомъ и др.

Наконецъ, въ числѣ источниковъ, относящихся къ разнымъ періодамъ греческой исторіи, приходится назвать еще „Параллельныя жизнеописанія“ Плутарха. Плутархъ интересуется въ своихъ біографическихъ работахъ не столько точнымъ возстановленіемъ фактовъ прошлаго, сколько психологіей и моральной оцѣнкой своихъ героевъ. Онъ очень мало критиченъ, но за то даетъ очень много матеріала, почерпнутаго имъ изъ предшествующей греческой и латинской исторической литературы. Къ греческой исторіи относятся слѣдующія біографіи, написанныя Плутархомъ: біографіи Тесея, Ликурга, Солона, Аристиды, Фемистокла, Кимона, Перикла, Никія, Алкивіада, Лисандра, Агесилая, Діона (сиракузскаго государственнаго дѣятеля 4-го в. до Р. X.), Тимолеонта (тоже), Пелопида, Демосфена, Фокіона, Александра Великаго, Эвмена, Димитрія Полиоркета, Пирра, Агиса III, Клеомена III, Арата (стратега Ахейскаго союза III в. до Р. X.), Филопемена (стратега того же союза жившаго въ III—II в. до Р. X.).

Изъ болѣе поздней исторической литературы эпохи Римской имперіи слѣдуетъ отмѣтить *хронографы*. Этотъ родъ историческихъ произведеній начинаетъ развиваться съ III в. по Р. X., примыкая, впрочемъ къ работамъ такого же типа эллинистической эпохи (Эратосѣенъ и др.). Изъ хронографовъ эпохи Римской имперіи слѣдуетъ здѣсь отмѣтить *С. Юлія Африкана* (III в. по Р. X.) и церковнаго историка *Евсевія Кесарійскаго*, жившаго въ IV в. по Р. X.

Вотъ тѣ предварительныя свѣдѣнія, которыя я считаю нужнымъ сообщить въ началѣ курса изъ области *гевристики* греческой исторіи.

Теперь я скажу нѣсколько словъ объ интерпретаціи источниковъ, ихъ критикѣ и реконструкціи фактовъ прошлаго.

II. Филологъ Блассъ говоритъ объ интерпретаціи текстовъ со стороны языка (*sprachliche*), содержанія (*historische*) и формы (*technische*).

Послѣдній видъ интерпретаціи насъ не касается, потому что онъ относится къ области по преимуществу литературной и главнымъ образомъ къ художественнымъ произведеніямъ.

Что касается интерпретаціи по содержанію, то весьма важно отмѣтить въ текстѣ авторовъ субъективный и объективный моменты: толкуя автора, мы сначала должны уяснить себѣ, какъ онъ самъ представлялъ себѣ дѣйствительность, а затѣмъ, —какова была изображенная имъ дѣйствительность на самомъ дѣлѣ. Иногда дѣло еще болѣе осложняется: приходится различать искреннее мнѣніе автора относительно изображаемаго лица или обстоятельствъ отъ того, какое выражено въ его произведеніи. Цезарь—въ дѣйствительности, Цезарь—въ письмахъ Цицерона и Цезарь въ болѣе откровенныхъ письмахъ Цицерона къ Аттику рисуется весьма различно (примѣръ у Вlass'a).

III. Методы *критики* въ существѣ дѣла сводятся къ слѣдующему. Историкъ долженъ умѣть отличить *подлинныя* сочиненія отъ подложныхъ. Такъ, напр., Ксенофону приписывалось сочиненіе о государственномъ строѣ Аѳинъ (*Ἀθηναίων πολιτεία*); теперь доказано, что это сочиненіе принадлежитъ не Ксенофону, а одному или нѣсколькимъ неизвѣстнымъ авторамъ. Аристотелю приписывалось сочиненіе по экономическимъ вопросамъ (*Ὀικονομικά*); въ настоящее время доказано, что въ дошедшемъ до насъ видѣ оно не принадлежитъ Аристотелю. Доказана подложность нѣкоторыхъ діалоговъ Платона. Часто въ подлинныхъ сочиненіяхъ бываютъ позднѣйшія вставки (интерполяціи), сдѣланныя позднѣйшими редакторами или переписчиками, или чтобы пояснить мысль автора (при чемъ часто они при этомъ ее искажаютъ), или даже, чтобы ее исправить или дополнить (такія интерполяціи вскрыты, напр., въ *Ἀθηναίων πολιτεία* Аристотеля). Иногда, напротивъ, позднѣйшіе редакторы и переписчики выпускаютъ изъ текста мѣста сознательно или безсознательно. Иногда встрѣчаются безсознательныя повторенія со стороны автора, редактора или переписчика (дигмографія).

Опредѣливъ *подлинность* текста и его частей, равно какъ личность автора, необходимо опредѣлить *время и мѣсто появленія* даннаго произведенія. Опредѣленіе происхожденія даннаго памятника называется *внѣшней критикой*.

Затѣмъ слѣдуетъ *критика внутренняя*, т. е. опредѣленіе степени *достоверности* сообщаемыхъ въ произведеніи свѣдѣній. Нужно опредѣлить вліяніе въ этомъ отношеніи личности автора, той среды, къ которой онъ принадлежалъ и т. д. Въ

этой области руководящимъ методомъ является сопоставленіе между собой различныхъ источниковъ.

IV. *Методы реконструкціи.* Когда источники собраны (эвристика), истолкованы (интерпретація) и критически провѣрены (внѣшняя и внутренняя критика), историкъ можетъ приступить и къ самому возстановленію фактовъ прошлаго (реконструкція). Здѣсь сущность работы заключается въ соединеніи критически провѣренныхъ данныхъ, извлеченныхъ изъ различныхъ источниковъ, въ одну цѣльную картину. Но въ изученіи древнѣйшихъ эпохъ сплошь да рядомъ источники (особенно послѣ ихъ критической очистки) оказываются недостаточными. Тогда приходится прибѣгать къ болѣе сложнымъ методамъ, изъ которыхъ важнѣйшими являются: *методъ ретроспективный и методъ аналогій.* Первый состоитъ въ заключеніи отъ явленій позднѣйшихъ, болѣе извѣстныхъ эпохъ къ явленіямъ ранняго, менѣе извѣстнаго времени. Такимъ методомъ, напр., произведено изслѣдованіе Филиппи (Philippi) объ организаціи вѣйскаго гражданства (дѣленія по филамъ, фратріямъ и пр.): авторъ изучаетъ явленія болѣе поздняго времени и отсюда старается освѣтить скудный матеріалъ, относящійся къ предшествующимъ эпохамъ. *Методъ аналогій или сравнительный* основанъ на томъ соображеніи, что явленія въ жизни извѣстнаго общества, о которомъ имѣются скудныя свѣдѣнія, можно освѣтить путемъ наблюденій надъ явленіями въ жизни другого общества, которое находится или находилось въ подобныхъ же условіяхъ существованія и на томъ же уровнѣ развитія, какъ и первое, но о которомъ имѣется больше свѣдѣній, чѣмъ о первомъ. Этотъ методъ требуетъ большой осторожности въ пользованіи имъ: отмѣчая черты сходства между сравниваемыми обществами, не слѣдуетъ упускать изъ виду и чертъ различія. Неудачное примѣненіе метода аналогій привело, напр., Лавелю (Laveley) и др. къ тому, что они нашли у грековъ общинное землевладѣніе, между тѣмъ позднѣйшая критика (Ф. де-Куланжа, Пельмана и др.) показала ошибочность этого заключенія.

V. *Объяснительная исторія.* Въ началѣ своего развитія исторія довольствовалась простымъ рассказомъ о прошломъ (по Vernheim'у, „реферирующая“ исторія). Но позднѣе историки расширили свою задачу: къ *описательной* исторіи, съ методами которой мы познакомились выше, присоединилась *исторія объяснительная*, имѣющая цѣлью причинное объясненіе историческихъ событій. Первымъ шагомъ въ этомъ направленіи было появленіе *прагматической исторіи*, т. е. попытокъ вывести

факты послѣдующіе изъ отдѣльныхъ фактовъ предшествующихъ, причемъ историкъ пользовался гл. обр. психологическимъ методомъ (истолковывалъ мотивы дѣйствій историческихъ лицъ) и при этомъ преслѣдовалъ практическія цѣли: моральное или политическое поученіе. Послѣдняя ступень въ развитіи объяснительной исторіи—это появленіе *исторіи соціологической*, цѣль которой объяснить отдѣльные факты въ жизни общества не только изъ отдѣльныхъ предшествующихъ фактовъ, но и изъ общихъ соціологическихъ положеній (природа страны, ростъ народонаселенія, вліяніе сосѣдей, потребности индивидовъ, составляющихъ общество, и дѣятельность этихъ индивидовъ, направленная къ удовлетворенію ихъ потребностей, формы общественной организаціи, уровень знаній въ обществѣ, степень сознательнаго воздѣйствія общества на свою структуру). Зачатки соціологической исторіи можно найти еще въ древней исторіографіи (напр., у Фукидида, Аристотеля и Полибія), но на твердыя основы эта форма исторической науки начала становиться лишь въ послѣднія десятилѣтія XIX вѣка.

II. Новая исторіографія въ области греческой исторіи.

Мы познакомились съ общимъ характеромъ описательной и объяснительной исторіи и съ основными группами источниковъ для греческой исторіи. Теперь намъ нужно познакомиться съ тѣмъ, какъ обрабатывались эти источники въ новое время, какъ развивалась описательная и объяснительная исторія по отношенію къ изученію греческихъ обществъ въ новое время.

Исторіографія можетъ прогрессировать въ различныхъ направленіяхъ: 1) открываются дотолѣ неизвѣстные источники; 2) совершенствуются методы интерпретаціи, критики и реконструкціи источниковъ; 3) освѣщаются стороны жизни народовъ, на которыя прежде не обращалось вниманія; 4) объясненіе историческихъ событій дѣлается болѣе глубокимъ (переходъ отъ реферирущей исторіи къ прагматической и отъ прагматической къ соціологической).

Развивается историческая наука въ тѣсной связи съ жизнью. Можетъ быть, ни одна наука не отражаетъ на себѣ въ такой степени вліяніе жизни, какъ исторія. Вліяніе жизни на исторіографію сказывается какъ въ области описательной, такъ и въ области объяснительной исторіи. Чѣмъ больше прогрессируетъ

умственное развитіе общества вообще, тѣмъ тщательнѣе собираются и истолковываются источники, тѣмъ тоньше становится историческая критика, тѣмъ совершеннѣе дѣлаются методы реконструкціи. Усложненіе общественной жизни заставляетъ обратить вниманіе на тѣ стороны жизни, которыя по своей обыденности казались ранѣе не заслуживающими его: напр., экономическіе перевороты 19 вѣка обратили вниманіе историковъ на значеніе экономическаго фактора въ жизни общества, обострившаяся классовая борьба привлекла вниманіе къ соціальной исторіи. Экономическій факторъ дѣйствовалъ въ обществахъ съ тѣхъ поръ, какъ существуютъ человѣческія общества, но, пока жизнь подъ вліяніемъ этого фактора не подвергалась рѣзкимъ перемѣнамъ,—роль этого фактора мало замѣчалась: экономическая жизнь представлялась столь обыкновенной, что, казалось, въ исторіи не стоило о ней и говорить. Однако въ моментъ экономическихъ переворотовъ эта сторона общественной жизни показала свое значеніе, и съ тѣхъ поръ историки заговорили о ней.—Наконецъ, и глубина анализа историческихъ факторовъ нерѣдко получается въ результатъ размышленій надъ событіями текущей жизни. Задумываясь надъ событіями текущей жизни, историкъ усматриваетъ такую зависимость явленій, какой онъ прежде не замѣчалъ, и вотъ онъ ищетъ подобной же зависимости явленій и въ прошломъ (напр., когда вскрылось вліяніе современнаго экономическаго строя на политическія событія, стали спрашивать: да не было ли такой зависимости и въ прошломъ).

Въ средніе вѣка интересъ къ греческой исторіи на Западѣ Европы почти исчезаетъ. Даже въ Византіи, гдѣ работа въ области древней исторіи продолжалась, интересъ сосредоточивался болѣе на исторіи Римскаго государства, близкаго византійцамъ по его непосредственной исторической связи съ ихъ государствомъ. Таковы, напр., хроника *Георгія Синкелла* IX в. по Р. Х., очеркъ всемірной исторіи *Зонары* (XII в.) и многіе другіе труды. Зато много цѣннаго матеріала по исторіи Греціи содержатъ, съ одной стороны, справочные словари византійскаго времени (труды такъ называемыхъ *лексикографовъ*, напримѣръ, словари патріарха *Фотія* (IX в.), *Свиды* (X в.) и др.), съ другой—сборники извлеченій изъ древнихъ писателей, при чемъ и изъ такихъ, которые до насъ не дошли; такова такъ называемая „Библиотека“ патріарха Фотія, гдѣ сохранились извлеченія изъ утраченныхъ книгъ Ктесія, Діодора Сицилійскаго и многихъ другихъ; такова энциклопедія, составленная въ X в. по повелѣнію императора Константина VII Порфиророднаго (здѣсь отрывки изъ Полибія, Діодора и др.) и проч.

Работа надъ возстановленіемъ фактовъ греческой исторіи возобновилась съ эпохи возрожденія, когда въ виду измѣнившихся экономическихъ, соціальныхъ и политическихъ условій жизни въ западно-европейскомъ обществѣ появились новыя интеллектуальныя потребности. Въ средѣ высшихъ классовъ части дворянъ и горожанъ, имѣвшихъ много досуга, проявляются интересы высшаго порядка. Эти классы не были всецѣло поглощены борьбой за существованіе, и у нихъ явилась возможность удовлетворять высшія духовныя потребности. Такъ какъ средне-вѣковая наука не удовлетворяла этихъ новыхъ потребностей, то интеллигентное общество обратилось къ древней классической литературѣ. Начинается изученіе древнихъ авторовъ.

Развитіе современной науки почти во всѣхъ ея областяхъ ведетъ свое начало отъ эпохи возрожденія. Наша наука—исторія—тоже стала развиваться съ того же времени. Развитие новѣйшей историографіи въ области греческой исторіи можно раздѣлить на 3 *періода*: 1) съ эпохи возрожденія до второй половины XVIII вѣка, 2) со 2-ой половины XVIII вѣка до 80-хъ годовъ XIX вѣка, 3) съ 80-хъ г. XIX в. до нашего времени.

Гуманисты въ области древней исторіи ограничивались пересказомъ въ болѣе или менѣе художественной формѣ того матеріала, который давали произведенія древнихъ авторовъ. Начиная съ Петрарки и до половины XVIII в. господствуетъ узко-филологическое направленіе. Исторія носитъ чисто-описательный характеръ. Дальше интерпретаціи памятниковъ исторіи не идутъ, ограничиваясь филологическимъ ихъ толкованіемъ и пересказомъ. Какъ явленіе очень характерное для той эпохи, слѣдуетъ отмѣтить крайнюю идеализацію классической древности. Типичнымъ для этого времени является громадное собраніе сочиненій разныхъ авторовъ XVI и XVII вѣковъ, сдѣланное филологомъ Гроновіемъ (Gronovius) въ 13 томахъ, изъ которыхъ каждый даже трудно поднять. Называется этотъ трудъ *Thesaurus graecarum antiquitatum*. Полное заглавіе занимаетъ всю первую страницу. Оно читается такъ: „Сокровище греческихъ древностей. Здѣсь содержатся изображенія знаменитыхъ мужей и жёнъ, о коихъ есть какое-либо упоминаніе въ греческихъ и латинскихъ памятникахъ, въ какой бы мѣстности міра они ни заслужили себѣ память будь то за исторію, будь то за подвиги, будь то за изобрѣтенія или потому, что дали свои имена мѣстностямъ; точно также здѣсь содержатся достопримѣчательности различныхъ странъ,

кои упоминаются у древнихъ или высѣчены на камняхъ или мѣди. Все это извлечено изъ достовѣрныхъ документовъ и расположено въ хронологическомъ порядкѣ съ присоединеніемъ краткаго описанія всѣхъ отдѣльныхъ достопримѣчательностей, кои можно познать и изучить по отношенію къ жизни или свойствамъ лицъ. Причемъ по разнымъ случаямъ перечисляются и объясняются монеты, камни, надписи, а также мѣста авторовъ“. Этотъ трудъ появился въ свѣтъ въ 1697—1702 г. Здѣсь пересказывается матеріалъ, извлеченный преимущественно изъ древнихъ авторовъ, почти безъ критической провѣрки. Такова, напримѣръ, вошедшая въ это собраніе работа *Уббо Эммія*, представляющая изъ себя очеркъ греческой исторіи. Сначала авторъ рассказываетъ здѣсь мифы, затѣмъ пересказываетъ Геродота, Фукидида и Ксенофонта,—одного за другимъ. Такимъ образомъ первый періодъ исторіографіи характеризуется *узко-филологическимъ* направленіемъ при отсутствіи исторической критики. Другая черта въ произведеніяхъ гуманистовъ—*идеализація древности*. Древніе греки и римляне въ ихъ изображеніи не простые люди, а герои. Это преклоненіе передъ древностью замѣтно на каждой страницѣ трудовъ гуманистовъ. Въ своей идеализаціи нѣкоторые гуманисты проявляли даже наивность. Такъ, напр., Чиріако Анконскій (см. выше стр. 9), отправляясь на востокъ, возносилъ молитвы о благополучномъ возвращеніи Меркурію. Петрарка цѣловалъ рукопись Гомера, не будучи въ состояніи ея прочитать, такъ какъ не зналъ греческаго языка. Особое положеніе въ этомъ періодѣ исторіографіи занимаетъ *Скалигеръ* (Scaliger, 1540—1609), своими хронологическими изысканіями установившій хронологическую канву греческой исторіи.

Съ послѣднихъ десятилѣтій XVIII вѣка начинается новый періодъ въ исторіографіи древней Греціи. Извѣстную роль въ этомъ отношеніи сыграли событія французской революціи, какъ извѣстно, вообще поднявшія въ Европѣ интересъ къ изученію прошлаго; это, конечно, отразилось и на изученіи древней исторіи. Основными особенностями второго періода новой исторіографіи въ области греческой исторіи можно считать:

1) *Увеличеніе матеріала источниковъ*, 2) развитіе *критическаго* отношенія къ этому матеріалу, 3) *прагматическое* направленіе (послѣдованіе причинной связи событій) и 4) сравнительно большій *реализмъ* въ изображеніи античнаго міра (хотя идеализація классическаго міра встрѣчается еще во многихъ трудахъ).

1) Только въ этотъ періодъ столь важный историческій источникъ, какъ надписи, стали эксплуатироваться въ полной степени: началось систематическое разыскиваніе греческихъ надписей, ихъ систематическое истолкованіе и изданіе (появленіе собранія греческихъ надписей: „Corpus Inscriptionum Graecarum“, изданнаго Берлинской Академіей Наукъ, главнымъ образомъ, по почину *Бёка* (Böckh), который далъ и однѣ изъ первыхъ систематическихъ работъ по экономической исторіи древности, написанную преимущественно на основаніи надписей: „Государственное хозяйство афинянъ“, 1817). 2) Не меньшее значеніе имѣетъ то обстоятельство, что въ этотъ періодъ греческой историографіи источники начинаютъ подвергаться строгой критикѣ для опредѣленія степени ихъ достовѣрности; появляется множество работъ, стремящихся опредѣлить первоисточники (часто не сохранившіеся) дошедшихъ до насъ древнихъ писателей; тщательно собираются фрагменты сочиненій писателей, которые полностью до насъ не дошли („Fragmenta historiarum graecorum“ *Мюллера*); возстаивается въ главныхъ чертахъ литературная и научная фізіономія историковъ, какъ дошедшихъ до насъ, такъ даже и тѣхъ, отъ сочиненій которыхъ сохранились только отрывки. Въ развитіи исторической критики отправными точками послужило появленіе такихъ работъ, какъ изслѣдованіе о происхожденіи гомеровскихъ поэмъ *Вольфа* (Prolegomena ad Homerum“ 1795 г.) и работы въ области древней (главнымъ образомъ, римской) исторіи *Г. Б. Нибура*; методы, установленныя Нибуромъ для римской исторіи, не могли не отразиться и на изученіи исторіи греческой. 3) Въ связи съ общимъ характеромъ историографіи XIX вѣка и въ области греческой исторіи усматривается стремленіе, не ограничиваясь простымъ описаніемъ прошлаго, по возможности найти причинное соотношеніе событій, другими словами, вносится *прагматическая* точка зрѣнія въ историческое изложеніе въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ прежде. Привлеченіе болѣе широкаго матеріала источниковъ, болѣе критическое отношеніе къ нимъ, сравнительно большее вниманіе изслѣдователей къ явленіямъ социальной и экономической жизни грековъ, въ связи съ общимъ болѣе реальнымъ характеромъ міросозерцанія европейскихъ обществъ второй половины XIX вѣка (развитіе естественныхъ наукъ),—все это повело къ тому, что прежняя идеализація классической старины постепенно стала уступать мѣсто *реализму* въ изображеніи ея: въ трудахъ этого времени освѣщаются реально мотивы, направлявшіе политическія партіи и

ихъ вождей, вызывавшіе столкновения государствъ и т. п. Однако, все еще преобладаетъ интересъ къ политической и культурной исторіи, явленія же экономическія и соціальныя мало изучаются.

Изъ отдѣльныхъ историковъ этого времени назову слѣдующихъ.

Въ началѣ этого періода мы встрѣчаемъ три выдающихся имени: во-первыхъ, имя *Винкельмана* (Winkelmann), главное сочиненіе котораго „Geschichte der Kunst des Altertums (1764 г.) относится въ сущности къ области греческаго искусства, но имѣетъ значеніе для исторіи Греціи вообще. Онъ далъ первую исторію древняго искусства и указалъ на связь его съ общимъ состояніемъ культуры. Онъ непосредственно изучилъ вещественныя памятники и своимъ трудомъ—результатомъ этого изученія—пробудилъ интересъ къ классической старинѣ.

Вольфъ—авторъ „Пролегомень къ Гомеру“—критически отнесся къ Гомеру и показалъ, что его поэмы сложились изъ отдѣльныхъ пѣсенъ. Хотя эта идея высказывалась и раньше, но не проявила широко своего вліянія. Теперь же произведеніе Вольфа вызвало переворотъ въ историографіи, пробудивъ критическое отношеніе не только къ Гомеру, но и къ другимъ источникамъ.

Третье имя, съ которымъ мы встрѣчаемся при изученіи начала 2-го періода историографіи,—это вышеупомянутый *Аегустъ Бѣкъ* (Böckh), ученикъ Вольфа.

Труды *Карла Отфрида Мюллера*—ученика Бѣка—стоятъ въ тѣсной связи съ новыми успѣхами историографіи въ началѣ XIX вѣка.

Въ XVIII в. мы видимъ въ дѣятельности нѣкоторыхъ представителей просвѣщеннаго абсолютизма, главнымъ же образомъ въ эпоху французской революціи попытки пересоздать общественный строй на началахъ разума. Неудача этихъ попытокъ привела къ разочарованію. Появилось сознание, что въ народной жизни есть элементъ, дѣйствіе котораго нельзя устранить, реформируя жизнь на чисто-раціоналистическихъ началахъ. Это—сила инерціи. Она коренится въ народной психологіи, въ „народномъ духѣ“. И поэтому-то сразу передѣлать общество нельзя. Создалось ученіе о томъ, что каждый народъ имѣетъ свой „народный духъ“, опредѣляющій исторію даннаго народа. Такая идея господствуетъ у многихъ представителей историографіи начала 19 вѣка. Она отразилась въ философіи исторіи Гегеля и нѣкоторыхъ его послѣдователей.

Въ связи съ этимъ ученіемъ о „народномъ духѣ“, который опредѣляетъ исторію даннаго народа, стоитъ новое направленіе въ историографіи. Представители этого направленія полагали, что народный духъ опредѣляетъ исторію, но не порождается ею. Новое направленіе отличается консервативнымъ характеромъ, стоящимъ въ связи съ разочарованіемъ въ революціонныхъ идеяхъ. Оно сыграло видную роль въ развитіи исторической науки, заставивъ обратить вниманіе на жизнь широкихъ народныхъ массъ, въ частности на повѣю и религію. Представителемъ этого направленія въ греческой историографіи былъ *Карль Отфридъ Мюллеръ*. Его сочиненіе: *Исторія эллинскихъ племенъ и городовъ* имѣло цѣлью выяснить особенности каждаго греческаго племени. Но Мюллеръ успѣлъ издать лишь два тома, посвященные минійцамъ и до-рианамъ. Это сочиненіе теперь устарѣло, но въ свое время ставило обратить вниманіе на внутреннюю жизнь націй, преимущественно на духовную жизнь широкихъ народныхъ массъ.

Теперь обратимся къ представителямъ греческой историографіи въ *Англіи*.

Въ Англіи общественная жизнь уже въ XVIII вѣкѣ была очень развита, по крайней мѣрѣ, такъ обстояло дѣло въ отношеніи высшихъ слоевъ населенія. Англійское общество сроднилось съ парламентомъ, и участіе общества въ политической жизни страны сразу отражается на англійской историографіи. Здѣсь все время чувствуется живая политическая мысль, чего вовсе незамѣтно въ германской историографіи конца XVIII и первой половины XIX в., ибо въ Германіи политическое сознаніе общества въ это время только зарождалось. Это и положительная и отрицательная сторона англійской историографіи.

Первое научное сочиненіе по исторіи Греціи, появившееся въ Англіи, это сочиненіе *Митфорда* (1784—94). Оно вышло во время французской революціи. Значительная часть англійскаго общества отнеслась къ революціи отрицательно. Въ этомъ отношеніи сыграла роль, прежде всего, исторически сложившаяся къ тому времени вражда Англіи къ Франціи. Самый характеръ революціи не гармонировалъ даже съ настроеніемъ англійскихъ либераловъ. Стремленіе къ ломкѣ стараго порядка казалось значительной части англійскаго общества фантастическимъ. Тѣмъ болѣе отрицательнымъ было къ ней отношеніе англійскихъ консерваторовъ. Митфордъ былъ консерваторъ (тори) и очень критически относился къ событіямъ во Франціи, что и отражается на его исторіи Греціи. Онъ—сторонникъ Спарты и высту-

пасть противъ демократизма. Онъ собралъ много источниковъ, былъ знаткомъ ихъ и вліяніе его сказалось на постѣдующихъ историческихъ работахъ, но обработанъ у него матеріалъ тенденціозно. Однако сочиненіе это было написано блестяще. Джонъ Стюартъ Милль, несмотря на свой радикализмъ, такъ изображаетъ впечатлѣніе, произведенное на него сочиненіемъ Митфорда, когда онъ читалъ его въ ранней юности. „Не отрываясь, я прочелъ „Грецію“ Митфорда. Отецъ, предостерегая меня отъ аристократическихъ предразсудковъ этого писателя, обращалъ мое вниманіе на то, что Митфордъ подбираетъ факты для того, чтобы оправдать тиранновъ и очернить народныя учрежденія. Отецъ разбиралъ трактуемые вопросы, объясняя ихъ примѣрами изъ греческихъ ораторовъ и историковъ. Онъ такъ удачно выполнилъ это, что при чтеніи Митфорда мои симпатіи невольно становились въ разрѣзъ съ симпатіями автора и я могъ до известной степени съ нимъ не соглашаться. Этотъ антагонизмъ не уменьшалъ однако удовольствія, съ которымъ я постоянно приступалъ къ чтенію книги“.

Съ 30-хъ гг. 19 в. въ Англіи произошла реакція по отношенію ко взглядамъ Митфорда. *Терлуолъ* (Thirlwall, History of Greece, 1835—38 гг.) относится иначе къ политическому развитію Греціи. Онъ — демократъ. Большинство англійскихъ историковъ принимало активное участіе въ политической жизни страны, и рѣдкіе изъ нихъ могли отрѣшиться отъ внесенія своихъ политическихъ убѣжденій въ историческій трудъ. Они пользовались фактами политической исторіи Греціи для освѣщенія вопросовъ современности.

Работу Thirlwall'я затмило сочиненіе *Джорджа Грота* — „Исторія Греціи“ (History of Greece), вышедшее въ 1846—1856 гг. Обстоятельства жизни въ высшей степени помогли Гроту освѣтить греческую исторію лучше, чѣмъ то могли сдѣлать его предшественники. Онъ тоже былъ хорошо знакомъ съ классиками: уже въ молодости онъ читалъ ихъ въ подлинникѣ. Но личная жизнь его сложилась такъ, что онъ оказался въ состояніи особенно хорошо разбираться въ явленіяхъ политической жизни. По профессіи онъ былъ банкиромъ (въ Англіи нерѣдкое явленіе — ученые въ средѣ практическихъ дѣятелей). Дж. Гротъ принималъ непосредственное участіе въ политической жизни, стоя на лѣвомъ флангѣ либеральной партіи. Это близкое знакомство съ экономической и политической жизнью сослужило ему полезную службу. Знакомство съ порядками парламентской жизни способствовало гораздо болѣе глубокому пониманію греческой исторіи,

чѣмъ это было возможно для его предшественниковъ. Занятія въ области банковаго дѣла давали Гроту реальное представленіе о явленіяхъ экономическихъ.

Кромѣ того, положительной чертой въ трудѣ Грота является его прекрасное знакомство съ значительной частью новѣйшей исторіографіи.

Гротъ прежде всего критиченъ, особенно по отношенію къ древнѣйшему періоду греческой исторіи. Миѣны онъ излагаетъ, но не стремится извлечь изъ нихъ фактической основы въ виду безнадежности такихъ попытокъ. Въ предисловіи къ 1-му тому онъ по этому поводу говоритъ: „Если меня спросятъ, почему я не поднялъ завѣсы, за которой скрывается картина, то я отвѣчу словами живописца Зевксиса, который на подобный же вопросъ, обращенный къ нему по поводу его превосходной картины сказалъ: Да вѣдь этотъ занавѣсъ и есть сама картина“. Этимъ Гротъ хочетъ сказать, что для историка интереснѣе самый миѣтъ, какъ выраженіе народнаго міросозерцанія извѣстной эпохи, извлечь же изъ него историческій матеріалъ онъ считаетъ невозможнымъ. Критически относится онъ и къ матеріалу, сообщаемому источниками также о другихъ періодахъ.

Таковы достоинства Грота въ области описательной исторіи.

Въ области объяснительной исторіи нужно считаться съ тѣмъ, что, ближе стоя къ политической жизни, Гротъ изображаетъ вполне реально и политическую жизнь Греціи. Детальное и реальное изображеніе политической жизни Греціи—главное достоинство „Исторіи Греціи“ Грота.

Но при всѣхъ крупныхъ достоинствахъ и преимуществахъ трудъ Грота страдаетъ и цѣлымъ рядомъ недостатковъ. Онъ не удержался отъ идеализаціи Греціи. Правда, греки у него реальны, но онъ идеализируетъ аѣинскую демократію. Онъ является какъ бы апологетомъ ея, защищая ее отъ нападокъ Митфорда и другихъ. Несмотря на свой радикализмъ, Дж. Гротъ—типичный англійскій либераль своего времени. Онъ полагаетъ, что достаточно создать либеральныя учрежденія,—и социальныя бѣды будутъ устранены. Поэтому онъ какъ бы не замѣчаетъ, что въ аѣинской демократіи были рѣзкія классовыя противоположности, была борьба, угнетеніе. Пѣльманъ съ этой точки зрѣнія строго критикуетъ „Исторію“ Грота, но для времени Грота положительная сторона его труда, безъ сомнѣнія, преобладала. Онъ наложилъ отпечатокъ на всѣ послѣдующія поколѣнія историковъ Греціи. Трудъ его очень детальный: онъ

написалъ 12 томовъ, при чемъ охватилъ лишь время до Александра Великаго включительно. Эпоху послѣ Александра Гротъ находилъ менѣе достойной изученія.

Въ Германіи въ ближайшее десятилѣтіе послѣ Грота явилась „Греческая Исторія“ *Эрнста Курціуса* (1814—1896). Она вышла въ свѣтъ въ 1857—67 гг. Авторъ является ученикомъ и продолжателемъ К. О. Мюллера. Курціусъ выпустилъ свою „Исторію Греціи“ послѣ Грота и стоитъ на другой точкѣ зрѣнія. Въ критикѣ онъ слабѣе Грота, легковѣрнѣе своего предшественника. Онъ пытается возстановить факты по легендамъ, потому то его построенія часто рушатся, но зато у него рядъ достоинствъ въ описательной исторіи. Курціусъ большой знатокъ природы Греціи, поэтому данную сторону онъ освѣщаетъ полнѣе, чѣмъ другіе. Курціусу принадлежитъ особое сочиненіе о Пелопоннесѣ, основанное на личномъ изученіи его природы.

Если перейдемъ къ области истолкованія фактовъ, то и здѣсь приходится отмѣтить, какъ отрицательныя, такъ и положительныя стороны. Въ области истолкованія политической жизни Курціусъ ниже Грота, но зато онъ хорошо изображаетъ культурную жизнь. Эти части его труда не устарѣли до сихъ поръ (такъ, напр., глава о вѣкѣ Перикла въ изображеніи Курціуса до сихъ поръ въ общемъ сохраняетъ свою цѣнность).

Наконецъ, однимъ изъ видныхъ представителей греческой исторіографіи 2-го періода является *Максъ Дункеръ* (1811—1886), написавшій „Исторію древности“ (Geschichte des Altertums) въ девяти томахъ (вышла въ періодъ отъ 1852—1886 гг.). Его сочиненіе по задачѣ шире работъ его предшественниковъ. Первые 4 тома посвящены исторіи Востока, послѣдніе пять—исторіи Греціи до Пелопоннесской войны. Главная заслуга Дункера—наиболѣе полное собраніе матеріала. Даже Гротъ не собралъ столько матеріала, какъ Дункеръ, хотя Низе указываетъ въ своей статьѣ, что Дункеръ часто заботится болѣе о количествѣ матеріала, нежели о качествахъ: онъ не всегда критиченъ. Дункеръ ставитъ въ связь факты греческой исторіи съ исторіей Востока. До него никто не дѣлалъ этого такъ полно.

Третій и послѣдній періодъ греческой исторіографіи, начало которому можно вести съ 80-хъ годовъ, характеризуется: 1) дальнѣйшимъ расширеніемъ матеріала источниковъ, 2) господствомъ исторической *критики*, для развитія которой много уже было сдѣлано въ предшествующій періодъ, 3) расширеніемъ кругозора историковъ, 4) укрѣпленіемъ *реализма* и полнымъ

устраненіємъ идеалізаціи въ изображеніи древне-греческой жизни.

1) Въ этомъ періодѣ производятся систематическія раскопки въ различныхъ областяхъ греческаго міра: въ европейской Греціи, на островахъ Архипелага и Адриатики, въ М. Азіи, въ Южной Италіи и проч. Раскопки *Шлимана*, производившіяся на рубежѣ двухъ періодовъ исторіографіи въ 70-хъ и 80-хъ годахъ прошлаго вѣка, открыли цѣлый новый циклъ ранней греческой исторіи, о существованіи котораго прежде можно было только подозрѣвать на основаніи гомеровскихъ поэмъ. Дополненіемъ къ этимъ даннымъ послужили раскопки, ведшіяся уже въ началѣ 20-го вѣка англичанами и итальянцами на *Критѣ*. Почти всѣ культурныя націи производили въ послѣдніи десятилѣтія раскопки въ различныхъ мѣстахъ греческаго міра: нѣмцы (Олимпія, Пергамъ и проч.), французы (Дельфы, о. Делось), австрійцы (Эфесъ и др. мѣстности М. Азіи), итальянцы (Критъ), англичане (о. Мелось, Критъ и проч.), русскіе (греческія колоніи въ южной Россіи), американцы, греки. Раскопки дали обширный археологическій матеріалъ и множество цѣнныхъ надписей. Для изученія эллинистическаго періода громадное значеніе имѣли раскопки въ Египтѣ, производившіяся преимущественно англичанами (особенно *Гренфеллемъ* и *Хентомъ*), а также нѣмцами и французами. Эти раскопки дали множество греческихъ *папирусовъ*, освѣщающихъ исторію эллинистическаго государства Птолемеевъ, создававшихся въ Египтѣ, и, кромѣ того, предоставившихъ ученому міру рядъ произведеній древне-греческой литературы, которыя до того времени были утрачены („Афинская политія“ *Аристотеля*).

2) Работа надъ анализомъ источниковъ продолжается и въ этотъ періодъ, переходя иногда въ чрезмѣрный скептицизмъ (Белохъ), но по большей части не идя далѣе здороваго *критицизма*.

3 и 4) Но, что особенно важно, то это—необыкновенное расширеніе кругозора историковъ и связанное съ этимъ укрѣпленіе реализма. Кругозоръ расширяется въ разныхъ направленіяхъ: а) въ трудахъ по исторіи Греціи все болѣе замѣтна *обще-историческая точка зрѣнія*: исторія Греціи разсматривается не изолированно, а въ тѣсной связи съ исторіей остальнаго древняго міра, особенно въ связи съ древнимъ Востокомъ (во 2-мъ періодѣ труды, трактовавшіе исторію Греціи съ этой точки зрѣнія, напр., трудъ Дункера, были исключеніемъ); кромѣ того, для пониманія явленій греческой

исторіи большую роль начинаетъ играть сопоставленіе явленій греческой исторіи съ явленіями исторіи средневѣковой и ранней новой; б) расширяется кругозоръ историковъ и въ *этнографическомъ* отношеніи: все болѣе начинаютъ изучать исторію второстепенныхъ греческихъ племенъ, не сосредоточиваясь исключительно на исторіи крупныхъ государствъ (Аѳинъ, Спарты).

в) Важное явленіе въ исторіографіи послѣдняго времени— это *хронологическое расширение* сферы изучаемыхъ фактовъ греческой исторіи.

До 3-го періода большинство историковъ Греціи интересовалось исторіей этой страны лишь до Александра Великаго. Этотъ взглядъ выразилъ Гротъ въ предисловіи къ своей „Исторіи Греціи“. „Послѣ Александра, говоритъ Гротъ, политическая жизнь Греціи становится уже и ничтожною; она теряетъ интересъ для читателя и болѣе не вліяетъ на судьбы міра. Въ самомъ дѣлѣ мы можемъ указать лишь два или три событія, въ частности революціи Агиса и Клеомена въ Спартѣ, которыя являются одновременно и поучительными и трогательными; но въ цѣломъ періодъ, простирающійся съ 300 г. до Р. X. до покоренія Греціи Римомъ, не представляетъ самъ по себѣ никакого интереса и имѣетъ цѣну лишь постольку, поскольку помогаетъ намъ понять предшествующіе вѣка. А помимо этого среди грековъ этой эпохи имѣютъ значеніе лишь отдѣльныя личности, выступавшія въ качествѣ философовъ, учителей, астрономовъ и математиковъ, литераторовъ и критиковъ, медиковъ-практиковъ и т. п. Во всѣхъ этихъ почетныхъ сферахъ дѣятельности, особенно въ великихъ философскихъ школахъ греки являются еще свѣточами римскаго міра. Однако, какъ общества, греки утратили самостоятельную орбиту и превратились въ спутниковъ своихъ могущественныхъ сосѣдей“.

Такова точка зрѣнія Грота. Она рѣшительно не вѣрна. Историкъ долженъ изучать общество на всемъ протяженіи его эволюціи, и чѣмъ поляе будетъ изученіе, тѣмъ больше будетъ матеріала для соціологическихъ заключеній. Съ этой точки зрѣнія важно не только общество вліятельное, но и общество малозначительное. Кромѣ того, эллинистическій періодъ важенъ и съ всемірно-исторической точки зрѣнія: это періодъ формировавія большихъ государствъ, изъ которыхъ позднѣе создалась Римская имперія и учрежденія которыхъ могущественно повліяли на строй имперіи; въ этотъ періодъ изъ смѣшенія греческой культуры и культуръ восточныхъ образовалась новая

эллинистическая культура, характеризующаясь пышным развитием науки и появлением новых форм в искусстве; эта культура легла в основу и культуры римской.

Правда, еще во втором периоде *Дройзенъ* в своей „Истории Эллинизма“, вышедшей в 30-х гг. XIX в. и переизданной в 1877—78 гг., дал очерк истории Греции после Македонского периода; но его работа посвящена исключительно политической истории, изслѣдованію экономической, социальной и культурной жизни онъ почти не отводитъ мѣста.

Въ 3-мъ периодѣ является цѣлый рядъ историковъ эллинистическаго периода. Этому способствовало, между прочимъ, открытіе множества греческихъ папирусовъ. *Магаффи* (Mahaffy), профессоръ въ Дублинѣ, написалъ два сочиненія по исторіи Птоломеевъ, гдѣ онъ касается преимущественно политической исторіи; въ другихъ своихъ сочиненіяхъ („Греческая жизнь и мысль со времени Александра до римскаго завоеванія“; „Серебряный вѣкъ греческаго міра“; „Прогрессъ эллинизма“) Магаффи освѣщаетъ и культурную жизнь Греціи. Освѣщаютъ культурную сторону жизни эллинистическаго Востока и другіе историки. Во Франціи *Буше-Леклеркъ* (Bouché-Leclercq) издалъ 4-хъ-томное сочиненіе по исторіи Птоломеевъ (Histoire des Lagides, 1903—1907). Въ Германіи „Греческая Исторія (Griechische Geschichte, 1886—94) *Гольма* (Holm) охватываетъ и исторію эллинистическаго периода, доводя изложеніе до битвы при Акціумѣ. *Керстъ* (Kaerst) издалъ 1-й томъ „Истории эллинистическаго периода“ (эпоха Александра В.).

Ю. Белохъ—профессоръ Римскаго университета—довелъ свою „Griechische Geschichte“ въ третьемъ томѣ до начала столкновеній съ римлянами (конецъ III в. до Р. X.).

Такимъ образомъ, явился цѣлый рядъ историковъ эллинистическаго периода. Теперь мы знакомимся съ исторіей греческихъ обществъ въ полномъ видѣ, а ранѣе изученіе прекращали въ то время, когда эллины переходили на дальѣйшую ступень развитія.

г) Наконецъ, расширеніе кругозора историковъ произошло и въ сферѣ *соціологической*: прежде историки занимались преимущественно политической исторіей, теперь они равномерно освѣщаютъ всѣ стороны жизни. Изучена *природа Греціи*; изучено вліяніе этого фактора на исторію древней Греціи. Въ 3-мъ периодѣ выдающимися изслѣдователями въ этой области являются *Нейманъ* и *Парчъ* (Neumann und Partsch), занимавшіеся изученіемъ физической географіи Греціи и вліянія природы на

эволюцію греческихъ обществъ. Здѣсь собранъ богатый метеорологическій матеріалъ, обращено вниманіе на то, какъ измѣнилась природа Греціи сравнительно съ древностью, какъ вліяла природа на исторію. Это—лучшее, что было написано о вліяніи природы Греціи на исторію грековъ. Въ этой же области работалъ *Филлипсонъ* (Philippson, Das Mittelmeergebiet, 1904; есть рус. пер.). Въ 1913 г. явилось въ свѣтъ произведеніе *Понтена* (Ponten), посвященное тоже природѣ Греціи, превосходно иллюстрированное (Die griechischen Landschaften).

Изучалась статистика *народонаселенія* Греціи, движеніе его; этими вопросами занялся *Белохъ*. Онъ собралъ всѣ мельчайшія данныя о количествѣ населенія греческихъ государствъ въ разное время. (Die Bevölkerung der griechisch-römischen Welt, 1886). Иногда въ своихъ методахъ онъ чрезвычайно остроуменъ. Напримѣръ, ему извѣстно количество потребляемаго хлѣба въ данной области. Белохъ беретъ это количество, дѣлитъ на цифру хлѣба, потребляемаго въ среднемъ индивидуумомъ, и получаетъ такимъ образомъ приблизительную цифру населенія. Или, напримѣръ, намъ извѣстенъ характеръ природы страны, степень культуры; отсюда Белохъ дѣлаетъ заключеніе о степени густоты населенія данной области. Однимъ словомъ, это сочиненіе Белоха дѣлаетъ эпоху въ исторіографіи Греціи.

Рядъ поправокъ къ вычисленіямъ Белоха внесъ *Эдуардъ Мейеръ* (его статья въ Forschungen zur alten Geschichte и въ 3-мъ изданіи словаря Handwörterbuch der Staatswissenschaften подъ словомъ Bevölkerung).

Въ настоящее время тщательно изучается также *вліяніе культурныхъ сосѣдей* Греціи, особенно народовъ Востока.

Цѣлый рядъ сочиненій посвященъ *экономической исторіи* Греціи, какъ, напримѣръ, работы *Гиро*: (Guiraud) „Исторія земельной собственности въ Греціи“, „Исторія промышленности въ Греціи“. Сюда относится трудъ *Франкотта* (Francotte) о греческой промышленности. Изучается греческое право (Beauchet „Исторія гражданскаго права въ Афинахъ“). Соціальной борьбѣ въ Греціи посвящено сочиненіе *Пельмана*: „Исторія античнаго коммунизма и социализма“ (нов. изд.: „Исторія социальнаго вопроса въ древности“) и сборникъ аналогичныхъ статей подъ заглавіемъ: „Aus Altertum und Gegenwart.“

Что касается исторіи культуры, то имѣется множество сочиненій по исторіи религіи (капитальное сочиненіе Rohde: Psyche), литературы, философіи (Целлеръ, Виндельбандъ). Такимъ образомъ, всѣ стороны жизни древней Греціи затронуты и освѣщены.

Французскій историкъ *Ф. де Кулянжъ* (Fustel de Coulanges), извѣстный своими превосходными изслѣдованіями по исторіи ранняго средневѣковья, еще въ 1864 г. издалъ сочиненіе (*La cité antique*, перев. по русски: „Гражданская община древняго міра“), въ которомъ выяснилъ, какую тѣсную связь имѣло греческое и римское государство съ религіей, гдѣ обр. съ культомъ предковъ. Въ развитіи этой идеи Ф. де Кулянжъ одностороненъ, но его блестящее изложеніе тѣмъ не менѣе подчеркиваетъ значеніе важнаго фактора въ исторіи античнаго государства.

Чтобы закончить очеркъ исторіографіи, остановимся на разборѣ нѣсколькихъ общихъ сочиненій по исторіи Греціи, вышедшихъ въ 3-ій періодъ греческой исторіографіи.

Къ произведеніямъ этого рода относится „Греческая Исторія“ упомянутаго уже автора—*Ю. Белоха* въ 3-хъ томахъ *). Белохъ—нѣмецъ по происхожденію, профессоръ римскаго университета. Онъ пишетъ и по нѣмецки, и по итальянски. Первое изданіе первыхъ двухъ томовъ его труда есть и въ русскомъ переводѣ (М. О. Гершензона). Белохъ отражаетъ успѣхи новѣйшей исторіографіи, охарактеризованные выше. Онъ критиченъ; не пользуется ни однимъ источникомъ, не подвергнувъ его критической обработкѣ. Критическую работу онъ производитъ во множествѣ журнальныхъ статей, и это критическое отношеніе къ источникамъ проглядываетъ во всѣхъ 3-хъ томахъ его греческой исторіи. Съ этимъ же связывается и его главный недостатокъ. Иногда онъ становится гиперкритиченъ, переходя въ своемъ скептицизмѣ границы должнаго, часто онъ отвергаетъ традицію безъ достаточныхъ основаній. Напримѣръ, всѣмъ извѣстна роль, которая приписывается дорійскому завоеванію, т. е. движенію сѣверныхъ племенъ на югъ въ XII—XI вв. до Р. Х. Белохъ признаетъ преданіе объ этомъ движеніи домисломъ позднѣйшихъ грековъ. Часто на мѣсто преданія и источниковъ онъ ставитъ свои гипотезы и склоненъ слишкомъ довѣрять имъ.

Если мы перейдемъ къ области объясненія фактовъ Белохомъ, то увидимъ у него полный реализмъ: греки у него вполне сведены съ театральныхъ подмостковъ, на которыхъ

*) Первый и второй томъ появились уже во второмъ изданіи, причѣмъ перваго тома теперь вышло двѣ части (первое изданіе этихъ томовъ появилось въ 1893—97 гг.; второе въ 1912—1914 г.; 2-й части второго тома до начала войны еще не появилось; третій томъ въ 2 частяхъ появился въ 1904 г.).

они стояли въ періодъ гуманизма. У него они—обыкновенные люди, хотя и разившіе высшую культуру, но только потому, что такъ сложились историческія условія.

Затѣмъ соціологізмъ Белоха проявляется въ примѣненіи обще-исторической точки зрѣнія. Онъ самъ хорошо знакомъ съ исторіей среднихъ вѣковъ и новаго времени и изучаетъ греческое общество въ связи съ исторіей всеобщей. Все время передъ его глазами стоятъ общества другихъ временъ: не отождествляя греческое общество съ другими, онъ его съ ними сравниваетъ. Мы видимъ, читая Белоха, какъ много у грековъ общаго съ эволюціей другихъ народовъ. Что-же касается его кругозора въ смыслѣ обширности подвергаемаго изслѣдованію матеріала, то онъ стоитъ на высотѣ современныхъ научныхъ требованій: онъ хронологически расширилъ изслѣдованіе. Гротъ, какъ мы видѣли, довелъ свою работу до Александра,—Белохъ 3-й томъ посвящаетъ эпохѣ отъ Александра до римскаго вмѣшательства въ дѣла Греціи. Онъ широко захватываетъ и этнографическій матеріалъ: исторія Аѣинъ и Спарты у него рисуется на фонѣ исторіи другихъ государствъ. Ему принадлежитъ, какъ мы видѣли, монографія по исторіи народонаселенія древняго міра; Белохъ слѣдитъ за экономической эволюціей древняго міра, характеризуетъ соціальныя отношенія, политическую эволюцію, международное положеніе Греціи; устанавливаетъ тѣсную связь между политической, экономической и культурной исторіей. Вотъ характерныя черты Белоха.

Другое крупное сочиненіе общаго характера даетъ Эдуардъ *Мейеръ* (E. Meyer) подъ заглавіемъ „Исторія древности (Geschichte des Altertums, 1884—1902). 1-ый томъ этого капитальнаго труда посвященъ древнему Востоку. Мейеръ занялся его переработкой, и въ 1907—9 г. онъ издалъ второе изданіе I тома, а въ 1910—13 г. уже третье. Однако во второмъ и третьемъ изданіи изложеніе настолько разрослось, что охватываетъ исторію Греціи лишь до XVI в. до Р. X. Сюда включенъ впрочемъ обзоръ Эгейскаго періода греческой исторіи. II-ой томъ въ большей своей части посвященъ исторіи Греціи до персид. войнъ, отчасти исторіи Востока и Рима. III-й т.—исторіи Греціи до 446 г.—до Перикла. IV-й т.—эпохъ Перикла и Пелопонесской войнъ. V-й томъ обнимаетъ эпоху отъ 404 г. до завоеваній Филиппа Македонскаго.

Мейеру свойственны достоинства Белоха, но онъ чуждъ недостатковъ послѣдняго. У Белоха мы видимъ крайній скептицизмъ къ традиціи и довѣріе къ своимъ гипотезамъ. Мейеръ

критиченъ, но его рѣдко можно упрекнуть въ гиперкритикѣ; въ выводахъ онъ очень остороженъ. Другія достоинства Белоха (широта историческаго кругозора, вниманіе къ исторіи второстепенныхъ греческихъ государствъ, освѣщеніе жизни обществъ во всей ея полнотѣ, т. е. не только политическихъ, но и экономическихъ, и социальныхъ, и культурныхъ явленій) свойственны Эд. Мейеру не въ меньшей, если не въ большей степени, чѣмъ Белоху.

Небольшую сводную работу представляетъ сочиненіе *Пельмана* — „Очеркъ Греческой исторіи“ (переведено по русски подъ ред. проф. С. А. Жебелева). Эта работа Пельмана входитъ въ рядъ учебниковъ для изученія древняго міра, издаваемыхъ мюнхенскимъ профессоромъ Иваномъ Мюллеромъ. Въ эту же серію учебниковъ входитъ учебникъ по римской исторіи Низе. Пельманъ шире Низе: онъ даетъ сжатый сводъ результатовъ, какіе дала наука по греческой исторіи, причеиъ касается социально-экономическихъ явленій въ гораздо большей степени, чѣмъ Низе. Изложеніе сухо, но при краткости изложенія иначе и не можетъ быть. Пельманъ отражаетъ въ своей книгѣ главныя свойства 3-го періода историографіи. Онъ критиченъ и осторожище даже Мейера. Историческій процессъ онъ освѣщаетъ широко, не касаясь, впрочемъ, явленій духовной культуры.

Слѣдуетъ отмѣтить сочиненіе *Бузольта* („Греческая Исторія“ — Griechische Geschichte). Это очень обширный трудъ: 4 большихъ тома заканчиваются исторіей Пелопоннесской войны. Онъ разносторонне разсматриваетъ греческую исторію, — много мѣста отводитъ экономической и социальной исторіи, но онъ лишенъ таланта Мейера и Белоха. Его работа — сводная: это — сводъ всего матеріала источниковъ. У него болѣе мѣста занимаютъ примѣчанія, чѣмъ текстъ. Въ этихъ примѣчаніяхъ сопоставлены почти всѣ данныя источниковъ, такъ что, руководствуясь его трудомъ, можно проработать по источникамъ всѣ главные вопросы исторіи Греціи. Очень полно представлены у Бузольта и существующія по разнымъ вопросамъ мнѣнія различныхъ новыхъ ученыхъ.

Остается сказать нѣсколько словъ о своеобразномъ сочиненіи *Буркгардта* — его „Греческой культурной исторіи“ (Griechische Kulturgeschichte, 1898—1902), изданной Оери (Эри). Буркгардтъ былъ профессоромъ Базельскаго университета. Онъ извѣстенъ цѣлымъ рядомъ историческихъ монографій. Извѣстна его монографія, посвященная времени Константина В. Громадной извѣстностью пользуется его „Чичероне“ — научный путе-

водитель по художественной Италиі. Въ высшей степени цѣнно его сочиненіе по исторіи итальянскаго гуманизма. Уже послѣ его смерти вышла его „Греческая культурная исторія“. Въ основѣ этого труда лежатъ университетскія лекціи Буркгардта: въ этомъ его достоинства и недостатки—живость изложенія, но въ то же время неравномѣрность. Сочиненіе сразу обратило на себя вниманіе, но отношеніе къ нему ученыхъ было довольно различное: этотъ трудъ Буркгардта вызвалъ, пожалуй, известное разочарованіе. Нѣкоторые историки, напримѣръ Мейеръ, отнеслись къ нему отрицательно. Недостатокъ труда сводится къ тому, что авторъ часто игнорируетъ новую ученую литературу. Упрекаютъ его и за игнорированіе надписей. Таковы отзывы части критики. Но мнѣ кажется, что болѣе правильно относятся къ Буркгардту другіе ученые. Нужно считаться съ тѣмъ, что Буркгардтъ—знатокъ древнихъ авторовъ, перечитавшій массу классиковъ, знатокъ искусства,—не могъ не дать чего либо новаго. Отрицать значеніе надписей и новой литературы нельзя и, конечно, игнорированіе и того и другого—недостатокъ Буркгардта, но у Буркгардта сила въ другомъ: въ глубокомъ и непосредственномъ знакомствѣ съ авторами и съ произведеніями античнаго искусства. Въ своемъ трудѣ онъ передаетъ то впечатлѣніе, какое произвело на него изученіе авторовъ и памятниковъ искусства. Его задача—дать типъ грека въ измѣненіи въ исторіи. Работа дѣлится такъ: 1-й томъ посвященъ государству, 2-й—религии, 3-й—искусству, литературѣ, наукѣ и философіи. 4-й томъ содержитъ характеристику грека, какъ типа, въ различныя эпохи. Буркгардтъ мало касается экономики, но у него есть масса оригинальныхъ замѣчаній, особенно по исторіи государства, религии и искусства.

Я долженъ еще отмѣтить прекрасныя работы харьковскаго профессора *В. П. Бузескула*. Ему принадлежатъ два важныя изслѣдованія: „Периклъ“ (1889) и „Аѳинская политія Аристотеля, какъ источникъ для исторіи государственнаго строя Аѳинъ“ (1895). Его „Введеніе въ исторію Греціи“ (1-е изд. 1903 г., 3-е изд.—1915 г.) представляетъ живой и очень полный обзоръ источниковъ и литературы по исторіи Греціи. Его „Исторія аѳинской демократіи“ (1909) даетъ прекрасно написанную и всестороннюю исторію Аѳинъ съ древнѣйшихъ временъ до начала эллинистическаго періода. Слѣдуетъ обратить вниманіе на сборникъ статей *В. П. Бузескула*: „Историческіе этюды“ (1911) и на его книгу: „Античность и современность“ (2-е изд., 1914).

Профессору Московскаго Университета *Р. Ю. Випперу* принадлежать интересныя „Лекціи по исторіи Греціи“ (1-е изд. 1905 г., 3-е 1909 г.). Эти лекціи съ пользой и интересомъ прочтутся лицами, уже ориентированными въ греческой исторіи, такъ какъ содержатъ оригинальныя построенія автора, однако не всегда принятыя въ наукѣ.

Для знакомства съ греческой исторіографіей въ большихъ подробностяхъ я могу отослать къ сочиненію *Wachsmuth'a*, *Einleitung in das Studium der alten Geschichte* (1895), особенно же къ названному выше русскому сочиненію харьковскаго профессора *В. П. Бузескула*, *Введеніе въ греческую исторію*, изд. 3-ье, Петроградъ, 1915.

III. Періоды древне-греческой исторіи.

Исторію древней Греціи можно раздѣлить на слѣдующіе 5 періодовъ: 1) *Эпоха Эгейской культуры*, когда на европейскомъ и азиатскомъ побережьѣ и островахъ Эгейскаго моря впервые развивается значительная культура; строго говоря, эта эпоха представляетъ изъ себя рядъ историческихъ процессовъ, въ которыхъ играетъ роль не только греческое, но, вѣроятно, и догреческое населеніе данной географической области; эту эпоху можно считать до известной степени *до-исторической*, ибо познаемъ мы ее по преимуществу на основаніи археологическаго матеріала; поскольку можно судить по косвеннымъ указаніямъ, эта эпоха начинается приблизительно за 3000 лѣтъ до Р. Х. и тянется до конца 2-го тысячелѣтія до Р. Х. 2) *Греческое средневѣковье*; собственно въ этотъ періодъ начинается греческая исторія, освѣщенная памятниками языка; этотъ періодъ въ новѣйшей исторіографіи получилъ такое названіе, ибо основныя явленія въ общественномъ и государственномъ укладѣ его во многомъ напоминаютъ строй средневѣковой Европы (преобладаніе натуральнаго хозяйства; феодализмъ, господство землевладѣльческой знати, зависимое положеніе значительной части низшихъ классовъ; религіозная окраска духовной культуры); періодъ этотъ охватываетъ приблизительно эпоху съ XI до VII в. до Р. Х. 3) *Періодъ классической или городской Греціи* (господство *полиса*, какъ формы социальной жизни). Этотъ періодъ начинается экономическимъ и связаннымъ съ нимъ социальнымъ переворотомъ, охватившимъ значительную часть греческихъ поселеній и уничтожившимъ здѣсь по-

степенно старые феодальные порядки; характерной особенностью этого периода является интенсивное развитие городских центров. Государство-городъ (*полис*)—типическая форма общественной организации этого времени. Въ культурномъ отношеніи этотъ періодъ характеризуется разложениемъ древнихъ религиозныхъ представлений, появлениемъ „свѣтской“ науки и философіи, пышнымъ расцвѣтомъ разныхъ видовъ искусства въ городскихъ центрахъ. Однако, развитие городовъ въ разныхъ мѣстностяхъ Греціи совершалось неодинаково быстро: въ то время, какъ побережье и острова Эгейскаго моря, равно какъ большинство греческихъ заморскихъ колоній, были рано (съ конца VIII в.) захвачены этимъ переворотомъ, другія области (особенно, на сѣверѣ и западѣ Европейской Греціи) сохраняли средневѣковой строй почти въ теченіе всего даннаго періода. Хронологически этотъ періодъ охватываетъ время приблизительно съ VII по вторую половину IV вѣка до Р. X. Его можно раздѣлить на два отдѣла: а) первый отдѣлъ (приблизительно VII—VI вѣка)—крушеніе средневѣковыхъ порядковъ и развитіе городского строя, б) второй отдѣлъ (прибл. V и первая пол. IV в.)—расцвѣтъ городского строя, когда, однако, начинаютъ намѣчаться и болѣе сложные типы государственной организаци. 4) *Эллинистическій періодъ* есть время, когда появляются болѣе сложныя формы экономической жизни (широкое развитіе обмѣна); *полисы*, какъ государственная форма, разлагается, и его мѣсто заступаютъ новыя государственныя организаци, зачатки которыхъ имѣлись, впрочемъ, уже въ предшествующемъ періодѣ; это по преимуществу или федеральныя республики или болѣе или менѣе значительныя монархіи. Въ культурномъ отношеніи этотъ періодъ характеризуется, главнымъ образомъ, широкимъ распространениемъ греческой культуры за предѣлы классической Греціи, развитіемъ специальныхъ наукъ. Хронологически этотъ періодъ охватываетъ приблизительно время съ конца IV по начало II в. до Р. X. 5) *Періодъ римскаго владычества*, являющійся, въ сущности, завершеніемъ эллинистическаго періода: развитіе обмѣна въ сферѣ экономической жизни тѣсно связываетъ прямо или косвенно область Эгейскаго моря съ остальнымъ бассейномъ Средиземнаго моря, включая и западную его часть; одновременно съ этимъ экономическимъ объединениемъ происходитъ и объединеніе политическое, которое въ результатъ ряда сложныхъ историческихъ процессовъ завершается включеніемъ греческихъ обществъ въ составъ Римскаго государства. Эллинистическая культура

прочно утверждается на Западѣ. Хронологически этотъ періодъ начинается съ начала II в. до Р. X. (греческія государства на югѣ Италіи и въ Сициліи перешли въ руки римлянъ еще въ III в. до Р. X.). Съ этихъ поръ судьбы Греціи тѣсно связаны съ судьбами поздней Римской республики, а затѣмъ Римской имперіи.

IV. Природа Греціи и ея соціально-историческое значеніе.

Человѣческое общество есть совокупность индивидовъ, находящихся во взаимодействіи. Общество не остается неизмѣннымъ. Что является причиной этихъ измѣненій?

Первымъ могущественнымъ факторомъ общественной эволюціи, съ которымъ приходится считаться, о какомъ бы обществѣ ни шла рѣчь, это—природа, среди которой живетъ общество. Дѣйствию этого фактора подвержены, какъ самыя примитивныя общества, такъ и самыя культурныя. Совершенно ложно утвержденіе, будто культурныя общества менѣе зависятъ отъ природы, чѣмъ первобытныя: зависимость остается очень значительной, но только она не столь непосредственна. Культурный человѣкъ подобно первобытному долженъ защищать себя отъ вредныхъ силъ природы и приспособлять для удовлетворенія своихъ потребностей ея благотворныя силы. Все, чѣмъ человѣкъ удовлетворяетъ свои потребности, онъ и въ культурномъ состояніи получаетъ отъ той же природы.

Большое вниманіе по отношенію къ изученію вoadдѣйствія природы на человѣка проявляли уже древніе писатели (Фукидидъ, Платонъ, Аристотель, Полибій), а позднѣе Боденъ, Монтескье и Вольтеръ, затѣмъ Гердеръ (1744—1803), но научный характеръ ей придали въ XIX в. Карлъ Риттеръ, Мечниковъ, Реклю и Фридрихъ Ратцель. Теперь отрасль науки, изучающая эти явленія, называется обычно *антропoгeогpафiей*.

Обычно въ сочиненіяхъ по физической географіи географическіе факторы рассматриваются въ такомъ порядкѣ: опредѣляется положеніе данной страны на земномъ шарѣ, далѣе рассматривается распределеніе моря и суши, географическое строеніе страны (почва) и форма поверхности, климатъ, орошеніе, флора и фауна. Такой порядокъ удобенъ потому, что въ началѣ стоятъ основныя данныя, а въ концѣ—производныя, являющіяся ре-

зультатомъ взаимодействія первыхъ: климатъ есть результатъ взаимодействія 1) астрономическихъ явленій, — обнаруживающихся такъ или иначе въ силу того или иного положенія страны на земномъ шарѣ (холодный, умѣренный, жаркій пояса), 2) того или иного распредѣленія суши и моря, 3) той или другой формы поверхности. Орошеніе есть результатъ главнымъ образомъ климата (количество и распредѣленіе водъ) и формы поверхности (мѣсто осадковъ, направленіе рѣкъ). Наконецъ, флора и фауна суть результатъ распредѣленія суши и моря, формы поверхности, почвы, климата и орошенія.

Но когда мы имѣемъ въ виду не объясненіе природы страны, а тѣхъ результатовъ, которые получаются отъ воздѣйствія природы на человѣческія общества, болѣе пригодной является нѣсколько иная классификація географическихъ факторовъ. Нужно сначала рассмотреть тѣ факторы, которые ранѣе всего и болѣе всего вліяли на человѣка. Таковы: климатъ, геологическое строеніе страны (почва), флора и фауна, далѣе орографія и рѣчная система; гораздо позднѣе сказывается непосредственное вліяніе распредѣленія моря и суши. Разсмотримъ всѣ эти географическіе элементы примѣнительно къ древней Греціи и ихъ роль въ ея исторіи.

Греція расположена въ умѣренномъ поясѣ сѣвернаго полушарія и притомъ въ болѣе теплой его части. Средняя годовая температура въ Афинахъ $= +17,3^{\circ}$, средняя температура января $= +6,4^{\circ}$, іюля $= +27^{\circ}$. Такимъ образомъ Афины лежатъ на одной изотермѣ съ Палермо и Мурсіей (Испанія) и почти на одной — съ Лиссабономъ (гдѣ климатъ еще мягче). Но благодаря неравномѣрному вліянію моря и распредѣленію горъ, въ отдѣльныхъ частяхъ Греціи замѣчаются своеобразныя климатическія особенности. Острова Архипелага и Ионическаго моря, благодаря болѣе значительному вліянію моря, еще мягче по климату, чѣмъ Атика. Напротивъ, сѣверные берега Архипелага уже отличаются болѣе суровымъ климатомъ (зимомъ здѣсь бывають значительные морозы, лѣтомъ — жара). Еще разнообразнѣе климатическія отношенія въ материковой части Греціи. Уже въ Беотіи климатъ имѣетъ болѣе континентальный характеръ, чѣмъ въ Атикѣ. Въ возвышенной части Аркадіи зима значительно продолжительнѣе и суровѣе, чѣмъ въ Атикѣ. Въ Эпирѣ зимою бывають морозы до -10° и даже дважды втеченіи 6 лѣтъ наблюдали -17° . Вѣчныхъ снѣговъ горы Греціи не знаютъ. Однако зимою снѣгъ лежитъ даже на высокиихъ горахъ Крита (съ начала ноября по конецъ апрѣля). На вершинахъ центральнаго Пело-

поннеса снѣгъ держится еще дальше (до середины іюля и даже иногда до начала августа), а въ Сѣверной Греціи, гдѣ вліяніе моря менѣе значительно, еще въ августѣ можно найти не только на Олимпѣ, но и на Камбунійскихъ горахъ и Пиднѣ значительное количество снѣга, а зимой снѣжныя массы дѣлають переходъ черезъ эти горы очень труднымъ, а для армій прежняго времени—невозможнымъ.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что въ Греціи на небольшомъ протяженіи (къ югу отъ Крита проходитъ 35-я сѣверная параллель, а Константинополь лежитъ на 41° широты, слѣдовательно все пространство, на которомъ главнымъ образомъ, протекала древне-греческая исторія простирается съ юга на сѣверъ немногимъ болѣе, чѣмъ на 600 верстъ) замѣчается значительное разнообразіе температуры: въ мѣстностяхъ ближе расположенныхъ къ морю (прибрежныхъ и болѣе низкихъ) климатъ мягче, чѣмъ въ мѣстностяхъ внутреннихъ.

Столь же разнообразно и распространене атмосферныхъ осадковъ въ Греціи. Въ этомъ отношеніи западныя части Греціи находятся въ гораздо лучшемъ положеніи, чѣмъ восточное ея побережье, особенно Аттика. Эти послѣднія мѣстности горами прикрыты отъ тучъ, идущихъ съ Средиземнаго моря, и въ силу этого въ Афинахъ среднимъ числомъ 45 дождливыхъ дней въ году (если принимать во вниманіе дни съ маленькими дождиками—то 73 дня), между тѣмъ какъ на Іоническомъ морѣ (Корфу) насчитываются 104 дождливыхъ дня. Изъ этого видно, что восточная Греція, особенно Аттика и Арголида, въ меньшей степени Лакоція, лѣтомъ прямо страдаютъ отъ бездождья, между тѣмъ какъ западныя части страны получаютъ значительное количество атмосферныхъ осадковъ. Нужно для полноты характеристики добавить, что у насъ на сѣверѣ пасмурныхъ дней болѣе, чѣмъ дождливыхъ, въ Греціи—наоборотъ. Тамъ, если небо дѣлается облачнымъ, почти всегда слѣдуетъ проливной дождь. Эта особенность природы сообщаетъ южанину извѣстную жизнерадостность настроенія: грекъ не испытываетъ того сквернаго, кислога ощущенія, которое часто приходится на долю невзрастеничному сѣверянину осенью и даже лѣтомъ, когда сверху нависли сѣрыя облака, вокругъ туманъ, а подъ ногами слякоть. Южный дождь налетитъ, прольется иной разъ страшнымъ ливнемъ, но зато—кончился дождь.— и опять съ неба весело сіяетъ солнце, и всякое живое существо чувствуетъ бодрость и свѣжесть.

При всѣхъ вышеописанныхъ модификаціяхъ климатъ Греціи въ общемъ приходится признать мягкимъ (умѣренно теплымъ).

Въ начальныхъ стадіяхъ развитія человѣческое общество больше всего подчиняется вліянію климата и почвенныхъ условій: отъ климата зависятъ тѣ или инныя потребности человѣческаго организма, почвенныя условія вмѣстѣ съ климатомъ создаютъ животный и растительный міръ, служащій для удовлетворенія этихъ потребностей. Поэтому я скажу сейчасъ нѣсколько словъ о почвѣ, флорѣ, фаунѣ и геологическихъ богатствахъ Греціи.

Греція не можетъ похвастаться особеннымъ плодородіемъ почвы. Тучная почва получается главнымъ образомъ или благодаря вывѣтриванію нѣкоторыхъ горныхъ породъ, или благодаря дѣйствию рѣкъ, приносящихъ плодородныя частицы. Въ Греціи мало мѣстностей, въ которыхъ наблюдалось бы первое явленіе. Шиферъ, мергель и т. п.—сравнительно рѣдко попадаютъ въ Греціи (южная часть Эвбеи; *Μεσογρία* въ восточной Аттикѣ). Въ Аттикѣ плодородный слой очень тонокъ, попадаютъ обнаженныя известковыя плѣшины—*φελλεῖς*. Гораздо больше въ Греціи плодородныхъ мѣстностей, образовавшихся благодаря осадкамъ при устьяхъ рѣкъ, или благодаря тому, что здѣсь нѣкогда существовали водоемы со стоячей водой, гдѣ осаждались на дно плодородныя частицы, или же, наконецъ, благодаря современнымъ водоемамъ, которые разливаясь, доставляютъ плодородный илъ окружающимъ ихъ мѣстамъ (Копайдское озеро въ Бѳотіи, нѣкоторыя мѣстности въ Тессаліи). Изъ плодородныхъ рѣчныхъ долинъ назову долину Сперхея въ Тессаліи, Ахелоя—въ Акарнаніи, Пеней—въ Элидѣ, Памиса—въ Мессеніи, Эврота—въ Лаконіи, мѣстность около Сикіона и Коринѳа (ахейскіе ручьи), долину Кефиса (Элевсинская долина) въ Аттикѣ.

Въ плодородныхъ мѣстностяхъ Греціи произрастаютъ хлѣбныя растенія (пшеница, ячмень), оливковыя деревья, смоквы, виноградъ и всѣ почти фруктовыя деревья умѣреннаго климата. При тщательной обработкѣ и на менѣе плодородной почвѣ въ Греціи произрастаютъ эти растенія, благодаря мягкости здѣшняго климата.

Вотъ, въ какихъ климатическихъ и почвенныхъ условіяхъ началась эволюція греческаго общества. Какіе же получились результаты отъ взаимодѣйствія всѣхъ этихъ условій?

Греція находится въ умѣренномъ климатѣ и, слѣдовательно, греки должны были испытать на себѣ всѣ результаты этого обстоятельства, т. е. имѣть постоянный стимуль къ борьбѣ съ природой, но *не быть угнетенными* этой борьбой. Какъ извѣстно, такіа климатическія условія всегда являлись могущественнымъ двигателемъ культурнаго развитія, но такое наблюденіе слишкомъ обще. Взглянемъ на вопросъ детальнѣе. Теплый климатъ является причиной того, что человекъ здѣсь нуждается въ гораздо меньшемъ количествѣ пищи, чѣмъ сѣверянинъ. Южанинъ въ значительной степени вегетаріанецъ, такъ какъ онъ мало нуждается въ жировыхъ веществахъ. Старинный путешественникъ Tournefort говоритъ: „Гдѣ оселъ умерь бы съ голоду, тамъ грекъ можетъ быть сытымъ“. И дѣйствительно, бѣдному афиняну было достаточно для дневнаго пропитанія имѣть ячменный хлѣбъ или кисель изъ ячменной муки, пригоршню оливъ или пару луковицъ, иной разъ еще нѣсколько смоквъ. Мясной пищи потребляли въ послѣ-гомеровской Греціи не особенно много даже богатые люди. Если что прибавляли къ растительной пищѣ въ большомъ количествѣ, такъ это рыбу: богатый классъ потреблялъ сорта рыбы изъ Понта, Босфора и Геллеспонта, а бѣдняки мѣстную мелкую рыбу и соленую рыбу съ сѣвера. Обычнымъ напиткомъ служило простое мѣстное вино, стоившее очень дешево: во время Перикла за 2—3 драхмы (80 коп.—1 р. 20 коп.) можно было купить метреть вина (40 литровъ, около 50 бут.). Дешевизна эта становится еще замѣтнѣе, если принять во вниманіе, что вино или разбавленное съ водою (по большей части, 1 часть вина на 3 части воды). Даже въ богатыхъ классахъ роскошь въ пищѣ никогда не достигала такихъ размѣровъ, какъ въ Римѣ. Она выражалась въ томъ, что богатый человекъ наслаждался болѣе тонко приготовленными блюдами изъ рыбы, ѣлъ пшеничный хлѣбъ вмѣсто ячменнаго и т. п. (жители плодородной Бѳотіи были всегда предметомъ зависти для жителей Аттики, т. к. имѣли возможность ѣсть пшеничный хлѣбъ). Однимъ словомъ, роскошь заключалась не столько въ увеличеніи количества пищи или существеннаго измѣненія ея состава, сколько въ выборѣ болѣе тонкихъ въ вкусовомъ отношеніи сортовъ (напр., преобладаетъ и въ кругахъ богачей рыба надъ мясомъ, растительная пища—надъ животной).

И не только добываніе пищи облегчалъ греку мягкій климатъ страны. Онъ дѣлалъ для него нетрудной борьбу съ природой и въ другомъ отношеніи. Греку не нужно было такъ

много силъ тратить на защиту себя отъ холода путемъ созданія себѣ теплаго жилища и платья. Рѣдкость дождливыхъ дней давала аеинянину возможность оставлять безъ крыши значительную часть своего жилища, строить непокрытые театры и т. п. Значительную часть времени грекъ проводилъ подъ открытымъ небомъ, что въ немалой степени способствовало развитію въ немъ общественныхъ интересовъ и общительности вообще.

Но если такимъ образомъ климатическія условія облегчали греку борьбу съ природой (температура),—то съ другой стороны они все же не устраняли необходимости этой борьбы (бездождье), а скудость почвы въ значительной части Греціи (Атика) вела къ тому, что борьба эта требовала иной разъ значительнаго напряженія силъ. Малое количество атмосферныхъ осадковъ въ значительной части Греціи повело къ тому, что греки очень дорожили водою, и уже въ гомеровскія времена были знакомы съ искусственнымъ орошеніемъ полей (Iliaс XXI, 257—262).

- „(Такъ) ороситель земли направляетъ прозрачныя
воды
- „Отъ родника темно-струйнаго къ пышно-цвѣтущему
саду,
- „Ходить съ лопатой въ рукахъ, очищая канавы отъ
сора;
- „Ровъ наполняется быстро, и камушки съ шумомъ
катятся.
- „Свѣтлыя воды журчатъ и бѣгутъ по наклонному
ложу,
- „Въ бѣгѣ своемъ обгоняя того, кто, трудясь, ихъ
проводить“.

У Алкиноя былъ садъ, о которомъ говорится (Odys., VII, 129—131).

- „Два тамъ источника были: одинъ обтекалъ, извиаясь,
- „Садъ, а другой передъ самымъ порогомъ царена
жилища
- „Свѣтлой струею бѣжалъ, и граждане въ немъ чер-
пали воду“.

Скудость почвы заставила рано подумать грековъ о болѣе тщательной ея обработкѣ. Какъ мы увидимъ позднѣе при раз-

смотрѣніи экономическихъ отношеній древнѣйшей Греціи, уже въ эпоху Гомера и Гесіода (VIII—VII вв. до Р. X.) въ Греціи существовало довольно развитое сельское хозяйство.

Итакъ природа заставляла древнѣйшаго обитателя Греціи бороться съ собою, но въ то же время дѣлала эту борьбу вполне посильной. Такое положеніе оказалось въ высшей степени благотворнымъ для развитія греческой культуры. Грекъ долженъ былъ изощрять свой умъ и имѣлъ въ то же время достаточный досугъ, достаточный запасъ силъ для этой работы, чего не было бы, если бы онъ жилъ въ болѣе суровомъ климатѣ или, напротивъ, въ тропической странѣ, гдѣ все ему давалось бы почти даромъ. Можно сказать, что въ холодныхъ странахъ природа для человѣка злая мачиха, въ тропическихъ—мать-баловница, а для грека природа была матерью-воспитательницею.

Разнообразіе особенностей различныхъ частей Греціи, какъ мы увидимъ ниже, тоже было въ высшей степени благотворно для греческой культуры, такъ какъ создавало рядомъ очень различные типы культуры, благотворно влиявшіе одинъ на другой.

Такъ какъ мы уже коснулись природныхъ богатствъ Греціи, то, чтобы покончить съ этимъ вопросомъ, я скажу немного еще о геологическихъ богатствахъ этой страны. Греція была въ высшей степени богата металлами, и эти богатства сосредоточивались почти исключительно въ восточныхъ областяхъ и на островахъ. Это обстоятельство сыграло немалую роль въ быстротѣ культурнаго развитія этихъ частей Греціи. Особенно много добывалось здѣсь желѣза (Лаконія, Аттика, острова). Всѣмъ извѣстны серебрянные рудники Лавріона. На Сифносѣ (одинъ изъ Цикладскихъ острововъ), на Эасосѣ, на сѣверѣ у Пангея (во Фракіи за Халкидскимъ полуостровомъ) и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ находили золото. Напротивъ, мѣдью Греція была бѣдна: мѣдную руду добывали лишь около города Халкиды на Эвбеѣ. Уже рано Греція стала нуждаться въ привозной мѣдной рудѣ. Необходимо еще упомянуть о мраморѣ, которымъ такъ богата Греція (особенно о Паросѣ и кряжъ Пентеликонъ въ Атикѣ) и который сыгралъ такую важную роль въ развитіи греческаго искусства, именно скульптуры и архитектуры.

Мы познакомились съ влияніемъ климата и природныхъ богатствъ на греческое общество. Теперь намъ придется обратить вниманіе на другіе географическіе факторы, роль которыхъ явственно сказывается на сравнительно болѣе позднихъ ступе-

няхъ развитія, но это не мѣшаетъ этимъ факторамъ класть весьма значительный отпечатокъ на эволюцію общества.

Прежде всего обратимъ вниманіе на значеніе рельефа страны, т. е. на орографію Греціи.

Самаго поверхностнаго взгляда на карту Греціи достаточно, чтобы замѣтить множество горныхъ хребтовъ, во всѣхъ направленіяхъ иарѣзывающихъ страну. Эти горные хребты въ исторіи Греціи сыграли двоякую роль. Одни изъ нихъ создавали крайній сепаратизмъ или по крайней мѣрѣ партикуляризмъ отдѣльныхъ частей Греціи; другіе долгое время служили весьма надежнымъ брустверомъ, защищавшимъ Грецію съ сѣвера, т. е. съ единственной стороны, гдѣ она не защищена моремъ,—отъ сѣверныхъ сосѣдей и вообще отъ нападенія съ сѣвера.

Горныя дѣли, хотя по большей части и удобопроеходимы, тѣмъ не менѣе затрудняли сообщеніе между очень близко расположенными одинъ отъ другого поселками. Это обстоятельство и было одной изъ причинъ того, что въ Греціи долго держался своеобразный типъ государства: греч. *πόλις*—городская община. Каждый поселокъ въ Греціи жилъ болѣе или менѣе обособленной самостоятельной политической жизнью. Сплошь да рядомъ эти государства-общины были необычайно малы. Напр., на маленькомъ островѣ Аморгѣ, равномъ 127 кв. кил. (ок. 20 X 6 верстъ), находилось 3 самостоятельныхъ государства. Если ужъ необходимость вынуждала нѣсколько общинъ соединиться, то лишь въ немногихъ случаяхъ это соединеніе превышало 3—4 общины. Въ маленькой Доридѣ образовался Триполисъ, позднѣе Тетраполисъ. Это государство было такъ бѣдно, что жителей его называли „голодными дорійцами“; тѣмъ не менѣе они весьма гордились своей независимостью. Очень хорошей иллюстраціей для греческаго партикуляризма служитъ аркадскій синоикизмъ, образовавшійся въ 4 в. до Р. X. изъ 40 аркадскихъ общинъ. Несмотря на то, что этотъ синоикизмъ могъ бы послужить для аркадянъ очень хорошимъ ошлотомъ противъ враговъ, однако, нѣкоторыя общины можно было удержать только силой въ этомъ соединеніи.

Всѣ народы начинали свое историческое существованіе, образуя мелкія общины или союзы. Однако многіе съ развитіемъ культуры объединялись въ значительныя соединенія. Что касается грековъ, то мы видимъ, что природныя условія страны поддерживали въ нихъ сепаратизмъ. И не только въ вышеозначенномъ смыслѣ горы вляли на развитіе сепаратизма: ихъ вліяніе въ этомъ отношеніи оказывалось еще болѣе широкимъ.

Три стимула ведутъ человѣческія общества къ образованію большихъ государственныхъ соединеній. Общества могутъ объединяться, потому что въ извѣстный моментъ этого требуютъ экономическія потребности: защита общихъ экономическихъ интересовъ. Эти интересы могутъ быть весьма различны. Древнихъ египтянъ заставили соединиться совмѣстныя работы надъ регулированіемъ Нила. Развивающійся обмѣнъ можетъ потребовать единой государственной власти для защиты торговыхъ интересовъ на протяженіи всей территоріи, занятой обществомъ, равно, какъ часто и въ областяхъ, занятыхъ другими обществами. Этимъ путемъ завершилось объединеніе Франціи въ концѣ среднихъ вѣковъ, объединеніе Германіи въ 19 в.

Общество можетъ быть приведено къ объединенію и инымъ путемъ: напряженная борьба съ внѣшними врагами можетъ заставить общество искать спасенія въ болѣе прочной консолидаціи. Такъ объединилось Московское государство; такъ объединилась въ концѣ среднихъ вѣковъ христіанская Испанія, напрягавшая всѣ силы для борьбы съ маврами.

Наконецъ, объединеніе можетъ совершиться путемъ насилія со стороны одного общества надъ другимъ. Но такое соединеніе можетъ быть прочнымъ лишь въ случаѣ, если завоеватели во много разъ превосходятъ своими силами или культурой побѣжденныхъ (нѣмцы и прибалтійскіе славяне въ XI—XIII вв.). Разъ этого нѣтъ налицо, насильственно составленное соединеніе будетъ держаться лишь въ томъ случаѣ, если позднѣе выступаетъ одинъ изъ вышеотмѣченныхъ объединительныхъ стимуловъ: или интересы самозащиты противъ враговъ, буде такіе являются общими и для побѣдителей, и для побѣжденныхъ, или общіе тѣмъ и другимъ экономическіе интересы.

Греція была поставлена географическими условіями въ такое положеніе, что перечисленные объединительные стимулы долгое время отсутствовали, а потомъ, когда эти стимулы появились, ихъ роль въ теченіе значительнаго періода ослаблялась. И главное значеніе здѣсь играли горы. Онѣ не только, какъ мы видѣли, вызывали раздробленность: нѣтъ, онѣ устраняли или ослабляли стимулы къ объединенію. Дѣло въ томъ, что Греція, какъ мы уже сказали, съ трехъ сторонъ окружена моремъ, только на сѣверѣ она примыкаетъ къ матеріку, но здѣсь ее защищаетъ отъ сѣверныхъ сосѣдей рядъ горныхъ хребтовъ, идущихъ въ направленіи съ запада на востокъ.

Ихъ не менѣе пяти. На сѣверѣ проходитъ цѣпь Камбунійскихъ горъ (1000—1500 метровъ), примыкающихъ къ Олимпу

(2985 метровъ, т. е. почти 3 версты). Здѣсь существуетъ единственная проѣзжая дорога, начинающаяся въ ущельѣ Пеней и идущая главнымъ образомъ не по лѣвому—ближайшему къ Македоніи—берегу Пеней, а по правому, такъ какъ лѣвый берегъ по большей части состоитъ изъ крутыхъ обрывистыхъ склоновъ Олимпа. Однако и на правомъ берегу ширина дороги по большей части равна лишь 5—7 метрамъ, мѣстами лишь 4, а кое-гдѣ необходимо было искусственно высѣкать въ скалахъ дорогу. Кромѣ этой дороги, изъ Македоніи въ Грецію вели 3 пути, доступные только пѣшеходамъ, да вьючнымъ животнымъ. Вторая защитительная линія представлена хребтомъ, именованнымъ Отрисъ (*Ὀτρίσις*), который отдѣляетъ Эссалию отъ долины Сперхея. Здѣсь существуетъ довольно удобный проходъ, въ настоящее время именуемый Фурка (высота 800 метр.) и который грекамъ было легко защитить. Однако греки на эту защитительную линію обращали сравнительно мало вниманія, такъ какъ южнѣ шла горная цѣпь, которую особенно удобно было защищать. Это—была Эта (*Ὀλίτη*) съ прилегающими хребтами, гдѣ находится знаменитый Термопильскій проходъ, который, какъ извѣстно, Ксерксу удалось взять лишь благодаря измѣнѣ (въ настоящее время вслѣдствіе наносовъ Сперхея видъ Термопилъ измѣнился). Но и въ средней Греціи мы находимъ горныя защитительныя линіи. Это Киеоронъ и Парнесъ, отдѣляющіе Аттику отъ Беотіи. Проходы здѣсь или очень круты, или легко защитимы, такъ какъ мѣстами проходятъ черезъ узкія *defilé*. Пятая защитительная линія важна для защиты Пелопоннеса не менѣе, чѣмъ Камбунійскія горы для защиты сѣверной Греціи и хребетъ Эта съ Термопильскимъ проходомъ—для средней. Это—хребетъ Геранія (*Γερανία*), достигающій въ серединѣ 1370 метр. (гора *Μακρίπλαγι*) и пересекающій Истмъ отъ моря и до моря въ наиболѣе широкой его части. Здѣсь существовала дорога для вьючныхъ животныхъ, настолько укая, что они рисковали обрушиться, особенно при сильномъ вѣтрѣ. До временъ императора Адріана, расширившаго эту дорогу, эти мѣста были постояннымъ мѣстопробываніемъ разбойниковъ.

Такъ была защищена Греція своими горами отъ вторженія враговъ съ сѣвера. Это обстоятельство имѣло весьма существенное историческое значеніе, потому что устраняло двѣ изъ важныхъ причинъ объединенія: дѣлалось излишнимъ объединеніе для самозащиты, такъ какъ сама природа служила защитой, и устранялось долгое время насильственное объединеніе извнѣ, благодаря тѣмъ же природнымъ условіямъ. А когда яви-

лась потребность въ экономической связи между отдельными частями Греціи (въ виду развивающагося обмѣна) сепаратистическія и партикуляристическія тенденціи до такой степени вкоренились въ характеръ грековъ, что новыя экономическія потребности они пытались удовлетворять федеративными соединеніями и даѣе долго не шли.

Описанныя выше горныя защитительныя линіи сыграли историческую роль еще и въ другомъ отношеніи, тоже въ смыслѣ поддержанія мѣстнаго сепартизма. Какъ мы видѣли, главныхъ защитительныхъ линій въ Греціи было пять, и находились онѣ въ разныхъ частяхъ страны. Эта многочисленность защитительныхъ линій имѣла слѣдствіемъ то обстоятельство, что каждая группа народностей заботилась главнымъ образомъ о защитѣ ближайшаго къ ней горнаго брествера, вслѣдствіе чего даже въ случаѣ опасности со стороны враговъ, грозящей всѣмъ грекамъ, соединеніе этихъ группъ достигалось съ большимъ трудомъ. Извѣстна та роань, которая обнаружилась во время нашествія Ксеркса между целопоннесцами, желавшими сосредоточить оборону около Истма, и народами средней Греціи, особенно аеинянами, которые находили нужнымъ оберегать и среднюю Грецію.

Какъ правильно замѣтилъ Neumann, именно эта раздробленность Греціи, вызванная географическими условіями, а все не упадокъ военнаго духа погубили политическую самостоятельность греческихъ государствъ.

Если съ одной стороны горныя защитительныя линіи играли роль въ томъ смыслѣ, что способствовали сепартизму мѣстностей, то съ другой—онѣ имѣли важное культурное значеніе, создавши для грековъ на долгое время *возможность спокойно развиваться* и выработывать высшую культуру. Даже македонскіе завоеватели не могли упрочить въ Греціи свое владычество надолго, и нужна была мощь Римскаго государства, чтобы продолжатьъ всѣ природныя преграды.

Для нѣкоторыхъ обществъ, наиримѣръ, для древне-египетскаго, для ассиро-вавилонскаго, для китайскаго, для русскаго, для германскихъ большое значеніе имѣла *рѣчная система*, гидрографія данной мѣстностей: по рѣкамъ селились люди, привлекаемые природными богатствами хорошо орошенныхъ мѣстностей; рѣки служили связующими путями между различными областями. Греція въ этомъ отношеніи была въ гораздо менѣе благоприятномъ положеніи. Правда, мы видѣли, что рѣчныя долины Греціи обладали болѣе плодородною почвою и болѣшимъ

запасомъ влаги, чѣмъ большинство другихъ мѣстностей. Но, говоря вообще, значеніе рѣчныхъ системъ въ Греціи невелико. Дѣло въ томъ, что 1) рѣкъъ мало, 2) онѣ недлины, 3) онѣ почти несудоходны. Ахелой въ Акарнаніи былъ судоходенъ не далѣе, чѣмъ до Стратоса; по Алфею въ Элидѣ въ эпоху Плинія суда ходили лишь на 9 километровъ вверхъ отъ устья, по Памису въ Мессеніи на 2 километра. Такимъ образомъ рѣки въ Греціи не могли играть той роли, какую онѣ играютъ на болѣе обширныхъ пространствахъ.

Теперь обратимъ вниманіе на то вліяніе, какое оказало *море* на исторію греческихъ обществъ. Я отношу разсмотрѣніе этого вопроса къ концу географическаго обзора Греціи, потому что море стало оказывать непосредственное вліяніе на жизнь греческаго общества позднѣе, чѣмъ климатъ, почва, флора и фауна, горы. Дѣло въ томъ, что на первыхъ ступеняхъ развитія всякое общество довольствуется продуктами окружающей его природы, не выходя за предѣлы доступныхъ материковыхъ мѣстностей. Въ этотъ періодъ море оказываетъ, конечно, вліяніе на жизнь общества, но косвенно: вліяя въ томъ или другомъ отношеніи на климатическія условія. Такое косвенное вліяніе моря мы уже разсмотрѣли. Непосредственно море на раннихъ ступеняхъ развитія общества можетъ вліять развѣ въ томъ смыслѣ, что оно доставляетъ нѣкоторые сорта пищи (рыба, раковины). Положеніе мѣняется, когда человѣкъ выходитъ изъ первоначальнаго приниженаго положенія по отношенію къ природѣ, когда у него является больше энергіи и предприимчивости. Онъ тогда рѣшается пускаться въ море для того, чтобы воспользоваться природными дарами сосѣднихъ странъ и культурными богатствами тамошнихъ жителей, и здѣсь море начинаетъ вліять на жизнь общества, уже болѣе непосредственно. Въ Греціи это вліяніе было значительнѣе, чѣмъ гдѣ-либо.

Чтобы понять это, необходимо бросить взглядъ на отношеніе суши и моря въ Греціи.

Всѣмъ извѣстно, что Греція обладаетъ весьма развитой береговой линіей. Лучше всего развитіе береговой линіи Греціи видно изъ слѣдующаго соображенія. Если бы то количество суши, которое приходится на Грецію, включая Эпиръ, Фессалію, Цикладскіе острова и острова Ионическіе, не считая Крита (всего около 82,000 кв. килом.), имѣло форму круга, то береговая линія равнялась бы 950 килом. На самомъ дѣлѣ это количество суши имѣетъ крайне неправильную форму, вслѣдствіе чего береговая линія равна 3100 килом., т. е. болѣе, чѣмъ въ 3 раза

больше, чѣмъ она была бы при правильной формѣ того же количества суши. Изрѣзанность береговой линіи, какъ извѣстно, сильно облегчаетъ морскія сношенія, особенно на первыхъ ступеняхъ развитія. Переѣзжая отъ мыса къ мысу, отъ одного берега бухты или залива къ другому, первобытный человѣкъ привыкаетъ къ морю и не боится его. Если къ этому добавить множество острововъ, лежащихъ у береговъ Греціи и дающихъ во многихъ мѣстахъ возможность ни на минуту не терять изъ виду сушу, то станетъ вполнѣ понятнымъ то обстоятельство, что греки уже въ древнѣйшее время сдѣлались мореплавателями. „Изъ Аѳинскаго Акрополя, говоритъ Нейшапп, видны не только острова Сароническаго залива, но и горы на противоположномъ берегу Пелопоннеса; Пагасейскій заливъ, окруженный горами, имѣетъ видъ горнаго озера, а Коринскій—представляется узкой лентой—уже, чѣмъ онъ есть на самомъ дѣлѣ, ибо кажется, что высшія стѣны горъ съ обѣихъ сторонъ почти сходятся. При такихъ обстоятельствахъ было бы совершенно невѣроятно, если бы жители одного берега не возымѣли весьма рано желанія знать, что такое находится на противоположномъ берегу и что можно тамъ получать“. Вліяніе удобнаго сообщенія между различными странами, какъ сухопутнаго, такъ тѣмъ болѣе морскаго, на ростъ культуры,—общеизвѣстно.

Нужно, однако, сказать, что и въ отношеніи вліянія моря не всѣ части Греціи находятся въ одинаковомъ положеніи: восточный берегъ имѣетъ гораздо болѣе развитую береговую линію, чѣмъ западный; на востокъ гораздо больше близлежащихъ острововъ, чѣмъ на западъ, и это было одной изъ существеннѣйшихъ причинъ, тормозившихъ развитіе культуры на западѣ и способствовавшихъ ея росту на востокѣ: Этолія, Аккарнанія и другія западныя области сильно отстали въ своемъ культурномъ развитіи отъ Аттики, Мегаръ, Арголіды и другихъ восточныхъ странъ и острововъ Архипелага.

Говоря о вліяніи моря на греческую культуру, мы должны яѣсколько словъ сказать и о *воздушныхъ теченіяхъ* Греціи, благопріятствовавшихъ мореплаванію. Я упомяну здѣсь вѣтры, дующіе ежедневно днемъ съ моря къ сушѣ (освѣжающій бризъ), ночью съ суши на море (теплый вѣтеръ). Періодичность эта, какъ извѣстно, происходитъ отъ неравномѣрнаго нагрѣванія суши и моря. Такіе періодическіе вѣтры были очень важны для недалекихъ экскурсій на близъ лежащіе острова. Еще важнѣе былъ періодически дувшій въ іюль и августъ сѣверный вѣтеръ, игравшій очень важную роль въ исторіи черноморскихъ колоній:

этотъ вѣтеръ давалъ увѣренность колонистамъ въ томъ, что они всегда будутъ имѣть правильное сообщеніе съ метрополіей; также онъ имѣлъ большое значеніе въ хлѣбной торговлѣ съ сѣверомъ. Наоборотъ, южный вѣтеръ, дувшій часто зимою, своею порывистостью былъ скорѣе вреденъ для мореплаванія. Вообще зимнія бури заставляли грековъ приостанавливать на нѣсколько мѣсяцевъ навигацію.

Мы познакомились съ вліяніемъ климата, почвы, естественныхъ богатствъ, горъ, рѣкъ и моря на греческое общество. Теперь я обращаю вниманіе на совокупное дѣйствіе всѣхъ этихъ факторовъ, вызвавшихъ къ жизни одно явленіе, которое представляется особенно характернымъ въ жизни греческихъ обществъ. Я имѣю въ виду *разнообразіе* культурныхъ типовъ въ Греціи. Мы видимъ здѣсь Аѣины—промышленно-торговое государство съ высоко развитой духовной жизнью; Спарту—земледѣльческое государство съ солдатскимъ міросозерпаніемъ, узкими духовными интересами гражданъ; Коринѣ—во многомъ напоминающей Аѣины; Бѳотію съ своимъ зажиточнымъ крестьянствомъ; малоразвитое крестьянство Этоліи и другихъ западныхъ областей; полупустушеское горное населеніе Аркадіи; подвижное торговое населеніе острововъ и малоазійскихъ колоній;—однимъ словомъ всѣ оттънки разнообразныхъ культурныхъ типовъ и перечислить трудно. Въ основѣ этого разнообразія лежатъ географическія условія.

Мы видѣли, что по климату Греція распадается на много областей; почвенныя условія, рѣчная система тоже весьма разнообразны: холодныя зимы въ сѣверныхъ горахъ и въ Аркадіи и благодатный климатъ приморскихъ и островныхъ странъ, бездождныя восточныя области и хорошо орошенныя западныя; плодородная Бѳотія, плодородныя долины рѣкъ и неплодная Аттика—таковы, какъ мы видѣли, контрасты, встрѣчающіеся въ Греціи на небольшомъ пространствѣ, совсѣмъ рядомъ. Мы видѣли, что и воздѣйствіе моря на культуру было весьма различно въ разныхъ частяхъ Греціи: материковыя области въ родѣ Аркадіи, области съ малоизрѣзанными берегами въ родѣ Бѳотіи и западныхъ областей, наконецъ, области съ крайне развитой береговой линіей въ родѣ Аттики—подвергались въ своемъ культурномъ развитіи очень различному воздѣйствію моря; въ Аттикѣ морскія сношенія, а въ связи съ этимъ и морская торговля должна была развиваться болѣе, чѣмъ въ Бѳотіи или западныхъ областяхъ. Естественно, что при разнообразныхъ гео-

графическихъ условіяхъ и типы культуры получились очень различныя. Горы, разобщавшія мѣстности между собою, еще болѣе способствовали тому, что культура каждой мѣстности развивалась самостоятельно.

Такое разнообразіе типовъ культуры имѣло въ высшей степени благотворное вліяніе на общее культурное развитіе Греціи. При близости обществъ съ различной культурой одного къ другому эти общества легко могли обмѣниваться своими культурными богатствами и такимъ образомъ способствовать взаимно культурному росту другъ друга. Нужно обратить къ тому же вниманіе на то обстоятельство, что по большей части горы, раздѣлявшія области, были всетаки доступны, а масса заливовъ, бухтъ и острововъ дѣлало въ очень многихъ мѣстахъ удобнымъ морское сообщеніе между областями. Благодаря этому, культурный обмѣнъ могъ совершаться въ Греціи очень интенсивно. И такъ было въ дѣйствительности.

Мы рассмотрѣли основныя черты физической географіи Греціи и постарались выяснить вліяніе этихъ природныхъ условій на исторію греческаго общества. Подведемъ итоги.

1) Климатическія условія Греціи способствовали быстрому росту культуры, заставляя греческія общества бороться съ природой, но въ то же время дѣлая эту борьбу вполне цѣлесообразной.

2) Въ этомъ же направленіи дѣйствовали и почвенныя условія въ Греціи.

3) Орографія Греціи способствовала развитію мѣстной обособленности, дробя Грецію на мелкія области и въ то же время устраняя опасность со стороны внѣшнихъ враговъ, которые, явившись при другихъ обстоятельствахъ, могли бы побудить грековъ соединиться. Но, если съ одной стороны эта безопасность отъ внѣшнихъ враговъ препятствовала объединенію Греціи, то съ другой—она способствовала въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ послѣдовательному, рѣдко чѣмъ нарушаемому росту культуры.

4) Развитіе береговой линіи и благопріятныя воздушныя теченія рано стали вліять на развитіе морскихъ сношеній, столь благотворныхъ въ культурномъ отношеніи.

5) Разнообразіе климатическихъ и почвенныхъ условій, разобщенность мѣстностей (благодаря горамъ), различное вліяніе моря на различныя мѣстности—все это повело къ тому, что въ Греціи выработались весьма разнообразныя типы культуры,

которые, влияя другъ на друга, этимъ также способствовали быстрому росту греческой цивилизаціи.

Такимъ образомъ, уже разсмотрѣніе перваго изъ основныхъ факторовъ общественной эволюціи въ примѣненіи къ греческимъ обществамъ—а именно природы—въ значительной степени объясняетъ намъ, почему маленькій народецъ, совершенно теряющійся на картѣ земного шара, обнаружилъ такой быстрый и такой многообразный культурный ростъ.

V. Первобытныя индо-европейскія основы.

Въ высшей степени желательно, приступая къ изученію эволюціи какого-либо общества въ данныхъ географическихъ условіяхъ, познакомиться предварительно съ тѣмъ культурнымъ запасомъ, какой это общество имѣло до поселенія въ данной мѣстности. Тогда, будучи знакомы съ географической средой и съ культурой поселенцевъ, мы будемъ имѣть ясное представленіе объ отправномъ пунктѣ въ эволюціи даннаго общества.

Прежде всего является вопросъ: какіе источники мы имѣемъ для рѣшенія поставленной нами задачи, т. е. для опредѣленія культурнаго состоянія грековъ при поселеніи ихъ на Балканскомъ полуостровѣ? Источниками здѣсь служатъ: прежде всего такъ называемая „лингвистическая палеонтологія“; во-вторыхъ, фольклоръ—народныя легенды; въ третьихъ, археологическія и антропологическія данныя и, наконецъ, заключенія отъ послѣдующихъ эпохъ. Нужно замѣтить, что недостаточность источниковъ заставляеть въ этомъ вопросѣ ограничиться лишь приблизительными выводами. Мы не можемъ на основаніи перечисленныхъ источниковъ опредѣлить въ точности характеръ культуры грековъ въ моментъ ихъ поселенія въ Греціи. Больше данныхъ мы имѣемъ, чтобы опредѣлить—да и то лишь въ общихъ чертахъ—культурный уровень грековъ при ихъ отдѣленіи отъ совокупности индо-европейскихъ народовъ.

Сколько нибудь подробно изучить обстоятельства, сопровождавшія это отдѣленіе и водвореніе грековъ на югѣ Балканскаго полуострова,—мы при теперешнемъ уровнѣ науки не можемъ.

Еще Джонсъ и Аделунгъ въ концѣ 18 в. указывали, а Боппъ въ 30-хъ годахъ 19-го доказалъ, что большая часть языковъ Европы, а также санскритскій и древне-иранскіе языки имѣютъ въ корняхъ словъ и въ своемъ строеніи большое сходство между собою. Это наблюденіе легло въ основу новой науки:

сравнительнаго языкознанія или лингвистики. Уже нѣкоторые изъ первыхъ сравнительныхъ языковѣдовъ (Авг. Вильг. Шлегель) обратили вниманіе на то, что путемъ сравненія языковъ и опредѣленія корней, общихъ родственнымъ языкамъ, можно опредѣлить и тотъ запасъ понятій, который существовалъ у народа, говорившаго на праязыкѣ, давшемъ основу индо-европейской группѣ языковъ. Въ 1845 г. явилась работа Кунн'а: „О древнѣйшей исторіи индо-германскихъ народовъ.“, положившая основу особой отрасли сравнительнаго языкознанія: лингвистической палеонтологіи. Позднѣе появилась работа француза Пиктэ (*Pictet, Les origines indo-européennes ou les Aryas primitifs. Essai de paléontologie linguistique. Paris, 1859—63; 2-е изд.—1877*). Лингвистическая палеонтологія ставитъ своей задачей опредѣлить на основаніи извѣстнаго лексическаго матеріала той или другой группы родственныхъ языковъ основныя черты культуры, существовавшей у народовъ, говорящихъ на этихъ языкахъ, въ то время, когда они жили по сосѣдству и говорили на одномъ общемъ праязыкѣ.

Первое время на эту отрасль языкознанія возлагали преувеличенныя надежды относительно изученія до-историческихъ временъ. Въ настоящее время этотъ медовый мѣсяцъ новой науки прошелъ. Болѣе глубокой анализъ съ одной стороны фактовъ языка, съ другой — фактовъ антропологическихъ, археологическихъ и историческихъ показалъ, что далеко не всегда общность названія какого-либо предмета въ различныхъ языкахъ указываетъ на то, что этотъ предметъ былъ извѣстенъ нашимъ предкамъ еще до ихъ раздѣленія на отдѣльныя племена. Сплошь да рядомъ оказывается, что общность названія предмета въ различныхъ языкахъ явилась потому, что предметъ сталъ извѣстенъ одному какому нибудь народу, а этотъ народъ ознакомилъ съ нимъ другіе, причемъ вмѣстѣ съ понятіемъ къ другимъ народамъ перешло и имя. Однимъ словомъ, въ настоящее время ясно, что лингвистическая палеонтологія должна считаться съ данными антропологій, археологій и исторіи, чтобы ея выводы обладали значительной долей достовѣрности. Однако это вовсе не устраняетъ ея значенія въ изслѣдованіи доисторическихъ временъ.

Очень осторожнымъ изслѣдователемъ индо-европейской первобытной культуры является *О. Шрадеръ*, главное сочиненіе котораго: „Сравнительное языковѣднѣе и первобытная исторія“ (*Sprachvergleichung und Urgeschichte*) въ 1906—1907 г. вышло 3-мъ совершенно переработаннымъ изданіемъ. Къ сожалѣ-

нію, русскій переводъ этого сочиненія сдѣланъ съ нынѣ устарѣлаго 1-го изданія.

Имѣется теперь болѣе популярная и краткая работа Шрадера: „Индоевропейцы“ (1911; рус. пер. подъ ред. проф. А. Л. Погодина, Спб., 1913).

Почти всѣ изслѣдователи теперь согласны въ томъ, что значительная часть народовъ, говорящихъ на индо-европейскихъ языкахъ, составляла нѣкогда одинъ народъ (индо-европейскій или индо-германскій пранародъ; его называли также праарійцы). Прежде родину этого народа искали въ Азіи. Въ сущности тутъ произошло нерѣдкое въ исторіи науки недоразумѣніе. Всѣ были согласны, что индо-европейцы происходятъ изъ Азіи, но сколько либо опредѣленныхъ доказательствъ этого не имѣли, и даже самый вопросъ о необходимости доказательствъ не вставлялъ вполне опредѣленно. Если нѣкоторые и подыскивали доказательства, то они всѣ вращались 1) около предполагаемой наибольшей древности санскрита сравнительно съ другими индо-европейскими языками, особенно же 2) около того соображенія, что на востокѣ культура развилась ранѣе, чѣмъ на западѣ, и потому здѣсь де нужно искать и родины культурныхъ народовъ. 3) Rhode (1820) искалъ аргументовъ въ пользу азіатскаго происхожденія индо-европейцевъ еще въ легендахъ Зендъ-Авесты, по которымъ родина арійцевъ находилась въ Бактріи (область Аму-Дарьи). Но эти и подобные аргументы оказались при дальнѣйшемъ изслѣдованіи очень слабыми. Такъ называемая древность санскрита объясняется тѣмъ, что этотъ языкъ до насъ, современныхъ людей, дошелъ въ его древней формѣ, а западные индо-европейскіе языки извѣстны намъ въ сравнительно позднемъ видѣ, такъ что архаизмъ санскрита вовсе не доказываетъ его приоритета по времени образованія сравнительно съ западными индо-европейскими языками. Легенды Авесты никоимъ образомъ не могутъ считаться надежными источниками по вопросу о происхожденіи всѣхъ индо-европейцевъ, а раннее развитіе высокой цивилизаціи на востокѣ логически нисколько не связано съ опредѣленіемъ родины первобытныхъ индо-европейцевъ. 4) Пиктѣ и другіе искали аргументовъ въ пользу азіатскаго происхожденія арійцевъ (именно изъ Бактріи) въ лингвистической палеонтологіи: они пытались доказать, что географическія понятія (названіе временъ года, понятіе о морѣ, названія животныхъ и растеній), существовавшія въ индо-европейскомъ праязыкѣ, соответствуютъ какъ разъ географіи прикаспійскихъ областей Окса, т. е. Аму-Дарьи (Бактріи). Но потомъ оказалось, что эти аргументы могутъ быть истолкованы и въ совершенно иномъ смыслѣ.

Уже въ 50-хъ годахъ стали выражаться сомнѣнія въ правдѣности азіатской гипотезы. *Лэтэмъ* (Latham) и др. стали высказываться за то, что родину индо-европейскихъ народовъ нужно искать въ *Европѣ*. Позднѣе азіатская гипотеза подверглась серьезному разбору со стороны О. Шрадера. Послѣдній склоняется къ гипотезѣ о европейскомъ происхожденіи арійцевъ, а именно ищетъ ихъ родину въ области, лежащей къ северу и западу отъ Чернаго моря со включеніемъ нѣкоторой части Дунайскаго бассейна.

Аргументы склоняющіе Шрадера къ рѣшенію проблемы о родинѣ индо-европейцевъ въ означенномъ смыслѣ, въ главныхъ чертахъ слѣдующіе.

1) Имѣющіяся у насъ данныя относительно *разселенія*, какъ азіатскихъ, такъ и европейскихъ арійцевъ говорятъ въ пользу движенія первыхъ къ востоку и юго-востоку изъ указанныхъ мѣстностей, а послѣднихъ къ югу, западу и юго-западу (это движеніе заняло цѣлый рядъ вѣковъ). При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что основную часть скифовъ, жившихъ на югѣ Россіи и въ киргизско-туркменскихъ степяхъ вплоть до Ирана за нѣсколько вѣковъ до Р. Х., Шрадеръ, на основаніи лингвистическихъ и другихъ данныхъ считаетъ арійцами и полагаетъ, что они были тѣмъ звеномъ, которое соединяло арійцевъ Ирана съ арійцами Европы.

2) Данныя лингвистической палеонтологіи рисуютъ намъ *природу* родины индо-европейцевъ именно такой, какую мы находимъ въ областяхъ, расположенныхъ къ северу и западу отъ Чернаго моря. Такъ мы видимъ, что индо-европейцы знали отчетливо два и—самое большее—три времени года, именно зиму и лѣто: какъ разъ различіе этихъ временъ года отчетливо замѣтно въ южной Россіи, весна —здѣсь коротка, а осень сливается частью съ лѣтомъ, частью съ зимою. Индо-европейцы знали ледъ и снѣгъ, что также соответствуетъ климату этихъ мѣстъ. Знакомство съ моремъ и солью по крайней мѣрѣ западныхъ арійцевъ также соответствуетъ мѣстности около Чернаго моря. Флора и фауна, извѣстныя первобытнымъ индо-европейцамъ, указываютъ или на южно-русскія степи или на лѣсныя области, примыкающія къ этимъ степямъ съ запада. Степной мѣстности соответствуетъ и то обстоятельство, что по даннымъ лингвистики у индо-европейцевъ преобладало скотоводство. Появленіе же рядомъ со скотоводствомъ начатковъ земледѣлія преимущественно у западныхъ индо-европейцевъ соответствуетъ тому, что на западѣ степи южной Россіи переходили въ лѣсныя

области, гдѣ сила обстоятельствъ вынуждала отъ скотоводства перейти къ земледѣлю.

3) Есть много основаній думать, что индо-европейцы не только расселились изъ означенной выше мѣстности, но именно здѣсь и развилась исконнй ихъ культура (т. е. они не были пришельцами въ этой мѣстности). Это видно а) изъ того, что какъ разъ означенныя мѣстности не были охвачены ледниками въ ледниковый періодъ, предшествовавшій современной геологической эпохѣ. б) Въ этихъ мѣстахъ можно наблюдать непрерывный переходъ отъ палеолитической эпохи къ неолитической. в) Въ настоящее время все больше обнаруживается сходство индо-европейской семьи языковъ съ угрофинской; это сходство также очень удобно объяснить, если мы примемъ за родину индо-европейцевъ югъ Россіи.

Теперь обратимся къ вопросу, какова была культура индо-европейцевъ.

Въ своей основѣ эта культура была культурой неолитического періода (эпохи шлифованныхъ каменныхъ орудій). Почти всѣ свѣдѣнія объ оружіи у индо-европейцевъ указываютъ на издѣлія изъ камня или кости, напримѣръ, германское *sahn* (ножъ) — близко къ латинскому — *saup* — камень. Большая часть названій оружія — позднѣйшаго происхожденія. Однако индо-европейцы уже были знакомы съ *мѣдью*, которую употребляли въ чистомъ видѣ, а не въ видѣ бронзы. Мѣдь означалась въ пра-языкѣ словомъ *aj-ov (санскр. *ájah*, лат. *aes*, гот. *aiz*). Изъ мѣди изготовлялись, напримѣръ, топоры (древнеинд. *raṅaśi* = греч. *πέλεκυς*). Знакомство съ мѣдными топорами можетъ быть вышло изъ Месопотаміи, ибо на сумерійскомъ языкѣ (сумерійская культура предшествовала по времени вавилонской) топоръ назывался *balag*.

Главнымъ занятіемъ индо-европейцевъ было скотоводство, но у западной вѣтви ихъ, какъ показываютъ данныя языковѣдѣнія, было уже довольно развито и примитивное земледѣліе, между тѣмъ какъ у восточной вѣтви существовали лишь зачатки послѣдняго. Какъ домашнихъ животныхъ, индо-европейцы имѣли рогатый скотъ (корову и быка), овцу, и, вѣроятно, козу и собаку. Что касается свиньи, то ее знали западные индо-европейцы, жившіе, какъ мы видѣли, въ болѣе лѣсной мѣстности, между тѣмъ какъ восточные съ домашней свиньей не были знакомы. Несомнѣнно знакомство индо-европейцевъ съ лошадыю, но спорно, знали ли они лошадь, какъ домашнее животное. Въ остаткахъ древнѣйшихъ поселеній Европы встрѣчаются кости быка, овцы, козы, собаки, свиньи и лошади.

Изъ земледѣльческихъ растений *западные* индо-европейцы были знакомы съ ячменемъ, пшеницей, просомъ, льномъ, а также съ бобами и макомъ. Ржи и овса индо-европейцы, по-видимому, не знали. Выше названныя растенія не только были извѣстны западнымъ индо-европейцамъ, но они умѣли ихъ и воздѣлывать: терминъ „пахать“, „плугъ“, „сѣять“, „косить“, „молоть“ — сходны въ большей части языковъ европейской группы. Напротивъ, терминовъ, относящихся къ земледѣлю и сходныхъ въ языкахъ, какъ европейской, такъ и азіатской группы и даже въ различныхъ языкахъ одной азіатской группы, — очень мало, изъ чего слѣдуетъ, что восточная вѣтвь индо-европейцевъ, живя въ степной мѣстности, была до своего отдѣленія отъ остальныхъ арійцевъ и даже до своего раздѣленія на иранцевъ и индусовъ мало знакома съ земледѣліемъ. Такого рода различіе между восточными и западными арійцами вполне естественно въ виду географическаго различія мѣстности занятой первыми (степь) и послѣдними (степь, чередующаяся съ лѣсомъ, или лѣсъ). Извѣстно, что у первобытныхъ народовъ переходъ отъ скотоводства и охоты къ земледѣлю вызывается лишь нуждою. Это случалось по большей части тогда, когда въ поискахъ за пастбищами народъ достигалъ лѣсистой области, непригодной для скотоводства. *)

Это обстоятельство играло роль въ области, занятой западными индо-европейцами, но сказывалось крайне слабо въ безпредѣльныхъ степяхъ юго-восточной Россіи и ближайшей части Азіи.

Отдѣвались арійцы въ шкуры животныхъ, особенно домашнихъ (овечьи). Но данныя языковѣднія, равно какъ и археологическія, заставляютъ думать, что арійцы были знакомы уже съ плетениемъ, съ тканьемъ и съ валяніемъ шерсти. Ткали они, какъ шерстяныя, такъ и льняныя волокна.

Они умѣли строить хижины, но, вѣроятно, довольно непрочныя, изъ дерева, вѣтвей, соломы, можетъ быть, изъ глины. Археологическія данныя показываютъ, что у индо-европейцевъ встрѣчались круглыя хижины, подобныя юртамъ кочевниковъ. По характеру постройки хижины должны были напоминать дома, упоминаемые въ древне-индійской литературѣ (въ Атар-

*) Конечно, и другія причины могли заставить переходить къ земледѣлю: падежъ скота въ суровую зиму или отъ болѣзней; вліяніе сосѣдей, которые останавливали движеніе для поисковъ пастбищъ.

заведѣ), выстроенные исключительно изъ дерева. Могли онѣ напоминать и свайныя постройки Швейцаріи и Верхней Италіи, сдѣланныя изъ жердей и плетеныхъ прутьевъ, вымазанныхъ глиной.—Есть основаніе думать, что у нихъ были и землянки, встрѣчающіяся въ древне-иранской Авестѣ и упоминаемая Ксенофонтъ у армянъ (Anab., IV, 5, 25).

Изъ средствъ передвиженія индо-европейцы знали телегу (понятія „колесо“, „ось“ и проч. имѣлись у индо-европейцевъ) и гребную лодку (вѣроятно, однодревку). Парусныхъ судовъ они не знали, и вообще навигаціонное искусство у нихъ, повидимому, было очень слабо развито.

Такова была матеріальная культура индо-европейцевъ. Говоря вообще, она очень сходна съ той степенью культуры, какая рисуется археологическими данными Европы для эпохи поздняго неолитическаго и ранняго бронзоваго вѣка. Такова культура этого времени на юго-западѣ Россіи. Особенное сходство съ культурой индо-европейцевъ, какъ она рисуется по даннымъ лингвистики, можно найти въ свайныхъ постройкахъ Швейцаріи и Верхней Италіи (террамары).

Что касается общественнаго строя индо-европейцевъ, то данныя лингвистики показываютъ, что они жили патриархальными семьями, во главѣ которыхъ стоялъ отецъ. Данныя сравнительнаго правовѣдѣнія даютъ основаніе думать, что отецъ (скр. *pitár*, авест. *pitag*, армян. *hair*, греч. *πατήρ*, лат. *pater*, ирл. *athir*, готск. *faðar*) имѣлъ неограниченную власть въ семьѣ. Браки заключались покупкой или похищеніемъ, что явствуетъ изъ всеобщности этихъ формъ брака у всѣхъ индо-европейскихъ народовъ въ древнѣйшія времена. Существованіе полигаміи у богатыхъ людей Ригведы, въ древнѣйшей Персіи и въ древней Германіи позволяетъ думать, что полигамія встрѣчалась и у праарійцевъ.

Сопоставленіе свѣдѣній, имѣющихся у насъ относительно древнѣйшаго общественнаго строя различныхъ народовъ индо-европейскаго происхожденія (славянъ, германцевъ, кельтовъ, грековъ, римлянъ, индусовъ и др.),—даетъ право заключить, что отдѣльныя семьи, по большей части связанныя общимъ происхожденіемъ, объединялись въ *роды* или *кланы* (*genus*, *γένος*, *Sippe*). Эти кланы чтили общаго родоначальника, были связаны обязанностью мстить другъ за друга; на войнѣ члены клана становились вмѣстѣ. Они владѣли сообща землей. При переходѣ къ осѣдности кланы и солились вмѣстѣ, въ силу чего понятіе клана стало совпадать съ понятіемъ деревни (санскр. *viç*, греч.

Ви́с—(въ словѣ *трица-Ви́с*), лат. *vicius*, древнесл. *всь* и проч. Во главѣ клана стоялъ старѣйшина (санскрит. *viç-páti* древнеиранск. *vis-paiti*, литовск. *wiész-pats*).

Могли образовываться и болѣе значительныя соединенія, чѣмъ родъ или кланъ, а именно *племя*, во главѣ котораго стоялъ царь (вѣроятно, сначала выбиравшійся на племенномъ собраніи): санскр. *gājan*, лат. *rex*, ирланд. *gi*. Нѣкоторыя деревни защищались валами и рвами, причемъ строили ихъ на возвышенныхъ мѣстахъ. Это такъ называемыя *городища* (санскрит. *пуг*—греч. *πόλις*—литовск. *pilis*).

Религіозныя вѣрованія первобытныхъ индо-европейцевъ можно пока возстановить лишь въ самыхъ общихъ чертахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что религія ихъ, какъ вообще религія первобытныхъ народовъ, проникнута была *анимизмомъ*. Первобытный человѣкъ знаетъ только самого себя и себя подобныхъ. Желая истолковать окружающую его природу, отъ которой онъ зависитъ, дикарь исходитъ изъ того, что онъ знаетъ о себѣ: вся природа, все ея движеніе, вся ея жизнь истолковывается имъ такъ, какъ истолковывается его собственное движеніе, его собственная жизнь. Вездѣ онъ видитъ *одушевленіе, душу*. Понятіе же о душѣ, какъ о движущемъ и животворящемъ началѣ, создается подъ вліяніемъ постоянныхъ наблюденій надъ сномъ и смертью: живой, движущійся человѣкъ въ теченіе сна на время, а при смерти — навсегда дѣлается неподвижнымъ и безжизненнымъ. Дикарь заключаетъ отсюда, что движущее, животворящее существо, бывшее въ человѣкѣ или животномъ, удалилось на время или навсегда. Это и есть *душа*. Присутствіемъ такихъ душъ дикарь объясняетъ жизнь и движеніе во всей природѣ. Вся природа населена душами, *демонами*. Дикарь чувствуетъ свою зависимость отъ этихъ демоновъ природы. Особенно выдающіеся по своей формѣ, величій и т. п. предметы, снискаваютъ особое почитаніе со стороны дикаря: это—*фетиши*, которые имѣютъ особую связь съ міромъ демоновъ. Души умершихъ людей тоже пользуются почитаніемъ, въ особенности *души предковъ*. Лишь постепенно изъ массы деменовъ выдѣляются *индивидуальные боги*, первоначально олицетворяющіе наиболѣе крупныя явленія природы. Выработанная мѣологія создается много позднѣе и главнымъ образомъ въ высшихъ слояхъ народа (особенно среди жрецовъ); въ вѣрованіяхъ широкихъ массъ всегда мало системы.

Относительно первобытныхъ индо-европейцевъ специалисты, главнымъ образомъ путемъ сравнительнаго изученія примитив-

ныхъ религій, а отчасти и данныхъ лингвистики (О. Шрадеръ) пришли къ выводу, что 1) у индо-европейцевъ существовало *почитаніе умершихъ* особенно предковъ, 2) у нихъ существовало обоготвореніе явленій природы, особенно *неба* (санскрит. *déva*—латин. *deus*, лит. *diewas*, ирл. *dia*, древне-норв. *tívar*; также санскрит. *dyâns*, греч. *Δι-ὄς*, латинск. *Ju-piter*) и *земли*. Есть основаніе думать, что индо-европейцы имѣли уже понятіе о культѣ (жертвоприношенія). Жертвы приносили отецъ семейства или вождь, но можно думать, что уже появились специалисты по вѣдовству, по ритуалу (кудесники).

Теперь остается поставить вопросы: 1) что повело индо-европейцевъ къ расселенію съ ихъ первоначальной родины? и 2) какимъ путемъ греки проникли на Балканскій полуостровъ?

Что касается перваго вопроса, то, конечно, на него можно дать только гипотетическій отвѣтъ.

Приходится считаться съ тѣмъ, что только горькая нужда заставляетъ народы покидать родину. И праарійцы двигались, конечно, въ поискахъ за пастбищами для скота. Западная вѣтвь ихъ, занимавшаяся на ряду со скотоводствомъ также и земледѣліемъ, при экстенсивности послѣдняго тоже должна была медленно двигаться въ поискахъ за неистощенными землями. Напоръ же восточныхъ кочевниковъ ускорялъ по временамъ это движеніе. Такъ арійцы постепенно расселялись изъ своей родины на востокъ и юго-востокъ въ Азію и на западъ въ среднюю и южную Европу.

Въ числѣ западныхъ племенъ были и *греки*, постепенно дошедшіе до Балканскаго полуострова и занявшіе южную окраину послѣдняго. Цѣлый рядъ аргументовъ говорить за то, что греки пришли въ Элладу и Пелопоннесъ съ сѣвера, двигаясь черезъ Эпиръ. Эпиръ считался самими греками (Аристотель въ *Meteorol. I, 353 a*) „родиной Эллады“ (*ἀρχαία Ἑλλάδος*). Здѣсь въ Додонѣ находилось древнѣйшее національное святилище грековъ. Самое названіе: эллины—можно связать съ греческимъ родомъ въ Додонѣ: *Ἕλλοι* или *Σελλοι*. Римское названіе эллиновъ (*gtaeci*) идетъ изъ Эпира: такъ назывались жители средняго Эпира. Отсюда по преданію вышли ессалийцы и доряне.

Далѣ мы увидимъ, что и археологическія данныя заставляютъ насъ искать родину грековъ на сѣверѣ, и рядъ археологическихъ аргументовъ говоритъ, что наиболѣе вѣроятной ихъ родиной является мѣстность, обозначенная изысканіями О. Шрадера.

VI. Сосѣди грековъ въ древнѣйшее время и ихъ вліяніе на развитіе греческой культуры.

Дальнѣйшей задачей представляется изслѣдованіе вопроса о сосѣдяхъ грековъ, оказывавшихъ свое культурное вліяніе на греческія общества на раннихъ ступеняхъ ихъ развитія.

Древняя Греція—это небольшой клочекъ земли, составлявшійся изъ острововъ, южной части Балканскаго полуострова и западнаго побережья М. Азіи. Въ то время, когда приходится предполагать появленіе грековъ въ этихъ мѣстахъ,—вокругъ уже существовали большія культурныя государства, съ ролью которыхъ въ судьбахъ Греціи приходится считаться. Таковы были государства: Египетское, хеттискія царства, финикійскіе города, Ассирія, Вавилонія. Ассиро-Вавилонское вліяніе имѣло мѣсто только черезъ посредство сирійскихъ и мало-азійскихъ народностей: хеттиты и финикияне, позднѣе персы служили здѣсь главными передаточными пунктами.

а) *Египетское вліяніе.* Въ то время, когда начинается сколько-нибудь достовѣрная исторія Греціи, въ Египтѣ гибнетъ Среднее царство, начинается и тянется эпоха Нового царства,—періодъ отъ 1600 до 1000 г. до Р. X. Предшествующая эпоха (ок. 2500—1600 г.) характеризуется, какъ періодъ египетскаго феодализма. Египетъ распадался на мелкія государства, находившіяся въ слабой связи между собою и слабomъ повиновеніи фараону. Преобладало натуральное хозяйство, хотя обмѣнъ уже зародился. Феодальный строй, и распри привели къ тому, что Египетъ сталъ добычей завоевателей съ востока (гиксосы). Въ эпоху 13 династіи начинается ослабленіе государства; 14—17 династіи—періодъ упадка (владычество гиксосовъ). Съ 17 династіи—Египетъ начинаетъ возрождаться. Происходитъ крушеніе феодализма и созданіе бюрократическо-военной монархіи (Новое Царство—1580—1100 г. до Р. X.). Въ борьбѣ съ варварами Египетъ объединяется, укрѣпляется и затѣмъ выходитъ за свои предѣлы. Здѣсь идетъ рѣчь не только

о движеніи на югъ, но и о движеніи на сѣв.-востокъ. Такая завоевательная политика проводится, главнымъ образомъ, при 18 династіи. Это—эпоха высшаго расцвѣта Египта. Рядъ царей предпринимаетъ походы въ Сирію. Тутмосъ I доходитъ до Евфрата, но удержаться здѣсь ему не удается и онъ вынужденъ вернуться назадъ. Завоеванія Тутмоса III услѣдствіе: онъ утверждаетъ границу на Евфратѣ. При Аменхотепахъ (Аменофисахъ) III и IV (ок. 1410—1350 г.) мы можемъ съ большой полнотой наблюдать развитіе дипломатическихъ сношеній съ Азіей. На глиняныхъ плиткахъ, найденныхъ въ Египтѣ въ мѣстечкѣ Эль-Амарна, открыто много писемъ, написанныхъ на вавилонскомъ языкѣ клинообразными письменами. Ихъ обиліе поразило ученыхъ. Специалисты по ассириологіи нашли, что въ этой перепискѣ содержатся письма разныхъ правительствъ Передней Азіи къ Аменхотепу III и Аменхотепу IV. Переписка указываетъ на сношенія Египта съ египетскими васалами въ Финикии и Сиріи, съ хеттами (царство Митани), съ Вавилоніей и Ассуромъ. При 19 династіи замѣтно стремленіе удержать владѣнія въ Азіи, но этому препятствуетъ Хеттское царство. Рамсесъ II выдерживаетъ борьбу съ хеттскимъ царемъ, конецъ которой (послѣ битвы при Кадешѣ на рѣкѣ Оронть) положенъ договоромъ (этотъ договоръ дошелъ до насъ). Хетты кладутъ предѣлъ движенію египтянъ на востокъ.

Уже въ эпоху Средняго Царства сношенія Египта съ областью Эгейскаго моря несомнѣнны, хотя можно предполагать сношенія и болѣе раннія. Въ эпоху 18 и 19 династій эта связь упрачивается. Въ надписяхъ Тутмоса III упоминаются критяне (кефтіу). Раскопки въ бассейнѣ Эгейскаго моря дали предметы съ именемъ Аменхотепа III. Эти находки свидѣтельствуютъ о существованіи обмѣна между Египетской монархіей и Греціей эпохи микенской культуры. Затѣмъ, въ Египтѣ найдены черепки сосудовъ, отмѣченныхъ чертами микенскаго художественнаго стиля: ясное указаніе на фактъ существованія обмѣна между названными странами. При 19-ой династіи Египту пришлось бороться съ ливійцами и съ сѣверными воинами, названными въ надписяхъ Шардана, Шакуруша, Туруша, Данауна и Акаиваша. Нѣкоторые ученые думаютъ, что Шакуруша—это Сицилійцы, Шардана—Сардинцы, Туруша—этруски, но другіе полагаютъ, что указанная названія соотвѣтствуютъ мѣстностямъ М. Азіи. Весьма обосновано мнѣніе, что Акаиваша равнозначуще „ахейцамъ“, а Данауна—

„данайцамъ“. Въ изображеніяхъ этой эпохи есть войны, напоминающіе по своему виду войнъ микенскаго періода. Мернепта наноситъ имъ ударъ.

Уже въ эпоху 20-й династіи Новое Царство слабѣетъ (XII в.) и постепенно гибнетъ. (ок. 1100 г. до Р. Х.). Устанавливается господство жрецовъ и войнъ (21 и 22 династіи). Мы увидимъ, что въ Греціи приблизительно въ это же время падаетъ микенская культура (начиная съ пол. XIII в.). Для Египта наступаютъ смутныя времена. Этими смутами пользуются египтяне, жившіе къ югу отъ Египта, и ихъ царь Шабака завоевываетъ Египетъ (25-я династія). Положеніе 25 династіи тоже не особенно прочно. Ок. 670 г. ассирійцы подчинили Нижній Египетъ своей власти. Конечно, въ смутныя времена 20—25 династій (XII—VII вв.) сношенія Египта съ Греціей слабы, какъ это видно изъ возникшихъ въ это время гомеровскихъ поэмъ (см. ниже).

Ассирійское господство въ Египтѣ продолжалось лѣтъ двадцать. Оно было свергнуто княземъ города Саиса (въ Дельтѣ)—Псамметихомъ I. Новая (26-я) династія царствуетъ вплоть до 525 г.—до завоеванія Египта Камбизомъ. Въ эту эпоху въ Египтѣ развивается большая греческая колонія Накратисъ, много грековъ находится на службѣ у фараона.

Таковы отношенія между Греціей и Египтомъ. Есть, слѣдовательно, несомнѣнныя данныя о сношеніяхъ между этими странами еще въ эгейскій періодъ, потомъ съ XII в. сношенія слабѣютъ, но съ половины VII и въ VI вѣкѣ при 26-й династіи онѣ вновь дѣлаются тѣсными. Столь раннія сношенія Греціи со страной, обладающей древней культурой, были однимъ изъ факторовъ быстро развитія греческой культуры.

б) *Хеттискія культура.* Мѣстами распространенія такъ называемой хеттискій или хеттской культуры были: М. Азія—преимущественно южныя области (Киликія), также восточныя (Каппадокія), — сѣверная Месопотамія, сѣверная Сирія. Слѣды ея находятъ и западнѣе въ Лидіи. Границей ея вліянія, полагаютъ, было Эгейское море, хотя предѣлы этого вліянія точно невыясненъ и до сихъ поръ. Весьма вѣроятно, однако, что греки въ періодъ Микенской культуры ближе всего подходили къ хеттамъ. Много слѣдовъ хеттской культуры сохранилось въ М. Азіи; свидѣнія о ней даютъ также изслѣдованія въ сѣверной Месопотаміи и сѣверной Сиріи.

На этот хеттскій циклъ восточной культуры долго не обращали вниманія. Въ настоящее время изслѣдованія въ М. Азіи повели къ открытію слѣдовъ ея, заключающихся, главнымъ образомъ, въ остаткахъ построекъ и скульптуры и надписяхъ, сдѣланныхъ особыми гіероглифами, непохожими на египетскіе. Надписи эти собраны, но до сихъ поръ еще не истолкованы, за исключеніемъ нѣкоторыхъ знаковъ, истолкованныхъ, впрочемъ, проблематически. Однако въ 1905 г. въ дер. Богазкѣи въ М. Азіи были найдены глиняныя дощечки съ текстомъ, написанномъ на вавилонскомъ языкѣ или на хеттскомъ языкѣ, но вавилонскими письменами. Оказалось, что это дипломатическая переписка хеттскаго царя. Вавилонскія письма прочитаны.

Открытые слѣды непохожи ни на памятники греческой, ни на памятники египетской и ассиро-вавилонской культуры. Уже въ половинѣ 2-го тысячелѣтія до Р. Х. хеттская культура была довольно развита, слѣдовательно, начало ея развитія слѣдуетъ отнести къ еще болѣе раннему времени.

Хетты упоминаются въ Библии.

Въ табличкахъ Эль-Амарны, содержащихъ дипломатическую переписку Аменхотеповъ III и IV съ властителями М. Азіи (конца XV и начала XIV вѣковъ) говорится о хеттахъ. Въ надписяхъ Эль-Амарны выступаетъ, какъ мы видѣли, хеттское племя „Митани“. Позднѣе хетты вступаютъ въ столкновеніе съ фараонами: происходитъ битва при Кадешѣ и разграниченіе сферы вліянія Египта и хеттовъ (19-я егип. династія). Сѣверная Сирія отходитъ къ хеттамъ. Хетты уже настолько сильны, что Египетъ долженъ идти на серьезныя уступки. Между примирившимися сторонами заключается союзъ.

Позднѣе вліяніе Хеттскаго царства уменьшается, но города, основанные ими,—Кадешъ на Оронтѣ и Кархемышъ на Евфратѣ—продолжаютъ существовать (Кархемышъ палъ отъ ассирійцевъ въ 717 г.).

Происхожденіе хеттской культуры неясно. Сейсъ находилъ сходство ея съ ассиро-вавилонской: характеръ барельефовъ, орнаменты (крылатые львы, боги, изображаемые стоящими на животныхъ):—все это напоминаетъ ассиро-вавилонскую культуру, но есть и различія. Они, въ общихъ чертахъ, таковы: 1) другой типъ людей, изображаемыхъ на памятникахъ хеттской культуры—приятельные люди съ некрасивымъ профилемъ; 2) различенъ характеръ одѣянія: короткая туника съ короткими рукавами, башмаки съ загнутыми носками, остроконеч-

ная шапка—одѣяніе не ассиро-вавилонское; 3) въ орнаментахъ тоже много своеобразнаго; характерны геммы съ рисункомъ, окруженнымъ однимъ или нѣсколькими концентрическими кругами; 4) хеттскіе гіероглифы не имѣютъ ничего общаго съ клинописью. Улавливаетъ Сейсъ и вліяніе Египта, хотя и мѣнѣе замѣтное, чѣмъ ассиро-вавилонское: изображеніе сфинксовъ напоминаетъ египетскихъ; на горѣ Сипилѣ найдено изображеніе сидящей богини въ египетскомъ стилѣ. Но сходство это не такъ велико, чтобы можно было говорить о происхожденіи хеттской культуры отъ той или другой изъ цикла древнихъ культуръ.

Найдено нѣсколько крупныхъ хеттскихъ надписей и много мелкихъ, надписи—гіероглифическія. Характеръ написанія отличается отъ египетскаго: здѣсь чаще—горельефъ, а въ Египтѣ изображенія знаковъ—вырѣзанныя. Въ Египтѣ изображаются чаще цѣлыя животныя или люди, у хеттовъ только головы или другія части людей и животныхъ. Число открытыхъ знаковъ превышаетъ 200. Значеніе ихъ еще не выяснено. Ключемъ для толкованія найденныхъ надписей должны послужить дошедшія до насъ надписи на хеттскомъ языкѣ, сдѣланныя клинообразно.

Нѣкоторые предметы крито-микенской эпохи на островахъ Эгейскаго моря напоминаютъ хеттскіе: таковы двойные топоры и т. п. На острова Эгейскаго моря хеттская культура проникла, хотя степень ея вліянія на грековъ еще не выяснена. Однако мы должны учесть и это вліяніе.

с) *Финикійское вліяніе на грековъ*—одинъ изъ наиболѣе сложныхъ вопросовъ. Сами греки преувеличивали это вліяніе. Финикіяне были имъ наиболѣе извѣстны изъ восточныхъ народовъ. У нихъ греки нашли высокую культуру. Поэтому когда у грековъ въ эпоху греческаго средневѣковья возникъ вопросъ о происхожденіи греческой культуры, — источникъ ея сами греки стали искать въ восточныхъ областяхъ, гдѣ, какъ они знали, культура была весьма древняя. Прежде всего они остановили свое вниманіе на наиболѣе знакомомъ имъ въ то время культурномъ народѣ: финикіянахъ; на этой почвѣ у грековъ создалось мнѣніе, что греческая культура—финикійскаго происхожденія. Такимъ образомъ, финикійская культура представлялась типомъ культуры, легшимъ въ основу греческой. Это мнѣніе перешло и въ новую науку. Однако теперь доказано, что у финикіянь самостоятельной культуры не было: ихъ культура—результатъ смѣшенія куль-

туръ ассиро-вавилонской и египетской. Финикияне занимали небольшое пространство, и здѣсь были лишь торговые центры. Потому ученые изъ одной крайности перешли въ другую: въ наукѣ явилось новое направленіе, преуменьшавшее вліяніе финикиянъ. Белохъ въ своихъ работахъ стремится ослабить представленіе о ихъ вліяніи, отрицаетъ значеніи финикійской колонизаціи въ Греціи и считаетъ мины, въ которыхъ фигурируютъ финикияне, произведеніемъ позднѣйшихъ греческихъ историковъ. Въ настоящее время устанавливается среднее теченіе, представителемъ котораго является Пёльманъ. Ранняя греческая культура не выводится изъ финикійской, но не отрицается финикійская колонизація побережья Греціи и нѣкоторыхъ острововъ Эгейскаго моря, хотя врядъ-ли эта колонизація была велика: навѣрное, это были маленькія торговыя факторіи, основанныя группами финикійскихъ купцовъ. Доказательствомъ этого является существованіе культовъ финикійскихъ божествъ въ прибрежныхъ и островныхъ поселеніяхъ Греціи, напримѣръ, культъ Астарты на островѣ Кіоерѣ, замѣненный потомъ культомъ Афродиты: культъ Мелькарта (Геракла) въ Коринѣ и проч. Въ исторіи религіи обычно явленіе, когда культъ боговъ распространяется вслѣдъ за купцами. Въ томъ же смыслѣ говоритъ названіе рѣки *Yordanos* (Иорданъ) въ Элидѣ и на Критѣ, горы *Atab'zion* (Таворъ) на Родосѣ, мѣстности Мелитѣ въ Аеянахъ и т. п. Всѣ эти имена напоминаютъ названія, встрѣчающіяся въ Финикіи и Палестинѣ. Множество греческихъ легендъ упоминаетъ о финикійскихъ купцахъ и поселенцахъ. Дѣлать прочныхъ завоеваній финикияне по своей малочисленности и чисто торговому характеру не могли.

Раннія свѣдѣнія о финикійскихъ городахъ въ Азію имѣются отъ XV—XIV вв. до Р. X. въ эль-амарнской перепискѣ. Въ этихъ свѣдѣніяхъ фигурируютъ Тиръ, Сидонъ, Библь, Арвадъ, имѣющіе каждый своего князька; города эти зависятъ отъ Египта (вассальная зависимость въ эпоху 18 династіи). Финикійскіе городскіе князья въ XII в. освобождаются отъ египетскаго ига, но скоро попадаютъ подъ власть Ассиріи. Упадокъ Ассиріи въ XI в. ведетъ къ тому, что Финикія и Палестина освобождаются. Въ это время Тиръ, гдѣ утвердилась династія Хирама (X в.), занимаетъ центральное мѣсто среди финикійскихъ городовъ (это эпоха Давида и Соломона въ Палестинѣ). Въ это же время начинается созданіе финикійскихъ факторій на островахъ Эгейскаго моря, на Кипрѣ (городъ Китіонъ). Къ этому-же времени относится преданіе объ основаніи Кароагена.

Уже въ IX в. снова усиливается вліяніе Ассиріи, и Финикія вновь попадаетъ въ зависимость отъ нея: даже Тирь вынужденъ былъ платить дань. Этимъ и кончается самостоятельное существованіе Финикіи. Позднѣ Финикія входитъ въ составъ Ново-Вавилонскаго царства (605—539 г. до Р. X.), и, наконецъ, происходитъ персидское завоеваніе. Только въ теченіе одного вѣка Финикія развивается самостоятельно. Финикійская колонизація шла далеко на западъ: и въ Сициліи, и въ сѣверной Африкѣ, и въ Испаніи были финикійскія факторіи.

Итакъ культурные остатки, географическія названія, преданія о поселеніи финикійцевъ въ Греціи заставляютъ думать, что вліяніе Финикіи на греческую культуру, несомнѣнно, существовало въ X—VII вѣкахъ. Гомеровскія поэмы, слагавшіяся въ эту эпоху, нѣрѣдко упоминаютъ о финикіянахъ.

Этимъ обзоромъ иноземныхъ культурныхъ вліяній на Грецію закончимъ вступительную часть и перейдемъ къ изученію историческаго развитія Греціи.

VII. Эпоха эгейской культуры.

Эта эпоха изучается главнымъ образомъ на основаніи археологическихъ данныхъ. Такія данныя, какъ мы увидимъ ниже, добыты преимущественно въ раскопкахъ, производившихся Шлиманомъ въ 1870—80-хъ годахъ, англичаниномъ Ивансомъ (Evans) и итальянцемъ Альберомъ (Halbherr) въ 1900-хъ годахъ. Лишь позднія стадіи ея нѣсколько освѣщаются гомеровскими поэмами. Нѣкоторый свѣтъ, преимущественно тоже на болѣе позднія стадіи, проливаютъ египетскіе памятники. На о. Критѣ найдено много письменныхъ памятниковъ, но ни шрифтъ ихъ, ни языкъ пока еще не поддаются чтенію и переводу.

Раскопки Шлимана. Генрихъ Шлиманъ родился въ Мекленбургъ-Шверинѣ въ 1822 г. Бѣдность родителей не дала ему возможности получить правильное образованіе, и онъ съ 14 лѣтъ долженъ былъ снискивать средства существованія службой въ качествѣ приказчика въ лавкѣ. Позднѣ судьба заноситъ его въ Голландію, въ Амстердамъ, гдѣ онъ находитъ мѣсто въ торговой конторѣ. Всѣ свои досуги онъ посвящаетъ изученію иностранныхъ языковъ. Онъ овладѣлъ почти всеми европейскими языками, въ томъ числѣ и русскимъ.

Еще въ дѣтствѣ на Шлимана произвела большое впечатлѣніе книга, подаренная ему отцомъ и содержавшая, между прочимъ, исторію троянской войны. Уже тогда онъ сталъ мечтать, какъ, выросши, онъ раскопаетъ развалины Трои. Эта мысль не оставляла его и впослѣдствіи, когда онъ сталъ взрослымъ человѣкомъ. Онъ мечталъ выучиться древне-греческому языку, но служба удерживала его отъ этой трудной работы.

Въ 1846 г. торговый домъ, въ которомъ онъ служилъ, отправилъ его въ Петроградъ. Черезъ нѣсколько времени Шлиманъ открылъ здѣсь самостоятельную торговлю, которая пошла прекрасно. Состояніе его росло, и въ 1856 г. онъ нашелъ возможнымъ исполнить свою завѣтную мечту: онъ принялся за изученіе греческаго языка, которымъ овладѣлъ настолько, что въ теченіи двухъ лѣтъ перечиталъ въ подлинникъ главнѣйшихъ классиковъ и особенно внимательно—Иліаду и Одиссею.

Съ 1858 г. Шлиманъ предпринимаетъ рядъ путешествій въ Грецію и на Востокъ. Ликвидировавъ свое торговое дѣло, онъ нѣсколько времени спустя покинулъ Россію, и съ 1868 г. принялся за подготовку раскопокъ на мѣстѣ Трои. Онъ получилъ отъ турецкаго правительства соотвѣтствующее разрѣшеніе и въ 1871 г. принялся за работу.

Не малаго труда стоило опредѣлить самое мѣстоположеніе древней Трои. Исслѣдованія, произведенныя Шлиманомъ на мѣстѣ, привели его къ убѣжденію, что Троя стояла на томъ мѣстѣ, гдѣ позднѣе стоялъ Новый Иліонъ—на холмѣ Гиссарликъ, а не близъ деревни Бунарбаши, какъ думали прежде. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ Шлиманъ открылъ на указанномъ мѣстѣ семь наслоеній,—семь поселеній, возникшихъ одно надъ другимъ. Они называются „городами Шлимана“. Нужно, однако, замѣтить, что позднѣе сотрудникъ Шлимана, архитекторъ Дёрпфельдъ, пришелъ къ выводу, что поселеній были не семь, а даже девять. Далѣе я употребляю нумерацію поселеній, установленную Дёрпфельдомъ.

Археологическія данныя. Первый городъ—относится къ сѣдой старинѣ. Отъ него остались слѣды внѣшнихъ каменныхъ стѣнъ изъ небольшихъ плоскихъ камней, много орудій, слѣданныхъ изъ камня и кости. Нашелъ Шлиманъ здѣсь и бронзу (мѣдъ съ примѣсью олова), но въ очень ограниченномъ количествѣ, найдены формы для отливки. Къ сожалѣнію, Шлиманъ не былъ методически подготовленъ къ производству раскопокъ

и, производя работу, допустилъ смѣшеніе пластовъ перваго и втораго поселеній, такъ что весьма возможно, что металлическіе предметы въ слои перваго поселенія проникли изъ слоевъ втораго.

Второй городъ Шлимана—представляетъ дальнѣйшее развитіе той-же культуры. Перерыва въ развитіи культуры здѣсь не видно. Очевидно, одинъ и тотъ же народъ развивался дальше. Этотъ городъ больше перваго. Стѣны сложены съ большимъ техническимъ совершенствомъ. Камни пригнаны другъ къ другу; изъ нихъ сдѣланъ фундаментъ; стѣна же въ $3\frac{1}{2}$ —4 метра толщиною сложена изъ необожженнаго, но высушеннаго на солнцѣ кирпича; кирпичная кладка связана горизонтальными деревянными балками. Стѣна представляетъ изъ себя многогранникъ. На югѣ—большія ворота въ видѣ башни. Длина этой башни 40 метровъ, ширина—18; ворота— $3\frac{1}{2}$ метра ширины. Внутри стѣнъ—остатки построекъ. Наибольшая группа построекъ, повидимому, представляетъ дворецъ: здѣсь имѣется залъ (*мегарон*), съ круглымъ очагомъ по срединѣ и съ небольшою передней впереди. Надѣво (если стать лицомъ къ мегарону)—зданіе съ нѣсколькими комнатами, направо—два зданія. Остатки, находимые здѣсь, частью сходны съ находками изъ перваго города, частью различаются. Кромѣ каменныхъ орудій, здѣсь очень много металлическихъ предметовъ, какъ бронзовыхъ, такъ и изъ благородныхъ металловъ (золото и серебро). Особенно обращаетъ на себя вниманіе собраніе золотыхъ предметовъ (ожерелье, браслеты, серьги и проч.),—такъ называемое „Сокровище Приама“. Особенное вниманіе привлекли глиняные сосуды, по большей части сдѣланные еще безъ помощи гончарнаго колеса. Сосуды имѣютъ иногда форму животныхъ или форму человѣческаго лица. Встрѣчаются сосуды съ длинными носиками въ видѣ клюва (*Schabelkannen*), или сосуды въ видѣ воронки съ ручками, повидимому, подвѣшивавшіеся. Сосуды—плохо обожжены. Орнаментъ состоитъ изъ линій, выцарапанныхъ на поверхности сосудовъ. Матеріаль, изъ котораго сдѣланы эти сосуды—грубая, непромытая глина, блестящаго чернаго или красноватаго цвѣта. Эти признаки отличаютъ болѣе древнюю эпоху троянской керамики отъ болѣе поздней.

Этотъ (второй) городъ Шлиманъ отождествилъ съ Гомеровской Троей, потому что остатки его носятъ слѣды пожара. Въ настоящее время эту гипотезу отвергаютъ, такъ какъ уровень культуры здѣсь слишкомъ низокъ для гомеровскаго вре-

мени. Дёрпфельдъ думаетъ, что Гомеровская Троя — шестой городъ.

Третій, четвертый и пятый города—небольшія поселенія, возникшія надъ вторымъ. Второй городъ былъ разрушенъ и большихъ поселеній послѣ него, очевидно, не возникало. Культура 3—5-го городовъ, въ общемъ приближается къ культурѣ 2-го города, но не такъ богата: мало золотыхъ и серебряныхъ вещей.

Шестой городъ обследованъ не самимъ Шлиманомъ, а Дёрпфельдомъ. Онъ уже относится къ иному типу культуры: *микенскому*. Постройки этого города была по б. ч. разрушены римскими архитекторами при ихъ работахъ. Сохранились городскія стѣны микенскаго типа (см. ниже). Онѣ изъ камня, а не изъ кирпича. Седьмой городъ—незначительное поселеніе, восьмой и девятый это Иліонъ эллинистической и римской эпохи (Ilium Novum).

Другой типъ культуры, открытой Шлиманомъ,—*микенскій*. Типичные остатки его впервые найдены въ Микенахъ — въ Арголидѣ. Позднѣе остатки этой культуры были найдены, какъ мы увидимъ, и въ другихъ мѣстностяхъ. Микены фигурируютъ въ Гомеровскихъ поэмахъ. Нѣкоторые остатки старины въ Микенахъ были извѣстны и до Шлимана: Львиныя ворота, такъ называемая Сокровищница Атрея, остатки стѣнъ. Это—„циклопическія“ стѣны изъ громадныхъ камней (а не изъ кирпича, какъ во 2-мъ городѣ Шлимана). Подобныя стѣны могли быть сложены только при соединенной работѣ массы людей. Камни, изъ которыхъ въ постройкахъ микенскаго типа сложены стѣны, разной формы, въ болѣе ранней кладкѣ пустота заполнена мелкимъ камнемъ и глиной, позднѣе кладка состоитъ изъ болѣе правильныхъ многогранниковъ или параллелепипедовъ. Шлиманъ пришелъ къ выводу, что Микены состояли изъ нижняго города и расположеннаго на холмѣ акрополя, который и былъ обнесенъ циклопическими стѣнами. Черезъ стѣну вели ворота въ самый акрополь.

Въ акрополѣ Шлиманъ нашелъ мѣсто, представлявшее изъ себя довольно правильный кругъ, обнесенное двумя рядами плитъ, поставленныхъ стоймя (въ видѣ двухъ концентрическихъ круговъ); сверху плиты концентрическихъ круговъ покрыты плитами, положенными горизонтально. Шлиманъ думалъ первоначально, что это—мѣсто для народныхъ собраній (*ἀγορά*), а только что описанное каменное сооруженіе—сѣдалища для геронтовъ, но плиты, поставленныя стоймя, слишкомъ высоки и

забираться на нихъ было-бы для старцевъ неудобно. Внутри круга найдены гробницы, повтому можно думать, что это странное сооруженіе имѣло отношеніе къ культу умершихъ и здѣсь совершались жертвоприношенія. Внутри этого круга найдено шесть подземныхъ гробницъ, высѣченныхъ въ скалѣ въ видѣ шахтъ: нѣкоторые изъ нихъ поражаютъ своимъ богатствомъ: на лицахъ нѣкоторыхъ покойниковъ—золотыя маски. Послѣ Шлимана (въ 1886 г.) Греческимъ Археологическимъ Обществомъ были открыты остатки дворца со стѣнной живописью. Дворецъ по характеру постройки напоминаетъ тиринскій (см. ниже). Около акрополя былъ нижній городъ, тоже обнесенный стѣной; вѣроятно, тамъ жили простые обыватели. Около этого города найдены надземныя гробницы, сложенныя искусственно, тогда какъ въ акрополѣ онѣ высѣчены въ скалѣ. Гробницы эти имѣютъ ложный куполъ; нижній рядъ каменной кладки имѣетъ форму круга; слѣдующій—такую же форму, но кругъ уже и т. д., такъ что каменная кладка оканчивается однимъ камнемъ. Такихъ гробницъ нѣсколько (сюда относится и известная ранѣе „Сокровищница Атрея“).

Въ Микенахъ металлическіе предметы (изъ золота, серебра, мѣди, бронзы) господствуютъ. Техника ихъ выдѣлки очень высока. Среди металлическихъ предметовъ встрѣчаются: діадемы, бляхи, перстни, браслеты, много оружія. Обращаютъ на себя вниманіе клинки мечей и кинжаловъ, на которыхъ сдѣланы изображенія: тѣла людей сдѣланы изъ золота, одежда и щиты изъ серебра и т. д.; есть цѣлыя картины, изображающія охоту на животныхъ, водяныхъ птицъ и т. п.; животныя сдѣланы изъ золота, птицы изъ серебра и частью изъ эмали. Найдено очень много золотыхъ и серебряныхъ изображеній бычачьихъ головъ тонкой работы—одна большая и много мелкихъ. Найдено изображеніе богини съ голубемъ и со скрещенными на груди руками, напоминающее Астарту, или хеттитское изображеніе (см. выше).

Въ Микенахъ найдены глиняные сосуды иной, по сравненію съ древне-троянскими, формы и съ инымъ орнаментомъ. Они сдѣланы при помощи гончарнаго колеса, хорошо обожжены, орнаментъ не выцарапанъ (какъ на древне-троянскихъ), а искусно нарисованъ; сосуды покрыты глазурью, и на ней разными красками сдѣланъ рисунокъ. Орнаментъ состоитъ изъ спиралей, розетокъ, иногда растений или животныхъ. Очень часто встрѣчаются изображенія морскихъ растений и животныхъ.

Тиринаеъ (гдѣ Шлиманъ съ Дёрпфельдомъ производилъ раскопки съ 1884 г.), „окруженный стѣнами“, по Гомеру (Ил. II, 559), дѣйствительно оказался опоясаннымъ огромными стѣнами. Тиринаеъ—приморскій городъ Арголиды, хотя расположенъ не на самомъ берегу моря, какъ и многіе другіе города древности, а нѣсколько дальше (изъ боязни пиратовъ, какъ объ этомъ говоритъ Фукидидъ 1, 7). Въ Тиринаеѣ тоже есть акрополь. Внутри его—Шлиманъ нашелъ остатки дворца грандіозныхъ размѣровъ, несравненно болѣе обширнаго и роскошнаго, чѣмъ троянскій и микенскій. Стѣна акрополя отъ 7 до 18 метровъ толщиной. Въ нѣкоторыхъ частяхъ стѣна столь толста, что внутри нея расположены обширныя помѣщенія и коридоры, вѣроятно, для храненія сокровищъ и провіанта. Камни, изъ которыхъ сложены стѣны, многогранники. Всѣхъ каждаго изъ нихъ 200—800 пудовъ, длина—1—1½, сажень, ширина—1½, сажени. Въ стѣнахъ двое воротъ: одни съ широкой дорогой, другіе—узкіе для пѣшеходовъ. Внутри акрополя—дворецъ, состоящій изъ двора, мужского мегарона и другихъ жилыхъ помѣщеній, обширныхъ кладовыхъ и проч. Фундаментъ сохранился отчетливо. Здѣсь найдены слѣды мозаики и стѣнной живописи (напримѣръ, изображеніе человѣка, мчащагося на быкѣ, котораго онъ держитъ за рога).

Шестой городъ въ Троѣ имѣетъ Микенскій характеръ, отличающійся отъ первыхъ городовъ. Затѣмъ, остатки микенской культуры нашли въ Лаконіи (купольная гробница около Вафіо), въ Аеинахъ, въ Бвотіи (Коцаидское озеро), въ Орхоменѣ, на островахъ Эгейскаго моря до Родоса, Крита и Кипра включительно и на Іонійскомъ морѣ. Памятники ея находятъ также въ Италіи и Египтѣ.

Раскопки на Критѣ по результатамъ также поразительны, какъ раскопки Шлимана. Съ начала XX в. ихъ производилъ англичанинъ А. Ивансъ (Evans), именно въ сѣверной части Крита, около Кносса. Здѣсь былъ откопанъ громаднй дворецъ. Огромность его размѣровъ и запутанность плана постройки объясняется тѣмъ, что въ теченіе вѣковъ онъ неоднократно перестраивался. Только фундаментъ стѣнъ и цоколи—изъ камня, самыя стѣны—изъ кирпича. Цѣльныхъ каменныхъ стѣнъ не много. Колонны были деревянныя на каменныхъ базахъ. Особенное вниманіе во дворцѣ обращаетъ на себя залъ съ трономъ и водоемомъ. Имѣется длинный коридоръ съ кладовыми по сторонамъ. Въ этихъ кладовыхъ сохранилось много глиняныхъ сосудовъ почти въ человѣческой ростъ вышиной,

каменные супдуки, много глиняныхъ дощечекъ, написанныхъ знаками, отчасти пиктографическими, отчасти приближающимися къ слоговому или буквенному письму. Эти письма еще до сихъ поръ не прочитаны. Что касается содержанія надписей, то большое количество знаковъ, изображающихъ цифры, даетъ основаніе думать, что это—опись имущества, означающая число предметовъ, а, можетъ быть, и стоимость ихъ.

Найдено много стѣнной живописи. Такъ какъ стѣны обрушились, то сохранились преимущественно нижнія части изображенныхъ здѣсь людей; но изрѣдка попадаются и верхнія части изображеній. Эти рисунки обнаруживаютъ между прочимъ большую любовь къ нарядамъ женской половины населенія дворца: вычурныя прически и т. п. Часто попадаются изображенія быка и двойного топора: повидимому, это—религіозные символы. Найдено много глиняныхъ сосудовъ съ росписнымъ орнаментомъ (см. ниже).

Итальянскіе ученые подъ руководствомъ Альбера (Halbherr) произвели весьма интересныя раскопки въ южной части Крита, въ Фестѣ. Здѣсь найденъ также громадный дворецъ съ весьма сложнымъ планомъ,—очевидно, также многократно перестраивавшійся. Тутъ особенно привлекаетъ вниманіе величественная широкая каменная лѣстница, ведшая въ западную часть дворца. Очень интересенъ терракотовый дискъ, найденный здѣсь: онъ весь покрытъ пиктографическими знаками. Третій дворецъ открытъ итальянцемъ близъ Феста около церкви св. Троицы (Agia Triada).

О значеніи переживаній и отдѣльныхъ легендъ для возстановленія древнѣйшей исторіи Греціи придется упоминать въ отдѣльныхъ мѣстахъ изложенія.

Эпоха эгейской культуры и ея распространеніе. Какъ мы уже упомянули выше, строго говоря, періодъ эгейской культуры представляетъ изъ себя рядъ историческихъ процессовъ, тянувшихся въ теченіе, по крайней мѣрѣ, двухъ тысячелѣтій (прибл. 3000—1100 г. до Р. X.). Объединить эти процессы въ одинъ періодъ можно лишь очень условно, основываясь 1) на томъ, что во многихъ мѣстностяхъ (напр., на Критѣ, отчасти въ Троѣ) можно видѣть нѣкоторую непрерывность въ развитіи культуры, 2) на чисто внѣшнемъ методологическомъ сходствѣ: для всего этого періода источникомъ познанія служитъ почти исключительно археологическій матеріалъ. Въ этотъ періодъ можно намѣтить въ бассейнѣ Эгейскаго моря по меньшей мѣрѣ

двѣ культурныхъ области: съ одной стороны, островъ Критъ, съ другой — остальное побережье Эгейскаго моря, включая острова. Но многіе изслѣдователи справедливо намѣчаютъ и большее число культурныхъ районовъ: довольно рельефно выдѣляются 1) Критъ, 2) Троя, 3) континентальная Греція (Микены, Тиринъ, Аттика, Орхомень и проч.), 4) острова Эгейскаго моря (такіе районы намѣчаетъ, напр., фонъ Лихтенбергъ).

Критъ имѣлъ свое самостоятельное развитие. Здѣшнюю культуру мы узнаемъ, уже начиная съ новокаменнаго (неолитическаго) періода. Здѣсь въ древнѣйшихъ слояхъ (въ Кноссѣ глубиною до 7—8 метровъ) металлическія орудія отсутствуютъ, а имѣются только каменные, костяные и т. п., нѣтъ каменныхъ построекъ, орнаментъ на глиняныхъ сосудахъ, сдѣланныхъ безъ гончарнаго колеса, выцарапанъ, а не нарисованъ; только въ самыхъ верхнихъ слояхъ начинаютъ попадать расписные сосуды съ весьма простымъ орнаментомъ.

Послѣдующіе слои культуры Ивансъ раздѣлил на 3 эпохи: древне-миносскую, средне-миносскую и поздне-миносскую, при чемъ каждую изъ этихъ эпохъ въ свою очередь подраздѣлил на 3 періода: 1, 2, 3 ранне-миносской и т. д. (миносскими Ивансъ назвалъ эти періоды по имени микенскаго царя Крита Миноса). Это—эпоха мѣдныхъ и бронзовыхъ орудій. Во второй періодъ средне-миносской эпохи создаются уже большіе дворцы въ Кноссѣ и Фестѣ, которые потомъ возобновляются и перестраиваются: въ Кноссѣ — въ 3-й средне-миносской періодъ, а въ Фестѣ — въ 1 поздне-миносской; въ это же время выстроены дворецъ въ Агя Триада. Во 2-й поздне-миносской періодъ дворецъ въ Кноссѣ былъ еще разъ перестроенъ.

Наиболѣе цѣнныя указанія на періоды культурнаго развитія даетъ *керамика* (глиняныя издѣлія). Въ 1-й ранне-миносской періодъ появляются здѣсь сосуды съ очень простымъ, но, однако, уже не выцарапаннымъ, а нарисованнымъ орнаментомъ; сосуды сдѣланы безъ гончарнаго колеса. Это послѣднее входитъ въ употребленіе во 2-й или 3-й ранне-миносской періодъ. Въ 1-й средне-миносской періодъ появляются сосуды съ весьма сложной рѣшпкью разноцвѣтными красками. Эти пестрые расписные сосуды достигаютъ высокаго совершенства въ такъ называемыхъ сосудахъ „*камаресскаго*“ типа (орнаментъ состоитъ по преимуществу изъ кривыхъ линий, розетокъ, растеній), получившихъ свое названіе по мѣстности, гдѣ были найдены типичные образцы ихъ; со-

суды подобнаго типа особенно распространяются во 2-й средне-миносскій періодъ. Позднѣе орнаментъ на сосудахъ дѣлается менѣе пестрымъ, но очень натуралистичнымъ (изображеніе растений и животныхъ), чтобы еще позднѣе, во 2-й поздне-миносскій періодъ, перейти въ стилизованный растительный орнаментъ „дворцоваго стиля“, названнаго такъ Ивансомъ, потому что такой характеръ имѣетъ стѣнная живопись позднѣйшихъ дворцовыхъ построекъ въ Кноссъ. Еще позднѣе на Критѣ появляется желѣзо (послѣ 3-го поздне-миносскаго періода).—Таковы главные моменты въ развитіи матеріальной культуры на о. Критѣ. Это развитіе представляется довольно послѣдовательнымъ, безъ рвзкихъ скачковъ.

Что касается *остальной Греціи, помимо Крита*, то здѣсь мы имѣемъ лишь въ Троѣ мѣстность, гдѣ много археологическихъ пластовъ находится одинъ надъ другимъ (какъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Крита), и имѣется, такъ обр., возможность изучать послѣдовательную смѣну культурныхъ стадій. Такъ какъ 1-й городъ, какъ мы видѣли выше, былъ изслѣдованъ Шлиманомъ довольно поверхностно, то остается неяснымъ. принадлежитъ ли это поселеніе къ неолитической эпохѣ, или оно относится уже къ бронзовому вѣку (найденные тамъ многіе металлическіе предметы могли попасть при небрежности раскопокъ изъ болѣе верхнихъ слоевъ; преобладаютъ тамъ орудя изъ камня и кости). 2-й городъ относится къ вполне развитой бронзовой культурѣ. Эта культура (особенно керамика) имѣетъ много общаго съ „цикладской культурой“ съ одной стороны, и съ ранней культурой Средней Европы—съ другою. 3-й, 4-й и 5-й города въ Троѣ суть незначительные поселки бронзоваго вѣка. 6-й городъ, какъ сказано, относится уже къ эпохѣ „микенской“ культуры; здѣсь былъ большой городъ съ дворцомъ; этотъ 6-й городъ и былъ отождествленъ Дёрпфельдомъ на основаніи вѣскихъ данныхъ съ Гомеровской Троей.

Въ большинствѣ областей Греціи археологическіе факты даютъ возможность изучать то ту, то другую стадию культуры въ извѣстной мѣстности, между тѣмъ какъ остатки другихъ стадій въ большинствѣ мѣстъ уничтожились въ теченіе времени, и ихъ характеръ приходится нерѣдко опредѣлять по аналогіи съ тѣми мѣстностями, гдѣ сохранились остатки какъ разъ этихъ стадій.

Остатки *неолитической культуры*, при томъ болѣе высокой стадіи и другого типа, чѣмъ древнѣйшіе критскіе слои.

сохранились преимущественно въ болѣе сѣверныхъ областяхъ (въ такъ наз. 1-мъ городѣ въ Троѣ, въ Эссалии, Фокидѣ, Беотіи, на о. Кефалоніи); въ самое послѣднее время подобные остатки найдены, впрочемъ, въ Олимпіи и Тиринѣ. Здѣсь имѣются уже расписныя вазы съ простымъ орнаментомъ и каменные постройки. Важно то обстоятельство, что установлено сходство этой культуры съ неолитической культурой сѣвера Балканскаго полуострова, Седмиградія, Галиціи и Южн. Россіи (проф. Э. Р. фонъ-Штерномъ, „Доисторическая греч. культура на югѣ Россіи“ въ Трудахъ XIII Археологич. съѣзда, т. I). Съ критской неолитической культурой здѣшняя не сродна.

Ранняя бронзовая культура на Эгейскомъ морѣ (помимо Крита) представлена такъ наз. культурой *цикладскаго* типа на Цикладскихъ островахъ и въ болѣе глубокихъ пластахъ Орхомена. Здѣсь мы видимъ бронзовые предметы, глиняные сосуды, сдѣланные отъ руки, съ выпарапаннымъ, а не рисованнымъ орнаментомъ. Находки въ другихъ мѣстахъ (напр., въ Афиднѣ въ сѣверной Аттикѣ) показываютъ уже болѣе высокую бронзовую культуру съ расписными глиняными вазами, покрытыми орнаментомъ изъ прямыхъ, ломаныхъ и, рѣже, кривыхъ линий (по б. ч. матовый черный или красный орнаментъ на свѣтломъ фонѣ). Лучше всего смѣна культурныхъ типовъ и постепенный переходъ къ болѣе поздней бронзовой, такъ называемой „микенской“ культурѣ отразились въ трехъ послѣдовательныхъ поселеніяхъ, открытыхъ въ *Филакопи* на о. Мелосѣ; мы видимъ, какъ здѣсь постепенно совершенствуются каменные постройки, а также глиняныя издѣлія: украшенныя въ нервомъ поселеніи выпарапаннымъ, а позднѣе нарисованнымъ простымъ геометрическимъ орнаментомъ, во второмъ и третьемъ поселеніяхъ они представляютъ уже болѣе сложный рисованный орнаментъ; въ этихъ слояхъ находятся и привозныя вазы, съ Крита—*камаресскаго* типа и съ континента Греціи—микенскаго типа.

Послѣдующую стадію бронзовой культуры представляетъ такъ называемая „микенская“ культура, названная такъ по мѣсту открытія (Шлиманомъ) первыхъ типичныхъ ея образцовъ. Эта культурная стадія характеризуется широкимъ употребленіемъ металловъ (мѣдь, бронза, золото и серебро), очень сложной глиняной техникой (красивыя расписныя вазы разныхъ типовъ, съ очеь разнообразнымъ орнаментомъ), обширными постройками (дворцы въ *Микенахъ*, *Тиринѣ*, *Орхоменѣ*, въ 6-мъ городѣ *Трои* и проч.) и богатыми гробницами, шахто-

образными, а пооднѣ, надземными съ внутреннимъ обширнымъ помѣщеніемъ, увѣнчаннымъ такъ называемымъ ложнымъ куполомъ. Эта культура была распространена по всему Эгейскому морю; главные центры ея были: Микены и Тиринѣ въ Арголидѣ, Аѣны въ Атикѣ, Орхоменъ въ Беотіи, Троя (6-й городъ) на с.-з. М. Азіи. По времени микенская культура совпадаетъ съ поздне-миносскими періодами критской культуры. Теперь принято дѣлить микенскую культуру на періоды: ранній, средній и поздній.

Таковы главныя стадіи въ развитіи культуры на берегахъ Эгейскаго моря въ такъ наз. эгейскую эпоху. Эти археологическія данныя вызываютъ два вопроса, весьма важные для историка: 1) вопросъ *хронологическій*, 2) вопросъ *этнографическій*.

Хронологическій вопросъ подвигается къ удовлетворительному разрѣшенію (особенно пѣнна работа Фиммена 1909 г., *Zeit und Dauer der kretisch-mykenischen Kultur*). Здѣсь руководящія указанія даютъ, съ одной стороны, египетскія древности, найденныя въ различныхъ пластахъ эгейской культуры, съ другой — продукты этой культуры, найденныя въ Египтѣ. Для древнѣйшихъ эпохъ выводы, основанные на этихъ данныхъ, конечно, представляются еще во многомъ спорными, во-первыхъ, въ силу того, что и египетская хронологія древнѣйшихъ эпохъ еще возбуждаетъ въ рядѣ пунктовъ сомнѣнія среди ученыхъ, а также и потому, что нельзя признать несомнѣнно эгейскими предметы, находимые въ египетскихъ пластахъ такъ наз. Древняго Царства и признаваемые за таковыя нѣкоторыми изслѣдователями. Но для болѣе позднихъ періодовъ эгейской культуры теперь установлена, преимущественно на основаніи египтологическихъ данныхъ, довольно точная хронологія. Приблизительное хронологическое соотношеніе культуръ представлено на слѣдующей таблицѣ (въ основу ея положены таблицы Фиммена и Лихтенберга, см. таблицу стр. 84).

Изъ этой таблицы мы видимъ, что ранне-миносской эпохѣ соответствуетъ по времени древній періодъ цикладской культуры и 2-й городъ въ Троѣ, средне-миносской культурѣ соответствуютъ поздніе періоды цикладской культуры и соответствующая по типу культура на материкѣ Греціи (Афидна); наконецъ, поздне-миносской культурѣ соответствуетъ микенская культура на материкѣ Греціи, на островахъ и въ 6-мъ городѣ Трои.

<i>Эпоха.</i>	<i>Критъ.</i>	<i>Троя.</i>	<i>Остр. Эгейск. м.</i>	<i>Европ. Греція.</i>
до 3000 г. до Р. X.	Неолитическіе слои.	1-й городъ.		Неолитическая культура вл. Фес- салин, Фокидѣ, Бе- отія, въ древнѣй- шихъ мѣстахъ вл. Тириносъ и Олимп- иин.
3-е тысяч. до Р. X.	1 } ранне-ми- 2 } носкіе 3 } періоды.	2-й городъ.	Древняя эпоха цикладской культуры.	Древніе слои вл. Орхоменѣ и Тириносѣ.
2000—1700 до Р. X.	1 } средне-минос- 2 } кіе періоды (древніе двор- цы вл. Кнос- сѣ, и Фестѣ, камарес. навы).		Болѣе поздняя эпоха цикладской культуры (1-е и 2-е поселенія вл. Филакопи).	Афидна вл. Сѣ- вер Атикѣ.
1700—1550 до Р. X.	3-й средне-минос- ки періодъ (2-й двор- ецъ вл. Кноссѣ). 1-й поздне-минос- скій періодъ (2-й дворецъ вл. Фестѣ).	3-е, 4-е и 5-е поселе- нія вл. Троѣ	2-е поселеніе вл. Филакопи.	Ранне-микенскій періодъ (шахто- образныя гробницы вл. Микенахъ).
1550—1400.	2-й поздне-ми- носск. періодъ (дворцовый стиль).		3-е поселеніе вл. Филакопи.	Средне-микенскій періодъ (дворцы вл. Микенахъ и Тириносѣ).
1400—1250.	Разрушеніе двор- цовъ вл. Кноссѣ и Фестѣ, 3-й позд- не-миносскій періодъ.	6-й городъ.	3-е поселеніе вл. Филакопи.	Поздне-микенскій періодъ (дворцы вл. Микенахъ и Тириносѣ).
1250—1100.	Распространеніе желѣза.			Геометрическій и Дипловскій стили глин- ныхъ сосудовъ.

Этнографическая проблема. Менѣе выясненной до сей поры представляется *этнографическая* проблема, сводящаяся, гл. обр., къ вопросу: *поскольку критская и эгейская куль-*

туры суть греческія и поскольку онѣ принадлежатъ до-греческому населенію этихъ мѣстностей.

Шлиманъ не сомнѣвался въ томъ, что онъ открылъ греческую культуру гомеровскаго времени. Но уже скоро противъ этого мнѣнія стали раздаваться возраженія: нѣкоторые специалисты указывали на существенныя различія между гомеровской культурой и микенской, напр., на то, что гомеровскіе греки сжигаютъ покойниковъ, а носители микенской культуры—погребаютъ; народъ микенской культуры въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ Египтомъ, у Гомера—слѣды такихъ сношеній незначительны. Было выставлено мнѣніе, что посетители микенской культуры—это до-греческое население Эгейскаго моря—*карійцы*, о которыхъ говорятъ Геродотъ (I, 171) и Фукидидъ (I, 4 и I, 8, 1). Геродотъ склоненъ къ мнѣнію, что карійцы переплыли на мало-азійскій материкъ съ острововъ, откуда они были вытѣснены греческими племенами (іонянами и дорянами), но прибавляетъ, что карійцы сами считаютъ себя туземцами на материкѣ. Фукидидъ (I, 8) сообщаетъ, что афиняне въ эпоху Пелопоннесской войны нашли на Делосѣ карійскія могилы, въ которыхъ покойники были погребены въ вооруженіи. Одно время карійцы образовывали значительное морское государство, центромъ котораго былъ Критъ. Геродотъ и Фукидидъ говорятъ намъ объ этомъ государствѣ и о могущественномъ его царѣ Миносѣ. Въ настоящее время есть сторонники и эллинской и до-элинской теорій происхожденія микенской культуры (въ самыхъ новѣйшихъ трудахъ Дюссо стоитъ на точкѣ зрѣнія до-греческаго происхожденія эгейск. культуры. Лихтенбергъ, напротивъ,—арійско-греческой). Эд. Мейеръ въ новомъ изданіи I тома „Исторіи древности“ совершенно правильно находитъ нужнымъ вопросъ о происхожденіи культуры въ разныхъ областяхъ Эгейскаго моря расчленивъ.

Во всякомъ случаѣ, этнографическій вопросъ требуетъ еще дальнѣйшихъ изслѣдованій. Въ настоящее время большей вѣроятностью обладаютъ слѣдующія предположенія.

Несходство неолитической культуры Крита и болѣе сѣверныхъ областей Греціи дѣлаетъ вѣроятнымъ предположеніе, что критское населеніе 3-го тысячелѣтія до Р. X. отличалось отъ населенія континентальной Греціи, а такъ какъ, судя по археологическимъ даннымъ, развитіе критской культуры шло безъ перерывовъ (здѣшняя бронзовая культура есть непосредственное развитіе неолитической), то можно думать, что то же населеніе оставалось здѣсь, во всякомъ случаѣ, и въ первые це-

ріоды миносской культуры. Это до-греческое население Крита могло принадлежать отчасти и къ вышеназванному карійскому племени, которое, вѣроятно, относилось къ *мало-азійской расѣ*, населявшей нѣкогда значительную часть М. Азии и не принадлежавшей ни къ семитамъ; ни къ арійцамъ (къ этой расѣ могли принадлежать ликійцы, карійцы и др.). Д. Мейеръ полагаетъ, что первоначальное население Крита принадлежало къ мало-азійской расѣ, но что сюда еще до грековъ вторглись инныя племена неизвѣстнаго происхожденія (напр., этеокритяне). Населеніе Крита очень рано вошло въ сношенія съ Египтомъ, можетъ быть, еще въ 3-емъ тысячелѣтіи до Р. Х. (критскіе предметы находятся въ Негадѣ, Абидосѣ и др. мѣстахъ Египта вмѣстѣ съ остатками очень древней египетской культуры) и, во всякомъ случаѣ, во 2-мъ тысячелѣтіи (камаресскія вазы въ Кахунѣ и Абидосѣ въ остаткахъ эпохи 12-й династии).

Что касается вопроса о населеніи *континентальной* Греціи, то обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что здѣшняя поздняя неолитическая культура весьма родственна неолитической культурѣ сѣвера Балканскаго полуострова, Венгріи, Галиціи, Южной Россіи и даже нѣкоторыхъ болѣе сѣверныхъ областей Средней Европы (сходство въ формѣ сосудовъ и орнаментѣ; особенно характерный орнаментъ въ формѣ *спиралей* и т. п.). Можно думать, что носители поздне-неолитической культуры континентальной Греціи пришли сюда съ сѣвера. Если это такъ, то есть нѣкоторая вѣроятность въ предположеніи, что это и были *греческія племена* (въ числѣ ихъ *ахейцы*), отдѣлившіяся отъ общаго индо-европейскаго пранарода, родину котораго многіе (особ., О. Шрадеръ), какъ мы видѣли, ищутъ теперь въ области между Карпатами и Каспійскимъ моремъ (нѣкоторые изслѣдователи, впрочемъ,—въ Сред. и даже Сѣв. Европѣ, а иные—въ Азій). Появленіе грековъ съ сѣвера подтверждается также и тѣмъ, что у грековъ сохранились преданія объ этомъ движеніи съ сѣвера, и въ этомъ смыслѣ говорятъ нѣкоторыя географическія названія и религіозныя данныя (напр., одно изъ древнѣйшихъ національныхъ святилищъ грековъ находилось въ Эпирѣ, въ Додонѣ, см. выше стр. 66).

Что касается ранней бронзовой культуры въ *Троѣ*, то устанавливается и ея родство съ древней культурой Средней Европы и особенно тѣсныя отношенія къ древней культурѣ сѣвера Балканскаго полуострова. Отсюда дѣлаютъ выводъ, что въ троянской культурѣ можно предполагать довольно рано участіе индо-европейцевъ, однако, принадлежащихъ къ другой

вѣтви народовъ, чѣмъ греки, а именно, къ такъ наз. *трояно-фригійскому племени*.

Такимъ обр., можно думать, что часть индо-европейцевъ, двигаясь на югъ, приблизительно на сѣверѣ Балканскаго полуострова раздѣлилась: одна группа перешла Дарданелы и проникла въ М. Азію, а другая, двигаясь по сушѣ, постепенно достигла Греціи. Въ концѣ поздняго неолита и во всякомъ случаѣ въ началѣ бронзовой эпохи въ Греціи можно предполагать уже наличность греческихъ племенъ (3-е тысячелѣтіе до Р. Х.).

Однако, такая конструкція древней этнографіи эгейскаго міра не представляется общепринятой: напр., Эд. Мейеръ считаетъ древне-троянскую культуру принадлежащей не индо-европейцамъ, а племени мало-азійскому („Gesch. des Altert.“, I т., 2-е изд. 1909, S. 657, 671).

Когда проникли греки на *Критъ*, остается неяснымъ. Отсутствие перерывовъ въ развитіи критской культуры заставляетъ думать, что рѣзкихъ смѣнъ населенія тамъ не было, и что греки проникали туда постепенно, сравнительно небольшими группами, при чемъ усваивали, по крайней мѣрѣ въ основѣ, мѣстную культуру. Въ этомъ смыслѣ говоритъ и то обстоятельство, что у Гомера населеніе Крита изображено очень разнообразнымъ (Одиссея, XIX, 172—9).

Островъ есть Критъ посреди вѣпоцвѣтнаго моря прекрасный,
Тучный, отвсюду облятыи водами, людьми изобильный;

Тамъ девяносто они городонъ населяютъ великихъ.

Разные слышатся тамъ языки: тамъ находишь ахеянъ,
Съ первоплеменной породой воинственныхъ критянтъ (*въ
подлинникѣ стоитъ: Этеокритянтъ*); кидоны

Тамъ обитаютъ, дорійцы кудрявые (*τροχάϊνες*), племя целасговъ,

Въ городѣ Кноссѣ живущихъ (*подлинн.: τῆσιν ἐν Κνωσός*)

Едва девяти лѣтъ достигнувши,
Тамъ ужъ царемъ былъ Миносъ, собесѣдникъ Кроніона
мудрый.

Можетъ быть, разрушеніе дворцовъ въ Кноссѣ и Фестѣ (прибл. въ XIV в. до Р. Х.) стоитъ въ связи съ проникновениемъ первыхъ волнъ греческихъ племенъ на Критъ (ахейцевъ).

Позднѣе, въ концѣ 2-го тысячелѣтія до Р. Х., имѣли мѣсто новыя передвиженія племенъ. Объ этомъ говорятъ намъ прежде всего египетскіе документы, сообщающіе, что при 19-й

династии (царь Мернепта), ок. 1225—1215 г., Египетъ тѣснили *заморскіе народы*; и при 20-й династии (XII в.) набѣги этихъ народовъ не прекратились; въ числѣ ихъ упоминаются племена, которыя большинство ученыхъ, какъ эллинистовъ, такъ и египтологовъ отождествляютъ съ греками (Акаиваша—ахейцы, Данауна—данаицы).

Около (XII в. до Р. X.) въ Палестинѣ и Сирии появляется народъ *филистимляне* (*Фуласата* египетскихъ памятниковъ эпохи Рамсеса III), которыхъ многіе ученые послѣдняго времени на основаніи довольно убѣдительныхъ данныхъ отождествляютъ съ тогдашнимъ населеніемъ Крита. Въ Библии о нихъ говорится, какъ о выходцахъ съ острова Кафтора, т. е. Крита (египет. Кефтіу). Такъ въ книгѣ Бытія сказано, что филистимляне вышли изъ Кафтора (X, 14 въ точномъ переводѣ). Во Второзаконіи (II, 23) говорится: „Аввеевъ, жившихъ въ селеніяхъ до самой Газы, Кафторимы, истрежденные изъ Кафтора, истребили и поселились на мѣстѣ ихъ“. Мы между тѣмъ знаемъ, что въ означенной мѣстности жили филистимляне. Пророкъ Амосъ (IX, 7) говоритъ: „Не таковы ли, какъ сыны Эѳіоплянъ, и вы для Меня, сыны Израилевы? глаголетъ Господь. Я ли вывелъ Израиля изъ земли Египетской и филистимлянъ—изъ Кафтора и Арамлянъ—изъ Кира?“.

Это движеніе племенъ на югъ, за море, было вызвано, какъ можно предполагать, продолжавшимся долгое время притокомъ съ сѣвера новыхъ массъ грековъ: въ числѣ послѣднихъ волнъ этого потока сѣверныхъ племенъ было малокультурное и воинственное *дорійское племя*.

Первоначальное расселеніе греческихъ племенъ и „дорійское нашествіе“. Чтобы представить себѣ первоначальное расселеніе греческихъ племенъ, изслѣдователи нашего времени пользуются не только матеріаломъ греческихъ преданій, дошедшихъ до насъ, но также наблюденіями надъ территоріальнымъ взаимоотношеніемъ греческихъ диалектовъ.

Греческія преданія говорятъ намъ, что въ расселеніи греческихъ племенъ происходили перемѣны.

Гомеровскія поэмы представляютъ намъ Европейскую Грецію населенною ахейцами (*Ἀχαιοί*). Это имя чаще всего встрѣчается у Гомера. Иногда греки именуются здѣсь аргивянами (*Ἀργεῖοι*) и данайцами (*Δαναοί*)*; оба послѣднія названія объяс-

* См. статистику у *Белогла* (Gr. Gesch., I², 1, 186).

няются тѣмъ, что вождь грековъ Агамемнонь—царь Аргоса (данайцы—аргосское названіе). Одинъ разъ въ поэмахъ встрѣчается имя іонянъ (II. XIII, 685) и разъ—дорянъ въ цитированномъ выше описаніи населенія Крита (Odys. XIX 177). Какъ мы увидимъ ниже. Илиада и Одиссея слагались въ нынѣшнемъ ихъ видѣ въ X—VII вв. до Р. Х., въ эпоху греческаго средневѣковья, когда новое расселеніе племень уже въ основныхъ чертахъ закончилось, когда югъ Пелопоннеса былъ занятъ уже дорянами. Но основные сюжеты поэмъ, какъ приходится думать, создались ранѣе (еще въ концѣ эгейской эпохи), и отразили они тогдашнее соотношеніе племень. Очевидно, доряне тогда еще не занимали Пелопоннеса. Упомянутіе о дорянахъ на Критѣ принадлежитъ къ позднимъ частямъ Одиссеи. *)

Въ произведеніяхъ, приписываемыхъ Гесіоду (VIII в. до Р. Х.) уже идетъ рѣчь о дорійскомъ нашествіи: въ одномъ изъ фрагментовъ **) упоминаются ихъ эпитеты *τεχάϊνες* (см. выше стр. 65) и произведенный ими раздѣлъ земли на три части.

Въ VII в. говоритъ о завоеваніи Пелопоннеса дорянами спартанскій поэтъ Тиртей (fr. 2=Str. VIII, 362).

Прибл. въ VI в. появилась цѣлая поэма „Эгимій“ (*Ἔγμιμος*), которую неправильно приписывали Гесіоду. Отъ нея сохранилось немногіе отрывки, но ясно, что она была посвящена дорянамъ и ихъ мионическому родоначальнику Эгимію.

Греческіе историки V вѣка Геродотъ и Фукидидъ даютъ намъ достаточное представленіе о томъ, какъ греческія преданія изображали передвиженіе племень.

Въ этихъ передвиженіяхъ сохраненныя намъ историками V вѣка преданія различаютъ нѣсколько моментовъ.

Повидимому, толчекъ для передвиженія исходилъ изъ Эпира. По причинѣ, намъ неизвѣстной, жившія здѣсь *сѣверо-западными греческія племена* двинулись на востокъ.

Одинъ моментъ этого движенія—это переселеніе ѳессалійскаго племени изъ Эпира (ѳеспротія) на востокъ, въ область, получающую названіе по имени этого племени: ѳессалія (*Herod. VII, 176*). Гомеръ этого названія не знаетъ.

Другой моментъ—это передвиженіе другого сѣверо-западнаго племени: *дорянъ* изъ Эпира также въ ѳессалію (*Herod. I 56*).—Здѣсь доряне назывались македонцами (*Μακεδόνων ἔθνος* *He-*

*) См. *Beloch*, Gr. Gesch. I, 2, 47. Объ іонянахъ въ Илиадѣ я скажу ниже.

**) Fr. 191 Rzsch.

rod. I 56 и VIII 43), что заставляет думать о ихъ близкомъ родствѣ съ македонянами (такіе знатоки исторіи греческаго языка, какъ П. Кречмеръ, вполне допускаютъ это родство). Позднѣе часть дорянъ изъ Фессаліи двинулась въ среднюю Грецію, одна небольшая область которой навсегда сохранила дорійское населеніе и имя *Дориды* (*Herod. VIII 31 и 43*). Еще позднѣе большая часть дорянъ отсюда передвинулась въ Пелопоннесъ (*Herod. I 56; VIII 31. Thuc. I 12,*) гдѣ доряне заняли Коринѣъ (равно какъ и сосѣднія Мегары), Арголиду, Лаконію, а позднѣе и Мессенію. Доряне просочились также въ среду остальнаго населенія прибрежныхъ областей Пелопоннеса.

И еще одинъ (третій) моментъ отмѣчаютъ греческіе историки въ этомъ перемѣщеніи племенъ: часть населенія Фессаліи (бѣотяне) передвинулась въ Бѣотію (*Thuc. I 12*), которую прежде называлась иначе (*Herod. II 49*).

Пелопоннескіе доряне, чтобы придать легитимную окраску своему завоеванію Пелопоннеса, связали свое движеніе сюда съ аргоскимъ культомъ Геракла: создавалась легенда, что во главѣ дорянъ стали потомки Геракла (Гераклиды), которые вернулись въ Пелопоннесъ, чтобы завладѣть достояніемъ Геракла. Эта легенда извѣстна уже Тиртею. Ее рассказываетъ Геродотъ (IX, 26)*).

Такимъ образомъ гомеровскія поэмы и преданія, сохранившіяся въ греческой литературѣ, рисуютъ намъ приблизительно такую картину расселенія греческихъ племенъ.

Первыя волны греческихъ поселенцевъ на югѣ Балканскаго полуострова принадлежали къ ахейскому племени**). Позднѣе черезъ Эпиръ въ Фессалію пришли новыя группы сѣверо-западныхъ племенъ и въ числѣ ихъ доряне. Это обстоя-

*) Позднюю систематизацію легендъ о возвращеніи Гераклидовъ во главѣ дорянъ мы находимъ въ мнѣологическомъ сочиненіи, именуемомъ „Библиотека“ и приписываемомъ афинянину Аполлodorу (II в. по Р. X.). См. *Apoliodori Bibliotheca* II 8. Свѣдѣнія о Гераклидахъ разсѣяны и у Павсанія (II в. по Р. X.).

**) Я не касаюсь вопроса о томъ, кто такое были *пеласги*, упоминаемые уже Гомеромъ въ Фессаліи (*Πηλασγῶν ἄριστος*) и на Критѣ. Были ли они предшественниками грековъ негреческаго происхожденія (это противорѣчитъ свидѣтельству Геродота—I 56; 58; VII 94; VIII 44), или, какъ думалъ Курциусъ и теперь склоненъ думать Велюхъ, они представляли передовую волну грековъ, или, наконецъ, какъ доказывалъ Уд. Мейеръ, представленіе о пеласагахъ есть поздняя гипотеза древнихъ греческихъ историковъ,—я отказываюсь рѣшить.

тельство было причиной того, что часть ахейскаго населенія передвинулась въ Среднюю Грецію, главнымъ образомъ, въ Бѳотію. И часть дорянъ перешла въ Среднюю Грецію, гдѣ одна группа осѣла (область Дорида). Значительная же масса ихъ передвинулась въ Пелопоннесъ, гдѣ составила господствующую часть населенія въ восточныхъ и южныхъ прибрежныхъ областяхъ и постепенно примѣшалась также къ населенію другихъ областей Пелопоннеса. Только центральная гористая Аркадія осталась ахейской по преимуществу.

Весьма вѣроятно, что именно вторженіе сѣверо-западныхъ племенъ въ Тессалію вызвало передвиженіе здѣшняго греческаго населенія (эолійской вѣтви ахейцевъ) на сѣверо-западное побережіе М. Азіи (около Геллеспонта) и прилежащія острова (напр. Лесбосъ). Объ этомъ *Herod. VII 176*. Вѣроятно, и часть іонійцевъ Средней Греціи (о нихъ рѣчь пойдетъ дальше) была принуждена этими самыми передвиженіями племенъ занять большую часть Цикладскихъ острововъ и центральную область западнаго малоазійскаго побережья съ прилегающими островами (Хіосъ, Самосъ и др.).

Да и пелопоннескіе доряне не ограничились утверженіемъ здѣсь: они проникли на о. Критъ, Родосъ, Косъ и другіе острова и заняли юго-западный уголъ М. Азіи.

Очевидно, нашествіе дорянъ заставило часть ахейцевъ Пелопоннеса занять далекій Кипръ: здѣсь господствовалъ впоследствии діалектъ, общій съ діалектомъ аркадскимъ.

Передвиженія племенъ въ Европейской Греціи заняли періодъ времени въ нѣсколько десятилѣтій. Но не слѣдуетъ и преувеличивать ихъ сложности и продолжительности: Белохъ совершенно правъ, когда онъ отмѣчаетъ, что во всѣхъ этихъ преданіяхъ рѣчь можетъ идти лишь о передвиженіяхъ на немногую днѣи пути племенныхъ группъ въ нѣсколько тысячъ челоуѣкъ *). Греки (Фукидидъ, Эфоръ, Тимей, Эратосеенъ) относили эти передвиженія (нашествіе дорянъ) къ эпохѣ, соответствующей концу XII или XI в. нашего лѣтосчисленія. Эту дату можно считать приблизительно вѣроятной, п. ч., какъ мы видѣли выше, и египетскіе источники начинаютъ говорить о движеніи ахейцевъ (акаиваша, данауна) въ Египетъ съ конца XIII и въ XII в., а появленіе филистимлянъ-критянъ въ Спиріи отосяетъ къ XII в. (см. выше). Вѣроятно, это движеніе

*) (Gr. Gesch., I², 2, 86.

племень Эгейскаго моря на югъ стоить въ связи съ передвиженіями европейскихъ грековъ, которое тожо нужно отнести къ эпохѣ съ конца XIII до начала XI в.

Та картина, которую даютъ возможность возстановить греческія преданія, подтверждается распредѣленіемъ греческихъ діалектовъ позднѣйшаго времени. Остатки говора ахейскаго населенія можно видѣть въ говорѣ аркадянъ въ центрѣ Пелопоннеса. Этотъ говоръ мы находимъ и въ греческихъ надписяхъ о Кипрѣ, который, несомнѣнно, былъ колонизованъ ахейцами. Къ этому *аркадо-кипрскому* діалекту близокъ такъ называемый *волийскій* діалектъ, на которомъ говорили въ Фессалии, Беотіи и на о. Лесбосѣ. Трудно сомнѣваться, что въ волийскомъ діалектѣ мы имѣемъ также остатки говоровъ ахейскаго племени. Однако въ говорѣ фессалийцевъ замѣтно значительное вліяніе *сѣверо-западной* группы діалектовъ, что вполне понятно, если мы вспомнимъ, что, по преданіямъ, сѣверо-западные племена (въ ихъ числѣ доряне) приходили и частью осѣдали въ Фессалии. Тѣмъ же объясняются сѣверо-западные элементы и въ беотійскомъ говорѣ. Говоры Фокиды и Локриды въ Средней Греціи и Элиды въ Пелопоннесѣ вполне относятся къ сѣверо-западной группѣ діалектовъ. Къ этой же группѣ близокъ и *дорійскій* діалектъ *), на которомъ говорили въ Лаконіи, Арголидѣ, Коринѣ, Мегарахъ, на о. Критѣ, Родосѣ и проч.: это—все области, которыя были завоеваны дорьянами. **)

Нѣсколько менѣе яснымъ представляется отношеніе *іонійскаго* племени къ другимъ племенамъ. Въ историческое время іоняне занимали Аттику, о. Эвбею, значительную часть Цикладскихъ острововъ и центральную часть западнаго побережья М. Азіи. Является вопросъ: представляютъ ли іоняне—населеніе, явившееся на югъ Балканскаго полуострова одновременно съ ахейцами, или же іоняне появились до ахейцевъ, и ахейцы заняли часть ихъ территории? Задумываться надъ этимъ вопросомъ заставляеть то обстоятельство, что въ гомеровскихъ поэмахъ іоняне упоминаются только разъ. Если іоняне посели-

*) Сѣверо-западные діалекты и дорійскій обычно соединяють въ одну группу западныхъ діалектовъ (P. Kretschmer, *Buck*).

**) О греческихъ діалектахъ съ исторической точки зрѣнія см. *Buck*, *Greek Dialects*, Boston, 1910; *Paul Kretschmer*, *Griechische Sprache u Gercke und Norden*, Einleitung in die Altertumswissenschaft, I. Band, 1910, S. 143—160. Ср. также *P. Kretschmer*, *Einleitung in die Geschichte der Griech. Sprache*, Göttingen, 1896 и *Thumb*, *Handbuch der Griech. Dialekte*, Heidelberg, 1909.

лись въ Греціи одновременно съ ахейцами, то ихъ малая роль въ Илиадѣ и Одиссеѣ объясняется тѣмъ, что эти поэмы создались на почвѣ борьбы ахейцевъ за обладаніе Троадою, а іоняне въ этой борьбѣ не играли роли. Но можно предположить, что іоняне являются еще болѣе древними поселенцами Европейской Греціи, чѣмъ ахейне, *) и что ихъ незначительная роль въ основныхъ сюжетахъ Пліады и Одиссеи объясняется не только тѣмъ, что они мало касались борьбы за Троаду, но и тѣмъ, что въ періодъ созданія этихъ сюжетовъ (не поэмъ въ окончательномъ видѣ, а именно основныхъ сюжетовъ) они вообще играли гораздо меньшую роль среди греческихъ племенъ, чѣмъ ахейне. Мы увидимъ дальше, что крупнѣйшее іонійское племя Европейской Греціи—аеиняне—начало играть роль лишь съ VII в. до Р. X. Это крупнѣйшее іонійское племя всегда считало себя аборигенами (автохтонами) въ своей странѣ (*Thuc.* I 2, 5; II 36, 1; ср. *Herod.* I 56).

Противъ той роли, какую почти всѣ современные историки приписываютъ такъ называемому „дорійскому переселенію“, энергично выступилъ Ю. Белохъ. **) Со свойственной ему склонностью къ гиперкритикѣ Белохъ пытается доказывать, что никакого дорійскаго нашествія не было и что рассказы о немъ вовсе не являются народными преданіями, а представляютъ комбинаціи древнегреческихъ поэтовъ (начиная съ Гесіода и Тиртея) и историковъ (начиная съ логографовъ). Комбинаціи эти были вызваны стремленіемъ объяснить, почему въ гомеровскихъ поэмахъ въ Аргосѣ и Спартѣ сидятъ ахейне и Пелопиды, а въ историческое время здѣсь сидѣли доряне и Гераклиды. Отсюда и явилась комбинація о завоеваніи Пелопоннеса дорянами съ Гераклидами во главѣ. На самомъ дѣлѣ, по мнѣнію Белоха, доряне это тѣ же ахейне, искони сидѣвшіе въ Пелопоннесѣ. Имя же дорянъ первоначально существовало лишь въ маленькой Доридѣ въ Средней Греціи и въ М. Азіи, а, когда малоазійскіе греки съ IX вѣка стали пріобрѣтать руководящее значеніе, какъ въ хозяйственной, такъ и духовной жизни эллинскаго міра, имя дорянъ было перенесено и на жителей Пелопоннеса. Эта гипотеза Белоха рѣшительно ничѣмъ не оправдывается и является грубымъ насиліемъ надъ источниками.

*) Такова точка зрѣнія *P. Kretschmer's* (у *Gercke und Norden*, Einleitung, I, 148).

**) Въ послѣдній разъ въ новомъ изданіи I тома своей *Griechische Geschichte* (1913). Особ. I². 2, 76—96 и 1, 141.

Выше мы изложили наиболее вѣроятное представленіе о расселеніи греческихъ племенъ во вторую половину эгейской эпохи.

Изъ сказаннаго вытекаетъ, что микенскую и отчасти даже цикладскую культуру нужно признать греческими, а по до-греческими. Однако, трудно сомнѣваться, что эти культуры и особенно микенская развивались подъ сильнымъ влияніемъ критской культуры, созданной въ своей основѣ, какъ указано выше, еще до-греческимъ населеніемъ Крита.

Соціальный и политическій строй эгейскихъ обществъ. Что касается *соціального* и *политического* строя народовъ эгейской культуры, то въ этой области возможны только нѣкоторыя косвенныя заключенія, основанныя на археологическихъ данныхъ и относящіяся къ сравнительно болѣе позднимъ стадіямъ развитія. Дворцы на Критѣ, а позднѣе въ Микенахъ, Тиринѣ, въ Филадельфии на о. Мелосѣ (3-е поселеніе) и проч. указываютъ на то, что на Критѣ и въ Троядѣ еще въ 1-ую половину 2-го тысячелѣтія до Р. Х., а на восточномъ берегу Эгейскаго моря—во 2-ю половину того же тысячелѣтія (XVI—XII вѣка) появились значительныя для того времени государственныя образованія съ царями во главѣ. Огромность дворцовъ и куполообразныхъ гробницъ указываетъ на то, что цари располагали очень значительными рабочими силами,—по-видимому, держали въ весьма зависимомъ положеніи *низшіе слои населенія*. Напротивъ, наверху общества создавалась *аристократія*. Маленькіе дворцы, раскопанные въ ближайшихъ окрестностяхъ Кносса, заставляютъ думать, что это жилища знати, окружавшей царя. Подобный же дворецъ мѣстнаго аристократа найденъ въ Гурни на Критѣ среди остатковъ древней деревни (ср. группы мелкихъ гробницъ вокругъ куполообразныхъ—въ Микенахъ). Часть микенскихъ воиновъ сражается на колесницахъ, что тоже указываетъ на существованіе аристократовъ, ибо только имъ было подлѣ силу держать колесницы и коней. Вооруженіе микенскаго пѣхотинца не могло быть доступно крестьянину, а лишь зажиточному слою. Такимъ образомъ, приходится думать, что микенское общество было монархическимъ, но съ значительною классовою дифференціаціей и съ аристократіей наверху.

Однако, необходимо считаться съ тѣмъ, что высокая культура микенской эпохи сосредоточивалась на восточномъ побережѣ континентальной Греціи и на островахъ. Эти общества перестали быть исключительно земледѣльческими: они были во-

влечены въ торговый обмѣнъ съ культурными сосѣдями; здѣсь развилась и своя промышленность. Въ глубинѣ страны и на западномъ побережьи вліяніе морскихъ сношеній уже въ силу географическихъ условій было незначительно: ближайшіе сосѣди съ запада стояли не на высокомъ культурномъ уровнѣ; поэтому, общества западной Греціи должны были пребывать въ примитивномъ земледѣльческомъ или пастушескомъ быту.

Паденіе Эгейской культуры. „Дорійское нашествіе“ должно было понизить уровень культуры на западномъ побережьи Эгейскаго моря и на островахъ. Къ этому должно было привести, какъ появленіе малокультурныхъ сѣверныхъ племенъ и въ ихъ числѣ дорянъ, такъ и послѣдовавшій за этимъ переходъ старыхъ насельниковъ на новыя мѣста.

Совпавшее по времени съ означенными передвиженіями (конецъ XIII—XI вѣкъ) пониженіе египетской культурной жизни въ виду наставшихъ здѣсь при 20-й и слѣдующихъ династіяхъ смуть, тоже вліяло въ сторону упадка эгейской культуры, потому что понижало вліяніе на эгейское населеніе высокой египетской культуры. И въ ближайшихъ частяхъ Азіи культура понижалась, такъ какъ въ эту эпоху ослабло Хеттиское царство (XII в.).

VIII: Греческое средневѣковье.

Нашествіе сѣверныхъ племенъ въ XII—XI вв. нѣсколько понизило культуру даже въ восточной Греціи и на Критѣ. Начавшійся въ то же время политическій и отчасти культурный упадокъ Египта долженъ былъ дѣйствовать, какъ мы упоминали, въ томъ же направленіи. И вотъ эпоха микенской культуры смѣняется какъ бы новымъ историческимъ процессомъ: образуются и развиваются новыя греческія государства, создавшіяся въ результатъ вышеотмѣченной перетасовки племенъ. Эту эпоху называютъ въ современной наукѣ *греческимъ средневѣковьемъ*.

Греческое средневѣковье въ раннихъ своихъ стадіяхъ освѣщено *гомеровскими поэмами*, къ анализу которыхъ, какъ историческаго источника, мы теперь и обратимся.

Гомеровскій вопросъ.

Въ отдаленной древности поэмы „Иліаду“ и „Одиссею“ приписывали Гомеру, слѣпому пѣвцу, родину котораго искали по меньшей мѣрѣ въ 7 городахъ, по преимуществу малоазій-

скихъ или расположенныхъ на островахъ у береговъ М. Азии: въ Смирнѣ, Родосѣ, Колофонѣ, Саламинѣ (на Кипрѣ), на о. Хиосѣ и др. Чаще всего назывались іонійскія поселенія: Смирна и Хиосъ. Время жизни Гомера опредѣляли тоже различно: то его относили ко времени до эпохи Гераклидовъ (до 1100 г.), то къ IX в. до Р. Х. Кромѣ Иліады и Одиссеи, Гомеру древніе поэты приписывали и другія поэмы, напр., Эпиванду (походъ семи противъ Фивъ), Киприн (событія отъ свадьбы Пелея до начала Иліады), Малую Иліаду (поэму о паденіи Трои), Маргита (комическую поэму) и такъ называемыя „Гомеровскіе гимны“, обращенныя къ разнымъ богамъ.

Позднѣе въ Греціи сложилось мифъ, что въ Спарту поэмы ввелъ Ликуръ и что окончательно текстъ поэмъ былъ установленъ въ VI в. въ Афинахъ при тираннѣ Писистратѣ.

Въ древности не возникало сомнѣнія въ подлинности самой личности Гомера. Но рано возникъ вопросъ о размѣрахъ его авторства. Уже Геродотъ отмѣчаетъ противорѣчія между Иліадою и Кипринми и приходитъ къ выводу, что Киприн не принадлежатъ автору Иліады (*Herod. II 117*). Позднѣе тщательное изученіе эпохи привело къ тому, что нѣкоторые филологи (такъ наз. „раздѣлители“, *χωρίζοντες*) во II в. до Р. Х. даже Одиссею стали приписывать другому автору, но это направленіе не встрѣтило тогда сочувствія.

Однако начавшееся въ Александріи въ эллинистическій періодъ тщательное изученіе Иліады и Одиссеи заставило филологовъ въ обѣихъ поэмахъ отмѣчать несплѣдовательности, противорѣчія и т. п. У александрійскихъ ученыхъ явилась мысль о возможности вставокъ (интерполяцій) въ первоначальный текстъ поэмъ. Нѣкоторые критики пытались очищать Гомера отъ этихъ вставокъ, причемъ часто постушали крайне произвольно: такъ въ III в. *Зенодотъ* вычеркнулъ чудное изображеніе щита Ахиллеса изъ конца XVІІІ пѣсни Иліады.

Гораздо цѣннѣе была другая работа древнихъ филологовъ: подробный филологическій, стилистическій и реальный комментарий къ поэмамъ. Основателемъ этой работы является крупный александрійскій филологъ и историкъ литературы первой пол. II в. до Р. Х. *Аристархъ*, хотя и онъ не уберегся отъ разысканія интерполяцій въ духѣ Зенодота. Работы его и послѣдующихъ комментаторовъ повели къ созданію дошедшихъ до насъ объясненій къ поэмамъ, такъ наз. „Схолій“ (особенно цѣнны Схоліи, сохранившіяся въ венеціанской рукописи XV вѣка, обозначаемой литерой А).

Нужно упомянуть, что въ *Пергамѣ* (въ М. Азій) создано другое направленіе въ толкованіи Гомера: стремленіе объяснить Гомера аллегорически.

Въ средніе вѣка въ Византіи не исчезъ интересъ къ Гомеру. Большую цѣнность имѣетъ комментарий къ *Иліадѣ* и *Одиссеѣ*, написанный въ XII в. Евстазіемъ, епископомъ Тессалоникійскомъ, пользовавшимся древнюю литературу.

Схоліи, дошедшія до насъ въ рукописяхъ X в. и др., также показываютъ, что на востокѣ интересъ къ Гомеру не изсякалъ.

Эпоха возрожденія восприняла *Иліаду* и *Одиссею*, какъ произведенія Гомера.

Лишь въ концѣ XVII в. былъ поставленъ вопросъ: не возникли ли *Иліада* и *Одиссея* инымъ путемъ? Эта новая идея родилась не въ Германіи, какъ склонны были думать нѣмцы, и во Франціи,—родинѣ многихъ новыхъ идей. Въ Германіи она нашла лишь болѣе тщательную и систематическую разработку.

Въ 1664 г. аббатъ *д'Обиньякъ* (d'Aubignac) написалъ „Диссертацию объ *Иліадѣ*“ (Dissertation sur l'Iliade). Въ печати эта работа появилась лишь въ 1715 г. уже по смерти автора. *Д'Обиньякъ* проводитъ ту мысль, что Гомера, какъ исторической личности, не существовало, что самое слово Гомеръ—означало слѣпого пѣвца и „*Иліада*“—это собраніе пѣсенъ слѣпыхъ пѣвцовъ безъ опредѣленнаго плана.

Въ 1684 г. *Перицоній* писалъ о томъ, что *Иліада* и *Одиссея* состояли первоначально изъ отдѣльныхъ пѣсенъ, которыя собралъ сначала *Ликургъ*, потомъ *Писистратъ*.

Знаменитый философъ исторіи итальянецъ *Вико* въ своихъ „Принципахъ Новой Науки“ (1744) высказывался тоже противъ признанія одного поэта Гомера и видѣлъ уже въ поэмахъ продуктъ народнаго творчества.

Особый толчокъ анализъ гомеровскихъ поэмъ получилъ въ 1795 г., когда появились „Prolegomena ad Homerum“ *Фридриха Августа Вольфа*. Вольфъ предпринялъ критическое изданіе Гомера. Въ введеніи къ нему (это и есть знаменитыя Prolegomena) онъ даетъ исторію гомеровскаго текста. Главный интересъ представляетъ анализъ исторіи текста въ эпоху до *Писистрата*. Основная идея Вольфа сводится къ тому, что гомеровское время не знало письма (единственное упоминаніе о какихъ-то знакахъ въ родѣ письменъ имѣется въ рассказѣ о *Беллерофонтѣ*—Ил. VI 168 сс.: σήματα) и даже долго, согласно Геродоту (V, 58), не имѣло и подходящаго матеріала для письма:

пользовались овечьими и козьими кожами. Поэтому поэмы тогда не могли быть записаны, а удержать ихъ въ памяти цѣликомъ въ нынѣшнемъ видѣ никто не могъ. Отсюда—выводъ, что существовали отдѣльныя пѣсни, которыя распѣвались расподами. Общаго плана въ этихъ пѣсняхъ не было. Ихъ объединяло лишь единство сюжета въ сагахъ. Авторомъ большинства пѣсенъ, по Вольфу, могъ быть одинъ поэтъ: Гомеръ. Впервые пѣсни были записаны и приведены въ нынѣшній видъ особой комиссией при Писистратѣ.

Послѣ Вольфа гомеровскій вопросъ сталъ рѣшаться *тремя путями*.

1. *Ничъ* (G. W. Nitzsch) въ сочиненіяхъ, появившихся въ 1830—37 г., выступилъ противъ Вольфа и сталъ главою такъ называемыхъ *унитаріевъ*, доказывающихъ исконное единство поэмъ. Ничъ справедливо возражалъ Вольфу, что письменность у грековъ болѣе древняго происхожденія и во всякомъ случаѣ восходитъ къ первой пол. VIII в. (записи олимпійскихъ побѣдителей).—Унитарная точка зрѣнія находила и позднѣе видныхъ приверженцевъ.

2. *Лахманъ* (Lachmann) въ своемъ анализѣ Иліады, (1837—42), привлекая къ сравненію „Пѣснь о Нибелунгахъ“, пришелъ къ выводу, ближнему къ выводу Вольфа: Иліада состоитъ изъ многихъ отдѣльныхъ пѣсенъ (до 16), связанныхъ лишь единствомъ сюжета. Эта „теорія мелкихъ пѣсенъ“ сначала была господствующей. Но скоро наступила реакція. Сторонники теоріи Лахмана получили насмѣшливое названіе „охотниковъ за мелкими пѣснями“ (Kleinliedergäger).

3. Крупнымъ недостаткомъ теоріи самого Вольфа и Лахмана было то обстоятельство, что онѣ не объясняли фактически существующей цѣльности поэмъ. Такая цѣльность не могла создаться при часто механическомъ объединеніи мелкихъ пѣсенъ. И вотъ этого недостатка постаралась избѣжать „теорія зерна“ (Kerntheorie), созданная въ своей основѣ еще до Лахмана въ 1832—1840 г. *Германомъ* (Gottfried Hegmann) и имѣющая и нынѣ много приверженцевъ (Джорджъ Гротъ, Низе, проф. Ѳ. Ф. Зѣлинскій, проф. С. П. Шестаковъ и др.). Сущность этой теоріи заключается въ томъ, что въ основѣ каждой изъ двухъ поэмъ лежитъ поэма меньшаго размѣра, къ которой присоединены какъ пѣсни, существовавшія отдѣльно въ видѣ самостоятельныхъ, такъ и болѣе или менѣе значительныя вставки, специально сочиненныя болѣе поздними поэтами для украшенія поэмъ. Позднѣе, конечно, обѣ поэмы были объеди-

сны въ одно цѣлое не механически, а редакторами, обладавшими несомнѣннымъ поэтическимъ даромъ. Такъ въ основѣ Иліады лежитъ поэма о гнѣвѣ Ахиллеса (Ахиллеида), содержащая рассказъ о ссорѣ Ахиллеса съ Агамемнономъ, о пораженіяхъ ахейцевъ, о выстушении и смерти Патрокла, о скорби Ахиллеса и вступлении его въ бой, о смерти Гектора. Къ этому основному ядру, объемъ котораго разные изслѣдователи опредѣляютъ различно, (напр., Низе даетъ ему малый объемъ, Зѣлинскій—значительный), присоединились дополнительные эпизоды. Таковъ эпизодъ объ участіи въ бояхъ Афродиты (пѣсни III, IV, и первая половина V-й), прощаніе Гектора съ Андромахой (VI пѣсня); рассказъ о Долоѣ (X пѣсня), сраженіе боговъ (XX и XXI пѣсни), погребеніе Гектора (XXIV пѣсня).

Въ основѣ Одиссеи, по мнѣнію Виллямовица, развившаго далѣе идеи Кирхгоффа, лежитъ болѣе древняя Одиссея, содержащая рассказъ о странствованіяхъ Одиссея и о его мести женихамъ. Эта „Древняя Одиссея“ составила въ свою очередь изъ нѣсколькихъ еще болѣе древнихъ пѣсенъ. Вторая часть теперешней Одиссеи это рассказъ о странствованіяхъ Телемаха. Третья часть—это особый, болѣе подробный, чѣмъ въ „Древней Одиссеѣ“ рассказъ о гибели жениховъ (здѣсь тоже можно видѣть соединеніе нѣсколькихъ болѣе раннихъ пѣсенъ). Такимъ образомъ въ нынѣшней Одиссеѣ Виллямовицъ различаетъ даже три основныхъ части, и такимъ образомъ лишь отчасти приближается къ теоріи ядра.

Методы анализа поэмъ. Какъ сторонники школы Лакмана, такъ и сторонники теоріи зерна въ „расшиваніи“ поэмъ Гомера на составныя части пользуются преимущественно однимъ методомъ: разысканіемъ противорѣчій между различными частями поэмъ; если изслѣдователи находили, что въ одной пѣснѣ имѣется сообщеніе, противорѣчащее другой, то они на этомъ основаніи считали эти обѣ пѣсни (или части пѣсенъ) принадлежащими разнымъ пѣвцамъ и лишь въ послѣдствіи искусственно объединенными въ одно цѣлое.

Приведу примѣры такихъ противорѣчій.

1. Германъ (1832) отмѣтилъ, что эпизодъ съ раной Махаона въ „Аристіи Агамемнона“ есть позднѣйшая вставка. Въ XI, 501 сс. Парисъ ранитъ Махаона; его беретъ въ свою колесницу Несторъ (XI, 510 сс. и 597) и увозитъ въ свою ставку. Это видитъ Ахиллесъ и посылаетъ Патрокла спросить Нестора, кто раненъ. Далѣе о леченіи раны не говорится, а рѣчь идетъ о трапезѣ Нестора и Махаона. Затѣмъ

Патрокль идетъ къ Нестору, долго съ нимъ бесѣдуетъ, причемъ о ранѣ Махаона говорить лишь вскользь. Когда Патрокль возвращается къ Ахиллесу, онъ перечисляетъ многихъ раненыхъ (XVI 25), но о Махаонѣ не говоритъ. Нестору Патрокль сообщаетъ, что онъ очень слѣпнуть, а между тѣмъ долго остается здѣсь и даже ухаживаетъ за раненымъ Эврипиломъ.—Эти противорѣчія Германъ объяснялъ тѣмъ, что спасенія Махаона Несторомъ не было въ первоначальной „Аристїи“, гдѣ Патрокль шелъ къ Нестору не въ силу приказа Ахиллеса, а по своему почину, чтобы узнать о ходѣ битвы. Продолженіе Аристїи было въ XV, 390—404 и XVI.

2. Въ началѣ 13 пѣсни Зевсъ сидитъ на Идѣ и думаетъ, что никто изъ боговъ не участвуетъ въ битвѣ. Здѣсь имѣется въ видѣ его запрещеніе, обращенное къ богамъ въ началѣ 8 пѣсни (1—51). Между тѣмъ въ промежуткѣ Гера и Аѳина (8 н.) и Аѳина одна (10 п.) участвовали въ битвахъ. Причина этого противорѣчія, по мнѣнію Германа, заключается въ томъ, что первоначально начало 8 пѣсни непосредственно примыкало къ 13-й.

3. Обратимъ вниманіе на то, что въ XVI, 36 Патрокль спрашиваетъ Ахиллеса, не въ силу ли приказа боговъ онъ воздерживается отъ участія въ битвѣ. Этотъ вопросъ страненъ, такъ какъ Патрокль самъ передавалъ герольдамъ Агамемнона Брисейду, изъ-за которой Ахиллесъ поссорился съ Агамемнономъ, послѣ чего сталъ воздерживаться отъ участія въ сраженіяхъ. Отсюда можно бы сдѣлать выводъ, что авторъ этого мѣста не зналъ пѣсни о ссорѣ Ахиллеса и Агамемнона.

4. Если Ахиллесъ говоритъ Патроклу, что ахейцы въ нуждѣ обратятся къ нему (XI, 609), то можно думать, что эта пѣсня сложилась до появленія сказанія о посольствѣ ахейцевъ къ Ахиллесу; между тѣмъ теперь рѣчь объ этомъ посольствѣ идетъ въ 9-й пѣснѣ, т. е. ранѣе, чѣмъ введены вышеприведенныя слова Ахиллеса.

5. Діомедъ въ VI 128 говоритъ, что онъ не будетъ сражаться съ Главкомъ, если Главкъ богъ. Между тѣмъ Діомедъ сражался ранѣе съ Афродитой и Аресомъ. Могъ ли иѣвецъ, изображавшій эти схватки Діомеда, вложить въ его уста приведенныя выше слова, обращенныя къ Главку?

Бьющій въ глаза примѣръ противорѣчія это появленіе Пилемена въ XIII 658 въ то время, какъ онъ въ V 576 былъ убитъ въ схваткѣ съ Менелаемъ.

Критика метода отысканія противорѣчій. Чисто механическое пользование методомъ противорѣчій вызвало весьма остроумныя возраженія со стороны изслѣдователей, постаравшихся проникнуть въ глубь психики гомеровскаго творчества. Въ этой области особенно важно отмѣтить работы *Пауля Кауэра* (Saueg),—рядъ его статей и его крупный трудъ: „Основные вопросы гомеровской критики“ (Grundfragen der Homerkritik). Очень важное значеніе имѣютъ и работы нашего соотечественника *Ө. Ф. Зѣлинскаго* *), занявшагося анализомъ законовъ гомеровскаго творчества, законовъ гомеровской поэтики.

Кауэромъ былъ выдвинутъ рядъ остроумныхъ возраженій, сущность которыхъ сводится къ тому, что противорѣчія, считающіяся результатомъ вставокъ, въ самомъ дѣлѣ суть естественное слѣдствіе „дѣтскаго характера мышленія“ древнихъ поэтовъ. Это сказывается даже въ языкѣ поэмъ. Напримѣръ, рассказъ иногда начинается въ косвенной рѣчи, потомъ переходитъ въ прямую и т. д.

Этимъ объясняются такія противорѣчія: въ *Одиссеѣ* (XII 328) говорится, что Геліосъ все видитъ и все слышитъ, а между тѣмъ въ 374 ст. оказывается, что о продѣлкѣ спутниковъ *Одиссея* ему сообщила *Лампетія*. Тутъ вставка не причемъ, а просто поэтъ не координируетъ своихъ мыслей.

Возраженія Кауэра не лишаютъ методъ противорѣчій всякаго значенія, но они заставляютъ пользоваться имъ гораздо осторожнѣе.

Ө. Ф. Зѣлинскій сдѣлалъ рядъ интересныхъ наблюденій надъ гомеровской поэтикой. Эти свои наблюденія онъ называетъ законами гомеровской поэтики.

Таковъ законъ *реальной реминисценціи*: поэтъ строитъ свое произведеніе по извѣстному плану; напримѣръ, онъ проводитъ идею кары боговъ за извѣстное злодѣяніе, и вотъ на протяжении значительнаго пространства поэмы онъ вводитъ эту кару боговъ, хотя формальнаго напоминанія, выраженнаго въ опредѣленной словесной формѣ (формальной реминисценціи), читателю о томъ, чѣмъ вызвана кара, онъ не дѣлаетъ. Если мы находимъ части поэмы, связанные такимъ общимъ планомъ, мы не имѣемъ права ихъ раздѣлять.—Таковъ же законъ *предварительнаго резюмированія*: поэтъ даетъ сначала краткое резюме

*) Его статья въ Жур. М. Н. Пр., 1900, май; статья о законѣ хронологической несовмѣстности въ Сборникѣ въ честь *Ө. Е. Корша* (Χαριστήρια, 1896); Ueber die Darstellung gleichzeitiger Vorgänge bei Homer, 1908.

послѣдующихъ событій, а потомъ излагаетъ эти событія подробно, что иногда вызываетъ кажущееся противорѣчіе.—Таковъ *законъ двойного зрѣнія*: поэтъ даетъ два ряда причинъ однихъ и тѣхъ же событій—человѣческія (напримѣръ, ссора Ахиллеса съ Агамемнономъ) и божескія (напримѣръ, желаніе Зевса наказать Агамемнона за нанесенное послѣднимъ сыну Ѡетиды оскорбленіе). Таковъ *законъ хронологической несовмѣстимости*: у Гомера никогда рассказъ не возвращается къ точкѣ своего отправленія, и потому параллельныя дѣйствія у Гомера изображаемы быть не могутъ; поэтъ, описывая ходъ событій въ одномъ мѣстѣ, избѣгаетъ одновременнаго описанія событій, совершавшихся въ другомъ мѣстѣ; если же ему необходимо упомянуть о таковыхъ, онъ упоминаетъ однимъ словомъ, характеризующимъ не дѣйствіе, но состояніе. Если поэту необходимо описать одновременное событіе подробно, то онъ даетъ такое описаніе послѣ описанія перваго событія, причемъ не отмѣчаетъ, что эти событія происходили одновременно, что иногда тоже вызываетъ кажущееся противорѣчіе. Иногда онъ просто прерываетъ хронологическую цѣпь событій и предпочитаетъ дѣйствіе, происшедшее въ другомъ мѣстѣ, представить вмѣсто одновременнаго, какъ это слѣдовало бы логически,—послѣдовательнымъ.

Критическія замѣчанія Кауэра и Зѣлинскаго, конечно, не уничтожаютъ сущности „теоріи зерна“, и эта теорія является нынѣ господствующей. Самъ проф. Зѣлинскій—ея сторонникъ. Но критика названныхъ ученыхъ заставляетъ очень ослабить пылъ сторонниковъ дробленія поэмъ на составныя части, требуетъ признанія болѣе значительнаго объема за основными частями Иліады и Одиссеи и большей творческой самостоятельности за создателями поэмъ, какъ въ ихъ первоначальномъ, такъ и въ нынѣшнемъ видѣ, чѣмъ это признавали не только лахманіанцы, но и творцы теоріи зерна.

Различіе историческаго и географическаго кругозора въ отдѣльныхъ частяхъ поэмъ. Кромѣ разысканія противорѣчій, раздѣлительная критика пользуется и другимъ методомъ: она отмѣчаетъ различіе географическаго и историческаго кругозора въ отдѣльныхъ частяхъ поэмъ. Напр., совершенно ясно, что „Каталогъ кораблей“, занимающій вторую половину II гѣсны Иліады,—является очень поздней вставкой, описываетъ сравнительно позднія отношенія. Здѣсь нѣтъ уже рѣчи о царяхъ, а лишь объ аристократическихъ вождахъ войска. Точно также географическія данныя „Каталога“, какъ показалъ Нише, соотвѣтствуютъ политической географіи Греціи VIII вѣка

(окончательный видъ Каталогъ принялъ въ концѣ VII вѣка). Стихи въ поэмахъ прославляющіе Аѳины (Ил. 2, 546 сс.; 4, 328; 13, 196; Од. 7, 80 и пр.), вставлены не ранѣе VI в., когда начался расцвѣтъ Аѳинъ; весьма вѣроятно, что они вошли въ Илиаду и Одиссею въ связи съ работой комиссіи, редактировавшей поэмы при Писистратѣ. Далѣе приходится отмѣтить, что Одиссея моложе Илиады: она знаетъ уже Сицилію, которая начала колонизоваться греками не ранѣе конца VIII в. до Р. Х. Въ Одиссеѣ чаще упоминается жолѣзо, чѣмъ въ Илиадѣ, гдѣ фигурируетъ почти исключительно мѣдь (объ этомъ см. ниже).

Элементы народной поэзіи въ Илиадѣ и Одиссеѣ. Если мы примемъ теорію зерна, т. е. признаемъ, что въ основѣ обѣихъ поэмъ лежитъ „Ахиллеида“ и „Первоначальная Одиссея“, увеличенныя присоединеніемъ другихъ поэмъ и обработанныя окончательно поэтами, создавшими изъ этого матеріала художественное цѣлое, то всеже остается открытымъ вопросъ о томъ, какъ создались эти первоначальныя поэмы: лежитъ ли въ ихъ основѣ искусственное творчество или народная поэзія?

Низе (Entwicklung der homerischen Poesie, 1882) доказывалъ, что не саги создали гомеровскія поэмы, а эти поэмы создали саги. Но эта точка зрѣнія не выдерживаетъ критики. Въ гомеровскихъ поэмахъ множество сагъ предполагаются извѣстными слушателю: на нихъ дѣлаются только ссылки. Такова—сага о кентаврахъ и лапифахъ (Од. 21, 295—304), сага о похищеніи дочерей Пандоры Гарпіями и продажа ихъ въ рабство Эриніямъ (Од. 20, 66—70), о кораблѣ Аргонавтовъ (Од. 12, 70). Изъ этого слѣдуетъ, что народныя саги существовали до созданія поэмъ.

Въ настоящее время изслѣдованіе Гомеровскихъ поэмъ встало на новый путь—на путь сравненія поэмъ съ эпосомъ другихъ народовъ.

Эти изслѣдованія даютъ право думать, что въ основѣ поэмъ лежитъ народный эпосъ, народныя сказанія, которыя потомъ подверглись искусственной переработкѣ. Еще *Лажманъ* сталъ сопоставлять Илиаду съ „Пѣснью о Нибелунгахъ“. Но онъ мало считался какъ-разъ съ народнымъ творчествомъ. Болѣе правильный путь былъ намѣченъ въ 1868 г. Штейнталемъ, но лишь въ послѣдніе 20 лѣтъ поэмы подверглись детальному анализу съ этой точки зрѣнія. Сравнивая греческій эпосъ съ эпосомъ другихъ народовъ, новые изслѣдователи вопроса—*Эргардтъ* (1894), *Пельманъ* (1894), *Дрерупъ* (1903)—пришли къ ряду выводовъ.

Въ общемъ можно думать, что у всѣхъ народовъ въ развитіи эпоса сначала бываетъ время, когда весь народъ является творцомъ эпоса. Народныя сказанія передаются изъ рода въ родъ въ поэтической формѣ. У Гомера мы также видимъ картину созданія эпоса непрофессиональнымъ поэтомъ. Это—сцена когда поетъ Ахиллесъ.

(„Послы) Ахилла героя нашли улаждающимъ душу
„Звонкою цитрой, прекрасной, съ серебряной верхней
доскою.
„Городъ разрушивъ царя Этіона, онъ добылъ ту цитру;
„Ею онъ духъ улаждалъ напѣвая о славу героевъ.
„Противъ него лишь Патроклъ сидѣлъ, сохраняя мол-
чанье.“
(Ил. IX, 189).

Потомъ появляются народные пѣвцы-профессионалы: Демодокъ, Фемій у Гомера.

О слѣпцѣ Демодокъ на островѣ Феаковъ говорится въ Одиссеѣ (VIII, 44; 63—64):

„ Даръ пѣсней пріялъ отъ боговъ онъ
„Дивный, чтобъ все воспѣвать что въ его пробуждается
сердцѣ.
.
„Муза его при рожденіи зломъ и добромъ одарила:
„Очи затмила ему, даровало за то сладкопѣнье.“

Эти профессиональные пѣвцы сначала устанавливають только нѣкоторыя постоянныя формулы: эпитеты, формы обращенія и т. п. Но затѣмъ они устанавливають постепенно и опредѣленную форму цѣлыхъ пѣсней, которыя переходятъ отъ одного поколѣнія пѣвцовъ къ другому.

Демодокъ поетъ не свои, а старыя народныя пѣсни, но онъ проявляетъ свою самостоятельность въ томъ, что свободно выбираетъ пѣсни для исполненія. Такія отдѣльныя пѣсни упоминаются въ Илиадѣ и Одиссеѣ. Такъ мы слышимъ о пѣснѣ о Еленѣ (Ил. VI, 358). Демодокомъ руководитъ Муза и заставляетъ его выбрать „изъ пѣсни, въ то время вездѣ до небесъ возносимой, повѣсть о храбромъ Ахиллѣ и мудромъ царѣ Одиссеѣ, какъ между ними однажды на жертвенномъ пирѣ великомъ распря въ ужасныхъ словахъ загорѣлась“ (VIII, 73 сс.). Конкурируя между со-

бою, пѣвцы не только дѣлають выборъ изъ сложившихся пѣсенъ, но соединяють нѣсколько пѣсенъ вмѣстѣ или, наоборотъ, раздѣляютъ ихъ.

Третья стадія въ развитіи эпоса—это появленіе искусственнаго творчества: одаренный поэтъ создаетъ изъ разрозненныхъ народныхъ пѣсенъ, почерпнутыхъ изъ устъ пѣвцовъ, одно стройное цѣлое, причѣмъ въ основу кладется обычно одинъ центральный сюжетъ, центральная пѣсня („Ахиллеида“, „Пѣснь о странствованіяхъ Одиссея“). Конечно, частныя вставки появлялись въ поэмахъ и еще позже (Каталогъ кораблей, похвалы Аѳинамъ и т. п.).

Заключеніе. Вопросъ о происхожденіи Иліады и Одиссеи рѣшается въ настоящее время приблизительно слѣдующимъ образомъ.

Въ основу поэмъ легли народныя эпическія пѣсни. Главныя сюжеты этихъ пѣсенъ восходятъ еще къ концу эгейской эпохи, ко времени борьбы ахейцевъ за обладаніе Троадой, т. е. сѣверо-западнымъ угломъ М. Азіи. Но развивались поэмы въ послѣдующіе вѣка. Изъ массы народа выдѣляются профессиональныя пѣвцы, которые создаютъ постепенно уже болѣе или менѣе установившіяся произведенія, переходящіи съ извѣстными вариантами отъ одного поколѣнія пѣвцовъ къ другому. Позднѣе даровитые поэты сложили изъ этихъ пѣсенъ Иліаду и Одиссею въ нынѣшнемъ ихъ видѣ, взявши въ основу каждой поэмы одну центральную пѣсню.

Когда и гдѣ сложились поэмы? Хотя, какъ мы сказали выше, въ основѣ поэмъ лежатъ саги конца эгейской эпохи, однако не только поэмы, но и ихъ составныя части создавались позднѣе, въ эпоху греческаго средневѣковья: поэмы отражаютъ социально-экономическія и политическія отношенія не микенской эпохи, а средневѣковаго аристократическаго общества. Только кое-гдѣ имѣются реминисценціи изъ эпохи старой патріархальной монархіи.

Мѣсто дѣйствія Иліады, хорошее знакомство съ Троадой (эолийской мѣстностью), большая роль, которую въ поэмахъ играетъ Тессалія, эолизмы въ іонійскомъ языкѣ поэмъ—все это заставляетъ думать, что основа поэмъ создавалась въ сѣверныхъ эолийскихъ частяхъ Эгейскаго побережья. Но то обстоятельство, что въ нынѣшнемъ видѣ поэмы изложены на іонійскомъ диалектѣ и что родину Гомера искали въ древности больше всего въ Смирнѣ и вообще въ Іоніи, приводитъ къ выводу, что

окончательный видъ поэмы стали принимать въ Іоніи (въ М. Азіи).

Иліада древнѣе Одиссеи: это особенно ясно видно изъ наблюденія надъ географическимъ кругозоромъ поэмъ и надъ культурнымъ уровнемъ, изображаемымъ въ нихъ (см. выше стр. 102 с.). Одиссея въ окончательномъ своемъ видѣ сложилась не ранѣе конца VIII в. Это видно изъ ея знакомства съ западными колоніями, а именно съ Сициліей, которая начала колонизоваться не ранѣе конца VIII вѣка. Каталогъ кораблей во 2-ой пѣснѣ Иліады—какъ мы уже говорили, одна изъ самыхъ новыхъ частей поэмъ—сложился тоже не ранѣе конца VIII вѣка, ибо здѣсь говорится о процвѣтаніи Коринѳа, Халкиды и Эретрії (конецъ VIII вѣка), но ранѣе 590 г. (здѣсь упоминается городъ Криса, разрушенный въ 590 г.). Въ VII вѣкѣ, говоря вообще, поэмы въ своихъ главныхъ контурахъ уже сложились, ибо нѣкоторые лирики VII вѣка знакомы съ ихъ содержаніемъ (Семонидъ Самосскій, Каллинь Эфесскій).

Такимъ образомъ можно думать, что поэмы слагались въ періодъ 1000—700 г. до Р. Х. и даже нѣсколько позднѣе.

Хозяйственный строй греческаго средневѣковья.

Обращаясь къ характеристикѣ гомеровскаго общества, мы можемъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ констатировать прогрессъ даже сравнительно съ микенской эпохой. Это эпоха бронзовая или мѣдная; между тѣмъ уже Иліада знаетъ желѣзо, а въ Одиссеѣ оно упоминается довольно часто, хотя и рѣже, чѣмъ мѣдъ (отношеніе упоминаній о желѣзѣ къ упоминаніямъ о мѣди въ Иліадѣ равно пригл. 1 : 14, а въ Одиссеѣ 1 : 4).

Но, вообще говоря, въ гомеровскихъ поэмахъ констатировать можно скорѣе пониженіе культуры сравнительно съ микенскимъ временемъ, что вполне гармонируетъ съ нашимъ представленіемъ о послѣдствіяхъ дорійскаго завоеванія. Напр., тѣхъ оживленныхъ морскихъ сношеній съ Египтомъ, которыя замѣтны на Критѣ, особенно въ средне- и поздне-миносскіе періоды, а на континентѣ Греціи и на мелкихъ островахъ Эгейскаго моря—въ микенское время, гомеровскія поэмы не знаютъ. Посредниками въ торговлѣ съ Востокомъ въ Иліадѣ и въ еще большей степени въ Одиссеѣ являются финикіяне.

Такъ, въ Иліадѣ упоминаются товары, доставляемые финикійскими купцами: серебряныя чаши (Ил. XXIII, 740 сс.), узорныя ткани изъ Сидона (Ил. VI 293). О сосудахъ и драгоценныхъ украшеніяхъ изъ Финикіи говоритъ и Одиссея (IV

618; XV 459). Вообще говоря, Одиссея чаще упоминаетъ о финикіянахъ и въ частности о сидонянахъ, чѣмъ Илиада. Здѣсь обрисовываются и приемы ихъ торговли.

Такъ, вѣрный слуга Одиссея Эвмей рассказываетъ о томъ, какъ онъ—сынъ царя одного изъ Цикладскихъ острововъ—сдѣлался рабомъ. Его ребенкомъ похитили финикійскіе купцы, обольстивши рабыню финикійскаго происхожденія, принадлежавшую отцу Эвмея: съ нею одинъ изъ финикійскихъ купцовъ вступилъ въ любовную связь, и она бѣжала съ нимъ, захвативъ съ собою цѣнные сосуды и царскаго сына. Въ этомъ разказѣ отмѣчается, что финикійскіе купцы привозили съ собою товары и постепенно ихъ распродала, а въ замѣнъ своихъ товаровъ нагружали корабль туземными. Для этой цѣли они иногда оставались очень долго на одномъ мѣстѣ, напр., въ данномъ случаѣ—цѣлый годъ (Од. XV 455).

Живую картину трудныхъ странствованій финикійскихъ купцовъ по морямъ даетъ Одиссей въ вымышленномъ имъ разказѣ о своихъ приключеніяхъ въ Египтѣ (XIV 288 сс.):

Прибыль въ Египетъ тогда финикіецъ, обманщикъ коварный,
Злой кознодѣй, отъ котораго много людей пострадало;
Онъ, увлекательной рѣчью меня обольстивъ, Финикію,
Гдѣ и помѣстье и домъ онъ имѣлъ, убѣдилъ посѣтить съ
нимъ:

Тамъ я гостилъ у него до скончанія года. Когда же
Дни протекли, миновались мѣсяцы, полнаго года
Кругъ совершился и Оры весну привели молодую,
Въ Ливію съ нимъ въ корабль, облетатель моря, меня онъ
Плыть пригласилъ, говоря, что товаръ свой тамъ выгодно
сбудемъ;

Самъ же, напротивъ, меня, не товаръ нашъ, продать тамъ
замыслилъ;

Съ нимъ и поѣхалъ я, противъ желанья, добра не предвидя.
Мы съ благосклонно-попутнымъ, пронзительно хладнымъ
Бореемъ

Плыли: ужъ Критъ былъ за нами. Но Дій намъ готовилъ
погибель:

Островъ изъ нашихъ очей въ отдаленіи пропалъ и исчезла
Всюду земля, и лишь небо съ водами слянное зрѣлось:

Богъ громовержець Кроніонъ тяжелую темную тучу

Прямо надъ нашимъ сгустилъ кораблемъ и подъ нимъ
потемнѣло

Море; и вдругъ, заблеставъ, онъ съ небесъ на корабль
 громовую
 Бросилъ стрѣлу: закружилось пронзенное судно и дымомъ
 Сѣрнымъ его обхватило; всѣ разомъ товарищи были
 Сброшены въ воду и всѣ, какъ вороны морскія разсѣясь,
 Въ шумной исчезли пучинѣ—возврата лишилъ ихъ Кроніонъ
 Всѣхъ; лишь объятаго горемъ великимъ меня надоумилъ
 Бѣвремя онъ корабля остроносаго мачту руками
 Въ бурной тревогѣ схватить, чтобъ погибели вѣрной
 избѣгнуть...

На Эгейскомъ морѣ и сами греки поддерживали оживлен-
 ное мореплаваніе.

Сношенія съ Западомъ рисуются въ поэмѣхъ очень слабо.
 Только въ болѣе позднихъ частяхъ Одиссеи (XX 388; XXIV
 211, 307) фигурируетъ Сицилія.

Такимъ образомъ *въ гомеровское время греческія поселе-
 нія въ гораздо меньшей степени вовлечены въ обмѣнъ съ
 соседями, чѣмъ въ эпоху микенскую.* Ихъ хозяйство болѣе
 изолировано. Посмотримъ, какъ было организовано ихъ хо-
 зяйство.

Аграрный строй гомеровскаго времени. Гомеровскіе греки
 живутъ земледѣльемъ и въ не меньшей, если не въ большей
 мѣрѣ, — скотоводствомъ. Однако гомеровское земледѣліе отнюдь
 не примитивное. Извѣстно унавоживаніе почвы. Такъ у воротъ
 Одиссея дворца находится куча навоза, „который отъ многихъ
 муловъ и многихъ коровъ на запасъ тамъ копили, чтобъ
 послѣ имъ одиссеевы были поля унавожены тучно“ (Од. XVII
 297 сс.). Знаютъ поэмы и искусственное орошеніе (см. выше
 стр. 48). Поля вспахиваются трижды (*τριπλοος*—Ил. XVIII
 542; Од. V 127).

Знаетъ Одиссея фруктовые сады, гдѣ произрастаютъ яблоки,
 груши, смоквы, маслины (Од. VII 112 сс.; IV 737). Маслины
 уже въ то время разводились въ большомъ количествѣ (Ил.
 XVII 53). Часто упоминаются въ поэмѣхъ виноградъ и вино.

Каковъ былъ земельный строй гомеровскаго общества?

Рядъ изслѣдователей (Laveleye, Maine, Ridgeway, Esmein)
 пытался найти у Гомера указанія на существованіе сельской
 общины. Эти изслѣдователи были проникнуты мыслью о томъ,
 что первобытныя общества начинаютъ съ коллективной соб-
 ственности. Они однако не считались съ тѣмъ, что гомеровское
 общество уже вовсе не примитивно. Имѣютъ большое значеніе

аргументы, которые противъ Лавеле, Риджвоя и др. выдвинуты были иными учеными, особенно Ф. де Кулянжемъ и Пельманомъ.

Попробуемъ разобраться въ этомъ вопросѣ.

Аргументировавшіе въ пользу существованія у Гомера общиннаго строя указывали, что гомеровскія поэмы знаютъ семейную общину въ родѣ югославянскій задруги. Такъ изображается, напр., домъ Пріама (Ил. VI 243 сс.): здѣсь вмѣстѣ живутъ 50 сыновей Пріама со своими семьями и 12 дочерей съ ихъ мужьями.

Но существованіе семейной общины еще не говоритъ за существованіе сельской аграрной общины.

Однако сторонники общинной теоріи находятъ у Гомера тексты, которые толкуютъ въ смыслѣ указавшій на существованіе во времена созданія поэмъ аграрной общины. Такой смыслъ вкладываютъ, напр., въ Ил. XII 421 сс. Здѣсь идетъ рѣчь о борьбѣ ахейнъ съ союзниками троянцевъ дикійцами изъ-за стѣны, выстроенной ахейцами. По этому поводу поэтъ дѣлаетъ слѣдующее сравненіе:

Но какъ два человѣка, сосѣди, за межи раздорятъ,
Оба съ саженью въ рукахъ на смежномъ стоящіе полѣ,
Узкимъ пространствомъ дѣлимые, шумно за равенство
спорятъ,—

Такъ и бойцовъ лишь тѣ стѣны *) дѣлили; черезъ нихъ
нападаи,

Мужи одни у другихъ разрубали толстыя кожи
Пышныхъ кругами щитовъ. **)...

Сторонники общинной теоріи — видятъ въ этомъ текстѣ указаніе на передѣлъ общинной земли (*ἐπιξύνω ἐν ἀρουρῇ*, т. е. *ἐν ἐλικούω ἀρουρῇ*); споръ же здѣсь идетъ о равномъ участіи въ пользованіи общинной землей (*ἐριζήτων περὶ γῆς*). На это противники общинной теоріи возражаютъ, что въ данномъ текстѣ

*) И здѣсь мѣняю неточный переводъ Гнѣдича-Грузинскаго: въ подлинникѣ стоитъ *ἄλλεις* — „стѣны, брустверы“. Переводчики пишутъ: „вабрала“. Минскій переводитъ: „бойницы“.

**) *Ἄλλ' ὅτε ἀμφ' ὄβροισι δὲ ἀνῆρα διηρ: ἀαζθον
μέτρ' ἐν χερσὶν ἔχοντες, ἐπιξύνω ἐν ἀρουρῇ
ὄτ' ὀλλίγω ἐνὶ χώρῳ ἐριζήτων περὶ γῆς,
ὡς ἀρα τοὺς διέεργον ἄλλεις.*

рѣчь идетъ о спорѣ изъ-за межевыхъ камней (*διφ' ὄριος*) на маломъ пространствѣ межи (*ὀλίγη ἐνὶ χάραξ*) при раздѣлѣ частной собственности. Дѣло въ томъ, говорятъ противники общинной теоріи (Пѣльманъ), что *ὄριος* у Гомера означаетъ постоянный межевой столбъ, (*ὄριος ἀρούρης*), какъ это видно изъ другого мѣста Иліады (XXI 403 сс.):

Зевсова дочь отступила и мощной рукой подхватила
Камень, въ полѣ лежащій, черный, зубристый, огромный,
Въ древніе годы мужами положенный поля межою.

Совершенно ясно, что здѣсь рѣчь идетъ о камнѣ, поставленномъ не въ качествѣ знака между временными надѣлами, а въ качествѣ постоянной межи между двумя участками, издавна находившимися въ частной собственности (*λίθον—κειμένον ἐν πεδίῳ τὸν ὁ ἄνθρωπος πρότερον θέσασιν ἔμμεναι ὄριον ἀρούρης*). Объ изгородяхъ, раздѣляющихъ поля, говорить, повидимому, и другой текстъ (Ил. V, 89 с.—*ἔρκεα δλωδῶν*).

Другой текстъ, въ которомъ сторонники общинной теоріи видятъ указаніе на аграрную общину, это—описаніе запашки на щитѣ Ахилла (II. XIII, 541 сс.). П'ефестъ

Сдѣлалъ на немъ и широкое поле, тучную пашню,
Рыхлый, три раза распаханый паръ; на немъ земляшцы
Гонять яремныхъ воловъ, и назадъ и впередъ обращаясь,
И всегда, какъ обратно къ концу приближаются нивы,
Каждому въ руки имъ кубокъ вина, веселящаго сердце,
Мужъ подаетъ; и они, по своимъ полосамъ обращаясь,
Вновь поспѣшаютъ дойти до конца взборожденнаго пара.
Нива, хотя и золотая, чернѣется среди орущихъ,
Вспаханной нивѣ подобаясь; такое онъ диво представилъ.

Однако въ томъ, что здѣсь упоминается „широкое, тучное паровое поле“ (*πεῖλον πλεῖρον ἀρουραν εὐρεῖαν*) и „многочисленные пахари“,—отнюдь не слѣдуетъ, что рѣчь идетъ объ обработкѣ общинной земли. Напротивъ, какъ правильно замѣтилъ Пѣльманъ, слѣдующая за этимъ картина жатвы на щитѣ, гдѣ упоминается „властелинъ“, для котораго работаютъ жнецы (*βασιλεύς*—I. 556), говорить скорѣе за то, что на щитѣ изображены сцены на частновладѣльческой землѣ.

Такія господскія земли фигурируютъ въ поэмахъ часто. Это „отрубные“ участки (*τέμνος*), находящіяся, несомнѣнно, въ

частной собственности. Такой участокъ общаетъ, напр., это-
ляне Мелеагру (Ил. IX, 577 сс.):

Гдѣ плодоноснѣй земля на веселыхъ поляхъ Калидонскихъ,
Тамъ позволяли ему, въ пятьдесятъ десятинъ, наилучшій
Выбрать удѣлъ: половину земли виноградомъ покрытой
И половину нагой, для пашни пригодной, отрѣзать *).

Въ другомъ мѣстѣ (Ил. XI 67) рѣчь идетъ о жнецахъ
(ἀμειψῆρες), которые убираютъ полосу (δρῶν) жатвы на пашнѣ бо-
гатаго мужа (ἀνδρὸς μάκαρος κατ' ἄρουραν). **)

Есть и другія указанія на существованіе частной земель-
ной собственности въ гомеровскія времена. Я уже говорилъ о
межевыхъ камняхъ, которые издавна раздѣляютъ частновладѣль-
ческія земли. Далѣе мы видимъ, что Андромаха говоритъ о
пашнѣ (ἀρουρα), которую сынъ Гектора *унаследуетъ* отъ отца
и которую у него малолѣтняго, могутъ отнять „чужіе“ (ἄλλοι
Ил. XXII 485 сс.). Конечно, въ смыслѣ существованія частной
собственности на землю говорятъ многочисленныя упоминанія
въ поэмахъ о садахъ и виноградникахъ, которые, конечно,
никто бы не сталъ разводить на землѣ, находящейся лишь во
временномъ пользованіи. Нужно помнить, что въ поэмахъ разведе-
ніе винограда является распространеннымъ: вѣдь вино здѣсь
не только обычный напитокъ знати, но и простолюдиновъ,
напр., вино пьетъ свинопасъ Эвмей (Од. XIV 78 и XVI 14).

Но рядомъ съ выраженіемъ τέμενος, „отрубный участокъ“ ***)
мы встрѣчаемъ въ поэмахъ и выраженіе κλήρος „надѣлъ“, —
буквально „жребій“, „полученное по жребію“. ****) Нѣтъ ни
малѣйшихъ указаній на то, что эти κλήροι не были собствен-
ностью въ эпоху созданія поэмъ, но самое названіе заставляетъ

*) τέμενος пер. καλλὲς ἐπέσθα:
παντηκοντόγρον, τὸ μὲν ἡμῶν οἶνοπείσοιο,
ἡμῶν δὲ φίλῳν ἄρουν παύλοιο ταμείσθα.

Гдѣ, вѣроятно, равнялась площади, которую одинъ человѣкъ плугомъ (γόνος—
часть плуга) могъ обработать въ одинъ день. Эту мѣру опредѣляютъ прибл. въ 1/4
десятины, но есть и другія опредѣленія (см. *Guiraud, La propriété, 85. Seymour,*
Life in the Homeric Age, 1907, 245 f.). Если мы примемъ указанную мѣру, то
участокъ Мелеагра будетъ равенъ лишь 12 десятинамъ.

**) Ср. также τέμενος въ Ил. XII 314; VI, 194; XX, 184; далѣе XIV 122.

***) τέμενος отъ τέμνω, рѣжу. Такимъ образомъ слово τέμενος значитъ
„отрѣзокъ“, т. е. вполне соответствуетъ нашему „отрубъ“.

****) Ил. XV 498; Од. XIV 64.

думать, что эти участки имѣли свое происхожденіе изъ раздѣла по жребію общинной земли. Былъ ли такой раздѣлъ производимъ въ собственность или же во временное пользованіе до новаго передѣла въ дальнѣйшемъ? Какъ было ранѣе, до созданія поэмъ,—мы не знаемъ, но тексты въ самихъ поэмкахъ говорятъ за то, что въ эту эпоху земельные участки, полученные по жребію путемъ раздѣла общинной земли, становились собственностью владѣльцевъ. Мы видимъ, что богатые люди въ Одиссеѣ называются „многонадѣльными“ (*πολύκληροι*—XIV 211), а бѣдные—„безнадѣльными“ (*ἄκληροι*—XI 490). „Надѣлъ“ переходитъ по наслѣдству (къ дѣтямъ II. XV, 498).

„Одиссея“ даетъ намъ и указаніе на то, какъ такіе надѣлы создавались. Рассказывая о возникновеніи города Феакійцевъ, поэтъ говоритъ (Од. VI 7 сс.), что ихъ вождь НавзитоЙ поселилъ ихъ

Въ Схеріи, тучной землѣ, далеко отъ людей промышленныхъ.
Тамъ онъ имъ городъ стѣнами обвелъ, имъ построилъ
жилища,
Храмы богамъ ихъ воздвигъ, раздѣлилъ ихъ поля на участки.

Рѣчь здѣсь идетъ по общему смыслу текста скорѣе объ окончательномъ раздѣлѣ земли (*ἰδδοῦσσι δροίρας*).

Какъ обстояло дѣло въ болѣе раннее эллинское время,—повторяю,—мы не знаемъ. На существованіе передѣловъ мы не имѣемъ указаній, да община съ передѣлами теперь вообще считается поздней формой. Мы можемъ думать, что въ раннія времена пашня у грековъ создавалась *заимочнымъ* образомъ: при обиліи земли, малочисленности населенія и примитивности земледѣльческой техники участки земли распредѣлялись между членами общественной группы (рода, группы родовъ, филы), а затѣмъ по истощеніи ихъ бросались и замѣнялись другими. При такихъ условіяхъ нельзя говорить о собственности на землю: самого этого понятія еще не создалось. Владѣли территоріей большія общественныя группы, которыя не допускали сюда чужаковъ, но внутри этой группы понятія не только индивидуальной, но и семейной поземельной собственности еще не создалось.

Но во времена поэмъ, если мы и говоримъ о правѣ собственности на землю, то здѣсь рѣчь идетъ не о личной, индивидуальной собственности: *поземельная собственность въ гомеровскія времена—семейная*. Глава семьи не можетъ распо-

ряться земельнымъ владѣніемъ по произволу. Мы знаемъ, что ограниченія распоряженія земельной собственностью въ Афинахъ, Спартѣ и другихъ государствахъ существовали и значительно повдѣе. Такъ, ограниченія въ распоряженіи земельной собственностью въ Афинахъ были значительны еще въ VI в.: даже солоново законодательство допускало завѣщаніе лишь въ случаѣ отсутствія дѣтей (*Plut. Solo 21*). Въ Спартѣ ограниченія въ распоряженіи земельной собственностью существовали даже въ IV в. (объ этомъ см. ниже, когда рѣчь будетъ идти о соціально-экономическихъ отношеніяхъ въ Спартѣ). Такія же ограниченія существовали и въ другихъ государствахъ въ IV в. (*Aristot. Polit. II, 4, 4*). Всюду земельная собственность оставалась въ кругу ближайшихъ родственниковъ, а въ случаѣ ихъ отсутствія переходила къ болѣе отдаленнымъ. Такъ регулируютъ наслѣдованіе и „Гортинскіе законы“ на Критѣ (въротно, первая пол. V в. до Р. X. *). Если ограниченія въ распоряженіи земельной собственностью существовали въ столь позднее время, то вполне естественно, что въ гомеровскія времена земельная собственность уходила изъ рукъ родичей лишь въ случаѣ отсутствія послѣднихъ. Въ эпосѣ видимъ, что нормально земля переходитъ къ дѣтямъ (Ил. XV 498). Дѣти раздѣляютъ землю между собою по жребію (Од. XIV 209), причемъ сынъ отъ наложницы получаетъ меньше (*ib.*, 210). Лишь въ случаѣ отсутствія прямыхъ наслѣдниковъ земля можетъ перейти къ отдаленнымъ родичамъ (такъ нужно понимать выраженіе *χρησταί* въ Ил. V 158).

Такимъ образомъ *пахотная земля*,—будь то отрубной участокъ (*τέμενος*) или надѣлъ, полученный по жребію (*κλήρος*) при раздѣлѣ общинной земли,—была въ гомеровскія времена *собственностью семьи, а не индивидуума*.

Но и въ гомеровскія времена оставались земли нераздѣленныя, принадлежавшія общинамъ, большимъ и малымъ. Именно изъ этихъ земель и нарекавались тѣ „отруба“ (*τεμύρη*), о которыхъ шла рѣчь выше. Нарѣзка происходила по постановленію общины (община этолянъ—Ил. IX 577 сс.; ликійцы—Ил. VI 199; троянцы—Ил. XX 184).

Эти нераздѣленные земли служили въ обычное время пастбищами, что представляется очень важнымъ при той роли, какую играло въ гомеровскія времена скотоводство. Трудно думать, что всѣ эти большія стада паслись на частныхъ пастби-

*) Датировка у насъ выше на стр. 7 неточна.

пахъ. Таковыя являлись исключеніемъ (Ил. XX 185). Чаще всего пастбищами служили склоны горъ (Ил. XI 105; XXI 88; XXI 449) или окраины пахотной земли (Од. XXIV 150: здѣсь расположенъ домъ свинопаса—*δουρῶ ἐπ' ἀραχαιῶν, ὅθι δόματα καὶ σὺβάτης*). Весьма вѣроятно, что эти земли—при малой пригодности ихъ для пашни, при обиліи земли и при незначительности населенія—оставались во владѣніи общинъ и служили общиннымъ выгономъ. *)

*Организація промышленности. **)*

Гомеровское общество живетъ гл. обр. земледѣліемъ и скотоводствомъ. Но оно имѣетъ и нѣкоторую промышленность, знаетъ уже значительное раздѣленіе труда. *Вполнѣ замкнутого натурального домашняго хозяйства, удовлетворяющаго самостоятельно вѣсьмъ своимъ потребностямъ, нѣтъ даже въ эту эпоху.* Правда, мы видимъ свинопаса въ *большомъ хозяйствѣ*, который самъ готовитъ для себя кожанья сандаліи (Од. XIV 23), видимъ женщинъ, принадлежащихъ къ составу семьи хозяина, и рабынь, занимающихся въ *большомъ хозяйствѣ* пряденіемъ и тканьемъ (напр., Ил. I 31; III 125, 387; XXII 440; Од. I 352; VII 234). Но, съ другой стороны, мы видимъ *специалистовъ-ремесленниковъ* (напр., Ил. V 59; VI 314; VII 220).

Они работаютъ у себя дома своими инструментами изъ своего матеріала и продуктъ своего труда продаютъ потребителю (не торговцу). Такова пряха, о которой говорится (Ил. XII 433), что она работаетъ за плату. Этотъ текстъ гласитъ, что ахеяне держались ровно,—

... какъ вѣсы у жены, руководѣльницы честной,
Если, держа коромысло и чаши заботно равняя,
Шерсть она вѣситъ, чтобъ дѣтямъ промыслить хоть
скудную плату. ***)

Фактъ взвѣшиванія шерсти показываетъ, что дѣло идетъ не о работѣ на дому у заказчика и изъ его матеріала, а на дому у работницы и изъ матеріала ея.

*) Ср. *Seymour*, о. с., 240—242.

**) См. мою брошюру: „Развитіе формъ промышленности въ древнемъ мірѣ“, 1915, стр. 4—5.

***) ὅσπερ τάλαντα γυνὴ χερσίνης ἀληθῆς,
ἤτε σταθμὸν ἔχουσα καὶ ἄρην ἀμφοῖς ἀνέλκει
ισάκουσα, ἵνα πικρὸν ἀεικέα μισθὸν ἀρήται.

Когда поэтъ изображаетъ кузницу Гефеста, то, конечно, прообразомъ ему служить человѣческая кузница, и тоже мы получаемъ впечатлѣніе, что Гефестъ работаетъ съ помощниками у себя въ кузницѣ своими инструментами и изъ своего матеріала (Ил. XVIII 468 сс.).

Такъ произнесши, оставилъ ее (Фетиду) и къ мѣхамъ приступилъ онъ;
Всѣ на огонь обратилъ ихъ и дѣйствовать далъ повелѣнно.
Разомъ въ отверстия горнильныя двадцать мѣховъ задыхали,
Разнымъ изъ дулъ ихъ дыша раздувающимъ пламя дыханьемъ,
Или порывнымъ, служа поспѣвавшему, или спокойнымъ,
Глядя по волѣ творца и по нуждѣ творимаго дѣла.
Самъ онъ въ огонь распыхавшійся мѣдъ некрушимуу
ввергнулъ,
Олово бросилъ, серебро, драгоценное золото и послѣ,
Тяжкую наковальню насадивши на столбъ, а рукою
Молотъ огромнѣйшій взявъ, клещи захватилъ онъ въ другую...

Можно думать, что карійская или меонійская (лидійская) красильщица, окрашивающая въ пурпуръ слоновую кость, есть такая же работница у себя на дому (Ил. IV 140 сс.):

... Черная кровь заструилась изъ раны.
Точно слоновая кость, что въ Меоніи или въ Каріи
Женщина пурпуромъ красить, чтобъ конскій нащочникъ
сготовить;
Долго въ жилищѣ ея онъ лежитъ, и наѣзниковъ много
Щетно желаетъ его приобрѣсть, — онъ царю достается, *)
За украшенье коню, самому же возникъ на славу.

Здѣсь рѣчь идетъ о томъ, что работница выжидаетъ лучшаго покупателя и таковымъ оказывается царь. Если бы рѣчь шла о дарѣ царю, то въ выжиданіи потребителя не было смысла.

Такимъ образомъ въ этихъ примѣрахъ мы наблюдаемъ видъ *продажнаго ремесла* (терминологія Тугана-Барановскаго; Handwerk—по Бюхеру): здѣсь производители работаютъ у себя

*) Переводъ Минскаго. У Гнѣдича-Грузинскаго слова *ῥαυλῆς* ἔξ ἡέτας *ῥαυλῆς*—не переведены, и потому смыслъ искаженъ.

на дому изъ своего матеріала и сбываютъ готовый продуктъ потребителямъ безъ посредства торговцевъ.

Но мы видимъ у Гомера и другую низшую форму ремесла: отхожее наемное ремесло (*Lohnwerk*), когда производителя приглашаютъ на домъ, и онъ работаетъ обычно изъ матеріала заказчика.

... Приглашаютъ ли кто чловѣка чужого
Въ домъ свой безъ нужды? Лишь тѣхъ приглашаютъ, кто
нуженъ на дѣло:
Или гадателей, или врачей, или искусниковъ зодчихъ (*τέκτονα*),
Или пѣвцовъ, утѣшающихъ душу божественнымъ словомъ
(Од. XVII 384).

... Пусть будетъ немедленно златоискусникъ (*χρυσόχορον*)
Лаэрокъ
Призванъ, чтобъ золотомъ чистымъ рога изукрасить телицъ
(Од. III 425).

Далѣе ясно, что „златоискусникъ“ имѣетъ свои инструменты, но матеріаль ему даетъ заказчикъ (Од. III 432—438):

... Явился и златоискусникъ,
Нужный дляковки металловъ принесшій снарядъ: наковальню,
Молотъ, клещи драгоценной отдѣлки и все, чѣмъ обычно
Дѣло свое совершалъ онъ.....
... Тутъ художнику Несторъ, коней обуздалъ,
Золота чистаго далъ; оковалъ онъ рога имъ телицы,
Тщася усердно, чтобъ жертвенный даръ былъ угоденъ богинѣ.

Спеціалисты-ремесленники у Гомера именуются демиургами (*δημιουργοί*), т. е. „работающими на народъ“. *) Сюда, кромѣ ремесленниковъ, причисляются также прорицатели, врачи, пѣвцы и глашатаи. Изъ числа ремесленниковъ Гомеръ упоминаетъ плотниковъ и столяровъ (*τέκτων*), рѣбачиковъ рога (*κεραυφόος* **), шорниковъ (*οκροτόμος* ***), кузнецовъ (*χαλκεύς* ****), золотыхъ

*) Од. XVII 388 (см. выше) и XIX 135.

***) Ил. IV 110.

****) Ил. VII 221; ср. XVII 389.

*****) Ил. IV 216 (характерно, что названіе гомеровскаго кузнеца связано съ понятіемъ: мѣдь *χαλκός*). Од. XVIII 328.

дѣлъ мастеровъ (*χρυσόχορος* *)), горшечниковъ (*κεραμικός* **) и т. п. Металлургическая, столярная и другая техника, описываемая въ поэмахъ, настолько сложна, что требовала, конечно, значительнаго раздѣленія труда и значительной специализаціи. На выдающихся специалистовъ-ремесленниковъ гомеровское аристократическое общество смотритъ съ почтеніемъ: мы видимъ, что такіе ремесленники имѣютъ свою родословную ***) , и самъ богъ Гефестъ не глушается быть кузнецомъ. Причисляемые къ деміургамъ жрецы и врачи по большей части происходятъ изъ знати (Калхасъ, Махаонъ).

Наоборотъ, *купцовъ* аристократическое гомеровское общество рассматриваетъ не какъ искусныхъ специалистовъ, а какъ людей корыстныхъ, гонящихся только за наживой. Таково отношеніе къ финикіянамъ. Такова характеристика купца въ Од. VIII 161 сс.:

Ты изъ числа промышленнѣнныхъ людей, обтекающихъ море
 Въ многovesельныхъ своихъ корабляхъ для торговли, о
томъ лишь
 Мысля, чтобъ, сбывъ свой товаръ и опять корабли нагруживши,
 Болѣ нажить барыша...

Говоря вообще, мы имѣемъ въ гомеровскихъ поэмахъ общество, по преимуществу пастушеское и земледѣльческое, а не промышленное и не торговое.

Родовыя и племенные дѣленія.

Въ гомеровскомъ обществѣ очень незначительны непосредственныя отношенія между отдѣльною личностью и государствомъ. Позднѣйшая развитая государственная организація имѣетъ цѣлый рядъ функций, которыхъ не знаетъ гомеровское государство, представляющее изъ себя еще очень раннюю форму государственной организаціи: гомеровское государство очень мало вмѣшиваются въ хозяйственную и духовную жизнь личности и мало оказываетъ ей услугъ въ этихъ областяхъ; даже защиту личности отъ другихъ членовъ общества оно беретъ на себя лишь въ ограниченнѣхъ размѣрахъ. Только при столкно-

*) Од. III 425 и 432. Въ сущности здѣсь *χρυσόχορος* дагѣ названъ *χαλκωβος*.

**) Ил. XVІІІ 600.

***) Ил. V 59.

веніи одной большой общественной группы съ другой—государство рѣшительно выступаетъ на сцену и ведетъ войну, объединяя индивидовъ.

Вообще же защита индивидовъ и помощь имъ, которая повдѣе беретъ на себя государство, въ гомеровскомъ обществѣ болѣе сосредоточиваются въ общественныхъ соединеніяхъ, стоящихъ между государствомъ и личностью. Таковы—а) семья (*οἶκος*), б) родъ (*γένος* или *πάτρα*), в) фратрія (*φρατρία*) и г) фила (племя—*φίλη*). Фила—племя—можетъ явиться высшей общественной группой, которая и создаетъ государственную организацію, но чаще мы находимъ въ Греціи еще болѣе значительныя *племенные группы*, которыя включаютъ въ себя нѣсколько мелкихъ племенъ—*филъ*. Такъ, дорійскія государства включали въ себя обычно три мелкихъ *племени*—*филы*, а іонійскія—четыре.

а) *Семья* (*οἶκος*) является въ поэмахъ элементарной ячейкой, входящей въ составъ общества. „Семья въ тѣсномъ смыслѣ есть община, состоящая изъ родителей, живущихъ между собою въ болѣе продолжительныхъ и исключительно супружескихъ отношеніяхъ, и ихъ дѣтей“. *) Отъ такой *обособленной семьи* (*Sonderfamilie*), господствующей въ цивилизованныхъ странахъ въ настоящее время, слѣдуетъ, по мнѣнію одного изъ лучшихъ изслѣдователей исторіи семьи Гроссе, отличать „*большую семью*“ (*Grossfamilie*), которая включала въ себя не только родителей и дѣтей, но и женъ сыновей съ ихъ сыновьями, женами и потомствомъ. Далѣе, отъ такихъ большихъ семей слѣдуетъ отличать *родъ*: это есть группа лицъ, признающихъ себя связанными общимъ происхожденіемъ. Семья не можетъ существовать, какъ одно цѣлое, если она не имѣетъ хозяйственной основы: какъ большая семья, такъ и обособленная—представляютъ изъ себя *хозяйственные соединенія*. Большая семья держится до тѣхъ поръ, пока ее связываетъ общность хозяйства: иначе она распадается на обособленныя семьи. Хозяйственные интересы могутъ быть настолько сильными, что будутъ связывать даже членовъ рода, и тогда мы будемъ имѣть *родовую общину*, встрѣчающуюся на раннихъ ступеняхъ развитія.

Въ настоящее время изученіе первобытныхъ обществъ показало, что позднѣйшей формѣ семьи—*патріархальной*, гдѣ родство велось по отцу, предшествовали формы семьи, гдѣ род-

*) Эрнестъ Гроссе, *Формы семьи и формы хозяйства*, рус. пер., 1898, стр. 14.

ство велось по матери,—семья *матріархальной*. Это объясняется или тѣмъ, что при неустойчивости половыхъ отношеній въ древнѣйшія времена трудно было опредѣлить происхожденіе по отцу (Макъ Леннанъ), или же потому, что первоначально не жена переходила въ семью мужа, а мужъ—въ семью жены (Тэйлоръ въ позднихъ работахъ, Мазарелла, М. М. Ковалевскій въ „Соціологіи“; это—такъ наз. амбиланакская семья). Матріархальная семья вовсе не обозначаетъ женскаго главенства въ семьѣ,—напротивъ, очень часто положеніе женщины при матріархатѣ является приниженнымъ,—матріархатъ обозначаетъ лишь счетъ родства по матери. При этомъ братъ матери (дядя съ материнской стороны) пользуется часто бѣльшимъ значеніемъ, чѣмъ отецъ.

Другое явленіе, характерное для древней формы семьи,—это *экзогамія*,—запрещеніе заключать браки внутри даннаго рода и возможность заключать ихъ лишь съ лицами другого—иногда опредѣленнаго—рода. Этотъ древній институтъ большинство ученыхъ объясняло инстинктивнымъ (Вестермаркъ) или сознательнымъ (Морганъ) отвращеніемъ къ кровосмѣшенію. Нѣкоторые, впрочемъ, искали и другихъ причинъ экзогаміи. Такъ Макъ-Леннанъ видѣлъ причину экзогаміи въ томъ, что первобытные народы умерщвляли дѣвочекъ, чтобы избавить родъ или племя отъ лишннихъ ртовъ, а затѣмъ, нуждаясь въ женѣхъ, похищали женщинъ у сосѣднихъ родовъ или племенъ.

Въ гомеровскомъ обществѣ нѣтъ уже ни матріархата, ни экзогаміи. Здѣсь мы находимъ *патріархальную семью*. Правда, указываютъ нѣкоторые *пережитки матріархата* въ Греціи *). Такъ, въ гомеровскія времена особенно подчеркивается значеніе происхожденія отъ общей матери: ему придается больше значенія, чѣмъ происхожденію отъ одного отца. Сынъ Пріама Ликаонъ умоляетъ Ахилла, мстящаго за смерть Патрокла, не убивать его, причемъ онъ подчеркиваетъ, что онъ, Ликаонъ,—не единоутробный братъ Гектора, убійцы Патрокла (Ил. XXI 96). Елена объясняетъ отсутствіе Кастора и Полидевка полъ Тройей тѣмъ, что они—ея единоутробные братья (Ил. III 238). Единоутробный братъ является въ повахъ особенно близкимъ человѣкомъ,—онъ иногда ближе сына: мать Мелеагра проклинаетъ сына за убійство ея брата (дяди Мелеагра—Ил. IX 565 сс.).

Имѣются и другіе слѣды матріархата въ Греціи. Такъ въ Аѳинахъ существовала легенда, что лишь Кекропсъ запретилъ

*) *Bachofen*, Das Mutterrecht, 1861; *Mac Lennan*, Kinship in Ancient Greece.

именоваться по роду матери. *) Бахофенъ **) видѣлъ въ „Эвменидахъ“ Эсхила отраженіе легенды о побѣдѣ патриархальнаго принципа надъ матриархальнымъ. Въ этой трагедіи Эринніи преслѣдуютъ Ореста за убійство матери, которой онъ отомстилъ смертью за то, что она погубила своего мужа и его отца Агамемнона. Эринніи возглашаютъ старый принципъ первенста узъ, связывающихъ сына съ матерью. Аполлонъ вмѣсто того провозглашаетъ принципъ новый, патриархальный:

О матери нельзя сказать, чтобы
Она могла родить, дать жизнь творенью,—
Она питаетъ лишь одинъ зародышъ,
Родитель только лишь одинъ отецъ,
Она жъ—какъ будто бы хозяйка въ домѣ
Для гостя,—бережетъ зародышъ въ тайнѣ,
Чтобы не уязвилъ его безсмертный. ***)

Дальше мы увидимъ, что слѣды экзогаміи тоже можно найти въ Греціи.

Однако, какъ мы сказали выше, гомеровская Греція знаетъ уже лишь *патриархальную семью*, какъ нормальное явленіе.

Патриархальная семья рѣдко представляется намъ у Гомера, какъ „большая семья“. Такова—семья Пріама, которая является въ то же время рѣдкимъ примѣромъ полигамной семьи: у Пріама нѣсколько законныхъ женъ: кромѣ Гекубы, онъ имѣетъ Лаооюю (Ил. XXI 88; XXIV 495), Кастіаниру (VIII 304) и, кромѣ того, нѣсколько наложницъ (послѣднее было обычнымъ явленіемъ въ эту эпоху).

Въ семьѣ *Пріама* живутъ вмѣстѣ съ Пріамомъ 50 его сыновей съ женами и дѣтьми и 12 дочерей съ мужьями и, несомнѣнно, тоже съ дѣтьми (Ил. VI 243 сс.; см. выше стр. 109). Обычно же мы видимъ у Гомера *небольшія семьи*. Очевидно, передвиженія племенъ, имѣвшія мѣсто въ XII—XI вв., разрушили старыя родовыя поселенія.

Характерныя черты древнѣйшей греческой семьи слѣдующія.

*) Она дошла до насъ чрезъ Варрона (у бл. Августина, De civitate Dei, XVIII 9).

**) Бахофенъ первый открылъ матриархатъ, какъ форму семьи.

***) *Aeschyl.*, Eumen., 657 сс. Пер. Н-въ (у В. Алексеева, Древне-греческіе поэты. 1895, стр. 349).

Во-первыхъ, семья объединена имущественно. Недвижимость принадлежит семьѣ. Отчужденіе земли не допускается въ Аѣинахъ до начала VI в. (до законовъ Солона), а въ Спартѣ даже до первой половины IV в. (законъ эфора Эпитидея). *) Даже глава семьи въ древности не могъ распоряжаться имуществомъ: завѣщаніе не допускалось, наслѣдовали дѣти, а, если ихъ не было, ближайшіе, а затѣмъ отдаленные родичи.

Во-вторыхъ, семья объединена обязанностью взаимной защиты своихъ членовъ. Поэмы постоянно говорятъ о мести родичей за смерть близкихъ: Орестъ мститъ за бѣйство своего отца Агамемнона (Од. III 306 сс.), мать Мелеагра—за брата (IX 565 сс.) и т. п. Въ сраженіи братья обычно становятся рядомъ, конечно, для того, чтобы оказывать другъ другу поддержку (Ил. VIII 267, 302, 318).

Наконецъ, семья связана культомъ: она защищаетъ своихъ сочленовъ передъ богами при ихъ жизни и заботится о ихъ прахѣ и о ихъ душахъ послѣ ихъ смерти. Вспомнимъ заботы Пріама о томъ, чтобы получить тѣло Гектора у Ахиллеса и похоронить его согласно религиознымъ обрядамъ **).

Разъ семья играетъ въ средневѣковой Греціи такую важную роль, то понятны необычныя съ нашей точки зрѣнія заботы о томъ, чтобы родъ не пресѣкался, и поэтому, если нѣтъ наслѣдниковъ по мужской линіи, то допускается *усыновленіе мѣры противъ безплодныхъ браковъ*. Иногда греки принимали для этой цѣли мѣры, кажушіяся прямо странными съ современной точки зрѣнія. Въ Спартѣ, даже въ IV в. старикъ-мужъ въ случаѣ безплодія брака долженъ былъ пригласить родственника для исполненія своихъ супружескихъ обязанностей. Особы мѣры принимаются относительно дочерей-наслѣдницъ (*ἀπίληρος*). Дочь—плохая оборона и оплотъ рода, поэтому заботятся, чтобы единственная дочь при отсутствіи у нея братьевъ вышла замужъ за ближайшаго родственника, а тотъ долженъ былъ жениться на ней.—Мѣры для поддержанія рода мы видимъ и въ гомеровскихъ поэмахъ: бездѣтный Фениксъ усыновляетъ Ахиллеса (Ил. IX 494).—Проклятіе, призывающее на голову человѣка бездѣтность, считается ужаснымъ (Ил. IX 454 сс.).

б) *Родъ* (*γένος, πάτρα*). Родовой общины гомеровскія поэмы уже не знаютъ. Очевидно, роды рѣдко живутъ, какъ объеди-

*) См. выше стр. 112 с.

***) Религиозная связь греческой семьи рода прекрасно выяснена Ф. де Куанжемъ (La cité antique). См. выше стр. 37.

ненное хозяйственное дѣло. Передвиженія племенъ XII—XI вв. и позднѣйшая колонизація разрушили эти хозяйственныя связи. Но родъ продолжаетъ существовать, какъ болѣе или менѣе значительная группа лицъ, связанныхъ общностью происхожденія отъ одного родоначальника. Этотъ родоначальникъ могъ быть даже мифическою личностью: важно то, что родичи *сознавали* общность своего происхожденія. Нѣтъ сомнѣнн, что въ роды входили и посторонннне элементы путемъ усыновленн, и съ теченнемъ времени число такихъ элементовъ увеличивалось.

Родъ связывали—въ болѣе слабой степени—тѣ же узы, которыя связывали и семью.

Во-первыхъ, хотя родовой общины уже не существуетъ, однако имущественная связь рода не исчезла: въ случаѣ отсутствн, ближайшихъ наслѣдниковъ имущество переходитъ къ отдаленнымъ родственникамъ. Законы города Гортины на о. Критѣ, относящнсе къ началу V в. до Р. X., опредѣленно говорятъ о наслѣдованн двоюродныхъ внуковъ и болѣе отдаленныхъ родственниковъ (Горт. зак. V 10—25). Точно также, если въ семьѣ оставалась единственная дочь (*ἐπίκληρος*, на Критѣ — *πατρὸς οὐχός*), то Гортинскнне законы опредѣленно упоминали ея двоюродныхъ братьевъ, какъ обязанныхъ на ней жениться, а затѣмъ и самыхъ отдаленныхъ ея родичей въ предѣлахъ шлемени (Горт. зак. VII 16—VIII 20). Этнмъ правиломъ достигалось сохраненн имущества въ предѣлахъ рода.

И обязанность взаимной защиты выходила за предѣлы семьи. Объ этомъ говорятъ примѣры въ древнѣйшихъ греческихъ законодательствахъ. Въ законахъ Дракона, изданныхъ въ концѣ VII в., говорилось о двоюродныхъ племянникахъ, какъ о близкихъ родственникахъ, долженствовавшихъ выступать въ качествѣ обвинителей убнйцы ихъ родственника. *)

Родъ имѣлъ и религнозную связь: онъ чтнлъ общаго предка, чтнлъ почившихъ членовъ рода (жертвоприношенн умершимъ изображается въ началѣ XI пѣсни Одиссеи).

в) *Фратрн, (φρατρία)*. Семьи (и роды) объединялись во фратрн. Интересно, какъ сами греки объясняли происхожденн фратрн. Они искали его въ томъ явленн, которое современныя соціологи называютъ экзогамн (см. выше стр. 119). Писатель конца IV в., вышедшн изъ школы Аристотеля, *Дикеархъ* въ своемъ сочиненн: „Жизнь Эллады“ (*Βίος Ἑλλάδος*)

*) Этотъ законъ сохранился въ надписи: Inscr. Graecae I 61—Dittenberger, Sylloge inscriptionum graecarum I 52. См. также рѣчь *Демосеена* 48. 57.

объяснял происхождение фратрій тѣмъ, что нѣкоторые роды не заключали браковъ въ своей средѣ, и такимъ образомъ лица женскаго пола, выходявшія замужъ, теряли связь со своимъ родомъ и—главное—теряли право участвовать въ родовыхъ жертвоприношеніяхъ *). Вотъ, чтобы поддерживать религіозную связь между такими экзогамическими родами, соединенными между собою брачными узамъ, по словамъ Дикеарха, и возникли союзы родовъ, называемыя фратріями. Это объясненіе Дикеарха представляется вѣроятнымъ.

Фратріи являлись очень устойчивымъ учрежденіемъ. И позднѣе мы находимъ ихъ въ очень многихъ мѣстностяхъ Греціи. Въ Европейской Греціи онѣ имѣются въ Аеянахъ, въ Элидѣ, далѣе онѣ констатированы на островахъ (Хіосъ, Андросъ и др.), въ М. Азіи (Иліонъ, Эги въ Мизіи), въ Сициліи (Панормъ, Мессана).

Фратріи, подобно родамъ, являются основной ячейкой древнегреческаго общества. Правда, мы не видимъ, чтобы члены фратріи были объединены имущественными отношеніями. Но онѣ, подобно родамъ, служатъ для взаимной защиты своихъ членовъ и для религіозныхъ цѣлей.

Иліада (IX 63) такъ говоритъ о значеніи фратріи: „Стоящій внѣ фратріи, не имѣющій семейнаго очага, не имѣющій законовъ—склоненъ къ братоубійственной, леденящей сердце войнѣ“. **) Кто стоитъ внѣ фратріи, внѣ семейнаго очага,—

*) Это мѣсто Дикеарха дошло до насъ въ словарѣ Стефана Византійскаго подъ словомъ *πάτρα* (см. Müller, Fragmenta Histor. Gr. II, 288, fr. 9). Вотъ что здѣсь говорится: „*Πάτρα* (родъ), по Дикеарху, есть одна изъ трехъ формъ общественности у грековъ. Мы ихъ называемъ: *πάτρα*, фратріа и *φίλα*. *Πατρώϊα* называется вторая стадія родственныхъ связей [здѣсь текстъ попорченъ; ясно, что первой стадіей по Дикеарху, было простое супружество].., получившая свое имя отъ древнѣйшаго и высшаго члена рода; напр., *Ἰακίδες*, *Πελοπίδες*.—Название фатріи или фратріи появилось, когда нѣкоторые стали выдавать своихъ дочерей въ другой родъ (*πάτρα*). Выданная уже не принимала никакого участія въ родовомъ культѣ своего рода, а принадлежала къ роду мужа. Въ силу этого, если прежде вслѣдствіе взаимной симпатіи существовало единеніе между братьями и сестрами, то теперь установился другой видъ общенія въ культѣ. Его и назвали фратріей. Итакъ, подобно тому, какъ родъ (*πάτρα*) произошелъ вышеуказаннымъ образомъ изъ родства родителей съ дѣтьми и дѣтей съ родителями, фратріа—изъ родства между братьями и сестрами.—*Φίλα* (племя) и *φιλῆται* (соплеменники) впервые получили эти названія отъ соединенія въ города (*εἰς τὰς πόλεις*) и такъ называемые народы (*τὰ καλούμενα ἔθνη*): каждая изъ соединившихся группъ стали называться племенемъ (*φύλον*)“.

**) Ἀφρητῶρ, ἀθέμιτος, ἀνέστιός ἐστιν ἐκαίνος

*Ος πολέμου ἑρατῆι ἐπαθῆμιου ἐκροσέντος.

тотъ не имѣеть законовъ, внѣ фратріи нѣтъ порядка,—таковъ смыслъ даннаго мѣста Иліады. Ясно, что фратрія является основной общественной ячейкой, поддерживающей общественный порядокъ. И въ позднѣйшее время фратрія выступаетъ въ этой роли: члены фратріи (фраторы) замѣняли близкихъ родственниковъ. По законамъ Дракона члены фратріи убитаго выступаютъ обвинителями въ процессѣ о непредумышленномъ убійствѣ въ томъ случаѣ, когда у убитаго нѣтъ ближайшихъ родственниковъ, ибо, по этимъ законамъ, за непредумышленное убійство лицо, совершившее его, карается (притомъ карается не только человекъ, но даже животное и неодушевленный предметъ—напр., бревно,—явившіяся причиной смерти: пролитая кровь требовала умилостивленія боговъ). Это архаизмъ въ правѣ, который указываетъ на то, что фратрія служила въ отдаленное время цѣлямъ защиты своихъ сочленовъ. *)

Но у фратріи есть и другая функція, съ которой она выступаетъ у Гомера: по фратріямъ и по филамъ распределяется войско въ Иліадѣ (II 362). Несторъ совѣтуетъ Агамемнону расположить войско по фратріямъ и по филамъ. Такимъ образомъ фратрія служила для внутренней защиты, но она же выступаетъ на сцену, когда племя борется съ иноземцами.

Фратрія выступаетъ и въ культѣ. Объ этомъ говорится въ вышеприведенномъ мѣстѣ Дикеарха.

г) *Фила* (*Φυλή*). Фратріи въ свою очередь соединяются въ *филы*. Есть указанія относительно существованія филъ въ позднѣйшее время въ большинствѣ государствъ Греціи, а гдѣ такихъ указаній нѣтъ, то это, навѣрное, объясняется недостаткомъ источниковъ. Число филъ различно. У іонійскихъ племенъ находимъ 4 филы, которыя носятъ названія: гелеонты, голлиты, аргады и эгикоры (*γελωντες, δολιτες, αργαδεις* и *αγκικορεις*). У дорійскихъ племенъ три филы: гиллеи, диманы и панфилы. (*Υλλεις, Δυμανες* и *Πανφυλοι*).

Роль филъ нѣсколько иная, чѣмъ роль рода и фратрій:

Что такое филы?

Трудно сомнѣваться, что филы первоначально были отдѣльными племенами, жившими рядомъ, сблизившимися и, вѣроятно, связавшими себя и брачными узами между отдѣльными родами. Такимъ путемъ изъ 4 первоначально разныхъ племенъ создано единое іонійское племя (вѣроятно, первоначально въ Атикѣ), а на сѣверѣ изъ трехъ—дорійское племя. Когда эти племена

*) См. надпись, цитированную выше на стр. 122.

стали выдѣлять изъ себя переселенческія группы, то эти группы всюду несли съ собою и организацію по филамъ: гдѣ появлялись доряне, тамъ появлялись и три дорійскія филы; гдѣ—іоняне, тамъ—четыре іонійскія.

Фила имѣла и нѣкоторую хозяйственную связь. Гортинскіе законы говорятъ о томъ, что дочь-наслѣдница, въ случаѣ отсутствія близкихъ родственниковъ, должна взять себѣ мужа въ предѣлахъ филы,—конечно, для того, чтобы родовое имущество не уходило изъ филы.

Имѣли филы и религіозныя связи. Даже въ IV в. главы филь (*φυλοβασίλεις*) выступали въ судебныхъ процессахъ, имѣвшихъ религіозный характеръ *).

Но главное значеніе древнихъ филь было не въ экономической и даже не въ религіозной области: эти филы были основой военной и государственной организаціи. Мы видѣли, что въ „Иліадѣ“ (II 362) войско распредѣлялось по фратріямъ и по филамъ. Позднѣе въ Атикѣ мы видимъ, что высшія должностныя лица (архонты) также набираются по филамъ (*Аристотель*, Афин. полит., 8, 1).

Филы имѣли во главѣ своей особыхъ царей: *φυλοβασίλεις* (*Аристот.*, тамъ же, 8; 41; 57). Существованіе этихъ *филлобасилеевъ* является подтвержденіемъ того, что филы нѣкогда были особыми племенами.

Военное и политическое значеніе филь и включенныхъ въ нихъ фратрій и родовъ было причиной того, что позднѣе, когда *государственная власть* усилилась, она стала *искусственно поддерживать* эти дѣленія, стремясь къ тому, чтобы число ихъ было равномѣрно. Вотъ почему въ Афинахъ въ древнѣйшее историческое время существовало четыре древнихъ филы, каждая фила имѣла 12 фратрій и каждая фратрія по 30 родовъ. Очевидно, что такая симметричность могла быть достигнута лишь искусственнымъ соединеніемъ и раздѣленіемъ родовъ и фратрій между филами и мѣрами, направленными къ тому, чтобы искусственно составленныя родовыя группы не распались и не исчезали.

Описанная выше родовая и племенная организація древнихъ греческихъ обществъ не представляетъ изъ себя ничего исключительнаго. Аналогичныя дѣленія мы находимъ въ древней Италіи (римскіе трибы, куріи и роды). Такова же клановая

*) *Аристотель* въ Афин. полит. 57, 4. Ср. энциклопедію *Поллукса* (II в. по Р. X.) VIII 111: *οἱ φυλοβασίλεις μέγιστα τῶν ἱερῶν ἔπεμελοῦντο.*

организация кельтовъ (въ Шотландіи, Уэльсѣ); таковы тотемистическія группы краснокожихъ Америки, описанныя Морганомъ, и т. п.

Уже гомеровское общество—аристократическое: одни роды здѣсь выдвинулись, другіе опустились. Позднѣйшій ростъ общественнаго неравенства и переселенія племенъ имѣли результатомъ то, что въ *послѣгомеровское время* родовая организация стала все болѣе разлагаться. Усиленіе государственной власти вело къ тому, что индивидуумъ сталъ находить защиту внѣ рода, и вотъ въ это болѣе позднее время (въ концѣ греческаго средневѣковья) только аристократическія роды продолжали поддерживать родовыя связи, такъ какъ ихъ члены слѣдили за сохраненіемъ родовыхъ религіозныхъ культовъ *), а во многихъ аристократически организованныхъ государствахъ съ принадлежностью къ этимъ родамъ были связаны политическія привилегіи. Объединившіе же роды постепенно распались. Полное развитіе этого процесса относится уже къ болѣе позднимъ эпохамъ греческаго средневѣковья.

Соціальный строй. Мы уже могли видѣть, что гомеровское общество въ значительной мѣрѣ дифференцировано. Это—общество аристократическое, и гомеровскія поэмы—главнымъ образомъ—поэмы греческой аристократіи. Онѣ мало говорятъ о положеніи низшихъ классовъ: по преимуществу въ нихъ рисуется жизнь высшихъ слоевъ населенія. Названіе *аристократовъ* здѣсь — „лучшіе“, „водители и правители“ (*ἀριστοί, ἡγήτορες ἢ δὲ μέδοντες*). Называются они также „царями“ (*βασιλῆες*),— это высшій слой аристократіи, располагающій властью въ своихъ владѣніяхъ. Аристократы выдѣляются большими богатствами—они имѣютъ много земель (*πολύκληροι*) и скота, равно какъ имѣютъ перевѣсъ и въ военномъ отношеніи; въ первобытномъ же обществѣ и даже въ обществѣ того уровня, какъ гомеровское, военное преобладаніе является рѣшающимъ. Аристократы какъ разъ имѣютъ возможность приобрести лучшее вооруженіе, могутъ имѣть коней и колесницы. Это—лучшая часть войска. Здѣсь наблюдается сходство съ микенской стариной: колесницы, имѣющія мѣсто въ микенскій періодъ, въ употребленіи и въ эпоху средневѣковья. Возможно, что колесницы перешли въ Грецію изъ Передней Азіи. Остальные свободные классы населенія несутъ воинскую повинность, но въ менѣе общирныхъ

*) См. *Шефферъ*, Афинское гражданство и народное собраніе, 1891, стр. 496 сс.

рѣамѣрахъ, такъ какъ недостатокъ средствъ для вооруженія и необходимость заботиться объ удовлетвореніи самыхъ насущныхъ потребностей отвлекаютъ ихъ отъ военнаго дѣла: это—одна изъ причинъ, почему выдвигаются аристократы.

Болѣ крупные аристократы (*βασιλῆες*) имѣютъ около себя *друзимниковъ*—тоже аристократовъ (*ἑταῖροι*): съ ними они вмѣстѣ воюютъ и вмѣстѣ пируютъ.

Они владѣютъ также и людьми (см. ниже).

О низшихъ свободныхъ классахъ населенія поэмы говорятъ, какъ мы уже упомянули, рѣдко, такъ какъ онѣ составлялись, главнымъ образомъ, для аристократіи, которая мало интересовалась жизнью простаго народа.

Поэмы даютъ намъ скудныя свѣдѣнія о *свободномъ крестьянствѣ*. Тѣ два мужа, которые, въ изображеніи поэта, спорятъ о межѣ своихъ участковъ,—вѣроятно, такіе свободные крестьяне (Ил. XII 421 сс.; см. выше стр. 109).

Значительная часть этого крестьянства находилась въ трудномъ положеніи. Мы читаемъ въ „Одиссеѣ“ (XI 489 сс.) о безземельномъ крестьянинѣ (*ἀκλήρος*). Въ сущности здѣсь рѣчь идетъ не о безземельномъ, а скорѣе о малоземельномъ крестьянинѣ: это видно изъ того, что этотъ крестьянинъ все же имѣетъ батрака. Здѣсь тѣнь Ахиллеса говоритъ Одиссею, проникшему къ тѣнямъ умершихъ: „Лучше бѣ хотѣлъ я, живой, какъ поденщикъ (*θητεύμεν*) службой у бѣднаго пахаря (*ἀνδρὶ παρ' ἀκλήρῳ*) хлѣбъ добывать свой насущный, нежели здѣсь надъ бездушными мертвыми царствовать—мертвый“.

Гораздо больше матеріала для характеристики положенія свободнаго крестьянства эпохи средневѣковья даетъ намъ поэма *Гесіода*: „Труды и дни“ (*Ἔργα καὶ ἡμέραι*), относящаяся къ позднему средневѣковью (VIII—VII вв.). Здѣсь изображается жизнь беотійскаго крестьянина. Мы видимъ и у Гесіода такіе же надѣлы (*κλήροι*), какъ у Гомера: пахотная земля здѣсь раздѣлена на клеры. Лѣсъ остается въ общественной собственности: здѣсь крестьянинъ добываетъ себѣ дерево (ст. 428 с.), здѣсь пасутся его коровы (591). Болѣе зажиточные крестьяне имѣютъ даже рабовъ (602) и наемныхъ рабочихъ (повидимому, ст. 441 сс.). Такъ какъ семейная собственность, въ это болѣе позднее время въ Беотіи уже разлагается, то въ большихъ семьяхъ клерь дробится; поэтому Гесіодъ совѣтуетъ крестьянину имѣть только одного сына (ст. 376).

Уже это обстоятельство указываетъ на трудность существованія для беотійскаго крестьянина. Но поэма Гесіода даетъ

цѣлый рядъ другихъ штриховъ такого рода. Жизнь для крестьянина—это тяжелая борьба (176. сс.; 182 сс.; 303 сс.). Онъ долженъ непрерывно работать, и все его вниманіе должно быть обращено на накопленіе средствъ къ существованію. Богиня Вражды (Эрисъ) паритъ въ мірѣ. „Ревнуетъ сосѣдъ къ сосѣду въ состязаніи о довольствѣ... Горшечникъ на горшечника смотритъ съ гнѣвомъ, плотникъ на плотника; даже нищій завидуетъ нищему и пѣвецъ—пѣвцу“ (23—26). „Нужно стремиться приобрести чужое поле, а то чужой отниметъ твое“. При такой борьбѣ, царящей въ этомъ обществѣ, очевидно, малѣйшая хозяйственная неудача ведетъ къ голоду (299 с.; ср. 243; 404; 647) и къ долгамъ. *Задолженность*—это то бѣдствіе, о которомъ поэма упоминаетъ постоянно (396, 404, 478, 647). И при этихъ бѣдствіяхъ слабому человѣку трудно найти правду: суды неправедны. „Цари (*βασιλεις*), пожирающіе подарки, какъ хотятъ, такъ и судятъ“ (38—39; ср. 248 с.). „Несправедливыя рѣшенія постановляютъ суды“ (221). „Цари, судя неправедно, въ сторону склоняютъ правду суда неправыми рѣчами“ (261—264).

Естественно, что обезземеленные и задолжавшіе крестьяне попадаютъ въ зависимость отъ аристократіи.

Слѣды *крѣпостничества* мы находимъ у Гомера. Когда мы читаемъ въ „Одиссеѣ“ описаніе хозяйства свинопаса Эвмея, мы, конечно, приходимъ къ выводу, что здѣсь изображенъ крѣпостной, сидящій на оброкѣ. Онъ живетъ на особомъ участкѣ въ домѣ, который онъ самъ выстроилъ. Около дома находится двѣнадцать закутъ для свиней. Эвмей имѣетъ нѣсколько пастуховъ подъ своимъ началомъ (XIV 1 сс.). Одинъ рабъ былъ купленъ самимъ Эвмеемъ безъ разрѣшенія господъ (XIV 450). Господамъ Эвмей платитъ оброкъ со своихъ свиней (XIV 18 сс.). Подобный же оброкъ, повидимому, платятъ и пастухи козь Меланей и Филоей (XX 173 и 185 сс.).

Иногда зависимые люди занимаютъ и другое положеніе: они не сидятъ на своихъ участкахъ, а работаютъ на землѣ господина. Тогда они называются батраками—*эетами* (*ἑταῖος*). Эти эеты получаютъ отъ господина плату. Срокъ службы могъ быть неопредѣленнымъ, и тогда эеть подвергался болѣе значительнымъ ограниченіямъ свободы,—иногда срокъ опредѣленъ. Въ послѣднемъ случаѣ эеть—свободный наемитъ. Мы уже говорили о батракѣ у малоземельнаго крестьянина (Од. XI 489),

О такихъ батракахъ (*ἑταῖος*) мы имѣемъ нѣсколько упоминаній у Гомера. Женихъ Пенелопы—Антиной спрашиваетъ

Новомона; „Когда онъ уѣхалъ (рѣчь идетъ про Телемаха), какіе были съ нимъ люди? Свободные-ль, взятые имъ изъ народа? Или батраки (*θητές τε*)? Или рабы (*δμῶές τε*)?“ (Одис. IV 644). Эвримахъ говоритъ Одиссею: „Странникъ, ты вѣрно поденщикомъ будешь согласенъ наняться въ службу мою (*θητεύμεν*), чтобы работать за плату хорошую въ полѣ, рвать для забора терновникъ, деревья сажать молодыя? круглый бы годъ получалъ отъ меня ты обильную пищу, всякое нужное платье, для ногъ надлежащую обувь“ (Одис. XVIII 357—361). Это — наемъ рабочаго за плату натурой, причемъ срокъ неопредѣленъ. Въ разговорѣ Посейдона съ Аполлономъ, первый говоритъ: „Ужели не помнишь, сколько мы вынесли бѣдствій вокругъ Илііонской твердыни, — мы лишь одни изъ бессмертныхъ, когда, по рѣшенію Зевса, въ Трою пришли, чтобы годъ прослужить за условную плату гордому Лаомедону, (*θητεύσαμεν εἰς ἑνιαυτὸν μισθῷ ἅντι θητῶν*), а онъ сталъ давать приказанья?“ (Ил. XXI 441—445). Въ этомъ разговорѣ идетъ рѣчь о свободномъ поступленіи на службу по найму. Подобные поденщики набирались, вѣроятно, по преимуществу изъ обезземеленнаго крестьянства.

Въ подобное же зависимое положеніе попадали *метанасты*, — люди, отбившіеся отъ своего рода и племени (*μετανάσται*). Это по большей части бѣглецы изъ чужихъ краевъ, спасающіеся отъ мести или отъ враговъ. Какъ мы видѣли, въ гомеровскомъ обществѣ человѣкъ имѣлъ вѣсь лишь постольку, постольку принадлежалъ къ какой-нибудь родовой группѣ. Метанастъ терялъ связь съ родомъ. Онъ является „не имѣющимъ чести“ (*ἀτιμῆτος* — Ил. IX 649): его можно безнаказанно обидѣть (Ил. XVI 59). — Метанасты, конечно, тоже пополняли группы крѣпостныхъ и еетовъ.

Ниже всего на общественной лѣстницѣ стоятъ *рабы* (*δμῶές*). Гомеровское общество нельзя назвать рабовладѣльческимъ по преимуществу. *) Мы видѣли, что ремесленники-спеціалисты у Гомера — люди свободные (деміурги). Рабы чаще всего — дворянъ у аристократовъ. Рабынь больше, чѣмъ рабовъ. Онѣ прислуживаютъ въ хозяйствѣ, прядутъ и ткутъ. Онѣ же часто являются наложницами. Мы встрѣчаемъ у Гомера 1) рабовъ, рожденных въ домѣ, 2) военнопленныхъ и 3), наконецъ, купленныхъ

*) Что античное общество не опиралось всецѣло на рабскій трудъ, это прекрасно выясняетъ Эд. Мейеръ въ статьѣ: „Рабство въ древности“ (пер. дорус.).

(преимущественно у финикиянъ, похищавшихъ свободныхъ людей, особ. дѣтей—см. выше стр. 107).

Существуетъ и *отпускъ на волю* рабовъ (Од. XXI 213).

Свободные ремесленники (демиурги). Объ этой общественной группѣ мы уже говорили выше.

Государственный строй.

Въ гомеровскомъ періодѣ мы уже не видимъ большихъ монархій, которыя имѣли мѣсто въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ Греціи въ микенскую эпоху. Въ поэмахъ встрѣчаются только воспоминанія (реминисценціи) о нихъ. Эти воспоминанія часто сбивали изслѣдователей. Въ 1906 году Финслеръ *) выяснилъ, что *гомеровскіе цари*—цари аристократическаго общества, хотя въ поэмахъ и встрѣчаются намеки на старыя патріархальныя отношенія.

Въ рѣчи Одиссея, останавливающаго простыхъ воиновъ, бѣгущихъ къ кораблямъ, встрѣчаются такія слова: „Нехорошо многовласть. Единый да будетъ властитель (*κράτος*), царь (*βασιλεύς*) единый, которому Кроноса хитраго сыномъ скипетръ данъ и законы вѣдѣмъ, чтобъ царилъ онъ надъ нами“ (Ил. II 204—206). Характерно еще слѣдующее мѣсто: „Со скиптромъ въ рукѣ Агамемнонъ подвнялся. Тотъ скипетръ Гефестъ приготовилъ, трудившись, а подарилъ онъ его Олимпійцу Крониду Зевесу,— послѣ Зевесъ его отдалъ посланнику Аргоубійцѣ (т. е. Гермесу), царь же Гермесъ далъ Пелопсу, коней укротителю быстрыхъ. Послѣ Пелопсъ передалъ его пастырю войска Атрею, тотъ, умирая, Тіесту, овцами богатому, отдалъ, царь же Тіестъ завѣщалъ Агамемнону, сыну Атрея, многими чтобъ управлялъ островами и Аргосомъ цѣлымъ“ (Ил. II 100—108). Это мѣсто излагаетъ исторію скипетра царя Агамемнона; скипетръ,—оказывается, божественнаго происхожденія, равно какъ и власть, которую онъ собой знаменуетъ. Въ Ил. IX 98—99 Несторъ говорить Агамемнону: „Тебѣ Кронидъ Олимпіецъ скипетръ вручилъ и законы, чтобы ими ты правилъ разумно“. И здѣсь мы видимъ, что власть Агамемнона происходитъ отъ Зевса. Такихъ указаній на патріархальную царскую власть, однако, немного. Въ Одиссеѣ ихъ уже вовсе нѣтъ, тогда какъ въ Илиадѣ еще попадаются воспоминанія о старой патріархальной власти: кромѣ уже указанныхъ мѣстъ, напомнимъ еще, напримѣръ, Пріама въ Троѣ. Финслеръ правъ, считая подобныя мѣста реминисценціями далекаго прошлаго.

*) Das Homerische Königtum въ Neue Jahrbücher für Phil. 1906. стр. 313.

Характеръ царской власти въ эпоху Илиады и Одиссеи— чисто-аристократической, какъ аристократично и гомеровское общество. Положеніе гомеровскаго царя равносильно положенію средне-вѣковаго короля между феодаловъ. Въ эту эпоху кромѣ крупныхъ царей существуетъ много мелкихъ, находящихся въ известной зависимости отъ главнаго царя, и потому самое слово царь въ ту эпоху подобно прилагательному имѣетъ степени сравненія: просто царь—это базилей (*βασιλεύς*), главный царь называется базилевтатосъ (*βασιλευτάτος*—Ил. IX 69; ср. 160). Такимъ образомъ, мы видимъ здѣсь известную іерархію, соподчиненіе царей. Эту организацію можно назвать *феодальной*.

Власть главнаго царя относительно не велика: онъ постоянно ограниченъ въ своихъ дѣйствіяхъ *советами мелкихъ царей или старейшинъ* (когда принимается какое-нибудь важное рѣшеніе). Это—*βουλή γερόντων*. Высшая правящая аристократія рѣзко ограничиваетъ его власть. Мы видимъ, какъ царь Ахиллесъ называетъ главнаго царя Агамемнона „безстыжимъ“, „съ собачьими глазами“ и тому подобными эпитетами. Обращеніе, какъ видимъ, даже менѣе почтительное, чѣмъ въ западно-европейскій феодальный періодъ.

Гомеровскій царь—жрецъ, военачальникъ и отчасти судья. Но на войнѣ главный царь не всегда главный начальникъ. Агамемнонъ въ поэмѣ является вождемъ, такъ какъ онъ способенъ къ веденію этого дѣла. И судебныя функціи отиравляютъ болѣе *старейшины*, чѣмъ самъ царь (Ил. XVIII 497—508).

Народъ (демосъ, лабсъ) играетъ пассивную роль. Руководящая роль принадлежитъ аристократіи.

Во 2-ой пѣснѣ Илиады мы видимъ такую картину. Агамемнонъ хочетъ испытать стойкость своего войска и обращается къ нему съ вопросомъ, не хотятъ ли войны возвратиться домой, причемъ онъ питаетъ въ душѣ увѣренность въ томъ, что они откажутся. Послѣ его рѣчи всѣ бѣгутъ къ кораблямъ, бѣгутъ простые воины, бѣгутъ и цари. Уходитъ изъ подъ Трои съ пустыми руками Агамемнону не хочется, и вотъ Одиссей останавливаетъ бѣгущихъ: ласковой рѣчью—бѣгущихъ знатныхъ и ударами скипетра—простолудиновъ. Здѣсь мы видимъ рѣзкое различіе въ отношеніи аристократа къ себѣ подобнымъ и простому народу.

Простой человекъ не годенъ къ бою: онъ можетъ выйти ва бой только пѣшимъ, тогда какъ аристократъ на колесницѣ—въ полномъ вооруженіи. Поэтому простой человекъ играетъ

второстепенную роль и въ совѣтѣ. На родинѣ Одиссея, о. Итакѣ, въ отсутствіе Одиссея народное собраніе не собиралось 20 лѣтъ: правила аристократы

Однако оппозиція уже зарождается. Въ той же сценѣ (Ил. II), послѣ того, какъ Одиссей крутыми мѣрами возстановилъ порядокъ въ войскѣ, выступаетъ и оппозиція—въ лицѣ нѣкоего Ферсита. Ферситъ—тишъ будущаго демагога. Въ поэмѣ онъ представленъ въ комическомъ свѣтѣ: наружность его безобразна: „былъ онъ косою и хромою, и его искривленныя плечи вмѣстѣ сходились къ груди, а еще заостренною кверху онъ обладалъ головою и рѣдкій торчалъ на ней волосъ“ (Ил. II 217—219), и, въ концѣ концовъ, за оппозиціонное настроеніе и рѣчи Одиссей бьетъ его. Демократическое движеніе почвы пока не имѣетъ. Поэтому и народное собраніе не играетъ важной роли.

Итакъ государственный строй Гомеровскаго періода вытекаетъ изъ соціальной группировки этого времени.

Слабость государственнаго объединенія. Мы видимъ, что центральная власть въ гомеровскихъ государствахъ слаба. Отдѣльные царьки (*βασιλῆες*) пользуются большою самостоятельностью. Нужны исключительныя обстоятельства, чтобы эти мелкія царства объединялись въ сравнительно болѣе значительную организацію.

Такое положеніе прекрасно обрисовывается въ „Одиссеѣ“ тамъ, гдѣ рѣчь идетъ объ отношеніяхъ на о. Итакѣ въ то время, какъ главный царь Одиссей отсутствуетъ уже 20-й годъ.

Здѣсь оказывается много царей кромѣ Одиссея. За отсутствіемъ Одиссея Итака, повидимому, оставалась безъ царя, а между тѣмъ Телемахъ удостовѣряетъ, что „на волнообъятой Итакѣ много и другихъ царей и молодыхъ, и старыхъ“. (Одис. I 394—396). Одиссей только главный среди этихъ мелкихъ царей. Такъ какъ главный царь отсутствуетъ, то происходитъ разложеніе общаго соединенія, всякій царь дѣйствуетъ на свой страхъ и рискъ. Спрашивается, что же могло заставить этихъ мелкихъ властителей объединиться. Мы читаемъ, что Телемахъ созываетъ народное собраніе. Оно уже давно не созывалось: съ тѣхъ поръ, какъ отсутствуетъ Одиссей. Этотъ созывъ поражаетъ жителей Итаки. Египтіи задаетъ вопросъ:

„Кто же насъ собралъ теперь? Кому въ томъ внезапная
нужда?“

„Юноша ль онъ расцвѣтающій? Мужъ ли годами созрѣлый?“

- „Слышалъ ли вѣсть о идущей на насъ непріятельской силѣ?
„Хочетъ ли насъ остеречь, напередъ все подробно развѣ-
давъ?
„Или о пользѣ народной какой предложить намъ намѣренъ?
„Долженъ быть честный онъ гражданинъ; слава ему! Да
поможетъ
„Зевсъ помышленіямъ добрымъ его совершиться успѣшно“.
(Одис. II 28—34).

Согласно замѣчанію Эгиптія, мы видимъ два мотива объединенія: 1) наступленіе враговъ, 2) другія общественныя нужды. Значитъ, болѣе значительныя государственныя соединенія вызывались или необходимостью самообороны, или общественными потребностями другого рода, непосильными для мелкихъ соединеній.

Правительственныя задачи. Мы видѣли, что гомеровскій царь является жрецомъ, военачальникомъ и отчасти судьей. Таковы и вообще функціи правительства.

а) *Религія.* Царь, какъ вождь народа, приноситъ жертвы богамъ. Такъ мы видимъ, какъ цари съ Агамемнономъ во главѣ приносятъ жертвы предъ началомъ боя (II 402 сс.). Агамемнонъ приноситъ жертву за ахейцевъ и провозноситъ клятву передъ единоборствомъ Менелая съ Парисомъ, которое должно рѣшить споръ ахейцевъ съ троянцами (III 270 сс.). Профессиональные жрецы у Гомера выступаютъ рѣдко (Хризъ въ Ил. I 450 сс.).

б) *Воискѣ.* Цари — военачальники, аристократы — главная военная сила. Они являются въ сраженіе на колесницахъ, хотя во время сраженій обычно спѣшиваются. Главнымъ образомъ они и рѣшаютъ судьбу сраженія. Гомеровское сраженіе сводится преимущественно къ схваткамъ отдѣльныхъ воиновъ.

Рядомъ съ этой высшей аристократіей на колесницахъ, мы видимъ тяжеловооруженныхъ пѣхотинцевъ: они вооружены копьемъ и мечомъ и защищены щитомъ, латами (которыя, однако, отсутствуютъ въ „Одиссеѣ“, да и въ „Иліадѣ“ упоминается не часто), поножами и шлемомъ. Эти люди вербовались изъ знати низшей и изъ зажиточныхъ свободныхъ людей, могшихъ имѣть дорогое тяжелое вооруженіе.

Далѣе мы встрѣчаемъ легковооруженную пѣхоту, вооруженную лукомъ и пращей. Хотя мы видимъ и здѣсь знатныхъ людей съ такимъ вооруженіемъ, но большинство легче

вооруженныхъ, конечно, было изъ небогатыхъ, зависимыхъ людей *)).

б) *Судь* **). Гомеровскій царь играетъ малую роль въ охранѣ порядка внутри общества. Государственное вмѣшательство въ отношенія, какъ между индивидами, такъ и между общественными группами еще очень незначительно, а глава гомеровскаго государства имѣетъ мало отношенія къ спорамъ, возникающимъ въ этой средѣ. Господствуетъ принципъ личной и родовой мѣсти. Мы постепенно читаемъ у Гомера о бѣгствѣ того или другого лица изъ-за страха мести послѣ убійства кого-либо (напр., Ил. XIII 694; XV 430; ср. Од. I 294—296 и т. п.). Самая борьба Одиссея съ женихами въ XXII пѣсни есть тоже отзвукъ этого обычая мести. Однако въ поэмѣхъ уже допускается и замѣна кровавой мести выкупомъ (пеней—*ποινῆν*). Такъ мы читаемъ въ Иліадѣ (IX 632—636):

.... Братъ за убитаго брата,
 Даже за сына убитаго пеню отецъ принимаетъ;
 Самый убійца въ народѣ живетъ, оплатившись богатствомъ;
 Пеню же взявшій—и мстительный духъ свой, и гордое
 сердце—
 Все наконецъ укрощаетъ... ***)

Въ случаѣ сомнѣнія въ уплатѣ выкупа выставляется поручитель. Такъ Посейдонъ вынуждается быть поручителемъ передъ Гефестомъ въ уплатѣ штрафа за Ареса, котораго Гефестъ засталъ на мѣстѣ преступленія (Од. VIII 350—353).

Мы видимъ, что для прекращенія вражды между родами и племенами прибѣгаютъ къ торжественнымъ клятвамъ. Въ III пѣснѣ Иліады ахейцы и троянцы соглашаются рѣшить свою распрю единоборствомъ Менелая и Париса и для этого совершаютъ торжественныя жертвоприношенія и произносятъ торжественныя клятвы.—Такой же клятвой о прекращеніи распри между царемъ и сторонниками жениховъ оканчивается Одиссея.

Если распрю не удается окончить местью или соглашеніемъ, только тогда обращаются къ суду, который имѣетъ тре-

*) Гомеровское войско и военные приемы хорошо охарактеризованы *Seymour'омъ* въ его *Life in the Homeric Age*, New York, 1907, pp. 558—682.

***) См. *Brehier*, La royauté homérique въ *Revue hist.*, vol. 84 (1904), p. 1—82.

****) Ср. Ил. V 265—266 и XVIII 496.

тейскій характеръ: онъ, какъ мы видѣли, не является обязательнымъ съ самаго возникновенія распри. Судъ производится на основаніи обычаевъ (*θεμις*), которые считаются данными отъ боговъ. Хранителями этихъ обычаевъ являются цари, символомъ чего служатъ ихъ скиптры (Ил. IX 98 сс.,—см. выше стр. 130). Однако высшіе цари сами не производятъ судъ: послѣдній остается въ рукахъ низшихъ вождей (*υφροντις*). Это аристократы-феодалы, обладающіе скиптрами; они названы въ Илиадѣ (I 237—239) *δικασταί* (въ Одис. XI 186 такъ названъ Телемахъ)*).

Какъ проиводился судъ „старѣйшинами“ (*υφροντις*),—это видно изъ знаменитой сцены суда, изображенной на щитѣ Ахиллеса (XVIII 497—508)**):

Множество гражданъ толпятся на мѣстѣ народныхъ собраній.

Тяжба предъ ними рѣшается. Двое тамъ спорятъ о пенѣ
(*εβρακα ποινης*)

За умерщвленнаго мужа. Одинъ предъ народомъ клянется
Въ томъ, что весь долгъ уплатилъ, а другой—что не видѣлъ уплаты.

Оба они пожелали окончить свой споръ предъ судьей
(*επι βροχι*).

Граждане подняли крикъ, защищая того иль другого.
Ихъ успокоить пытаются вѣстники. Въ кругѣ священномъ
Старцы сидятъ, размѣстившись на гладко обтесанныхъ
камняхъ,

Посохи (*ακηληρα*) въ руки берутъ у глашатаевъ звонко-голосыхъ

И, опираясь на нихъ, чередой возглашаютъ рѣшенье.
А посрединѣ собранья лежатъ золотыхъ два таланта—
Вознагражденье тому, кто рѣшитъ справедливѣе тяжбу.

Мы видимъ здѣсь, что два лица вмѣсто того, чтобы вести кровавую борьбу для отмщенія за убитаго, согласились покончить дѣло уплатой выкупа (пени—*ποινή*). Однако изъ-за пени у нихъ и возникъ споръ, и только тутъ они обращаются къ суду. Такимъ образомъ судъ имѣетъ *третейскій* характеръ,

*) Ср. упоминаніе о мужѣ, разбирающемъ тяжбы въ Одис. XII 440.

**) Пер. Минскаго (болѣе точный въ 501 ст.).

характеръ посредничества, къ которому тяжущіея вольны обратиться, а могутъ и не обращаться. Бросается въ глаза въ поэмахъ, что самое убійство тамъ не является предметомъ судебного разбирательства.

Кто судить въ этой сценѣ? Судьи названы *υδροιτες*. Такъ какъ они имѣютъ скиптры *), а скипетръ въ поэмахъ символъ царской власти **) и такъ какъ въ другомъ мѣстѣ судьей (*δυναστος*) названъ Телемахъ ***), то трудно сомнѣваться, что это—низшіе цари—феодалы (главы выдвинувшихся въ гомеровскомъ обществѣ родовъ).—Однако эти цари творять судъ гласно, подъ народнымъ контролемъ, ибо вокругъ собралось народное собраніе. Но этотъ контроль не облеченъ въ какія-либо формы: народъ выражаетъ крикомъ только свое сочувствіе или несочувствіе сторонамъ. Власть и адѣсъ не у народа, а у правящей группы феодаловъ.

За свой трудъ судьи получаютъ вознагражденіе отъ тяжущихся (въ данномъ случаѣ 2 таланта золота—сумма, вѣроятно, преувеличена). ****)

г) *Правительственныя средства*. Если функціи царей и особенно главнаго царя въ гомеровскомъ обществѣ такъ ограничены, если защита правъ сосредоточивается въ рукахъ гл. обр. родовыхъ соединеній,—то не могло возникнуть и особой организаціи правительственныхъ средствъ: нѣтъ еще ни бюрократіи, ни системы финансовъ. Цари имѣютъ болѣе или менѣе значительный штатъ дворни, но не чиновниковъ. Единственныя лица, роль которыхъ напоминаетъ роль чиновниковъ,—это *глашатаи* (*μηρονας*), но и они не считаются зависимыми отъ царя: они „работники на народъ“, деміурги (см. выше стр. 116) и берутся изъ низшей знати.

Цари живутъ доходомъ со своихъ земель и стадъ. Отъ народа они получаютъ при возникновеніи поселенія или династіи

*) Ср. также Ил. I 237 сс.

**) Ср. Ил. II 181; 197; 206.

***) Од. XI 186.

****) Подъ *ισαρος* въ ст. 501 нужно понимать ни какого-либо особаго свидущаго челоуѣка, который будто-бы высказываетъ свое мнѣніе раниѣ судей и съ которымъ считаются судьи (*Finsler*, *Homere*, 379): *ισαρος* названъ каждый изъ судей—*υδροιτες*, творящихъ судъ. Такой смыслъ и вложенъ въ переводъ Н. М. Минскаго (въ переводѣ Гвѣдича-Грузинскаго этотъ стихъ вообще переданъ невѣрно).—О разныхъ толкованіяхъ Ил. XVIII 497—508 см. *A. Andréadès*, *Les finances de l'état homérique* въ *Rev. d. ét. gr.* XXVIII (1915), 413—416.

или при воцареніи большой „отрубной участокъ“ (*τέμενος*). *) При раздѣлѣ добычи они получаютъ большія доли, чѣмъ другіе воины (почетный даръ—*γέρας*) **).—Упомянутое о платежахъ другого рода, дѣлаемыхъ царю, очень рѣдки: существовали дары царю, но они врядъ ли были правильнымъ обложеніемъ. При отсутствіи денежнаго хозяйства дары дѣлаются натурой. Такъ мы читаемъ (Ил. IX 156), что Агамемнонъ обѣщаетъ подарить Ахиллесу, если послѣдній вернется къ бою, 7 городовъ, жители которыхъ будутъ чтить его дарами (*δωρίωνη*), какъ бога, и платить ему особую дань за поддержаніе права (*οἱ ἔπο σκήπτρα λιπαράς τέλεινοι θέρμιτας*). Мы читаемъ, что финикійскіе кушцы дѣлаютъ дары лемносскому царю Фоасу, во владѣніяхъ котораго они торгуютъ. ***)

Большія земли и упомянутые дары дѣлаютъ царей, несмотря на отсутствіе правильной финансовой организаци, очень богатыми по тогдашнему масштабу. Телемахъ говоритъ въ Одиссѣѣ:

„Нѣтъ, конечно, царемъ быть не худо: богатство въ царскомъ
„Домѣ скопляется скоро, и самъ онъ въ чести у народа“
(Од. I 392 с.).

Мы видѣли, что главной обязанностью царей является военная защита народа. Осуществленіе этой обязанности возможно въ силу существованія *воинской повинности*: по зову высшаго царя и другіе цари и „люди“ (*λαοί*) стекаются на борьбу съ врагомъ. Очевидно, каждая семья должна была выставить воина. Такъ Гѣрмесъ, принявшій человѣчскій образъ, говоритъ, будто бы онъ—сынъ подданнаго Ахиллеса Поликтора и на него палъ жребій, чтобы именно онъ изъ 7 сыновей Поликтора шелъ подъ Трою съ Ахиллесомъ (Ил. XXIV 400). Отъ натуральной военной повинности можно было откупаться, дѣлая царю даръ (Ил. XIII 669; XXIII 296).

Заключеніе. Итакъ гомеровское общество нельзя назвать первобытнымъ: правда, оно живетъ гл. обр. земледѣліемъ и скотоводствомъ, промышленность и торговля слабо развиты, но раздѣленіе труда уже существуетъ. Общество покоится на родовыхъ и племенныхъ основахъ, но въ позднѣйшихъ, а не въ при-

*) Ил. VI 194; особ. XVIII 550. Одис. VI 293; XI 185.

**) Ил. 103; II 226; XI 827. Одис. VII 10.

***) Ил. XXIII 745. См. *Seymour*, о. с., 84. Ср. также *A. Andréadés*, о. с.

митивныхъ формахъ этихъ соединеній. Это общество въ социальномъ отношеніи уже значительно дифференцировано: изъ массы родовъ выдѣлились болѣе богатые аристократическіе роды, которые держатъ значительную часть остального общества въ зависимости отъ себя. Въ опустившихся родахъ родовыя связи, конечно, постепенно слабѣютъ, и эти роды распадаются, причѣмъ отдѣльныя семьи впоследствии попадутъ въ зависимость отъ аристократическихъ сплоченныхъ родовъ. — Государственный строй напоминаетъ *феодальный*: 1) власть раздроблена, 2) связана съ землевладѣніемъ, 3) наблюдается іерархія между государями-помѣщиками, 4) значительная часть низшаго населенія находится въ экономической и политической зависимости отъ правящей группы землевладѣльцевъ. — Государственное вмѣшательство въ жизнь родовыхъ соединеній незначительно. — Незначительны и правительственныя средства: нѣтъ правильно организованнаго чиновничества, правильнаго обложенія. Повинности зависимаго населенія имѣютъ натуральный характеръ.

IX. Аѣины въ эпоху средневѣковья.

Аѣины вмѣстѣ со Спартой занимаютъ въ древней Греціи доминирующее положеніе. О причинахъ такого положенія Аѣинъ подробнѣе будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ, теперь же, какъ на одну изъ причинъ, слѣдуетъ указать на то обстоятельство, что и Спарта и Аѣины сумѣли создать сравнительно болѣе обширную территорію, чѣмъ другія греческія государства, которыя долгое время оставались раздробленными и не выходили за предѣлы городской территоріи. Значеніе Аѣинъ въ исторіи всѣмъ извѣстно: всѣмъ извѣстенъ расцвѣтъ искусства, литературы, философіи въ Аѣинахъ въ V—IV вв. Это заставляетъ историка Греціи обращать на исторію Аѣинъ особенное вниманіе. Итакъ, Аѣины выдѣляются изъ ряда другихъ греческихъ государствъ и въ политическомъ отношеніи, и въ отношеніи культурномъ.

Источники для древнѣйшей исторіи Аѣинъ.

1) Для историка важны *вещественныя данныя*, дошедшія отъ изучаемой эпохи.

Въ Аѣикѣ найдены остатки *микенской культуры*. На Аѣинскомъ акрополѣ найдены остатки микенскаго дворца. Куполообразная гробница въ 1880 г. найдена въ деревнѣ Мениди (древнѣй демъ Ахарны). Еще ранѣе въ 1877 г. микенская

гробница найдена въ Спатъ (древ. Эрхія). Остатки микенской культуры обнаружены на о. Эгинъ. Такимъ образомъ наличность микенской культуры въ Аттікѣ несомнѣнна. Въ микенскій періодъ центромъ культурной жизни Атики уже былъ городъ Аѣины, точнѣе—Аѣинскій акрополь, такъ какъ здѣсь были найдены остатки микенскаго дворца. Затѣмъ микенскій періодъ въ Аттікѣ обрывается, какъ и въ остальной Греціи.

Слѣдующій археологическій періодъ въ Аттікѣ характеризуется пониженіемъ культуры, причина котораго, какъ мы видѣли, кроется въ нашествіи полуварваровъ—дорянъ—и ослабленіемъ связи съ Египтомъ и Востокомъ. Правда, доряне въ Аттікѣ не осѣли прочно, но ихъ движеніе вызвало по всей Греціи и въ частности въ Аттікѣ извѣстную степень варваризаціи. Послѣ-микенская керамика въ Аттікѣ именуется предметами *дипилонскаго стиля*. Такъ называется этотъ стиль потому, что наиболѣе типичные остатки этой культуры найдены на кладбищѣ у Дипилонскихъ воротъ въ Аѣинахъ. Изъ остатковъ дипилонскаго стиля наиболѣе характерны сосуды. Какъ мы видѣли, сосуды микенскаго періода представляютъ очень важный историческій матеріалъ, сосуды дипилонскаго стиля тоже въ высшей степени цѣнны въ этомъ отношеніи. Сосуды эти—расписаны, какъ и микенскія, но стиль ихъ отличается отъ микенскаго. Въ микенскій періодъ мы встрѣчаемъ красивый орнаментъ, замѣтны восточные и морскіе мотивы. На дипилонскихъ вазахъ мы не видимъ болѣе восточнаго вліянія: отношенія съ востокомъ, очевидно, прервались. Дипилонскій орнаментъ есть частный видъ весьма распространеннаго въ древнѣйшей послѣ-микенской Греціи *геометрическаго* стиля. Геометрический художественный стиль—крайне несложенъ. Изъ линій встрѣчаются только прямыя и ломаныя, единственная кривая—кругъ. Въ микенскомъ стилѣ встрѣчаемъ обиліе цвѣтовъ, розетокъ, множество кривыхъ линій; въ дипилонскомъ—ихъ нѣтъ. На болѣе позднихъ вазахъ дипилонскаго стиля встрѣчаемъ орнаментъ изъ ломаныхъ линій, именуемый меандромъ; позднѣе ломаныя, составляющія этотъ орнаментъ, переходятъ въ кривыя. Затѣмъ спадается очень распространенный орнаментъ, такъ называемый свастика, орнаментъ крестообразнаго типа.

Таковъ орнаментъ. Онъ несравненно проще микенскаго. Кромѣ этихъ несложныхъ геометрическихъ рисунковъ встрѣчаются изображенія животныхъ, но уже мѣстныхъ—лошадей, сернь—вообще, животныхъ, водящихся на Балканскомъ полуостровѣ; найдены изображенія водяныхъ птицъ. Рисунки—

примитивны, напоминаютъ рисунки дѣтей. Изображаются и люди, иногда цѣлыя процессіи, напримѣръ, погребальныя. Миѳологическіе сюжеты на болѣе раннихъ образцахъ отсутствуютъ.

Обыкновенно рисунокъ дѣлается темно-коричневою краскою на свѣтло-красовато-желтомъ фонѣ.

Какіе выводы можно сдѣлать на основаніи этого археологическаго матеріала? Мы видимъ пониженіе культуры, выражающееся въ крайнемъ упрощеніи орнамента и въ исчезновеніи восточныхъ мотивовъ. Въ могилахъ этого періода, гораздо менѣе величественныхъ, чѣмъ микенскія, мы находимъ указаніе, что и въ этотъ періодъ, какъ и въ предшествующій—микенскій—господствовало погребеніе, а не сожженіе. Могилы вырыты въ землѣ, сверху земляная насыпь, вмѣсто надгробной плиты встрѣченъ сосудъ съ отверстіемъ въ днѣ. Можно предполагать, что черезъ это отверстіе дѣлались возліянія, чтобы возливаемое скорѣе достигало покойника.

Расцвѣтъ дипилонскаго искусства относятся къ IX—VIII в., но начало его развитія относится, конечно, къ болѣе раннему времени. Важно замѣтить, что позднѣйшіе образцы этого стиля отличаются отъ первоначальныхъ. Позднѣе начинаютъ фигурировать миѳологическіе сюжеты, рисунокъ усложняется.

2) Изъ письменныхъ источниковъ для древнѣйшей исторіи Аеинъ слѣдуетъ прежде всего упомянуть *надписи*. Дошли до насъ отъ этой эпохи немногія. Древнѣйшая надпись на дипилонскомъ сосудѣ относится къ началу VII в. Содержаніе ея—не представляетъ большого интереса. Отъ VI вѣка дошло больше надписей. Большинство изъ нихъ сохранилось на разныхъ сосудахъ. Отъ конца VI в.,—отъ эпохи Писистратидовъ—сохранилась болѣе важная по содержанію надпись: постановленіе Аеинскаго народнаго собранія о выводѣ колоніи на о. Саламинъ.

Древніе греческіе историки имѣли въ рукахъ и болѣе важныя надписи VII и VI вв., напримѣръ, законы Дракона, законы Солона (последніе были написаны на деревянныхъ доскахъ). Черезъ посредство воспользовавшихся ими древнихъ историковъ, и въ болѣе позднихъ копіяхъ (одинъ изъ законовъ Дракона *) онѣ частью сохранились и до насъ.

3) *Разказы о прошломъ*. а) *Разказы современниковъ о ихъ времени* дошли до насъ только начиная съ V в., съ

*) См. выше стр. 122.

эпохи пелопоннесской войны. Для древнѣйшей эпохи аѳинской исторіи разсказовъ современниковъ мы не имѣемъ, если не считать *элегій Солона*. Аристотель, Плутархъ и другіе сохранили отрывки изъ этихъ элегій. Солонъ, одинъ древнѣйшихъ лириковъ; его элегіи—политическаго характера: въ нихъ онъ оправдывалъ свои мѣропріятія, свою дѣятельность. Слѣдовательно, это важный, но не объективный матеріалъ: Солонъ въ своихъ элегіяхъ всегда старается защитить себя и свои реформы.

б) Что касается разсказовъ позднѣйшаго происхожденія о прошломъ Атики, то въ числѣ дошедшихъ до насъ авторовъ прежде всего нужно упомянуть Геродота. Въ своемъ историческомъ трудѣ Геродотъ обращалъ главное вниманіе на исторію греко-персидскихъ войнъ, но, попутно, касался и исторію Мидіи, Вавилона, Персіи, Египта, самой Греціи до названныхъ войнъ, отчего разсказъ его иногда теряетъ послѣдовательность. Онъ напоминаетъ манеру позднѣйшихъ греческихъ романистовъ и восточныхъ писателей, въ родѣ авторовъ 1001 ночи, когда по поводу чего-либо дѣлаются большія отступленія, и авторъ какъ бы забываетъ главный предметъ своего изложенія. Однако, эти отступленія дороги для насъ: Геродотъ далъ намъ здѣсь рядъ свѣдѣній по древнѣйшей исторіи Атики.

Очень важныя свѣдѣнія даетъ намъ другой греческій историкъ—*Фукидидъ*. Онъ пишетъ исторію пелопоннесской войны, но въ 1-ой книгѣ (такъ называемой „Археологіи“) даетъ очень цѣнный очеркъ по исторіи древней Греціи, гдѣ касается и Атики. Есть у него упоминанія о древнѣйшей исторіи Атики и въ другихъ мѣстахъ изложенія.

Въ IV в. въ аѳинской исторіографіи появляются особыя хроники аѳинской исторіи,—такъ напр. Аттиды (*Ἀττικαί*). Объ этихъ Аттидахъ и аттидографахъ я уже говорилъ въ общемъ очеркѣ греческой исторіографіи (см. выше стр. 17). *)

На аттичаской исторіографіи конца V и всего IV в. весьма сильно отразилось то *тенденціозное направленіе*, о которомъ я говорилъ въ общемъ очеркѣ греческой исторіографіи (выше стр. 16). Появились историческіе памфлеты, проникнутые политическими тенденціями. Въ Аѳинахъ въ концѣ V в. страшно обострилась борьба партій, возникшихъ на почвѣ классовой борьбы. Какъ и въ Спартѣ, представители аѳинскихъ партій

*) Аттиды дошли до насъ въ отрывкахъ, которые собраны въ *Fragmenta Historicorum Graecorum* (см. выше стр. 27).

старались обосновать свои программы ссылками на аеинское прошлое. Особенно этимъ пользовались аеинскіе консерваторы эпохи пелопоннеской войны и позднѣе. Они ссылались на то, что ихъ идеалы коренятся въ прошломъ, что ихъ программа есть „Отечественное государственное устройство“, (*ἡ πατριος πολιτεία*). Изображаемый ими идеаль представлялся имъ какъ бы „истинно-аеинскимъ строемъ“, который, по ихъ мнѣнію, и нужно было возстановить. Особенно конецъ V и начало IV вв. отличаются обиліемъ этой тенденціозной литературы. Олигархъ конца V в. *Критій* написалъ памфлетъ, въ которомъ далъ характеристику аеинскаго государственнаго строя съ этой точки зрѣнія. Кромѣ отрывковъ Критія, дошелъ другой памфлетъ: „*Πολιτεία Ἀθηναίων*“, приписываемый Ксенофону и называемый „Псевдо-ксенофонтовой политіей“ (онъ помѣщается среди Ксенофоновыхъ „*Scripta minora*“). Большинство ученыхъ считаетъ его не принадлежащимъ Ксенофону. Это произведение явно тенденціозно. Оно даетъ матеріалъ для исторіи аеинскихъ учреждений, но еще интереснѣе для характеристики политической литературы конца V и начала IV вв. Такая тенденціозная литература наложила нѣкоторую печать и на позднѣйшую историографію, напримѣръ, на сочиненіе Аристотеля (см. ниже).

Въ связи съ этимъ теченіемъ, но нѣсколько въ сторонѣ отъ него стоятъ и другія произведенія, иногда тоже касающіяся аеинской старины. Это—произведенія, пытающіяся дать изображенія *идеальнаго строя* для любого государства. По характеру своему они тоже тенденціозны. Къ такимъ произведеніямъ принадлежатъ „Республика“ и „Законы“—діалоги Платона. Видя Аеины и другія государства Греціи раздираемыми партійной борьбой, Платонъ задается цѣлью нарисовать идеальный государственный строй, который сглаживалъ бы классовыя противорѣчія и партійную борьбу. Такихъ произведеній, рисующихъ идеальный строй, появилось не мало.

Здѣсь однако не мѣсто характеризовать ихъ подробно.

„*Аеинская политія*“ *Аристотеля*. Представителемъ научной реакціи противъ такихъ утопическихъ построений явился *Аристотель*. Онъ ясно сознавалъ, что создать государственный строй, пригодный для всѣхъ временъ и всѣхъ обществъ, нельзя,—можно создать только относительно лучшій. Этой цѣлью онъ и задался. Аристотель сталъ на ту почву, на которой стоитъ современная общественная наука, т. е. на почву изученія дѣйствительности, современной ему и прошлой. Окруженный многими учениками, онъ могъ предпринять громадное

по замыслу и объему изслѣдованіе, и при ихъ сотрудничествѣ онъ очертилъ историческое прошлое и современное ему состояніе государственныхъ учрежденій 158 государствъ. Это—рядъ небольшихъ трактатовъ, именуемыхъ „Политіями“. Каждое изъ этихъ изслѣдованій состоитъ изъ 2-хъ частей: въ первой части содержится описаніе исторіи государственнаго строя даннаго государства; 2-ая часть содержитъ характеристику современнаго Аристотелю строя. Большинство этихъ Политій совсѣмъ не дошло до насъ, другія лишь въ отрывкахъ или сокращеніи. *) Въ большей своей части дошла до насъ только одна „Аѳинская политія“.

Собравши матеріалъ, Аристотель могъ приступить и къ обобщенію его результатовъ. Таковое содержится въ его „Политикѣ“. „Политія“, такимъ образомъ, изслѣдованія историческія, „Политика“ же—соціологическое, нѣчто въ родѣ „Духа законовъ“ Монтескье.

Въ „Политикѣ“ Аристотель задается цѣлью прослѣдить, какъ возникаетъ государство, каковы его основы, какія существуютъ государственныя формы, какъ онѣ измѣняются, затѣмъ начертать картину наиболѣе совершеннаго государственнаго строя. Аристотель различаетъ нормальныя и извращенныя формы государственнаго строя.

„Политика“ вышла, повидимому, во второй половинѣ его жизни—въ 336—335 г., такъ какъ онъ знаетъ объ убіеніи Филиппа Македонскаго, но не знаетъ о разрушеніи Фивъ.

Что касается „Политій“, то осуществленіе такого громаднаго предпріятія должно было занять очень значительное количество времени. Часть „Политій“ вышла ранѣе „Политики“, часть—позднѣе, сюда относятся и „Аѳинскую политію“.

Матеріалъ для нея былъ собранъ ранѣе опубликованія „Политики“, что доказывается тожествомъ основныхъ взглядовъ и въ „Политіи“ и въ „Политикѣ“, хотя наблюдаются и разногласія. „Аѳинская Политія“ вышла между 329 и 322 г. Слѣдующія соображенія говорятъ въ пользу этого: Аристотель упоминаетъ о внѣшнихъ владѣніяхъ Аѳинъ, о которыхъ можно говорить, какъ о таковыхъ, только послѣ 329 г.; но она вышла ранѣе 322 г., такъ какъ въ ней не говорится о тимократической системѣ, введенной Антипатромъ.

Аристотель измѣнилъ здѣсь нѣкоторыя свои прежнія мнѣнія.

*) Собраны *Rose*: Aristotelis qui ferebantur librorum fragmenta.

Открытие „Афинской Политиі“. Она найдена не такъ давно. Въ 1890 г. въ числѣ папирусовъ, привезенныхъ въ Англію, хранителемъ Британскаго Музея *Кеніономъ* найдена была рукопись, написанная на 4 полосахъ папируса. Начинаясь она изложеніемъ исторіи афинскаго государственнаго строя и оканчивалась описаніемъ его, каковымъ онъ былъ въ IV вѣкѣ.

Кеніонъ очень скоро увидѣлъ, что имѣетъ дѣло съ Аристотелевой „Политіей“. Онъ началъ усиленно работать надъ рукописью и въ 1891 г. трактатъ уже появился въ свѣтъ. „Афинской политіей“ заинтересовались не только специалисты по исторіи Греціи, но и всѣ вообще интересующіеся исторіей. Было помѣщено много статей въ общихъ журналахъ по поводу ея открытія. Дѣйствительно, рѣдко греческая историографія переживала такой кризисъ: эта находка заставила пересмотрѣть старыя теоріи. Въ русской литературѣ въ 1895 г. появилась книга проф. Бузескула, всецѣло посвященная Аристотелевой „Политіи“ подъ заглавіемъ: „Афинская Политія Аристотеля, какъ источникъ для исторіи государственнаго строя Афинъ до конца V в.“. Въ этой книгѣ сведена была новая литература (впрочемъ послѣ нея вышло не мало новыхъ работъ объ „Афинской политіи“).

Вопросъ о подлинности „Афинской политіи“ Аристотеля. Подлинно ли это Аристотелева „Политія“? Нѣкоторые указывали на небрежность стиля, противорѣчія съ „Политикою“ и полагали, что авторъ найденнаго труда—не Аристотель, но скептиковъ было немного. Когда принялись изучать трактатъ, бросилось въ глаза, что содержаніе его совпадаетъ съ ранѣе извѣстнымъ конспектомъ „Афинской политіи“ Аристотеля (крайне сжатымъ), сдѣланнымъ Гераклидомъ Понтійскимъ.

Исслѣдовали трактатъ и со стороны языка. Въ своей основѣ языкъ трактата оказался сходенъ съ языкомъ сочиненій Аристотеля. Правда, стиль оказался небрежнымъ, ибо это, по всей вѣроятности, лекціи Аристотеля записанныя и изданныя не имъ самимъ, а его учениками. „Политія“—записки его слушателей. Это обстоятельство лишь до извѣстной степени умаляетъ значеніе „Политіи“.

Содержаніе „Афинской политіи“. Первые 41 главы, на которыя Кеніонъ раздѣлилъ трактатъ, посвящены исторіи афинскаго государственнаго строя (въ дѣйствительности нѣсколько больше 41 главы, такъ какъ начало трактата не дошло до насъ). Эти главы доводятъ исторію государственныхъ учрежденій до 403 г., до архонства Эвклида, а послѣднія сохранившіяся главы (42—63) характеризуютъ строй, современный Аристотелю (конецъ трактата утраченъ).

Каково содержаніе первой (исторической) части трактата? Въ началѣ характеризуется древнѣйшій строй Атики. Совершенно новую и, слѣдуетъ замѣтить, невѣрную картину даетъ трактатъ въ теперешнемъ видѣ (въ 4-ой главѣ) о реформѣ Дракона (объ этомъ см. ниже). Очень много говоритъ онъ о реформѣ Солона, о сисахтіи, о введеніи народныхъ судовъ въ Афинахъ, приводитъ цѣлый рядъ отрывковъ изъ элегій Солона. Очень много цѣннаго сообщаетъ онъ для эпохи, слѣдовавшей за Солономъ, объ архонтствѣ Дамасія, о Писистратѣ. Новое представленіе даетъ Аристотель о реформѣ Клисеена (до находки „Политіи“ эта реформа представлялась сбивчиво). Для эпохи господства ареопага (эпохи греко-персидскихъ войнъ) также имѣются новыя свѣдѣнія. Наконецъ, много данныхъ сообщено о 50-лѣтій (пентеконтаэтіи), — эпохѣ между нашествіемъ Ксеркса и пелопоннесской войной (480—431 г. до Р. X.); подробно характеризуются государственные перевороты во время послѣдней войны (413—410 г.) и тираннія 30.

Источники Аристотеля. Аристотель пользовался переживаніями, надписями (повидимому, чаще въ передачѣ другихъ историковъ), сочиненіями Солона, историками (Геродотомъ и Фукидидомъ), Аттидами (повидимому, „Аттидой“ Андротіона) и тенденціозными политическими памфлетами историческаго содержанія.

Въ *критичности* Аристотель уступаетъ Фукидиду. Фукидидъ — историкъ по призванію, Аристотель — философъ, и, какъ историкъ, иногда оказывается не на высотѣ положенія. Напр., Аристотель вводитъ тенденціозный анекдотическій матеріалъ. Такъ, упраздненіе ареопага онъ объясняетъ чисто-анекдотическими подробностями, почерпнутыми, очевидно, изъ олигархическаго памфлета (гл. 25): якобыThemistoklъ убѣдилъ Эфіальта содѣйствовать упраздненію ареопага только потому, что послѣдній хотѣлъ подвергнутьThemistokla преслѣдованію за сношенія съ персами, междутѣмъ хронологія ясно говоритъ, что въ 462 г., когда имѣла мѣсто реформа ареопага, Themistoklъ уже покинулъ Афины. Несмотря на нѣкоторый недостатокъ критическаго такта, трактатъ цѣненъ въ томъ отношеніи, что выдвигаетъ цѣлый рядъ важныхъ пріемовъ историческаго изслѣдованія. Авторъ сопоставляетъ источники: такъ, говоря объ извѣстномъ событіи, онъ нерѣдко отмѣчаетъ, что аристократическая версія представляетъ событіе въ иномъ видѣ, чѣмъ демократическая. Аристотель пользуется переживаніями, обращается къ надписямъ,

хотя, вѣроятно, пользуется ими въ передачѣ позднѣйшихъ аттидографовъ и другихъ историковъ.

Биографіи Тезея и Солона, написанныя Плутархомъ.

Остается упомянуть о двухъ биографіяхъ Плутарха—Тезея и Солона. Плутархъ, жившій уже въ эпоху ранней Римской имперіи, во 2-ой половинѣ I и въ началѣ II вѣка до Р. Х., въ сущности не историкъ, а гораздо болѣе моралистъ, преслѣдующій въ своихъ трудахъ преимущественно цѣли поученія. Въ своихъ „Параллельныхъ жизнеописаніяхъ“ Плутархъ желаетъ выставить образцы характеровъ (см. выше стр. 20). Строго-исторической критики искать у него нечего, но, такъ какъ онъ использовалъ много недошедшихъ до насъ историковъ, то съ нимъ слѣдуетъ очень и очень считаться. Биографія Тезея цѣнна потому, что въ ней, не смотря на мифическій характеръ личности Тезея (хотя нельзя рѣшительно утверждать, что такой личности не было), сохранилось много матеріала изъ области аѳинскихъ преданій, а устные преданія играли большую роль, какъ источникъ для древнѣйшей исторіи Аѳинъ. Эти преданія отличаются отъ преданій Спарты. Мы будемъ имѣть возможность убѣдиться, что преданія о Ликургѣ въ значительной части—измышленія позднѣйшихъ историковъ. Преданія Аѳинъ имѣютъ большую древность.—Въ основу биографіи Тезея Плутархъ положилъ, видимо, аттидографа Истра, жившаго въ III в. до Р. Х. Относительно биографіи Солона должно замѣтить, что большинство изслѣдователей склоняется къ мнѣнію, что въ основѣ ея лежитъ Гермиппъ—тоже писатель III в. до Р. Х., которымъ Плутархъ пользовался не въ одномъ данномъ случаѣ. Кромѣ этого источника, Плутархъ въ биографіи Солона использовалъ еще элегіи Солона, такъ какъ въ биографіи встрѣчается много отрывковъ изъ нихъ. Пользовался онъ и аттидографами, особенно Андротиономъ.

Все сказанное объ источникахъ для древнѣйшаго періода исторіи Аѳинъ можно резюмировать въ такихъ словахъ: непосредственныхъ остатковъ старинны для древнѣйшей аѳинской исторіи до VI вѣка сохранилось очень немного: это археологическія данныя, въ родѣ остатковъ микенскаго періода въ Атикѣ или дипилонскихъ вазъ (надписи на нихъ); косвенно, преимущественно черезъ посредство позднѣйшихъ историковъ, до насъ дошло содержаніе нѣсколькихъ надписей, какъ, напримѣръ, нѣкоторые отрывки изъ законовъ Солона и Дракона, относящихся къ концу VII и началу VI в.; отъ начала VI в. имѣемъ непосредственный памятникъ—отрывки изъ элегіи Солона. Непос-

оредственныхъ памятниковъ не такъ много, повтому приходится пользоваться преданіями, сохраненными историками. Лишь съ эпохи персидскихъ войнъ имѣются рассказы почти современниковъ ихъ. Матеріаль для древнѣйшей исторіи Аѳинъ скудеенъ, но лучше, чѣмъ матеріаль для древнѣйшей исторіи Спарты (см. ниже).

Древнѣйшій строй Аѳинскаго государства.

Въ Атикѣ уже около VIII в. находимъ *значительное государство*. Это обстоятельство крайне важно отмѣтить, потому что только въ двухъ мѣстахъ Греціи въ это время образовались крупныя государства—въ Лаконіи и Атикѣ. Въ другихъ областяхъ Греціи крупныхъ государственныхъ соединеній не образовывалось до IV в. и даже до эллинистической эпохи. Ихъ нѣтъ нигдѣ—ни въ Арголидѣ, ни въ Беотіи, не говоря уже о западныхъ областяхъ Греціи. Въ Атикѣ и въ Лаконіи государственный соединенія образовались въ болѣе отдаленный періодъ, въ силу чего Аѳины и Спарта и стали такъ рано играть руководящую роль въ исторіи Греціи.

Детальныхъ данныхъ объ образованіи Аѳинскаго государства мы не имѣемъ. Мы увидимъ ниже, что въ Лаконіи извѣстную роль игралъ синоикизмъ (*συνωικισμός*, т. е. слияніе нѣсколькихъ общинъ въ одно политическое цѣлое), осложненный завоеваніемъ; синоикизмъ имѣлъ мѣсто и въ Атикѣ, но въ образованіи Аѳинъ мы видимъ *чистый синоикизмъ*.

Атика до синоикизма. Въ отдаленныя времена Атика представляла изъ себя много разрозненныхъ государственныхъ соединеній,—особенно отчетливо говорить объ этомъ Фукидидъ. Обитатели Атики жили не по городамъ, а въ селахъ. Въ каждой деревнѣ, въ каждой области были свои совѣты и свои пританен. Такимъ образомъ Фукидидъ говоритъ, что Атика прежде была раздроблена. Не смотря на то, что Фукидидъ очень остороженъ въ своихъ выводахъ, одного его авторитета было бы недостаточно для принятія этого положенія, но у насъ есть и иные данныя, не говоря уже объ аналогіи съ другими греческими государствами. Въ частности, приходится думать, что Элевсинъ и Аѳины составляли въ древности два обособленныхъ государства, находившихся во враждебныхъ отношеніяхъ другъ къ другу. Раскопки показываютъ, что Элевсинская долина и Аѳины были раздѣлены укрѣпленіями. Затѣмъ мы имѣемъ свѣдѣнія о томъ, что уже въ историческое время Элевсинъ сохранялъ право чеканки своей монеты: право это указываетъ, что въ древности Элевсинъ составлялъ отдѣльное государство. Въ

гимнъ Деметръ, относимомъ къ первой половинѣ VII в., еще нѣтъ и рѣчи, что Элевсинъ входитъ въ составъ Аѳинскаго государства. Ваглядъ на Элевсинъ, какъ на особую часть Аттики, выразился и по окончаніи пелопоннесской войны, когда спартапцы отдѣлили Элевсинъ отъ Аттики. *) Но не только объ Элевсинѣ сохранились указанія, что это было отдѣльное государство, но и о другихъ поселеніяхъ Аттики имѣются данныя въ томъ же родѣ,—напримѣръ, въ историческое время общины Паллена и Гагнъ не имѣли права эпигаміи (взаимныхъ браковъ), что указываетъ на былую обособленность ихъ. Наконецъ, наблюденія надъ исторіей культовъ заставляютъ думать, что Аттика была раздроблена. Въ различныхъ мѣстахъ Аттики имѣются слѣды господства различныхъ культовъ. Въ Тетраполисѣ (въ Мараеонской области) мы находимъ культъ греческаго Аполлона (въ Мараеонѣ—Деліонъ и въ Ойноѣ—Пиеіонъ); затѣмъ—въ приморской области *Тетракоμοι* и въ Мараеонѣ мы находимъ культъ бога—Геракла (можетъ быть, финикійскаго Мелькарта). Въ самыхъ Аѳинахъ мы находимъ различные культы: въ Акрополѣ господствовали коренные мѣстные культы Зевса и Аѳины—будущей цокровительницы города, Гефеста и мѣстныхъ хтоническихъ боговъ Эрехея и Кекропса. Въ прилегающихъ къ Акрополю мѣстностяхъ существовали тоже разные культы: на сѣверо-западѣ—въ мѣстности, носившей финикійское названіе Мелита (*Μελίτη*), предполагаютъ существованіе культовъ Геракла **) и Афродиты ***),—оба эти божества имѣютъ связь съ финикійскими культурами; на юго-востокѣ въ Аграхъ существовали культы Аполлона и Посейдона, т. е. культы свойственные іонійскому племени. Такимъ образомъ, мы видимъ культы различныхъ боговъ, господствующіе въ различныхъ частяхъ Аттики. Если мы примемъ во вниманіе, что греческія и италійскія общины были тѣсно связаны съ культомъ, то раздробленность культовъ даетъ возможность предполагать и государственную раздробленность. Впослѣдствіи произошелъ синоикизмъ, и культы смѣшались.

Итакъ, цѣлый рядъ данныхъ заставляетъ думать, что Аттика была раздроблена, что Фукидидъ правъ, или, вѣрнѣе, право то преданіе, которое дошло черезъ него. Должно сказать, что нѣкоторые изслѣдователи (К. Ваксмуть, Гильбертъ) идутъ

*) *Aristot.*, *Ἀθῆν.* пол. 39.

**) *C. Wachsmuth*, *Die Stadt Athen in Alterthum*, B. I, 364 f.

***) *Ib.* 410.

еще дальше: они предполагают первоначальную раздробленность не только Аттики, но и города Афинъ,—они думаютъ, что даже Афины не представляли изъ себя одного государства и распались на нѣсколько общинъ, какъ Спарта. Сначала произошло слияніе Афинъ, а потомъ и всей Аттики.

Синоикизмъ. Теперь обратимся къ вопросу о томъ, какъ произошелъ афинскій синоикизмъ, какимъ образомъ эти раздробленныя общины соединились въ одно цѣлое. Нѣкоторыя данныя подтверждаютъ выше отмѣченное мнѣніе о *двойномъ синоикизмѣ*. Какъ доказательство, приводятъ тотъ фактъ, что въ Афинахъ существовали два праздника въ память синоикизма: Синоикіи (*Συνοικία*) и Панафиней (*Πανθηναία*). Эти два праздника даютъ право думать, что слияніе произошло въ два приема, причемъ праздникъ Синоикій установлено въ память слиянія самого города Афинъ, а Панафинейскій праздникъ, какъ показываетъ самое названіе, („Всеафинскій“), въ память общеаттического слиянія. Въ томъ же смыслѣ говоритъ преданіе, дошедшее въ трактатѣ Аристотеля. Начало папируса, содержащаго трактатъ Аристотеля, до насъ не дошло, но первыя главы извѣстны намъ въ конспектѣ Гераклида Понтийскаго. Передаваемое здѣсь преданіе тоже различаетъ два синоикизма—слияніе болѣе древнее, созданное Иономъ, и другое, болѣе позднее,—при Тезеѣ.

О томъ, какъ сами афиняне представляли этотъ синоикизмъ, свидѣнія даетъ Фукидидъ (II 15, 2—3): „Тезей упразднилъ совѣты и власти прочихъ городовъ, соединилъ всѣхъ жителей вокругъ нынѣшняго города учредивши одинъ совѣтъ и одинъ пританей. Жители воздѣлывали свои земли, какъ и прежде, но городъ обязаны были имѣть одинъ; такъ какъ всѣ жители принадлежали одному городу, то онъ сталъ великъ и въ такомъ видѣ переданъ Тезею его потомкамъ. Съ этого времени и нынѣ афиняне свершаютъ въ честь богини общенародный праздникъ—Синоикіи. Раньше этого городъ состоялъ изъ нынѣшняго Акрополя и той земли у подошвы его, которая главнымъ образомъ обращена къ югу“.

Такъ думали сами афиняне о происхожденіи своего государства. Итакъ, мелкія общины соединились въ одно государство.

Нѣкоторые изслѣдователи думаютъ, что преобладаніе на афинскомъ акрополѣ культъ Зевса, Афины, Гесты, Эрехея, Кекропа—указываетъ, что здѣсь было до-іонійское греческое поселеніе; что преобладаніе въ другихъ мѣстахъ культъ Посей-

дона и Аполлона указывает на поселение здѣсь іонянъ; наконецъ,—что финикійскія божества указываютъ на привхожденіе въ Аттику финикійскаго элемента. Такимъ образомъ эти ученые считаютъ аеинскій народъ составившимся изъ весьма разнородныхъ,—въ значительной своей части пришлыхъ—элементовъ. Но это толкованіе спорно и противорѣчитъ тому глубокому убѣжденію самихъ аеинянъ, что они—аеиняне—автохтоны, т. е. что они искони жили въ Атикѣ. Можно предполагать, что здѣсь были иноплеменные (финикійскія) факторіи, но несомнѣнно, что аеиняне—коренные іоняне, и даже вѣроятно, что именно изъ Аттики вышли малоазійскіе іоняне.

Древнѣйшій социальный строй Аттики. Первая болѣе достовѣрная свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ по этому вопросу, относятся къ эпохѣ, непосредственно предшествующей Солону. Есть указанія на это въ элегіяхъ Солона; другія данныя почерпаются изъ народныхъ преданій, сохраненныхъ Аристотелемъ въ „Аеинской политіи“ и Плутархомъ въ біографіи Солона.

До Солона Аеины имѣютъ аристократическое устройство. Этотъ фактъ вполне вяжется съ тѣмъ, что мы знаемъ о другихъ государствахъ въ эпоху средневѣковья. Свѣдѣнія о реформахъ Солона тоже указываютъ на преобладаніе въ Атикѣ землевладѣльческой аристократіи: *эвпатридовъ*.

Земля сосредоточивалась въ рукахъ эвпатридовъ. Аристотель прямо говоритъ: *Ἡ δὲ πᾶσα γῆ δι' ὀλίγων ἦν* („Вся земля находилась въ рукахъ немногихъ“ *Аф. пол* 2). Но нельзя думать, что вся земля была въ полной собственности эвпатридовъ. Общества на раннихъ ступеняхъ развитія не имѣютъ понятія о полной индивидуальной собственности на землю, не вырабатывается систематическихъ юридическихъ нормъ, и Аеины не могутъ быть исключеніемъ изъ этого правила. Источники говорятъ болѣе о фактическомъ, чѣмъ юридическомъ сосредоточеніи земли въ рукахъ эвпатридовъ. Совокупность источниковъ обрисовываетъ положеніе дѣлъ такими чертами. Иногда земля юридически была собственностью крестьянъ, но сами владѣльцы находились въ зависимости отъ эвпатридовъ; въ другихъ случаяхъ эвпатриды были юридически собственниками земли, но фактически пользовались землей крестьяне, сидѣвшіе на землѣ эвпатридовъ и также стоявшіе въ экономической зависимости отъ нихъ. Въ средніе вѣка въ Западной Европѣ отношенія землевладѣльцевъ къ крестьянскому населенію также варьировались: и тамъ не всѣ крестьяне были вилланами. Въ Англіи люди свободные юридически—по экономическому положенію своему часто не отличались отъ виллановъ.

Итакъ, въ *Аттикѣ* въ концѣ средневѣковья (VII в. до Р. Х.) мы находимъ сельское населеніе, фактически зависящее отъ землевладельческой аристократіи—эпатридовъ. Въ средѣ зависимаго земледѣльческаго населенія можно различить три группы: 1) свободное крестьянство, нерѣдко, однако, обремененное долгами эпатридамъ (*зевгиты*), 2) арендаторовъ—*сектеморовъ*, 3) батраковъ—*пелатовъ*.

1) *Зевгиты* позднѣе образуютъ свободное афинское крестьянство. Объясняютъ это названіе различно. Есть мнѣніе, что зевгиты крестьяне, имѣвшіе упряжку воловъ (*ξεύρος*), считавшіеся хозяевами средняго достатка; причѣмъ обладаніе упряжкой воловъ было основой въ опредѣленіи крестьянскаго достатка средней руки. Другая версія утверждаетъ, что зевгиты—рядовые, что *ζυγός*—рядъ въ войскѣ, и что свободные крестьяне назывались такъ потому, что несли службу рядовыми. Позднѣе зевгиты играли существенную роль, но въ разсматриваемый періодъ они были обременены долгами. Изъ другихъ историческихъ примѣровъ мы видимъ, что задолженное крестьянство всюду становится въ экономическую зависимость отъ болѣе сильныхъ экономически элементовъ,—это общій фактъ. Вполнѣ естественно, что и зевгиты впали въ зависимость отъ болѣе крупной соціальной силы. Объ этомъ говорятъ намъ элегіи Солона. Долговья обязательства вели къ тому, что крестьянинъ часть доходовъ долженъ былъ шатить землевладельцу, или работать на него. Приходится считаться съ тѣмъ, что гипотечное право того времени нерѣдко вело къ тому, что заложенная земля переходила въ пользованіе кредитора. Древнее право не разбирается въ тонкостяхъ землевладѣнія. Въ нынѣшнемъ правѣ кредиторъ имѣетъ право на землю лишь въ случаѣ неисполненія обязательствъ должника. Древне-аттическое право не знало такой формы ипотеки. Оно признавало только такія формы, гдѣ кредиторъ до уплаты долга былъ или юридическимъ собственникомъ или по крайней мѣрѣ фактическимъ владѣльцемъ земли. Одна изъ формъ ипотеки—это была „продажа съ правомъ выкупа“ (*πράσις ἐνὶ λύσει*). При этой формѣ заложенная земля дѣлалась собственностью кредитора, но должникъ имѣлъ право ее выкупить, такъ что, пока долгъ не былъ выплаченъ, собственникомъ земли считался въ сущности кредиторъ. Это дѣлало крестьянъ очень зависимыми отъ кредиторовъ.

Другая форма древней ипотеки—это *антихреза*: при этой формѣ земля оставалась во владѣніи должника, но кредиторъ пользовался доходами съ нея. Такимъ образомъ древнѣй-

пія форми гіпотеки дѣлали задолжавшаго крестьянина жертвой експлоатаціи кредитора — эвпатрида.

Долги могли привести крестьянина въ еще болѣе тяжелое положеніе: онъ за долги могъ лишиться не только земли, но и свободы: превратиться въ *кабальнаго* (*δουλος*).

2) Часть крестьянъ вовсе не имѣла своей земли и являлась въ роли арендаторовъ эвпатридской земли—это *гектѣморы* (шестидольники). По Плутарху и Аристотелю, гектѣморы платили $\frac{1}{6}$ часть дохода помѣщику, но позднѣйшіе лексикографы даютъ болѣе правильное объясненіе этого термина: $\frac{1}{6}$ часть продукта оставалась у нихъ, а помѣщику они уплачивали $\frac{5}{6}$. Тогда понятнымъ становится ихъ крайне тяжелое положеніе. Скучность матеріала не позволяетъ выяснить вопросъ о характерѣ аренды; нельзя получить точнаго отвѣта,—была ли арендуемая земля первоначально крестьянской собственностью и потомъ уже отошла къ эвпатридамъ, напримѣръ, за долги, или эвпатриды искони владѣли сдаваемыми въ аренду землями.

3) *Пелаты*. Этотъ терминъ позднѣйшими лексикографами опредѣлялся такъ: „Пелаты (и ееты)—названіе свободныхъ людей, которые несутъ службу (*δουλοῦνται*—рабствуютъ) за деньги“ (*Poll.* 382). Слѣдовательно, это—наемные батраки, обезземельившіеся крестьяне, служащіе за плату.

Это—одна сторона общественнаго строя. Теперь предстоитъ заняться другой стороной.

Греческія общества имѣли своеобразную организацію. Образование государственнаго цѣлаго было дѣломъ довольно сложнаго и продолжительнаго процесса, но внутри всѣхъ государствъ сохранились организаціи, служившія посредствующимъ звеномъ между семьей и государствомъ: таковы—*филы*, *фратрии* и *роды*. Мы уже познакомились съ этими организаціями при изученіи гомеровскаго періода. Теперь слѣдуетъ ихъ коснуться постольку, поскольку онѣ имѣютъ отношеніе къ Атикѣ. Главную часть населенія Атики составляло іонійское племя, которое имѣло четыре филы, носившихъ названія: *гелеонты*, *гоплиты*, *аргады* и *эгикоры*. Эти 4 филы іонійскаго племени встрѣчаются почти всюду, гдѣ это племя составляетъ все или большую часть населенія. Иногда, впрочемъ, въ видѣ исключенія мы находимъ только нѣкоторыя изъ филъ, но сказать, что въ данной мѣстности были не всѣ филы, тоже еще нельзя, такъ какъ матеріалъ источниковъ дошелъ по большей части въ очень скудномъ видѣ.

Что представляли изъ себя 4 іонійскія филы и 12 фратрій, входившихъ въ ихъ составъ (по 3 въ каждую фратрію),—мы уже видѣли выше (стр. 124 сс.).

Филы были основой аѳинской государственной организаціи и играли важную роль въ позднѣйшей исторіи,—напримѣръ, по филамъ избирались архонты.

Все ли населеніе входило въ составъ филъ, или только эвпатриды? Одинъ изъ изслѣдователей—Филиппи (авторъ изслѣдованія объ аттическомъ гражданствѣ)—держался того взгляда, что до Солона въ составъ филъ не входили незнатные (демоты), а только эвпатриды,—демотовъ включилъ только Солонъ. Такъ думалъ сначала и Курціусъ. Такъ ли было на самомъ дѣлѣ? Противъ указаннаго мнѣнія приходится сказать очень многое. О реформѣ Солона мы имѣемъ довольно много свѣдѣній, но ничто не говоритъ о законѣ, включившемъ демотовъ въ фратріи и филы. Конечно, аргументъ отъ умолчанія источниковъ нельзя признавать рѣшающимъ. Однако, въ пользу того, что демоты входили искони въ филы, имѣется еще немало аргументовъ. Сохранившіеся отрывки изъ законовъ Дракона говорятъ, что свидѣтели въ нѣкоторыхъ судебныхъ дѣлахъ должны выбираться изъ фратріи (части филы) по знатности (*δρωτινδην*),—значить, члены филъ раздѣлялись на знатныхъ и незнатныхъ, иначе не было бы надобности подчеркивать этотъ принципъ избранія. Кромѣ того, всѣ наши свѣдѣнія о филлахъ заставляютъ думать, что весь народъ раздѣлялся на филы, весь его составъ входилъ въ эти организаціи. Значить, соображенія отъ умолчанія источниковъ, отрывки изъ законовъ Дракона и самая теорія происхожденія филъ даютъ матеріалъ для рѣшенія вопроса о составѣ филъ. Правда, въ такомъ случаѣ сторонники мнѣнія, что демоты только при Солонѣ вошли въ нихъ, могутъ спросить: почему демоты до Солона не играютъ въ политической жизни Аѳинъ никакой роли? Здѣсь приходится обратить вниманіе на тотъ характеръ соціальнаго строя Атикѣ, съ которымъ мы только что познакомились, именно, на соотношеніе классовъ. Филы включали весь составъ племени, кромѣ рабовъ (хотя и послѣдніе примыкали къ филамъ, но считались собственностью семей свободныхъ людей), но внутри филъ происходитъ дифференціація. Мы видимъ ростъ вліянія землевладѣльцевъ-эвпатридовъ, они начинаютъ преобладать не только въ экономическомъ, но и въ политическомъ отношеніи. Зависимые земледѣльцы не могутъ играть политической роли: этотъ фактъ наблюдается вездѣ. Это соображеніе (Эд. Мейера) очень просто

объясняетъ, почему демоты, входя въ составъ филъ, не играютъ никакой роли при избраніи архонтовъ.

Организація эвпатридовъ. Въ организаціи эвпатридовъ выступаетъ на первый планъ родъ (*γένος*). Въ широкомъ смыслѣ этотъ терминъ обозначаетъ родовую организацію, естественно, органически создавшуюся; въ данномъ же случаѣ рѣчь идетъ о родѣ, какъ искусственной организаціи. Позднѣе въ фратріяхъ было опредѣлено число родовъ количествомъ тридцать въ каждой. Несомнѣнно, сюда входитъ элементъ искусственности. Строгая схема въ организаціи фратрій могла быть создана лишь въ эвпатридскомъ обществѣ. Эвпатриды принимаютъ мѣры, чтобы никто не достигъ преобладанія въ обществѣ, кромѣ ихъ класса, чтобы не могъ присоединиться къ аристократическимъ родамъ никто изъ не входящихъ въ нихъ по происхожденію. Эвпатридскіе роды ведутъ записи своихъ членовъ, такъ что является возможность поддерживать родовую связь, хотя бы хозяйственная связь и утратилась. Роды не-эвпатридскіе рассеяются и о своихъ родовыхъ связяхъ постепенно забываютъ (см. выше стр. 126).

Древнѣйшій политическій строй Атики. а) *Царская власть.* Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ Атикѣ существовала царская власть. Въ Римѣ, какъ извѣстно, царская власть никогда не уничтожалась, поскольку царь былъ представителемъ передъ богами. Титуль царя сохранялся за однимъ изъ жрецовъ, который носилъ названіе *rex sacificulus* или *rex vasogum*. Аналогичное явленіе наблюдается въ Атикѣ: здѣсь царская власть не уничтожалась совершенно, одинъ изъ архонтовъ носилъ титуль архонта-базилевса (*βασιλεύς*). Можно было отнять у царя предводительство на войнѣ, судебныя функціи, но совершенно нельзя было отнять жреческой функціи, ибо это было бы оскорбленіемъ боговъ. Власть царя можно было свести къ нулю, но жреческія его функціи необходимо было сохранить. Кромѣ существованія архонта-царя можно привести еще много доказательствъ въ пользу того, что царская власть въ Атикѣ нѣкогда существовала. Много преданій говорятъ въ этомъ смыслѣ. Цари были не только во главѣ Атики, но и во главѣ филъ стояли зависямыя цари (*φυλοβασιλείς*).

б) *Развитіе архонта.* Съ ходомъ экономическаго развитія и увеличеніемъ предъявляемыхъ къ государственной власти требованій, вѣроятно, въ теченіе VIII—VII вв. царская власть подверглась цѣлому ряду ограниченій со стороны сильныхъ аристократическихъ родовъ, пока, наконецъ, не лишилась

всякаго значенія въ политическомъ отношеніи. Детальныхъ свѣдѣній о ходѣ этого процесса не сохранилось; самое большее, чѣмъ мы можемъ располагать здѣсь, это гипотезы позднѣйшихъ греческихъ историковъ. Изъ нихъ наибольшую цѣнность имѣетъ гипотеза Аристотеля, основанная повидимому на данныхъ, почерпнутыхъ изъ Аттиды. По Аристотелю процессъ ограниченія царской власти представляется въ слѣдующемъ видѣ. Прежде всего въ Атикѣ создается особая должность военачальника, *полемарха* (*πολέμαρχος*), замѣняющаго царя въ военномъ управленіи. Вполнѣ естественно, что ограниченіе царской власти началось именно въ этой области. Исходъ того или другого военнаго предпріятія въ извѣстной степени всегда зависитъ отъ личныхъ качествъ вождя. Цари же при наслѣдственной царской власти иногда оказывались неспособными къ веденію военныхъ дѣлъ, и въ силу необходимости приходилось передавать управленіе этихъ, первоначально царскихъ, функций особымъ военачальникамъ. Затѣмъ, съ теченіемъ времени, для внутреннихъ распоряжковъ, касающихся преимущественно семейнаго права, господствовавшаго въ древнѣйшую эпоху, постепенно выдвинулась должность *архонта* (*ἄρχων*). За царемъ остались только жреческія функціи и предсѣдательствованіе въ судебныхъ дѣлахъ объ убійствѣ. Последнее обстоятельство объясняется воззрѣніемъ древнихъ грековъ на убійство, по которому убійство, какъ и всякое пролитіе крови, считалось оскорбленіемъ боговъ. Поэтому естественно, что за царемъ, сохранившимъ за собой представительство предъ богами, было оставлено предсѣдательствованіе въ этихъ дѣлахъ. Позднѣе къ этимъ тремъ лицамъ, раздѣлившимъ между собою функціи прежней царской власти, были присоединены еще 6 лицъ, такъ называемыхъ *весмоетовъ*. По мнѣнію Гильберта, они были первоначально секретарями у упомянутыхъ высшихъ должностныхъ лицъ, по два человека у cadaго, а потомъ составили изъ себя коллегію, на обязанности которой было хранить судебные обычаи и разбирать дѣла, не входившія въ компетенцію 3 вышеназванныхъ должностныхъ лицъ и ареопага. Съ теченіемъ времени всѣ эти 9 лицъ стали называться по имени одного изъ нихъ *архонтами*, самъ же онъ въ отличіе отъ прочихъ присоединилъ къ своему первоначальному названію эпитетъ *эпонима*, такъ какъ по его имени стали давать наименованіе году. Такъ совершался въ общихъ чертахъ процессъ ограниченія царской власти. Легально, законодательнымъ путемъ царская власть не отмѣнялась, но фактически перестала существовать.

Наряду съ раздробленіемъ царской власти между нѣсколькими должностными лицами совершался процессъ ограниченія срока ея полномочій. Изъ наслѣдственной она сначала становится пожизненной, затѣмъ ограничивается *10 годами* и, наконецъ, *однимъ годомъ*.

Такъ постепенно монархія превращалась въ республику съ развитой системой выборныхъ должностныхъ лицъ. До эпохи Солона архонты выбирались, какъ говоритъ Аристотель, по знатности и богатству, т. е. только изъ аэпатридовъ, и были въ этотъ періодъ гораздо самостоятельнѣе, чѣмъ во времена Солона,—такъ, напримѣръ, они имѣли право рѣшать судебныя дѣла безапелляціонно.

в) *Ареопагъ*. Гомеровскому совѣту старѣйшинъ въ разсматриваемый періодъ въ Атикѣ соответствовалъ совѣтъ, собиравшійся на *холмѣ бога Ареса* (*ἡ ἐν τῷ Ἄρειῳ λόφῳ βουλή*) и называвшійся попросту *ареопагомъ*. Въ члены ареопага могли быть избираемы только бывшіе архонты, а такъ какъ сами архонты выбирались тѣмъ же самымъ ареопагомъ, то его пополненіе въ сущности основывалось не на выборномъ началѣ, а на кооптаціи. Ареопагъ былъ прежде всего блюстителемъ права: онъ наблюдалъ за исполненіемъ законовъ, или, точнѣе, судебныхъ обычаевъ и каралъ ихъ нарушителей, будутъ ли то должностныя лица, обязанныя отчетомъ передъ ареопагомъ, или частныя, замѣшанныя въ дѣлахъ о преднамеренномъ убійствѣ. Процедура веденія дѣлъ послѣдняго рода отличалась весьма архаическимъ характеромъ. Эти дѣла (о преднамеренномъ убійствѣ) разбирались ареопагомъ подъ предсѣдательствомъ архонта-базилевса въ послѣдніе три дня каждаго мѣсяца, преимущественно ночью, чтобы судьи не могли видѣть лица подсудимаго и испытывать сожалѣніе. И обвинителю и подсудимому было предоставлено право произнести не болѣе двухъ рѣчей, причемъ произносить ихъ они должны были, стоя на необдѣланномъ камнѣ. Послѣ произнесенія первой рѣчи подсудимый могъ сохранить себѣ жизнь добровольнымъ изгнаніемъ, не дожидаясь окончанія судопроизводства; если же онъ не желалъ воспользоваться этимъ правомъ и продолжалъ присутствовать при дальнѣйшемъ разборѣ дѣла, то въ случаѣ, если судъ признавалъ его виновнымъ, онъ подлежалъ смертной казни. Такая архаическая форма судопроизводства ареопага указываетъ на древность судебной роли этого учрежденія.

г) *Народное собраніе*. Что касается народнаго собранія, то свѣдѣній о томъ, какъ оно функционировало въ Атикѣ въ

эту эпоху, мы не имѣемъ. Если въ разсматриваемое нами время, при господствѣ аристократіи, оно и продолжало собираться, то во всякомъ случаѣ въ политической жизни страны играло не большую роль, чѣмъ гомеровское вѣче (см. выше стр. 132).

д) *Финансовая организація*. Мы имѣемъ сбивчивыя свѣдѣнія (гл. образ. у Геродота и Аристотеля) о дѣленіи Аттики въ территоріальномъ отношеніи уже въ VII в. до Р. X. на 48 *навкратій*, во главѣ которыхъ стояли особые пританы навкратовъ. По словамъ Геродота, эти пританы навкратовъ въ эпоху заговора Килона (см. ниже) даже управляли Аттикой, но Фукидидъ опровергаетъ это извѣстіе, указывая на руководящую роль архонтовъ. Навкраты играли, повидимому, лишь финансовую роль (между прочимъ, завѣдывали постройкой военныхъ кораблей). Мы имѣемъ также упоминаніе о древнихъ финансовыхъ чиновникахъ—*колакретахъ*, собиравшихъ натуральныя взносы.

Таковъ былъ государственный строй Аттики въ періодъ средневѣковья.

Х. Періодъ классической или городской Греціи (развитіе государствъ-городовъ). I. Разложеніе средневѣковыхъ отношеній и развитіе городского строя (VII—VI вѣка).

а) *Колонизація конца VIII—VI вѣковъ и экономическій переворотъ въ Греціи въ эту эпоху. Развитіе городовъ.*

Желая создать себѣ вполне реальное представленіе о явленіяхъ греческой исторіи до Александра Македонскаго, мы, изучая ее, ни на минуту не должны упускать изъ виду, что районъ ея былъ пространственно весьма не великъ. Достаточно сказать, что пространство, занимаемое древней Греціей на континентѣ Европы, т. е. область отъ мыса Тенара на югѣ Пелопоннеса до сѣверныхъ границъ Эпира и Фессаліи, равнялось лишь ок. 72 тысячъ кв. километровъ, т. е. было лишь въ два неполныхъ раза больше нынѣшней Швейцаріи и почти равно нашей Волынской губерніи. Въ частности это обстоятельство весьма важно имѣть въ виду для яснаго представленія объ эволюціи греческихъ обществъ въ концѣ средневѣковой эпохи.

Если принять во вниманіе благопріятныя климатическія условія Греціи и посильныя даже для малокультурнаго человѣка условія борьбы за существованіе, то станетъ яснымъ, что естественный приростъ населенія въ Греціи долженъ былъ быть значительнымъ. При увеличеніи населенія въ любой странѣ, когда количество средствъ существованія въ данной мѣстности дѣлается недостаточнымъ, возможны два выхода: или населеніе переходитъ къ болѣе высокой системѣ хозяйства, дающей возможность изъ прежней земельной площади извлекать больше дохода, или избытокъ населенія долженъ искать себѣ новыхъ мѣстъ для поселенія. Малокультурные народы очень медленно отказываются отъ привычной хозяйственной системы и приспособляются къ новой; чаще всего этотъ переходъ совершается подъ извѣстнымъ влияніемъ болѣе культурныхъ сосѣдей и притомъ весьма медленно. Поэтому, разъ для избытка населенія есть возможность найти новыя земли для поселенія, то этотъ избытокъ на раннихъ ступеняхъ культуры устремится скорѣе по линіи наименьшаго сопротивленія на новыя земельные участки, чѣмъ перейдетъ къ болѣе сложнымъ системамъ хозяйства. Именно такъ мы должны представлять себѣ, по аналогіи съ соотвѣтствующими явленіями у другихъ болѣе извѣстныхъ намъ народовъ, основныя причины греческой колонизаціи въ эпоху средневѣковья. Когда же въ VII и VI вѣкахъ въ средѣ греческихъ обществъ стала развиваться классовая борьба, то и она послужила стимуломъ къ колонизаціи: побѣжденные группы часто вынуждены были покинуть родину и искать новыхъ мѣстъ для поселенія. Рядъ данныхъ говоритъ за то, что уже въ послѣднія десятилѣтія VIII вѣка начинается греческая колонизація на Іонійскомъ (нынѣ Адриатическомъ) морѣ. Главную роль здѣсь играютъ іоняне изъ города Халкиды на Эвбей и доряне изъ Коринѳа. Послѣдніе основываютъ Коркиру на островѣ того же имени и Сиракузы въ Сициліи, первые—Катану и Леонтину въ Сициліи. Греческая колонизація проникаетъ въ томъ же вѣкѣ и въ южную Италію (основаніе ахейскихъ колоній Сибариса и Кротона на югѣ Италіи; іонійскихъ Кумъ—въ Кампаніи). Въ VII в. колонизація на Іонійскомъ морѣ въ Сициліи и Италіи развивается дальше (Эпидамнъ въ Иллиріи; Тарентъ и прочіе города на югѣ Италіи). Ок. 600 г. іонійское торговое поселеніе возникаетъ даже на югѣ нынѣшней Франціи на мѣстѣ Марселя (колонія Массалія), на о. Корсикѣ и т. д.

Въ VIII—VI вѣкахъ умножились греческія колоніи на сѣверныхъ берегахъ Эгейскаго моря, на Пропонтидѣ (Мрамор-

номъ морѣ) и Черномъ морѣ. Въ выводѣ этихъ колоній особенную роль играютъ города на Коринѣскомъ перешейкѣ Коринѣ и Мегары, евбейскій городъ Халкида и особенно іонійскій городъ въ М. Азіи Милетъ. Недостатокъ земли для малоазійскихъ грековъ былъ не менѣе чувствителенъ, чѣмъ для европейскихъ. Греческія поселенія, основавшіяся здѣсь еще въ эпоху эгейской культуры, обладали лишь прибрежной полосой земли, не проникая въ глубь страны, занятой туземными племенами. Милетъ распространяетъ свои колоніи и на южныхъ (Синозъ) и на сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря (Ольвія, Θεοδοσία, Παντικαπεί и проч.). Въ VI в. изъ Гераклеи Понтійской выводится колонія Херсонесъ. Въ томъ же нѣкѣ развивается греческая колонія въ Египтѣ—Навкратисъ.

Хотя, какъ мы увидимъ ниже, заморскія колоніи основывались по преимуществу тѣми городами, которые рано перешли отъ земледѣлія къ торговлѣ и промышленности (Коринѣ, Мегары, Халкида, Милетъ и проч.), однако, большинство колоній при ихъ возникновеніи были земледѣльческими поселеніями: „искали плодородныхъ земель, а были ли вблизи хорошія гавани,—это имѣло второстепенное значеніе“ (Белохъ). Что переселенія происходили преимущественно изъ торговыхъ городовъ, объясняется какъ тѣмъ, что здѣсь особенно быстро росло населеніе и не хватало земли, такъ и тѣмъ, что эти города, ведшіе болѣе значительныя морскія сношенія, легче организовывали заморскія переселенія. Съ теченіемъ времени очень многія колоніи дѣлались торговыми и промышленными центрами, такъ какъ онѣ были удобными пунктами для торговыхъ сношеній съ метрополією и для сбыта произведеній метрополіи и своихъ собственныхъ окружающему населенію.

Однако, если греки, чтобы устранить избытокъ населенія, обратились прежде всего къ переселенческой дѣятельности, то это не значитъ, что измѣненія въ системѣ хозяйства у нихъ не имѣли мѣста. Хотя и сравнительно медленно, нѣкоторыя мѣстности Греціи стали превращаться изъ земледѣльческихъ странъ въ торгово-промышленныя. Это были по преимуществу мѣстности малоплодородныя и плохо орошаемыя (напр., большая часть Аттики, Мегары) или поселенія, не обладавшія сколько-нибудь значительной территоріей (Коринѣ). Мѣстное населеніе ранѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, должно было искать себѣ занятій помимо земледѣлія: здѣсь развивались ремесла, продукты которыхъ сбывались первоначально ближайшимъ сосѣдямъ, а затѣмъ и въ болѣе отдаленныя мѣстности. Особенно успѣшно

развивались промышленность и торговля, если данная мѣстность была богата какими-либо цѣнными сырыми продуктами (мѣдь около Халкиды на Эвбеѣ; шерсть милетскихъ овецъ; глина въ Коринѣ и Аттикѣ; соль, мраморъ—въ Аттикѣ). Распространеніе греческихъ колоній, усиливая морскую торговлю, способствовало развитію промышленности, какъ въ метрополіяхъ, такъ и въ колоніяхъ. Вотъ почему въ VII и VI вѣкахъ въ весьма многихъ областяхъ Греціи, преимущественно по побережью Эгейскаго моря, прежнія земледѣльческія поселенія превращаются въ болѣе или менѣе значительные торгово-промышленные центры.

Сначала торговое развитіе (уже въ VIII в.) концентрируется на іонійскомъ побережьи М. Азіи (особ. Милетъ), на о. Эвбеѣ (города Халкида и Эретрія) и на Коринескомъ перешейкѣ въ *Мегааряхъ*. Скоро у Мегаръ является конкуррентъ *Коринѣ*, а затѣмъ въ концѣ VII в. этотъ расцвѣтъ торговли начинать захватывать Аѣны. Позднѣе все большее и большее число греческихъ поселеній переживаетъ такой экономическій переворотъ.

Развитіе городскихъ центровъ. Полисъ. Однимъ изъ важнѣйшихъ политическихъ послѣдствій описаннаго экономического переворота было *развитіе городскихъ центровъ* въ областяхъ, захваченныхъ переворотомъ. Центры эти возникали или около древнихъ крѣпостей (кремлей, акрополей), существовавшихъ иногда еще въ эпоху эгейской культуры (напр., Аѣны), или въ мѣстахъ, удобныхъ по ихъ торговому положенію (Коринѣ). Были поселенія, которыя развивались потому, что они по тѣмъ или инымъ причинамъ дѣлались политическимъ центромъ страны (Спарта, Аргосъ). Можно думать, что и въ томъ, и въ другомъ, и въ третьемъ случаѣ нѣкоторые изъ городовъ образовались путемъ сліянія нѣсколькихъ поселковъ въ одно политическое цѣлое (синойкизмъ). Мы видѣли выше, что такъ, вѣроятно, образовался городъ Аѣны; такъ, вѣроятно, образовалась и Спарта.—Возвысившійся городской центръ сплошь да рядомъ съ теченіемъ времени становился во главѣ сравнительно *болѣе значительной области*. Такое объединеніе могло произойти или тоже путемъ добровольнаго синойкизма общинъ данной области (такъ мирно объединилась большая часть Аттики), или путемъ принужденія со стороны крупнѣйшаго городского центра (объединеніе Лаконіи). Однако, эти—все же весьма небольшія—области съ точки зрѣнія государственнаго права продолжали оставаться *государствами-городами*, ибо свои политическія права жители такой

территоріи осуществляли, какъ граждане главнаго города, а многія изъ этихъ правъ они могли осуществить, только явившись въ городъ (въ народное собраніе или иное учрежденіе). Такая связь политическихъ правъ съ городскимъ центромъ, гдѣ таковой возникъ, наблюдается и въ греческихъ демократіяхъ, и въ олигархіяхъ, съ тѣмъ лишь различіемъ, что въ первыхъ всѣ свободные или большинство ихъ имѣли политическія права, а во вторыхъ—меньшинство. Связь государственной организаціи этого періода съ городскими центрами и явилась причиною того, что греческое государство этого времени принято нынѣ называть *государствомъ-городомъ*, и уже въ греческомъ языкѣ этой эпохи слово: *полисъ*—стало обозначать и городъ, и государство. Греческій міръ не дошелъ до полнаго сознанія идеи народнаго представительства *) и потому въ немъ господствовалъ принципъ *непосредственнаго народоправства*. Это ставило греческихъ политическихъ дѣятелей и мыслителей передъ дилеммой или сохранять небольшія городскія территоріи, гдѣ непосредственное народоправство возможно, или расширять территоріи для усиленія государства, но въ этомъ случаѣ приходилось ограничивать принципъ участія народа въ управленіи и переходить къ принципу бюрократическому. Начиная съ V вѣка, а гл. обр. въ эллинистическій періодъ эти затрудненія пытались устранить, создавая *федераціи государствъ-городовъ*, которыя сочетали принципъ городского непосредственнаго народоправства съ увеличеніемъ территоріи и силы государственной организаціи. Позднѣе въ ранней Римской имперіи (I—III вв. по Р. X.) эта компромиссная форма приводитъ къ образованію государственной организаціи, въ которой сильная центральная власть съ сложнымъ бюрократическимъ аппаратомъ сочетается съ самоуправляющимися городскими округами (*civitates, полисы*). Но въ поздней Имперіи (съ конца III в.) абсолютистически-бюрократическій принципъ восторжествовалъ.

Государство-городъ, какъ недавно показалъ Рицлеръ, **) даже въ хозяйственной своей политикѣ стремилось къ замкну-

*) Зачатки принципа народнаго представительства въ Афинахъ можно видѣть въ такихъ фактахъ, какъ порядокъ выбора членовъ афинскаго совѣта 500, начиная съ V в., по демамъ (общинамъ), пропорціонально населенію каждаго дема.

**) *Finanzen und Monopole im alten Griechenland*, 1907.

тости, независимости отъ сосѣдей: (*Aristot. Polit. I 1,8: η δ' αὐτάρκεια καὶ τέλος καὶ βέλτιστον*). *) Поэтому каждое государство-городъ путемъ запрещенія вывоза продуктовъ, завоеванія мѣстностей, дающихъ сырье, и другими мѣрами, стремилось сохранить свою хозяйственную независимость („автаркію“ — самодовлѣніе). Однако растущее усложненіе хозяйственной жизни дѣлало такую независимость все болѣе и болѣе невозможной. Растущій обмѣнъ требовалъ болѣе тѣсной связи между отдельными полисами и, начиная съ IV в., усложненіе хозяйственной жизни стало вести эту форму государственной организаціи къ разложенію.

Такимъ образомъ *государство-городъ (полисъ) являлось господствующей формой государственной организаціи въ Греціи съ VII в. до половины IV*, но уже съ конца V в. и потребности политическія (потребность въ усиленіи государственной власти) и экономическія (растущій обмѣнъ) повели государство-городъ къ разложенію, которое со второй половины IV в. пошло быстрымъ темпомъ.

Подобное развитие городскихъ центровъ на извѣстной стадіи экономической эволюціи не является въ исторіи человѣчества исключительнымъ явленіемъ: такъ, еще до развитія греческихъ городовъ существовали финикійскія городскія общины; ростъ городскихъ центровъ наблюдается и въ Западной Европѣ во вторую половину среднихъ вѣковъ; весьма многіе изъ этихъ городовъ пользуются также немалой политической независимостью, хотя чаще они входятъ въ составъ болѣе значительныхъ политическихъ соединеній. Очень большое сходство съ древне-греческими полисами можно констатировать въ городахъ средневѣковой Италіи, гдѣ сложились городскія государства, но многомъ напоминающія греческія государства-города.

Однако, нужно имѣть въ виду, что государство-городъ отсюда не сдѣлалось исключительной государственной формой въ Греціи разсматриваемаго періода. Съ одной стороны, какъ мы сейчасъ увидимъ, во многихъ мѣстностяхъ долго держались *старыя средневѣковыя формы* съ преобладаніемъ деревень, съ другой, какъ мы уже упомянули, — начали съ V вѣка развиваться болѣе сложныя формы болѣе обширнаго, чѣмъ полисъ, *федеративнаго государства* (напр., Аеинская держава въ V вѣкѣ).

*) „Самодовлѣніе есть и цѣль, и лучшее состояніе (полиса)“.

б). *Судьба средневѣковыхъ отношеній въ различныхъ греческихъ государствахъ.*

Судьба средневѣковыхъ отношеній въ различныхъ частяхъ Греціи была очень неодинакова. Въ бассейнѣ Эгейскаго моря, т. е. на восточномъ побережьи Европейской Греціи; на островахъ этого моря и въ мало-азійскихъ поселеніяхъ вышеописанное развитіе обмѣна стало разрушительно дѣйствовать на средневѣковыя формы. Напротивъ, области сѣверной и западной Греціи, равно какъ области, расположенныя въ центрѣ странъ, удаленныхъ отъ моря, долго сохраняли не только средневѣковой строй, но даже черты и болѣе примитивныхъ отношеній. Такъ, въ *Тессалии* еще въ V вѣкѣ господствуетъ аристократія (алевады). Сельское населеніе (пенесты) находилось въ крѣпостномъ состояніи. Отдѣльные тессалійскіе города (весьма незначительные), правда, довольно рано объединились въ союзъ, но лишь для совмѣстныхъ дѣйствій въ военное время: для этой цѣли выбирался особый вождь (*ταυρός*) съ диктаторскими полномочіями. Въ *Эпирѣ* въ V вѣкѣ находимъ патріархальную царскую власть во главѣ отдѣльныхъ племенъ, населявшихъ эту мѣстность; въ эпоху пелопоннесской войны во главѣ нѣкоторыхъ племенъ (напр., хаоновъ) аристократія устранила царей и замѣнила ихъ выбираемыми на годъ начальниками. Только послѣ пелопоннесской войны большая часть Эпира объединилась подъ властью царей изъ племени молоссовъ. Сколько-нибудь значительныхъ городовъ здѣсь не возникало все это время.— На западѣ Средней Греціи *Акарнанія* даже въ эпоху пелопоннесской войны остается раздробленной; здѣсь не имѣется городовъ, а лишь мелкія деревни; сохраняется древняя царская власть. Только въ IV в. здѣсь происходитъ нѣкоторое объединеніе. *Этоляне* тоже еще въ концѣ V в. сохраняютъ крайне примитивныя общественныя формы. Фукидидъ сообщаетъ, что „этолійскій народъ великъ и воинствененъ, но живетъ по деревнямъ, не защищеннымъ стѣнами, раздѣленнымъ большими состояніями, и носить легкое вооруженіе...; говорятъ этоляне языкомъ непонятнымъ и, какъ рассказываютъ, употребляютъ въ пищу сырое мясо“. Сходный бытъ въ ту же эпоху мы находимъ въ *Озолійской Локридѣ*, гдѣ гнѣздится разбойничье племя. Въ *Опунтійской Локридѣ* господствуетъ военная землевладѣльческая аристократія. Кажется, аристократическій строй держался и въ *фокидскихъ* городахъ, рано объединившихся въ союзъ. И въ западныхъ частяхъ Пелопоннеса долго держится старинный аристократическій строй. Полное объединеніе

Элиды завершилось лишь въ первой половинѣ V вѣка (южная часть области была до тѣхъ поръ почти независимой). Въ Элидѣ долго господствовала аристократія, а покоренные земельческіе элементы населенія платили дань, поскольку можно судить по имѣющимся у насъ отрывочнымъ даннымъ. *Аркадія*, лежавшая въ центрѣ Пелопоннеса и отрѣзанная горами отъ болѣе культурныхъ сосѣдей, остается раздробленною до 371 г., когда произошло ея объединеніе подъ главенствомъ Мегалополя; ранѣе же здѣсь было немного городовъ; большинство населенія жило въ деревняхъ, господство принадлежало въ большинствѣ поселеній аристократіи.

Иную судьбу имѣли тѣ области, гдѣ рано развились торговый обмѣнъ и промышленная жизнь, гдѣ возникли болѣе значительные городскіе центры. Таковы были многіе мало-азійскіе города (Милетъ), Аттика, Мегары, Коринѣъ, города Ахайи. Здѣсь или уже въ VI вѣкѣ господство аристократіи было поколеблено (Аѣины), или же съ VII и VI вѣковъ наблюдается нелушная съ переменнымъ счастьемъ борьба между старыми аристократическими родами и растущими новыми активными элементами общества (Мегары, Коринѣъ, города Эвбеи, города Ахайи и проч.). Чѣмъ болѣе данная мѣстность была захвачена торговымъ обмѣномъ, тѣмъ болѣе здѣсь росла буржуазія, становившаяся въ оппозицію къ старой знати. Эта буржуазная оппозиція колебала патріархальныя отношенія крестьянства къ землевладѣльческой знати; авторитетъ стараго аристократическаго режима былъ потрясенъ. Торжествовала въ этой борьбѣ или новая буржуазія, устанавливая свое классовое господство (разныя виды олигархіи), или же въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ (Аѣины) восторжествовали болѣе широкіе демократическіе круги. II въ мѣстностяхъ, въ меньшей степени захваченныхъ хозяйственнымъ переворотомъ, но все же затронутыхъ имъ (Арголида, города Беотіи), возникаетъ демократическая оппозиція, но она долго не имѣетъ успѣха: аристократія, дѣлая нѣкоторыя уступки, все же удерживается у власти до V вѣка и позднѣе временно возвращаетъ себѣ господство (особенно упорно боролась олигархія въ беотійскихъ городахъ).

На почвѣ классовой борьбы во многихъ городахъ появляется *тираннія*. Въ эту эпоху тираннами именовались лица, которыя захватывали власть, ища опоры въ низшихъ слояхъ населенія. При своей неорганизованности эта масса легко становилась на сторону энергичнаго челоуѣка, обѣщавшаго ей облегченіе ея положенія. По большей части тиранны этой эпохи

не принимали всецѣло ни стороны старой аристократіи, ни стороны буржуазіи, хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ мы видимъ колебанія и въ ту, и въ другую сторону. Уже во второй половинѣ VII и въ нач. VI вѣка мы находимъ тиранновъ въ торговыхъ центрахъ мало-азійской Іоніи (Фрасибуль въ *Милетѣ*, Пивагоръ и Пиндаръ въ *Эфесѣ* и проч.). Въ VII вѣкѣ утверждается тираннія въ *Коринтѣ* и *Сикіонѣ*. Въ началѣ VI в. мы находимъ тиранна Питтака на о. *Лесбосѣ*, провозглашеннаго народомъ въ качествѣ умиротворителя (айсимнета); нѣсколько позднѣе—тиранна Поликрата на о. *Самосѣ* и т. д. Колоніи Запада переживали социальную борьбу въ не меньшей степени, чѣмъ метрополія. Быстрый экономическій ростъ большей части колоній вызвалъ здѣсь тоже антагонизмъ классовъ. И тираннія имѣла мѣсто во многихъ колоніяхъ (въ Левонтинахъ въ Сипиліи уже въ концѣ VII в., въ Акрагантѣ въ срединѣ VI, въ Сиракузахъ съ нач. V вѣка).

Тираннія рѣдко гдѣ оказывалась прочной. Какъ обычно бываетъ съ нелегитимными правителями, авторитетъ тиранновъ рѣдко держался далѣе пернаго поколѣнія: оппозиція, существовавшая всегда уже противъ основателя династіи, крѣпла при его преемникахъ, которые ее еще болѣе усиливали, принимая для борьбы съ нею суровыя мѣры. Экономическій подъемъ, являвшійся обычно послѣ низложенія средневѣковой аристократіи и обусловленный отчасти и мѣропріятіями тиранновъ, направленными къ поднятію промышленности и торговли, тоже подтачивалъ фундаментъ, на которомъ держалась тираннія, а именно ослаблялъ неорганизованность массы: растущій торгово-промышленный классъ являлся той организующей силой, которая и низвергала тиранновъ.

Тираннія имѣла весьма существенныя послѣдствія для эволюціи государствъ, гдѣ она возникала: почти всюду періоды тиранніи были періодами, когда гибь старый режимъ средневѣковой аристократіи, когда греческія племена впервые получали болѣе правильную государственную организацію, когда создавалась *сознательная* социально-экономическая политика и когда, вслѣдствіе укрѣпленія государственнаго начала, дававшего болѣе прочную защиту торговлѣ и промышленности, чѣмъ это было возможно ранѣе, и расширявшаго международныя отношенія,—росла буржуазія, которой было по большей части суждено смѣнить старую аристократію на верху общества. И въ культурной жизни Греціи эпоха тиранніи не прошла безслѣдно: тиранны привлекали къ своимъ дворамъ поэтовъ и художниковъ;

впервые въ Греціи возникли правительства, располагавшія матеріальными средствами, достаточными для поощренія чистокультурной дѣятельности.

Отдѣльныя второстепенныя государства на востокъ Европейской Греціи въ VII—IV вв. до Р. X.

Арголида тоже была завоевана дорьянами, хотя дорійскаго элемента здѣсь было меньше, чѣмъ въ Лаконіи. Южныя области Арголиды: Аргейя и Кинурія—довольно рано подчинились Аргосу, остальные-же части Арголиды были раздѣлены между разными городами ея, какъ-то: Эпидавромъ, Трѣзеномъ и т. д. Эти города образовали союзъ съ Аргосомъ во главѣ, но во внутреннихъ дѣлахъ остались свободными. Что касается социальнаго состава населенія, то мы знаемъ, что въ области Аргоса населеніе было сначала въ приниженномъ положеніи по отношенію къ небольшой группѣ аристократіи. Аристократы господствовали здѣсь сравнительно долгое время; остальные классы населенія это—или, хотя и свободные лично, но не имѣющіе политическихъ правъ періеки, или крѣпостные—гимнеты (очевидно, сначала такъ назывались самыя послѣдніе бѣдняки: *γυμνοί*, собственно, значить—голь).

Въ Арголидѣ еще въ VII в. начинается борьба классовъ, такъ какъ страна втягивается въ торговый обмѣнъ. Если мы вспомнимъ, что уже въ микенскій періодъ Арголида была вовлечена въ торговый обмѣнъ, то послѣдующая сравнительно быстрая экономическая эволюція ея будетъ для насъ понятна. Итакъ, мы рано видимъ въ Арголидѣ развитіе городской жизни, раннее начало броженія низшихъ классовъ и ростъ буржуазіи.

Прибл. въ пол. VII в. (точная дата неизвѣстна) мы находимъ въ Аргосѣ царя Фидона (*Φειδων*). Подробностей о личности и правленіи Фидона сохранилось мало. Сохранились свѣдѣнія о его морскомъ могуществѣ, о томъ, что онъ дѣйствовалъ противъ аристократіи и устранилъ ограниченія царской власти, установленныя аристократами; о томъ, что онъ ввелъ монетную агинскую систему. Для исторіи Арголиды въ VI в. имѣется мало свѣдѣній. Аргосъ въ это время ведетъ борьбу со Спартой. Извѣстно, что въ концѣ VI вѣка послѣ неудачной войны со Спартой въ области Аргоса произошло возстаніе крѣпостныхъ (гимнетовъ), въ которомъ, повидимому, приняла участіе и часть періековъ. Гимнетамъ удалось овладѣть Аргосомъ. Аристократія вернула его, но принуждена была дать права гражданства части періековъ. Такимъ образомъ, борьба здѣсь начинается очень

рано и ведетъ къ уступкамъ въ пользу низшихъ классовъ. Правда, есть свѣдѣнія, что въ 480 г. въ Аргосѣ еще правили аристократы, но уже въ половинѣ V в. здѣсь стала господствовать демократическая партія, не смотря на то, что аристократія получала поддержку со стороны Спарты. Попытка возстановить аристократію удалась Спартѣ лишь на годъ (418—417 г.). Въ 370 г. въ Аргосѣ произошло избіеніе богатыхъ людей народной массой (*οχνηταλισμός*).

Демократическій строй сохранялся здѣсь, повидимому, до римскаго завоеванія. Итакъ, эволюція Арголіды нѣсколько напоминаетъ эволюцію Атики: сначала здѣсь господствуетъ аристократія, затѣмъ начинается броженіе, дѣлается рядъ уступокъ со стороны аристократіи низшимъ классамъ, и, въ концѣ концовъ, во второй половинѣ V вѣка здѣсь утверждается демократія.

Коринѣ. Его исторія очень своеобразна. Здѣсь господствуетъ аристократія, въ видѣ группы аристократическихъ родовъ, извѣстной подъ именемъ Бакхіадовъ. Эта группа имѣетъ эпигамію (право заключать браки) только въ своей средѣ. Позднѣе господство Бакхіадовъ начинаетъ колебаться, и въ теченіе времени отъ 657 по 580 годъ, т. е. въ теченіе 77 лѣтъ, въ Коринѣ господствуютъ тиранны, политика которыхъ напоминаетъ политику Писистрата въ Афинахъ. Тиранны Кипселъ, Періандръ и Псамметихъ вели политику въ интересахъ низшихъ классовъ. Бакхіады были изгнаны. Подобно Писистрату Кипселъ старался снискать популярность въ народѣ, и отклонился отъ политики Бакхіадовъ, которые наказывали населеніе тяжелыми штрафами, а за неуплату пени—тюремнымъ заключеніемъ. Согласно сообщенію Геродота, Кипселъ рѣдко сажалъ гражданъ въ тюрьму и, если вель борьбу, то только съ аристократами. Объ этихъ тиранахъ сохранилось много народныхъ легендъ,—очевидно, тиранны были популярны въ народѣ. Около 580 года тираннія была свергнута. По ея сверженіи въ Коринѣ устанавливается умѣренная олигархія.

Правящій классъ въ Коринѣ не землевладѣльческая, а купеческая аристократія. Географическое положеніе Коринѣа способствовало развитію торговли: онъ имѣетъ сношенія моремъ съ востокомъ и съ западомъ, такъ какъ Коринескій перешеекъ неширокъ; Коринѣ въ то же время лежитъ на торговомъ пути изъ сѣверной Греціи въ Пелопоннесъ. Здѣсь, такимъ образомъ, видимъ долгое время господство купеческой аристократіи. Лишь въ IV вѣкѣ борьба за власть со стороны демократіи возобновляется, но безъ большого успѣха.

Нѣчто подобное наблюдается и въ *Сикіонѣ*. Приблизительно съ 700 по 570 годъ здѣсь правятъ тиранны Ореагориды. Они опируются на низшіе классы населенія и ведутъ демократическую политику. Самый выдающійся Ореагоридъ—Клисеенъ, подобно Клисеену аттическому, старается ослабить старыя родовыя филы, служившія опорой для аристократіи. Эти три дорійскія филы—гилейцы, димачы и памфилы—получили отъ Клисеена названія: *ὑάται*, *δυσάται* и *χοιρῶνται*, т. е. „свинухники“ „ослятники“ и „поросятники“ (отъ *ὑς*—свинья, *δνος*—осель и *χοῖρος*—поросенокъ). Эти насмѣшливыя названія имѣютъ цѣлью унижить аристократовъ. Свѣдѣній о политикѣ этихъ тиранновъ сохранилось немного, и намъ многое приходится возстановлять по аналогіи съ другими греческими общинами. Въ V вѣкѣ въ Сикіонѣ мы видимъ господство умѣренной аристократіи, и лишь въ IV вѣкѣ здѣсь удается утвердиться демократіи (369 г.). Въ македонскую эпоху мы вновь находимъ въ Сикіонѣ *тиранновъ*. Такимъ образомъ, демократическая эволюція въ Сикіонѣ совершается много медленнѣе, чѣмъ въ Атикѣ.

Мегары. Исторія Мегаръ—тоже исторія борьбы партій на классовой почвѣ. Это государство было основано дорьянами. Мегары находились въ подчиненіи у Коринеа, но затѣмъ, въ концѣ VIII вѣка, стали свободны. Власть въ это время была въ рукахъ олигархіи. Въ 612 году мы находимъ у власти тирана Феагена, опиравшагося на демось и выступавшаго противъ аристократіи. Въ VI и V вѣкахъ въ Мегарахъ происходитъ ожесточенная борьба между аристократіей и демократіей съ перемѣннымъ успѣхомъ. Олигархамъ удалось вернуть власть и удержать ее до 375 года, когда здѣсь утвердилась демократія.

Для исторіи Мегаръ въ эпоху борьбы партій VI вѣка до насъ дошелъ подлинный источникъ—лирическія произведенія поэта Феогнида. Жилъ онъ въ Мегарахъ въ первую половину VI вѣка, примыкалъ къ аристократической партіи и присутствовалъ при ея паденіи. Феогнидъ—аристократъ до мозга костей, до самозабвенія. Онъ не признаетъ никакого другого строя, кромѣ аристократическаго: аристократы для него—лучшіе люди, демось—чернь, заслуживающая презрѣнія. Феогнидъ видитъ, какъ рушится власть аристократіи, а презираемый имъ демось, буржуазія, выступаетъ на первый планъ, и эта побѣда ему крайне непріятна. Всѣ его сочиненія преисполнены пессимизма, онъ—пессимистъ не только въ социальномъ, но и въ

философскомъ міросозерцаніи. Его элегіи въ высшей степени типичны.

Бѣдствія аристократовъ (*ἀγαθῶν*) и побѣды черни (*κακῶν*) вызываютъ у него даже сомнѣніе въ справедливости Зевса.

„О Зевсъ высокочтимый! Ты меня исполняешь удивленія! Вѣдь ты правишь всѣми, пользуясь почетомъ и обладая великимъ могуществомъ. Ты хорошо знаешь мысли и душу каждаго человѣка. Сила твоя, царь нашъ, выше всего! Какъ же, сынъ Кроноса, твоя мудрость допускаетъ, что дурные люди имѣютъ одинаковую участь съ людьми справедливыми, — безразлично, обращается ли умъ человѣка къ справедливости, или же онъ у людей, увлекаемыхъ злодѣяніями, обращенъ въ сторону зла? Эти послѣдніе получаютъ на свою долю безмятежное счастье, а справедливыхъ удѣлъ — бѣдность, мать страданій, ведущая душу людей къ преступленію, лишаящая ихъ разсудка вслѣдствіе тяжелой нужды“...

Ростъ богатой буржуазіи, занимающей мѣсто старой аристократіи, и неравные браки раздражаютъ Теогида.

„Мы ищемъ барановъ, ословъ и коней хорошей породы! Каждый желаетъ имѣть хорошихъ производителей! А благородный человѣкъ не гнушается жениться на дѣвушкѣ низкаго званія, — дочери неблагороднаго, лишь бы она дала ему много денегъ. Женщина не отказывается дѣлить ложе съ неблагороднымъ богачемъ и предпочитаетъ богатство благородному происхожденію. Вѣдь всѣ цѣнятъ деньги! Благородный беретъ жену изъ народа, а незнатный — изъ знати. Богатство смѣшало породу! Знатный ведетъ въ домъ низко рожденную супругу, зная о ея происхожденіи, думая только о деньгахъ. Славный женится на бесславной, потому что тяжелая нужда принижаетъ душу человѣка. Тѣ, кто прежде считались благородными, теперь на положеніи черни, а прежняя чернь стала знатью. Кто въ состояніи спокойно смотрѣть, какъ благородные люди теряютъ почетъ, а чернь его получаетъ? Благородный сватается за низкорожденную! Обманывая другъ друга, люди смѣются другъ надъ другомъ, не помня ни о добрѣ, ни о злѣ. Киррь *)! Городъ все тотъ же, а люди другіе: тѣ, кто прежде не знали ни правды, ни законовъ, и бродили внѣ города, имѣя разодранныя шкуры у чреслъ, — теперь владѣютъ этимъ городомъ“...

Теогидъ оплакиваетъ бѣдность: она хуже старости, хуже болѣзни.

*) Знатный юноша, къ которому Теогидъ обращается въ своихъ элегіяхъ.

Θεογνидъ исполненъ мести по отношенію къ черни:

„Бей низкую чернь, коли ее острымъ жаломъ, наложи на нее тяжелое ярмо, ибо ты не найдешь подъ солнцемъ другихъ людей столь годныхъ для рабства“.

А если побѣда будетъ на сторонѣ черни, то Θεογνидъ предпочитаетъ смерть:

„Счастливъ, трижды счастливъ тотъ, кто безъ борьбы сошелъ въ мрачное жилище Аида, не испытавъ трепета передъ врагами, не склонившись передъ нуждою, не извѣдавъ сердца друзей“.

„Для человѣка лучше вовсе не родиться и никогда не видѣть лучей солнца. А ужъ если человѣкъ родился, то лучше ему немедленно уйти во врата Аида и лежать подъ грудой тяжелой земли“.

Θεογνидъ подавленъ социальными бѣдствіями, обрушившимися на аристократію,—отсюда его пессимизмъ, окрашивающій его общее міросозерцаніе. Такимъ образомъ, онъ является очень типичнымъ выразителемъ настроенія аристократа въ эпоху крушенія аристократическихъ идеаловъ. Его лирика вводитъ насъ въ психологію греческаго аристократа этой эпохи болѣе, чѣмъ какіе-либо другіе источники.

Беотія является промежуточнымъ типомъ. Въ ней долѣе держится земледѣльческой бытъ, чѣмъ въ Аттікѣ. До насъ дошло отъ VIII—VII в. произведеніе Гесіода „Труды и дни“, въ которомъ авторъ даетъ характеристику беотійскаго крестьянства своего времени. Его поэма обращена къ его брату Персу. Въ ней содержится наставленіе, какъ слѣдуетъ жить. Поэма рисуетъ образъ крестьянина свободнаго, живущаго самостоятельнымъ трудомъ. Мы видимъ, однако, что положеніе такого крестьянина затруднительно по тѣмъ же причинамъ, какія отягчали положеніе крестьянина въ Аттікѣ. Беотійскому крестьянину грозитъ задолженность, и ее слѣдуетъ избѣгать, для чего нужно работать изо всѣхъ силъ. Изъ сказаннаго видно, какъ трудно было положеніе крестьянина въ періодъ времени отъ 800—750 г., т. е. въ концѣ средневѣковья. Въ Беотіи уцѣлѣло крестьянство свободное, но уже близкое къ гибели (см. выше стр. 127 с.).

Во главѣ государственныхъ организацій Беотіи стояли сначала цари, которыхъ въ очень древнее время ограничила, а затѣмъ (VIII в.) устранила отъ власти аристократія. Въ томъ же VIII в. въ Фивахъ создается аристократическое законодательство, приписываемое Филолаю (вопросъ, — историческая ли это личность, или легендарная, подобно Ликургу;

самое имя отъ словъ „любить“ и „народъ“—въ пользу послѣдняго предположенія). Законы имѣютъ цѣлью поддержать аристократическое землевладѣніе, чтобы удержать власть въ рукахъ аристократовъ. Беотія уже въ VII в. образуетъ союзъ (но не единое государство) подъ главенствомъ Фивъ. Въ союзѣ въ V и IV вѣкахъ часто торжествуютъ партикуляристическія тенденціи, и онъ нерѣдко временно распадается.

Въ эпоху греко-персидскихъ войнъ мы находимъ въ Беотіи господство аристократіи, даже олигархіи. Эти олигархи во время означенныхъ войнъ перешли на сторону персовъ. Послѣ нашествія Ксеркса подъ влияніемъ аѣинской демократіи въ Фивахъ устанавливается демократическое правленіе; а около 456 г. демократія, повидимому, торжествуетъ и въ другихъ городахъ, которые отдѣлились отъ Фивъ. Однако скоро (446 г.) при помощи Спарты олигархія вновь одержала верхъ, какъ въ Фивахъ, такъ и въ другихъ городахъ Беотіи. Какъ показали новыя изслѣдованія *), въ V и IV вв. въ Фивахъ и беотійскихъ городахъ боролись три группы: олигархія, буржуазія съ цenzомъ тяжело-вооруженныхъ (гоплитовъ) и крайняя демократія. Въ эпоху пелопонесской войны господствуетъ аристократія, которая держитъ сторону Спарты. Только въ 404 г. верхъ беретъ буржуазія, устанавливающая цenzовую демократію. Лишь въ 379 г. полная демократія восторжествовала въ Фивахъ, а затѣмъ въ другихъ городахъ Беотіи; влияніе Спарты было устранено, и въ теченіе нѣкотораго времени Фивы объединили Беотію и заняли руководящее положеніе въ средней Греціи и даже въ Пелопонесѣ (эпоха Эпаминонда и Пелопида). Позднѣе Беотія подпадаетъ подъ власть Македоніи, которая уничтожаетъ Беотійскій союзъ. Въ Беотіи все это время господствуетъ земледѣльческій бытъ.

Такимъ образомъ, мы познакомились съ государствами востока Греціи втянутыми въ обмѣнъ. Здѣсь эволюція совершается быстрѣе, чѣмъ въ государствахъ сѣверной и западной Греціи, которыя сильно отстали. Беотія занимаетъ промежуточное положеніе.

в) *Разложеніе средневѣковыхъ отношеній въ Аттікѣ.*

Уже въ очень отдаленную эпоху въ Аттікѣ начались раздоры въ средѣ самой аристократіи. Преданія объ этой борьбѣ свѣжи еще въ VI и даже V в. Всѣ греческіе историки, изображавшіе исторію Аѣинъ, согласны въ томъ, что одной изъ первыхъ вспышекъ въ Аттікѣ, былъ *заговоръ Килона*. Изъ до-

*) С. Я. Лурье. Беотійскій союзъ, Спб., 1914.

шедших до насъ источниковъ (Геродотъ, Фукидидъ) ясно, что Килонъ принадлежалъ къ одному изъ аристократическихъ родовъ. вмѣстѣ съ группою другихъ аристократовъ онъ попытался было захватить власть въ Афинахъ. Это было время тираннiи въ Греціи (VII и частью VI вѣкъ). Въ то время, какъ большинство тиранновъ того времени пользовалось демагогическими пріемами, и имѣло поддержку въ низшихъ слояхъ населенія, Килонъ дѣйствовалъ лишь съ небольшою кучкою приверженцевъ, и его попытка не удалась. Послѣ того, какъ какъ занятый имъ акрополь былъ оцѣшенъ аристократами, самъ Килонъ бѣжалъ, его же приверженцы, думавшіе найти себѣ защиту у алтаря богини Афины, были умерщвлены. Во главѣ борющейся противъ Килона аристократiи стоялъ родъ Алкмеонидовъ. Описываемое событіе имѣло мѣсто во 2-ой половинѣ VII вѣка. Дату эту можно считать болѣе или менѣе точной, такъ какъ намъ извѣстно, что Килонъ одержалъ побѣду на Олимпійскихъ играхъ въ 35-ю олимпиаду, т. е. около 640 года. *) Заговоръ Килона интересенъ въ томъ отношеніи, что служитъ показателемъ непрочнаго положенія аристократiи въ Афинахъ въ концѣ VII вѣка.

Послѣ Килона смуты въ Атикѣ не прекращаются, напротивъ, въ движеніе все болѣе втягиваются низшіе слои населенія, и оно принимаетъ такой же характеръ, какой носило въ Римѣ движеніе народа передъ изданіемъ законовъ депемвировъ. Въ описываемую эпоху въ Атикѣ не было точныхъ, записанныхъ законовъ, и поѣтому суды архонтовъ и ареопага могли произвольно постановлять свои рѣшенія. Чтобы прекратить подобныя злоупотребленія знати, народъ требуетъ записи судебныхъ обычаевъ и настолько энергично добивается своей цѣли, что аристократiя въ концѣ концовъ оказывается вынужденной сдѣлать уступку. Около 620 года, въ архонтство Аристехма, Дракону поручается составленіе требуемой записи судебныхъ обычаевъ. Дошедшіе до насъ отрывки судебныхъ законовъ Дракона имѣютъ архаическій характеръ. Драконъ признавалъ обычай родовой мести. Разбирательство дѣлъ о предумышленномъ убійствѣ, какъ мы видѣли выше, происходило въ ареопагѣ, дѣла же о непредумышленномъ убійствѣ по законамъ Дракона разбирались въ 4 судебныхъ коллегіяхъ, **) составляв-

*) Описаніемъ заговора Килона начинается Афинская политiя Аристотеля въ томъ видѣ, какъ она дошла до насъ.

**) *Arist. A8. пoл. 57; Inscr. Gr. I 61 (см. выше стр. 122 и 124). Pollux VIII 120. Demosth. 23, 65—79.*

шихся изъ особыхъ судей—*эфетовъ*: ихъ было 51 человекъ, выбравшихся изъ лучшихъ гражданъ въ возрастѣ не моложе 50 лѣтъ. Предсѣдательствовалъ въ коллегіи эфетовъ—архонтъ-царь. Въ первой коллегіи, собиравшейся въ храмѣ Афины Паллады (*ἐν Παλλάδιᾳ*) разбирались дѣла о непредумышленномъ, случайномъ убійствѣ, а также объ убійствѣ метековъ и рабовъ. 2-я коллегія, засѣдавшая въ храмѣ Аполлона Дельфинія (*ἐν Δελφινίᾳ*), разбирала такіа дѣла, когда убійца считался въ своемъ правѣ, напр., когда убійство совершалось при самозащитѣ, въ припадкѣ ревности и т. д. 3-я судебная коллегія называлась „у колодца“ (*ἐν Φρεαττοῖ*); это судилище, засѣдавшее на берегу моря, разбирало дѣла объ убійствахъ, совершенныхъ лицами, находящимися въ изгнаніи. Обвиняемый подѣзжалъ къ берегу на лодкѣ, и въ случаѣ неблагоприятнаго исхода дѣла подвергался смертной казни, въ противномъ случаѣ—снова отправлялся въ изгнаніе. Въ 4-ой коллегіи (*ἐν Πρωτανείᾳ*) разбирались дѣла объ убійствахъ совершенныхъ живогными или неодушевленными предметами (бревномъ и т. п.); животныя убивались, а неодушевленные предметы уничтожались или удалялись изъ Аттики. Приведенные отрывки изъ законовъ Дракона показываютъ, насколько послѣдніе были архаичны. Ихъ архаизмъ заставляетъ предполагать, что дѣятельность Дракона сводилась не къ составленію новыхъ законовъ, а гл. обр. къ кодификаціи современнаго ему аттического обычнаго права.

По вопросу о государственномъ законодательствѣ Дракона Аристотель говоритъ въ „Политикѣ“, что никакихъ измѣненій въ афинскомъ государственномъ строѣ онъ не производилъ. До 1891 г. эта точка зрѣнія была общепринятою и въ современной намъ исторической наукѣ, и только съ 1891 года начался споръ по вопросу о законодательствѣ Дракона, вызванный 4-ой главой тогда только-что вышедшей въ свѣтъ „Афинской политіи“. Въ этой главѣ приблизительно такъ характеризуется произведенная Дракономъ реформа государственнаго строя. Политическія права были предоставлены Дракономъ всѣмъ тѣмъ гражданамъ, которые могутъ вооружаться на свой счетъ. Изъ этихъ гражданъ избирался совѣтъ изъ 401 члена и второстепенныя должностныя лица. Избраніе производилось по жребію. Для должностей стратеговъ, гишпарховъ, архонтовъ и казначеевъ былъ установленъ высокій денежный цензъ (самый высокій для стратеговъ и гишпарховъ). За непосѣщеніе совѣта и народнаго собранія, членами котораго состоятъ только имѣющіе возможность вооружаться на свой счетъ, налагается высокій денежный

штрафъ. Подъ влияніемъ этихъ данныхъ, нѣкоторые историки, какъ Гильбертъ, измѣнили свой прежній взглядъ на сущность законодательства Дракона, но въ настоящее время, послѣ того, какъ 4-я глава Политіи подверглась серьезной научной критикѣ, мало найдется ученыхъ, которые рѣшились бы основываться на этой главѣ. Самый фактъ противорѣчія этой главы „Политіи“ съ „Политикой“ заставляетъ сомнѣваться въ ея подлинности. Кромѣ того, въ 41 главѣ „Политіи“, Аристотель, перечисляя всѣ перемѣны въ государственномъ строѣ, имѣвшія мѣсто въ Афинахъ, объ этой реформѣ не говоритъ ни слова. Все это даетъ основаніе считать 4 гл. „Политіи“ вставкой позднѣйшаго времени, сдѣланной, быть можетъ, даже не самимъ Аристотелемъ, а кѣмъ-нибудь изъ издателей „Политіи“. Къ тому же заключенію приводитъ и цѣлый рядъ пунктовъ, содержащихся въ этой главѣ. Упомянутый здѣсь совѣтъ по свидѣтельству, какъ самого Аристотеля, такъ и другихъ историковъ, былъ учрежденъ впервые только при Солонѣ. Должность стратеговъ установлена тоже значительно позже, при Клисеенѣ. Высокій денежный цензъ и денежные штрафы, а также и выборы должностныхъ лицъ по жребію тоже не могли имѣть мѣста въ концѣ VII в. Все это очень сильно напоминаетъ намъ проекты афинскихъ олигарховъ эпохи пелопоннесской войны и заставляетъ предполагать, что 4-я глава Политіи есть вставка позднѣйшаго времени, создавшаяся подъ влияніемъ какого-нибудь политическаго памфлета конца V в.

Экономическій переворотъ въ Атикѣ въ VII—VI вв.

Начавшаяся политическая борьба къ концу VII и началу VI в. еще болѣе осложняется. Въ этомъ направленіи сыграли роль экономическія перемѣны, происшедшія въ положеніи атическаго населенія въ теченіе VII в. До этого времени населеніе дѣлилось только на двѣ главныхъ группы: землевладѣльцевъ-эпатридовъ и такъ или иначе зависимыхъ отъ нихъ крестьянъ. Главнымъ занятіемъ населенія было—земледѣліе. Но уже въ VII в. въ Атикѣ развиваются *промышленность* и *торговля сношенія* съ другими странами, преимущественно съ Малой Азіей. Археологическія данныя показываютъ, какъ постепенно несложные орнаменты диллонскаго типа уступаютъ свое мѣсто болѣе развитой вазовой живописи съ преобладаніемъ сюжетовъ, заимствованныхъ изъ поэтическаго цикла іонійскихъ колоній. Элегія Солона даютъ очень цѣнное указаніе на развитіе торговли и промышленности въ VII—VI вв., говоря о наличности въ то время кушцовъ: при перечнѣ профессій кушцы упомина-

наются даже на первомъ мѣстѣ. Сохранилось преданіе, что и самъ Солонъ занимался торговлей, не смотря на то, что происходилъ изъ ввпатридскаго рода. Изъ легендъ, относящихся къ описываемому времени, мы опять-таки видимъ, что сношенія съ Малой Азіей уже установились и что родъ Алкмеонидовъ, боровшихся противъ Килона, принималъ въ нихъ дѣятельное участіе. Одну изъ такихъ легендъ объ обогащеніи Алкмеонидовъ передаетъ намъ Геродотъ: за помощь, оказанную лидійскому царю, одинъ изъ Алкмеонидовъ получаетъ приглашеніе явиться въ Сарды. Царь позволяетъ ему взять съ собой столько сокровищъ изъ царскихъ кладовыхъ, сколько онъ въ состояніи унести при себѣ. Алкмеонидъ надѣваетъ широкій плащъ со множествомъ кармановъ, наполняетъ всѣ ихъ драгоценностями, набиваетъ даже ротъ золотымъ пескомъ и, обремененный сокровищами, еле-еле выходитъ изъ кладовой. Эта легенда, конечно, выдумана врагами Алкмеонидовъ, но для насъ она цѣнна въ томъ отношеніи, что указываетъ на путь, какимъ удалось разбогатѣть Алкмеонидамъ,— это сношенія съ одной изъ самыхъ богатыхъ странъ Малой Азіи — съ Лидіей, гдѣ оканчивались торговые пути, ведшіе въ глубь азіатскаго материка. Развитію сношеній съ Малой Азіей способствовало и географическое положеніе Аттики: сама она глубоко врѣзывается въ море, и непрерывная цѣпь острововъ соединяетъ ее съ мало-азійскимъ побережьемъ. Самыя войны афинянъ въ концѣ VII и началѣ VI вв. указываютъ на большой кругъ ихъ торговыхъ интересовъ. Борьба съ Мегарами изъ-за Саламина и Митиленой изъ-за Сигейона обуславливалась торговымъ соперничествомъ. Занятіе Сигейона, расположеннаго въ Троядѣ, при выходѣ изъ Геллеспонта, было очень важно для неплодородной Аттики, такъ какъ черезъ Геллеспонтъ направлялись хлѣбные грузы, идущіе изъ южныхъ степей нынѣшней Россіи. Цѣлый рядъ другихъ естественныхъ условий благоприятствовалъ развитію здѣсь промышленности. Богатство глиной способствовало развитію въ Атикѣ гончарнаго искусства; въ Афинахъ былъ даже особый гончарный кварталъ Керамикъ. Горные хребты Аттики богаты мраморомъ (пентеликонскій мраморъ); въ прибрежной полосѣ было много соляныхъ варницъ и былъ довольно развитъ рыбный промыселъ.

Съ развитіемъ торговыхъ сношеній и промышленности постепенно нарождался новый *торгово-промышленный классъ*, сосредоточивавшійся преимущественно въ береговой области. По имени этой области (Паралія) и самая аттическая буржуазія по-

лучила названіе *параліи*. Въ составъ этого класса входило не мало эвпатридскихъ родовъ (Солонъ, Алкмеониды), но особенно много вступало въ него демократическихъ элементовъ, такъ что въ общемъ онъ имѣлъ демократическую окраску. Интересы его рѣзко расходились съ интересами эвпатридной аристократіи: тогда какъ богатство эвпатридовъ заключалось въ землѣ, этотъ классъ искалъ своего обогащенія въ торговлѣ и промышленности. По мѣрѣ увеличенія демократическихъ элементовъ въ средѣ торгово-промышленнаго класса и его значенія въ экономической жизни страны, растетъ и его стремленіе къ участію въ политической жизни. Снова начинаются волненія, отличающіяся отъ предшествующихъ тѣмъ, что въ нихъ, кромѣ старыхъ двухъ классовъ, принимаетъ участіе третья, вновь народившаяся группа,—буржуазія. Детали этой борьбы для насъ неизвѣстны, но мы видимъ, что волненія довели эвпатридовъ до того, что они должны были сдѣлать уступки новымъ общественнымъ группамъ.

Реформа Солона.

Въ 594 г. Солону были предоставлены неограниченныя полномочія на проведеніе реформы существующаго государственнаго строя. Цѣль реформы Солона, какъ мы видимъ изъ его элегій, заключалась въ томъ, чтобы провести соглашеніе между тремя борющимися группами населенія.

1) *Сисахтія*. Первая реформа Солона — сисахтія, или буквально „снятіе бремени“—была направлена къ облегченію положенія земледѣльческаго населенія въ Аттікѣ. Мы видѣли, что свободные крестьяне-зевгиты находились въ самомъ тяжеломъ положеніи: ихъ земли были обременены долгами, нѣкоторые изъ нихъ обращены въ рабство и даже проданы на чужбину. Сисахтіей Солона прежде всего снимались долговыя обязательства, падавшія на земли крестьянъ. Кромѣ того, эта реформа сопровождалась двумя добавочными мѣрами: во-первыхъ, устраненіемъ личной кабалы за долги, и, во-вторыхъ, возвращеніемъ ранѣ заложенныхъ земель ихъ кореннымъ владѣльцамъ. Мы видѣли, что по существовавшему въ Аттікѣ ипотечному праву или кредиторъ дѣлался собственникомъ земли, а за должникомъ оставалось лишь право выкупа ея, или же должникъ долженъ былъ доходъ съ земли отдавать кредитору. Теперь, послѣ того, какъ долги были упразднены, земли снова возвращались ихъ прежнимъ владѣльцамъ, и кредиторы такимъ образомъ терпѣли большіе убытки. Всего тяжелѣе эта реформа отразилась на эвпатридахъ, которые преимущественно являлись кредиторами для зевгитовъ.

Остальные реформы Солона имѣли въ виду главнымъ образомъ удовлетвореніе интересовъ буржуазіи или, какъ ее называли, паралии.

2) *Имущественный цензъ*. Внутри аттического общества естественнымъ путемъ образовалось нѣсколько имущественныхъ группъ. Въ ареопагѣ, при выборѣ архонтовъ, главную роль играли эвпатридскіе роды. Предполагаютъ, что Солонъ, желая предоставить паралии участіе въ государственномъ управленіи, произвелъ дѣленіе населенія по имущественному цензу на 4 класса, но, принимая во вниманіе трудность, почти невозможность для того времени точной переписи населенія и записи имущества различныхъ лицъ, естественнѣе думать, что *Солонъ, не производя новаго дѣленія, просто воспользовался для своей реформы существующими имущественными группами*. Вѣроятно, онъ только опредѣлилъ, что высшія государственныя должности могутъ занимать лишь лица, имѣющія возможность отбывать повинность на конѣ; обыкновенно же считалось, что отбывать эту повинность могутъ лица, собирающія со своихъ полей не менѣе 300 медимновъ ячменя ежегодно. Этими лицамъ (*τριακοσιομέδμοι* или *иптεις*) Солонъ предоставилъ право избирать изъ своей среды архонтовъ. Наибольше богатые люди, получающіе свыше 500 медимновъ (*πεντακοσιομέδμοι*), приобрѣли право замѣщать должность казначеевъ *). Слѣдующую группу составляли всѣ имѣющіе возможность являться въ полномъ пѣшемъ вооруженіи (*ζευγται*). Позднѣе, уже послѣ Солона, ихъ цензъ былъ опредѣленъ въ 200—300 медимновъ. Всѣ же прочіе жители Аттики отнесены были въ разрядъ *θῆτες*. Зевгиты получили право участвовать во вновь учрежденномъ совѣтѣ 400. Θеты же, не имѣвшіе возможности являться въ полномъ вооруженіи, участвовали только въ народномъ собраніи и такъ называемыхъ судахъ—*δικαστηρίαхъ*, изъ которыхъ вполнѣтвствіи развился судъ присяжныхъ—геліа. Изъ этой реформы видно, что центр тяжести изъ сферы родовыхъ отношеній переносится на имущественныя; теперь всякій человекъ, независимо отъ его происхожденія, пользуется политическими правами соотвѣтственно размѣру своей недвижимой собственности. Возможность доступа къ высшимъ должностямъ для зажиточныхъ лицъ незнатнаго происхожденія, проведенная въ интересахъ

*) Есть впрочемъ мнѣніе, что и архонты при Солонѣ выбирались только изъ числа получающихъ 500 медимновъ дохода (*Plut. Aristid. 1; ср. однако Arist. 'Αθ. π. 20, 2*).

паралии и частью крестьянъ,—съ одной стороны, и сохраненіе земельного ценза, выгоднаго для землевладѣльческой аристокраціи,—съ другой—ясно показываютъ компромиссный характеръ этой реформы.

3) *Реформы государственнаго строя.* Изъ прочихъ реформъ въ области государственнаго строя особенное значеніе имѣло созданіе *совѣта 400*, долженствовавшаго служить къ ослабленію стараго аристократическаго совѣта на Ареопагѣ. Этотъ новый совѣтъ долженъ былъ готовить дѣла для народнаго собранія, и къ нему же перешло право брать отчеты отъ должностныхъ лицъ. Ареопагъ оставался высшимъ блюстителемъ законовъ и главнымъ судомъ.

До Солона *архонты* разбирали каждый отдѣльно подвѣдомственные имъ дѣла, теперь же для рѣшенія болѣе важныхъ дѣлъ они стали собираться вмѣстѣ: составили коллегію. Измѣненъ былъ и самый способъ *избранія* архонтовъ: выборы производятся уже не въ ареопагѣ, а по филамъ. Каждая фила выбирала по 10 кандидатовъ: 9 въ архонты и 1 въ секретари къ нимъ, и изъ числа всѣхъ этихъ 40 кандидатовъ по жребію выбирались 9 архонтовъ и, вѣроятно, 1 секретарь къ нимъ. Жребьевка должностныхъ лицъ имѣла въ послѣдствіи демократическій характеръ и развивалась параллельно росту демократіи. Мы увидимъ ниже, что примѣненіе жребьевки при избраніи на должности въ Афинахъ (и въ нѣкоторыхъ другихъ греческихъ полисахъ) получило въ послѣдствіи характеръ демократической мѣры: этотъ способъ избранія знаменовалъ право и обязанность каждаго гражданина на участіе въ управленіи *), хотя и былъ нерѣдко вреденъ для дѣла, такъ какъ допускалъ къ должностямъ совершенно неспособныхъ лицъ. Однако въ эпоху Солонарядъ ли жребьевка имѣла характеръ демократической мѣры. Это не соответствуетъ и общему характеру Солоновыхъ учрежденій, вовсе не имѣвшихъ строго демократической окраски; противорѣчить предположенію о демократизмѣ этой мѣры и то обстоятельство, что выборы производились не просто жребьевкой, а

*) Англійскій изслѣдователь Хеддэмъ (*Headlam Election by lot, 1891*) показалъ, что именно таково значеніе жребія. Напротивъ, ошибочно мнѣніе Ф. де Кулижа (*Nouv. Recherches*), доказывавшаго, что избраніе по жребію имѣло религіозный характеръ, а именно, что при жребьевкѣ божество указывало народу избранника. Ф. де Кулижъ опровергается прежде всего тѣмъ, что жребьевка въ Греціи—явленіе позднее; если же бы она имѣла религіозный характеръ, то мы бы ее нашли въ числѣ архаическихъ учрежденій.

изъ кандидатовъ, выбранныхъ по филамъ. Русскій изслѣдователь *) весьма остроумно объясняетъ введеніе жребія при Солонѣ стремленіемъ устранить сепаратизмъ филъ: старая племенная и родовая организація тогдашнихъ Аѳинъ была еще достаточно крѣпка, и при выборахъ архонтовъ сказывался еще сепаратизмъ старыхъ 4 филъ, руководимыхъ эвпатридскими родами: каждая фила стремилась имѣть въ лицѣ архонтовъ своихъ людей. Система жребьевки, введенная Солономъ, приводила къ тому, что филы выставляли только кандидатовъ на должность архонтовъ, а, кто изъ этихъ кандидатовъ займетъ постъ, долженъ былъ рѣшить жребій, т. е. случай.

Ареопагъ былъ оставленъ въ качествѣ высшаго блюстителя законовъ и сохранилъ за собой судопроизводство по уголовнымъ дѣламъ, какъ мы уже упоминали. Сохранились краткія указанія на то, что Солономъ были учреждены для какихъ то дѣлъ народные суды: *дикастеріи*.

4) *Метропріятія для поощренія торговли и промышленности*. Всѣми этими реформами,—за исключеніемъ сисахтіи, выгодной для крестьянъ,—въ виду цензовой системы могла пользоваться только паралія. Защиту интересовъ этого же класса Солонъ преслѣдовалъ, предпринявъ цѣлый рядъ другихъ мѣръ. Для поддержанія ремесленного образованія онъ издалъ законъ, по которому каждый гражданинъ, если у него не имѣлось никакихъ иныхъ средствъ къ существованію, обязанъ былъ обучить своихъ сыновей какому-нибудь ремеслу, въ противномъ случаѣ онъ лишался права требовать, чтобы сыновья кормили его въ старости. Въ цѣляхъ развитія промышленности Солонъ привлекалъ въ Аттику иноземныхъ мастеровъ. Кромѣ того, до насъ дошли, правда очень краткія, свѣдѣнія о томъ, что Солонъ былъ изданъ законъ о торговыхъ компаніяхъ. Обязанность слѣдить за исполненіемъ всѣхъ этихъ законовъ была возложена на ареопагъ.

Изъ прочихъ реформъ экономического характера слѣдуетъ отмѣтить *замѣну эгинской монетной системы—эвбейской*. Въ основѣ эгинской монетной системы лежала, повидимому, финикійская,—самая древняя система, появившаяся въ Греціи. Она господствовала кромѣ Эгины почти во всемъ Пелопоннесѣ, въ большей части Средней и Сѣверной Греціи (кромѣ Коринѳа)

*) В. А. Маклаковъ, Избраніе жребіемъ въ Аѳинскомъ государствѣ (въ „Исслѣдованіяхъ по греческой исторіи В. А. Маклакова и М. О. Гершензона“ М. 1894).

и на части острововъ Эгейскаго моря. Введеніе ея на материкъ приписывалось аргосскому царю Фидону. Эвбейская система, заимствованная изъ Малой Азіи (Лидіи), кромѣ острова Эвбеи (Халкида и Эретрія), была принята также въ Коринѣ. Въ обѣихъ системахъ счетъ велся на мины, но эвбейская мича равнялась 0,72 эгинской, и эгинская и эвбейская мины дѣлились на 100 драхмъ. Эта реформа Солона интересна въ томъ отношеніи, что служить показателемъ перемѣщенія торговыхъ интересовъ Аттики изъ ближайшей области Эгейскаго моря въ Малую Азію.

Послѣдняя важная мѣра Солона касалась запрещенія вывоза изъ Аттики сырыхъ произведеній, особенно сѣстныхъ припасовъ. Вызванная скудостью почвы Аттики, она нисколько не распространялась на предметы обрабатывающей промышленности (напримѣръ, на оливковое масло) и не противорѣчила общему характеру его реформъ.

Волненія послѣ Солоновой реформы.

Таковъ общій характеръ реформы Солона. Въ своихъ элегіяхъ онъ выражалъ надежду, что его реформа должна удовлетворить интересы всѣхъ борющихся классовъ, но его ожиданіямъ не суждено было осуществиться. Задача удовлетворить всѣхъ, никого не обижая, оказалась для него непосильной.

Правда, крестьянство, повидимому, должно было остаться довольно реформой: оно получило обратно заложенные земли и освободилось отъ кабалы, но это было только временное улучшеніе. Устранивъ задолженность крестьянства, Солонъ не устранилъ, вызывавшихъ ее, общихъ причинъ. Бѣдность и отсутствіе дешеваго кредита остались въ силѣ и снова начали дѣйствовать по прежнему въ скоромъ времени послѣ реформы. Аристотель и Плутархъ сообщаютъ, что крестьянство снова впадаетъ въ задолженность и снова начинаются волненія, какъ и до реформы.

Эвпатриды съ самаго начала были недовольны экономическими реформами Солона. Сисахтія страшно вредила ихъ имущественному положенію. На основаніи сообщенія различныхъ историковъ слѣдуетъ думать, что вскорѣ послѣ этой реформы имѣлъ мѣсто въ Атикѣ землевладѣльческій кризисъ: масса эвпатридскихъ земель выбрасывается на рынокъ, и происходитъ мобилизація земельной собственности (см. мою статью „Сисахтія Солона и разложеніе эвпатридскаго землевладѣнія“ въ журналѣ „Филологическое обозрѣніе“, т. XIII, 1, 1897). Не было основаній для эвпатридовъ быть довольными и политической реформой, заставившей ихъ подѣлиться властью съ параліей.

Послѣдняя выгадала всѣхъ болѣе, но тѣмъ не менѣе она желаетъ еще большаго: ей недостаточно только участія въ государственномъ управленіи, и она стремится цѣликомъ захватить его въ свои руки. Недовольна она сохраненіемъ земельного ценза, дававшего перевѣсъ не ей, а землевладѣльческой аристократіи. Невыгодна для нея и система выбора архонтовъ по филамъ, гдѣ сплоченные аристократическіе роды имѣли перевѣсъ надъ ней.

Всеобщая неудовлетворенность была причиной новой политической борьбы, разыгравшейся въ Атикѣ вскорѣ послѣ реформъ. Черезъ 4—5 лѣтъ броженіе возобновилось. По Аристотелю, въ 589 и 584 годахъ, благодаря смутѣ, выборы архонтовъ не могли состояться; избранный въ 583—582 г. архонтъ *Дамасій* сдѣлалъ попытку захватить верховную власть въ свои руки, и такимъ путемъ ему удалось продержаться въ теченіе двухъ лѣтъ и двухъ мѣсяцевъ. Послѣ его изгнанія между борющимися группами состоялся компромиссъ, выразившійся въ раздѣленіи между собой архонтскихъ мѣстъ (581—580). Число архонтовъ было увеличено до 10, и изъ этихъ 10 мѣстъ—пять предоставлялись эвпатридамъ, три—крестьянамъ и два—паралии.

Во время этой борьбы, соотвѣтственно тремъ классамъ, вырабатываются три опредѣленные политическія партіи: 1) эвпатридо-землевладѣльческая партія, состоящая изъ богатыхъ землевладѣльцевъ, главнымъ образомъ, аеинской долины и называвшаяся „партіей долины“ (*педіои—педіатои*). 2) крестьянская партія—партія *діакріевъ* (*діакриои*) или горцевъ, именовавшаяся такъ потому, что крестьянскія земли были расположены, главнымъ образомъ, въ сѣверо-западныхъ горныхъ областяхъ Атики, наименѣе плодородныхъ и, наконецъ, 3) партія, выражавшая интересы прибрежнаго торгово-промышленнаго населенія—*паралия* (*пáраλοι*). Борьба этихъ трехъ партій приводитъ къ тиранніи Писистрата.

Тираннія Писистрата.

Мы остановились на борьбѣ политическихъ партій въ Аеинахъ послѣ законодательства Солона. Мы уже видѣли, что соотвѣтственно тремъ группамъ населенія—землевладѣльческой аристократіи, торгово-промышленной буржуазіи и крестьянству, гамъ образовались и три политическихъ партіи—педіои, паралия и діакрія. Политическая исторія Аеинъ послѣ реформы Солона и сводится къ борьбѣ этихъ трехъ партій. Во главѣ педіои стоялъ Дикуртъ, во главѣ паралии—Алкмеонидъ Мегактъ. Діакрія сначала не имѣли вождя, но потомъ во главѣ ихъ сталъ

человѣкъ аристократическаго происхожденія—Писистратъ. Возникаетъ вопросъ,—какимъ образомъ аристократъ Писистратъ сумѣлъ стать во главѣ крестьянской партіи. Мы имѣемъ свѣдѣнія, что для достиженія своей цѣли Писистратъ старался сдѣлаться популярнымъ среди аѳинскаго населенія. Греческія государства въ то время, какъ извѣстно, были очень небольшихъ размѣровъ, и это обстоятельство облегчало личное общеніе политическихъ дѣятелей съ большимъ числомъ согражданъ. Благодаря личному общенію, Писистратъ и добился популярности—настолько значительной, что когда онъ обратился къ народному собранію съ жалобой на то, что его преслѣдуютъ враги, то въ его распоряженіе была предоставлена стража, правда, вооруженная лишь дубинами, но Писистратъ сумѣлъ воспользоваться и этой охраной. Съ помощью ея онъ выдвинулся изъ среды другихъ лицъ и сдѣлалъ попытку захватить аѳинскій Акрополь, что ему и удалось. Мы видѣли ранѣе такую же попытку со стороны Килона, попытку неудачную,—Писистрату же удалось удержать власть въ рукахъ, и успѣхъ этотъ объясняется тѣмъ, что Писистратъ имѣлъ поддержку со стороны народной массы. Тогда противъ Писистрата соединились вожди двухъ другихъ партій—Ликургъ и Мегаклъ. Соединенными усиліями имъ удалось добиться изгнанія Писистрата. Но ловкій дипломатъ Писистратъ заводитъ сношенія съ Мегакломъ, желая поссорить его съ Ликургомъ. Такъ какъ интересы представляемыхъ ими партій были въ сущности различны, то Писистрату и удался его планъ. Для достиженія своей цѣли онъ даже женился на дочери Мегакла. Мы видимъ теперь, что, при поддержкѣ низшихъ слоевъ и при сочувствіи, отчасти, высшихъ,—Писистратъ снова возвращается въ Аттику. Геродотъ и Аристотель передаютъ намъ свѣдѣнія анекдотическаго характера, какъ Писистратъ воспользовался суевѣріемъ народныхъ массъ. Они рассказываютъ, какъ Писистратъ въѣхалъ въ Аѳины на колесницѣ, причемъ рядомъ съ нимъ стояла дѣвушка Фія въ одеждѣ Аѳины Паллады, вѣнчавшая его вѣнкомъ, и какъ потомъ всеъ рассказывали другъ другу о покровительствѣ богини Писистрату. Насколько достоверно это преданіе,—сказать трудно, но въ рассказѣ нѣтъ ничего невѣроятнаго, и можно думать, что пользованіе суевѣріемъ народныхъ массъ въ политикѣ Писистрата имѣло мѣсто.

Писистратъ вернулся къ власти, но скоро поссорился съ Мегакломъ и снова былъ изгнанъ. На этотъ разъ онъ уже не рассчитываетъ найти поддержку въ средѣ аристократіи и паралии.

Кромѣ крестьянства, онъ ищетъ опоры въ иностранныхъ державахъ. Ему оказали помощь: 1) еиванская аристократія (Фивы находились во враждѣ съ Атикой); 2) эретрійская аристократія (городъ Эретрія—на Эвбей) и 3) Наксосскій тираннъ Лигдамилъ, которому Писистратъ потомъ тоже оказываетъ поддержку. Въ Арголидѣ Писистратъ вербуетъ наемниковъ, затѣмъ высаживается въ Атику. Около мѣстечка Палленэ онъ встрѣчаетъ афинское войско. Геродотъ сообщаетъ по этому поводу подробности анекдотическаго характера: афиняне де не готовились къ бою: ихъ войско передъ тѣмъ пообедало и отдыхало, и въ это время Писистратъ разбилъ его. Главная причина его успѣха, конечно, заключалась въ томъ, что онъ пользовался поддержкой народа. Затѣмъ передаютъ, какъ Писистратъ собралъ въ Афинахъ вооруженный народъ къ Акрополю и обратился къ нему съ рѣчью, но въ виду того, что его не было слышно, собранію предложено было перейти въ Акрополь, оставивши оружіе у подножія холма. Въ это время приближенные Писистрата собрали оставленное оружіе, и тогда безоружный народъ безъ труда подчинился ему. Такъ, по этимъ анекдотическимъ даннымъ, Писистратъ снова сдѣлался правителемъ. Аристотель сообщаетъ, что изъ 33 лѣтъ (560—527) Писистратъ 14 лѣтъ провелъ въ изгнаніи, а 19 лѣтъ правилъ Афинами.

Опорой тиранна служили главнымъ образомъ демократическіе слои населенія (крестьянская партія—діакрія) и международная поддержка. Политика Писистрата соответствуетъ той почвѣ, на которой онъ утвердился. Главныя его мѣропріятія сводились къ *поддержанію интересовъ афинскаго крестьянства*. Эта тенденція проходитъ красной нитью черезъ его политику.

Но Писистратъ постарался вступить въ компромиссъ и съ частью землевладѣльческой аристократіи, предпочитавшей его правленіе возвышенію торгово-промышленнаго класса, съ которымъ сблизилась другая часть эвпатридской аристократіи,—именно та, богатство которой заключалось не въ землѣ, а въ деньгахъ. *) Онъ *не уничтожаетъ Солоновыхъ учреждений*: только нѣкоторые обычаи, введенные Солономъ, для него оказались невыгодными; такъ, онъ устраняетъ избраніе по жребію съ той цѣлью, чтобы всѣ должности замѣщались удобными ему лицами. Жеребьевка замѣнена выборами должностныхъ лицъ

*) См. мою статью: „Соціальныя основы Афинской тиранніи VI в.“ в „Сборникѣ въ честь Д. А. Корсакова“. К. 1912.

что Писистрату провести было нетрудно, благодаря его популярности въ народныхъ массахъ. Писистратъ подчеркиваетъ свое уваженіе къ старымъ аѳинскимъ обычаямъ: онъ, напр., является на судъ ареопага, когда его обвинили въ убійствѣ; однако, его обвинитель испугался и не явился. Итакъ, Писистратъ оставляетъ почти безъ перемѣны Солоновъ строй, но пользуется имъ въ свою пользу.

Откуда Писистратъ бралъ *матеріальныя средства*? Однимъ изъ источниковъ доходовъ служилъ для Писистрата, введенный имъ, постоянный налогъ—десятина, т. е. одна десятая часть съ доходовъ частныхъ лицъ. Фукидиль, впрочемъ, говорить, что уплачиваемый налогъ былъ равенъ только одной двадцатой, а не одной десятой. Во всякомъ случаѣ, постоянный налогъ былъ введенъ или въ размѣрѣ одной десятой—по Аристотелю, или одной двадцатой—по Фукидиду. Второй источникъ дохода—собственные средства Писистрата. Во Эраки Писистратъ имѣлъ серебряныя рудники, доходомъ съ которыхъ и пользовался. Итакъ, измѣненій въ государственномъ строѣ Писистратъ не произвелъ: они касаются только финансовой стороны.

Затѣмъ, нужно считаться съ *соціальной политикой* Писистрата. Прежде всего онъ, повидимому, ясно понимаетъ дефектъ въ реформахъ Солона; онъ понимаетъ, что послѣ сисахтіи крестьянство не сможетъ оправиться, пока не будутъ устранены обстоятельства, вызвавшія его задолженность—и онъ вводитъ *дешевый кредитъ* для крестьянъ. Объ этомъ сообщаетъ намъ Аристотель. Болѣе поздній авторъ—Эліанъ—говоритъ, что кредитъ оказывался натурой: сѣменами и скотомъ. Для того, чтобы крестьяне не оставались безъ средствъ производства, Писистратъ давалъ имъ сѣмена и скоть, поэтому крестьянское хозяйство не могло прійти въ упадокъ. Дешевый кредитъ—важнѣйшее социальное мѣропріятіе Писистрата.

Писистратъ видитъ также, что тяжесть налога въ одну десятую или даже въ одну двадцатую дохода не всѣмъ посильна, и до насъ дошли свѣдѣнія, что для бѣднѣйшаго населенія Писистратъ допускалъ облегченіе налога. Аристотель сообщаетъ, что однажды, объѣзжая Аттику, Писистратъ увидѣлъ крестьянина, обрабатывающаго свой участокъ, и задалъ ему рядъ вопросовъ: какова его земля и каковъ доходъ съ нея, какъ онъ живетъ? „Одна бѣда да горе, а еще приходится одну десятую отдавать Писистрату“, отвѣчалъ крестьянинъ, не зная съ кѣмъ ведетъ разговоръ. Писистратъ освободилъ его отъ налога, и этотъ участокъ сталъ называться *χαρίον ἀτελές* (не платящій налога уча-

стокъ). Изъ этого анекдота видно, что Писистратъ производилъ частичныя изыятія отъ платежа налога.

Слѣдуетъ отмѣтить еще одну мѣру Писистрата,—это приближеніе суда къ населенію. Онъ вводитъ *δικαστά κατά δήμους*, т. е. *судей по демамъ*. Это институтъ разбѣжныхъ судей, которые разбѣжали по демамъ и отправляли судъ. Всѣмъ, конечно, извѣстно значеніе дешеваго суда. Теперь крестьянину не нужно было ѣздить для веденія судебныхъ дѣлъ въ Аѣины, такъ какъ онъ имѣлъ судъ на мѣстѣ.

Эти мѣры Писистрата направлены были къ достиженію двухъ цѣлей: съ одной стороны, онѣ направлены къ улучшенію положенія крестьянства и отчасти крупныхъ землевладѣльцевъ, а съ другой—къ упроченію его собственнаго положенія. Крестьянство довольно его правленіемъ и оказываетъ ему поддержку; съ другой стороны, улучшеніе положенія сельскаго населенія уменьшаетъ притокъ его въ Аѣины, отстраняетъ его отъ активной политики и дѣлаетъ правленіе Писистрата болѣе безконтрольнымъ. Съ помощью введенныхъ имъ налоговъ Писистратъ увеличиваетъ собственные доходы. Мы знаемъ, кромѣ того, что онъ сумѣлъ поднять общее благосостояніе Аѣинъ, а также ихъ международное значеніе (сношеніе съ еиванцами, вретрійцами, наксосскимъ тиранномъ, позднѣе Писистратъ завелъ сношенія съ Фессаліей). Со всѣми ближайшими государствами онъ установилъ сложныя дипломатическія сношенія.

Самыя Аѣины онъ желаетъ обратить въ большой городъ, отчасти—изъ стремленія дать заработокъ бѣднѣйшему населенію, отчасти—изъ стремленія къ пышности. Онъ возводитъ рядъ построекъ: большой храмъ Зевсу Олимпійскому въ Акрополѣ, храмъ Аѣинъ, разрушенный позднѣе персами: такимъ образомъ, онъ даетъ заработокъ крестьянству и низшему классу городского населенія. Онъ привлекаетъ въ Аѣины художниковъ, поэтовъ (Анакреона, Симонида), организуетъ редактированіе поэмъ Гомера.

Такова политика Писистрата. Это типичная политика греческихъ тиранновъ ранняго времени: удовлетвореніе интересовъ низшихъ классовъ, стремленіе приобрести международную поддержку путемъ дипломатическихъ сношеній, созданіе пышнаго двора—все это мы встрѣчаемъ почти у всѣхъ тиранновъ эпохи ранней греческой тиранніи.

Политика сыновей Писистрата и паденіе тиранніи.

Въ 527 г. Писистратъ умеръ и оставилъ трехъ сыновей: Гишпія, Гишпарха и Фессала. Руководящую роль въ Аѣинахъ

получить Гиппий. Политика сыновей Писистрата очень отличалась от политики самого Писистрата. Мы видели, что уже в эпоху Писистрата наблюдаются симптомы сближения его с землевладельческой аристократией. При его сыновьях это сближение пошло дальше. Тиранны чувствовали свое положение в народѣ не совсѣмъ твердымъ и стали сближаться съ землевладельцами-аристократами. Они менѣе осторожны въ своей финансовой политикѣ. Въ трактатѣ „Экономика“, приписываемомъ Аристотелю (въ основѣ его отчасти лежатъ, быть можетъ, лекціи Аристотеля), сообщается, что Гиппій увеличилъ налоги въ Атикѣ, обложивъ все, что только можно: верхніе этажи домовъ, выступы ихъ, занимающіе часть улицы и т. д. Это сообщеніе показываетъ, что тиранны этого времени совершенно не знаютъ мѣры въ увеличеніи налоговой тяжести. Новые виды обложенія, равно какъ и общее деспотическое направленіе дѣятельности правителей, ведутъ къ усиленію оппозиціи. Составился заговоръ Гармодія и Аристоклитона: Гиппархъ былъ убитъ (514 г.), Гиппій же остался живъ и продолжалъ свое управленіе. Противъ Гиппія выступили Алкмеониды. При поддержкѣ спартанцевъ имъ удалось изгнать Гиппія изъ Аѣинъ. Онъ бѣжитъ въ Персію. Теперь Спарта оказываетъ поддержку противъ тиранновъ, хотя раньше она дѣйствовала въ пользу ихъ. Спарта подчинила своему главенству почти весь Пелопоннесъ, а теперь желаетъ подчинить и Атику, но, такъ какъ она не нашла поддержки своей политики въ тираннахъ, то сама оказываетъ содѣйствіе ихъ врагамъ—партіи параліи. Однако паралія, во главѣ съ Клизеономъ, повела самостоятельную политику, и спартанцы стали поддерживать педіевъ съ Исагоромъ во главѣ. Исагоръ предаетъ Аѣины спартанцамъ. До 700 семей были изгнаны изъ Аѣинъ. Исагоръ уничтожилъ совѣтъ четырехсотъ и передалъ власть 300 знатнымъ аѣинянамъ, причѣмъ самъ сталъ во главѣ ихъ. Знатные пользовались поддержкой Спарты, но остальное населеніе, угнетаемое аристократами, возстало. Исагоръ и спартанцы были изгнаны, руководителемъ политики сталъ Алкмеонидъ Клизеонъ.

Реформы Клизеона.

Клизеонъ провелъ рядъ реформъ, имѣющихъ важное значеніе въ исторіи аѣинской демократіи,—можно сказать, даже рѣшающее значеніе въ исторіи ея развитія. Въ основѣ ихъ лежитъ реформа аѣинскихъ филъ.

Послѣ реформы Клизеона четыре старыхъ родовыхъ филы сохраняются, но имъ реформаторъ отводитъ очень узкое значе-

ніе: онѣ играютъ роль исключительно религіозную. Выше было говорено о консерватизмѣ, какъ грековъ, такъ и другихъ древнихъ народовъ въ религіозныхъ вопросахъ. Они не рѣшаются отмѣнить извѣстныхъ учрежденія, поскольку эти послѣднія связаны съ религіей: царская власть, какъ политическая организація, была давно упразднена, но, какъ принадлежность культа, продолжала существовать; 4 родовыя филы точно также въ области культа продолжали играть роль, но роль политическая была у нихъ Клизееномъ отнята.

Вмѣсто четырехъ родовыхъ филъ Клизеенъ учреждаетъ 10 *территориальныхъ*, но организуетъ ихъ особеннымъ образомъ. Реформа эта выяснена благодаря находкѣ „Афинской Политіи“. Надписи подтвердили сообщенія и соображенія „Политіи“. Въ надписяхъ, гдѣ идетъ рѣчь о распредѣленіи афинянъ по филамъ и по демамъ, видно то же расположеніе филъ, какъ и въ сообщеніи Аристотеля (ислѣдованіе этого вопроса произведено эпиграфистами Мильххёферомъ и Лёперомъ). Въ прибрежной полосѣ Аттики (Паралія) концентрировалась торгово-промышленное населеніе; сѣверная часть ея была занята, преимущественно, крестьянствомъ; центральная часть, наиболѣе плодородная—землевладѣльческимъ классомъ. Элевсинская долина—тоже очень плодородная часть страны—отличалась нѣкоторымъ сепаратизмомъ, такъ какъ она была присоединена къ Атикѣ позднѣе (см. выше стр. 147). Прибрежная область продолжаетъ у Клизеена называться Параліей, центральная часть называется *περὶ τὸ ἄστυ*, т. е. „около города“, сѣверная часть называется Діакріей или Месогеей (въ деталяхъ границы этихъ дѣленій не установлены: на картахъ, составленныхъ нѣкоторыми ислѣдователями, видны перерывы). Каждую изъ этихъ областей Клизеенъ раздѣлилъ на *trittai*, создавъ 10 дѣленій въ городской области, 10 дѣленій въ Параліи и 10 дѣленій въ Месогеѣ. Элевсинская долина присоединена была къ Параліи. Значитъ, всѣ три части вмѣстѣ (въ томъ числѣ Паралія со включеніемъ Элевсинской долины) были раздѣлены на 30 участковъ. Три участка—по одному изъ каждой области—составили филу, и, такимъ образомъ, составилось 10 филъ. Каждая фила состояла, слѣдовательно, изъ трехъ дѣленій въ трехъ разныхъ частяхъ Аттики.

Дѣленія Клизеена, какъ мы видимъ,—чисто территориальныя, но фила его не сплошная территорія, а составлена изъ частей, лежащихъ въ разныхъ областяхъ Аттики. Какую же цѣль преслѣдовалъ Клизеенъ этою своею реформою? Почему онъ

не разбить всю Аттику на 10 территориальных филъ, а каждую филу составилъ изъ 3 частей, расположенныхъ въ разныхъ мѣстахъ? Клисеонъ, во-первыхъ, желалъ устранить сепаратизмъ областей, который обуславливался тѣмъ обстоятельствомъ, что борющіяся партіи Аттики распредѣлялись по этимъ довольно замѣтно разграниченнымъ областямъ. Смѣшавъ ихъ, Клисеонъ устранилъ возможность согласованной дѣятельности партій на выборахъ: онѣ теперь не могутъ дѣйствовать солидарно, партіи раздѣлены по филамъ, и сепаратизмъ, такимъ образомъ, ослабленъ. Что касается самого факта замѣны родовыхъ филъ территориальными, то здѣсь дѣло въ слѣдующемъ: въ родовыхъ филлахъ перевѣсъ былъ за сплоченными, организованными аристократическими родами, теперь же, при вышеуказанной замѣнѣ, эти роды церемѣшались, и выступать на выборахъ сплоченной организацией аристократическіе роды не имѣютъ возможности. Третья цѣль реформы временнаго характера, и Аристотель формулируетъ ее такъ: *πολλοὺς ἐφυλάττεναι ξένους καὶ δοῦλους μεταίκοιους*, т. е. „онъ включилъ въ филы много иностранцевъ (очевидно текстъ здѣсь попорченъ): рабовъ и метековъ. „Вѣроятно слова „рабовъ и метековъ“ служили поясненіемъ къ слову *ξένους*—иностранцевъ. Во время смутъ списки гражданъ не велись, многіе изъ иностранцевъ, даже рабскаго происхожденія, претендовали на политическія и гражданскія права,—произошла путаница. Клисеонъ рѣшилъ включить въ число аѣнскихъ гражданъ всѣхъ, претендовавшихъ на это, а такъ какъ права гражданства были связаны съ принадлежностью къ филамъ, то онъ долженъ былъ зачислить ихъ въ филы, для чего организація территориальныхъ филъ оказалась очень удобной. Клисеонъ ввелъ ихъ сюда и, такимъ образомъ, масса не гражданъ была введена въ филы. Эта мѣра гармонировала съ его демократической политикой. Архонты и Совѣтъ теперь выбирались по территориальнымъ филамъ.

Такимъ образомъ, Клисеономъ было окончательно подорвано господство на выборахъ организованныхъ аристократическихъ родовъ.

Созданіе территориальныхъ филъ Клисеономъ сравниваютъ съ разрушеніемъ древнихъ, органически сложившихся областей, произведеннымъ во Франціи Національнымъ Собраніемъ.

Далѣе, говорили, что Клисеонъ создалъ демы (*δημοί*)—общины, изъ которыхъ каждый состоялъ изъ деревни или мѣстечка. Конечно, демы созданы не Клисеономъ, а возникли сами собой, Клисеонъ же только воспользовался ими, предоставивъ

демагг. самоуправленіе. Самоуправленіе общинъ существовало еще во время средневѣковья, но Клисѳенъ ввелъ это самоуправленіе въ систему государственныхъ учрежденій. Демы сами заведовали своими мѣстными преимущественно хозяйственными дѣлами. Они вели списки гражданъ. Члены новаго совѣта 500 избирались пропорціонально количеству населенія дема. Собраніе каждаго дема избирало на годъ главу дема (демарха). Демъ имѣлъ свою кассу.

Такимъ образомъ, Аттика была раздѣлена на 30 тритій и 10 филъ; внутри филъ существовали общины, именовавшіяся демами, которыя имѣли самоуправленіе.

Реформа государственнаго строя при Клисѳенѣ. Выборы производятся теперь по новымъ филамъ. Число членовъ совѣта увеличено до 500 ч., изъ каждой филы выбиралось, слѣдовательно, по 50 челевѣкъ. При этомъ внутри филы выборы производились *пропорціонально числу жителей въ каждомъ демѣ* *). Затѣмъ Клисѳенъ вводитъ новый институтъ *стратеговъ*, и съ этихъ поръ архонтъ-полемархъ теряетъ прежнес значеніе, хотя эта должность и продолжаетъ существовать. Его мѣсто заступаетъ коллегія изъ 10 стратеговъ, выбираемыхъ также по филамъ, которые позднѣе (при Периклѣ) играютъ руководящую роль въ Атикѣ, отгѣснивши архонтовъ выбираемыхъ по жребію, между тѣмъ какъ для стратеговъ была сохранена система выборовъ путемъ голосованія.

Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть о введенномъ при Клисѳенѣ оригинальномъ институтѣ—*остракисмѣ*. „Афинская Политія“ показала его значеніе. Терминъ „остракисмъ“ происходитъ отъ слова *ostrakon*—черепокъ. Остракисмъ сводился къ тому, что граждане собирались и писали на черепкахъ имя гражданина, который, по ихъ мнѣнію, подлежитъ изгнанію. Голосованіе было закрытое. Ежегодно въ одномъ изъ очередныхъ народныхъ собраній рѣшался вопросъ, есть ли необходимость примѣнить остракисмъ, а затѣмъ уже назначалось особое собраніе для примѣненія остракисма. Для осужденія на изгнаніе требовалось, чтобы за изгнаніе было подано не менѣе 6000 голосовъ. Аристотель объясняетъ введеніе этого института тѣмъ, что была еще свѣжа память о тираннахъ, и боязнь ихъ возвращенія заставляла искать мѣръ для удаленія опасныхъ общественной свободѣ лицъ.

*) О связи этой мѣры съ принципомъ народнаго представительства см. выше стр. 161, прим.

Первымъ былъ изгнанъ родственникъ Писистратидовъ Гишпархъ, сынъ Харма. Прежде, быть можетъ, съ такимъ, человѣкомъ раздѣлялись-бы путемъ убійства, но теперь нравы общества смягчились, и его только изгоняютъ. Впослѣдствіи ostracismъ получаетъ иной характеръ, ставши средствомъ партійной борьбы. Ostracismъ поздняго времени напоминаетъ борьбу партій въ Англіи, когда ихъ было только двѣ — тори и виги: путемъ ostracisma народъ рѣшалъ, кому изъ партійныхъ вождей слѣдуетъ предоставить руководство политикой и кто долженъ устраниваться (изгнаніе Аристиды послѣ Марафонской битвы и выступленіе въ качествѣ руководителя политикиThemistocles; позднее—изгнаніеThemistocles; изгнаніе Эукидида, сына Милесія и т. п.). Так. обр., ostracismъ сдѣлался довольно оригинальнымъ средствомъ политической борьбы.

Реформы Клисѳена окончательно сокрушили средневѣковые порядки той Атики и явились той почвой, на которой развилась въ V в. афинская демократія.

г) Военная община въ Спартѣ.

Особнякомъ стоитъ среди греческихъ обществъ въ отношеніи государственнаго строя — Спарта. Спартанскій строй нельзя разсматривать, какъ строй чистаго средневѣковаго типа, подобно тому, какой мы видимъ на западѣ и сѣверѣ Греціи, но это, съ другой стороны,—и не эволюционирующее на почвѣ классово-вой борьбы государство-городъ, какое мы наблюдали на востокѣ Греціи, въ М. Азии и во многихъ колоніяхъ. Въ Спартѣ образовалась *военная община*, которую греческіе писатели именовали „государствомъ-лагеремъ“. Подвергаясь очень медленной эволюціи, подобно государствамъ запада и сѣвера, Спарта, однако, не сохранила и того средневѣковаго облика, который такъ характеренъ для первыхъ.

Источники для древнѣйшей исторіи Спарты (легенды о Ликургѣ). Источниками для реконструкціи этого періода исторіи Спарты служатъ главнымъ образомъ преданія, сохраненныя греческими историками. Когда заходитъ рѣчь о спартанскихъ учрежденіяхъ, то является вопросъ, какъ они возникли? Греческіе историки приписывали ихъ Ликургу. Его біографія, написанная Плутархомъ, довольно обширна (въ изданіи Тейбнера занимаетъ страницъ 40). Она знакомитъ насъ съ условіями жизни и законодательной дѣятельностью Ликурга. Но страннымъ является то, что чѣмъ болѣе мы погружаемся въ глубь вѣковъ, чѣмъ ближе подходимъ къ эпохѣ, въ которую, по преданію, жилъ Ликургъ,

тѣмъ менѣе находимъ свѣдѣній о немъ. Въ самомъ началѣ греческой историографіи о немъ ничего неизвѣстно: отъ него остается только одно имя. Можетъ быть, ко времени Плутарха были найдены какія-нибудь архивныя данныя, касающіяся его жизни и дѣятельности? Нѣтъ: самъ Плутархъ заявляетъ, что матеріалъ въ этомъ отношеніи чрезвычайно скуденъ. Какъ же объяснить такое увеличеніе свѣдѣній о Ликургѣ ко времени Плутарха? Преданія о Ликургѣ создавались постепенно, поэтому, чѣмъ, дальше мы отъ эпохи Ликурга, тѣмъ больше имѣемъ о немъ свѣдѣній. Въ концѣ VI и началѣ V вв. историки о немъ еще почти ничего не знаютъ. Гелланикъ Лесбосскій приписывалъ спартанскія учрежденія царямъ Проклу и Эврисеону. Геродотъ уже знаетъ, что Ликургъ много путешествовалъ, былъ на о. Критѣ и въ Дельфахъ, гдѣ Пелія одобрила его законы, которые онъ затѣмъ и далъ спартанцамъ.

Время идетъ и мы видимъ другое явленіе. Въ концѣ V и началѣ IV в. до Р. X. государства Греціи раздираются борьбой имущихъ съ малоимущими. Образуются политическія партіи съ политическими и социальными программами, возникаетъ политическая литература. Свои политическіе взгляды партійные дѣятели стараются подкрѣпить ссылками на исторію. Появляется цѣлый рядъ сочиненій въ Спартѣ и въ Аѣинахъ, гдѣ идеализируется спартанскій строй (который къ этому времени сталъ уже аристократическимъ), появляются памфлеты олигарховъ. Эти памфлеты полны ссылокъ на спартанскую старину и указываютъ, что спартанскія учрежденія создали величіе Спарты. Къ числу такихъ произведеній относится и памфлетъ царя Павсанія, написанный во время борьбы этого царя со спартанскими олигархами (начало IV в.). Этотъ памфлетъ содержалъ много изрѣченій оракуловъ, нѣкоторые изъ нихъ, быть можетъ, были фальсифицированы, часть же—могла быть подлинной. Тенденціи царя Павсанія нашли себѣ много приверженцевъ, памфлетъ его получилъ широкое распространеніе въ Спартѣ.—Въ Аѣинахъ преимущественно въ консервативныхъ кругахъ также появились законники, которые ссылались на Лаконію, какъ на идеальное государство (Ксенофонтъ). У нихъ и личность Ликурга и образъ учрежденій того времени выяснялись очень подробно. Нѣкоторые писатели этого времени, многія спартанскія учрежденія, напримѣръ, эфоратъ, приписываютъ болѣе позднему времени. (царь Павсаній, Платонъ).—Особенно важна черта, внесенная IV вѣкомъ въ біографію Ликурга,—это идея о томъ, что Ликургомъ создано аграрное равенство въ Спартѣ. Уже у историка IV вѣка Эфора

мы находимъ это мнѣніе. Постепенно утвердилось убѣжденіе, что при Ликургѣ произошелъ раздѣлъ земель на началахъ равенства: это мнѣніе правилось демократическимъ кругамъ общества. Въ то же время Ликургъ является съ новой чертой: прежде онъ былъ реформаторомъ,—теперь у нѣкоторыхъ писателей онъ отчасти реформаторъ, а отчасти даже и революціонеръ (слѣды этой версіи имѣются уже у Аристотеля). Въ III в. въ эпоху соціальной революціи при царяхъ Агисѣ III и Клеоменѣ III представленіе о Ликургѣ, какъ о соціальномъ революціонерѣ, распространилось еще болѣе. На Ликурга ссылался Клеоменъ въ своей реформаторской дѣятельности. Біографія Плутарха всѣ эти данныя, копившіяся вѣками, соединила, безъ критики, въ одно цѣлое. Въ одно и то же время мы видимъ Ликурга то реформаторомъ, то революціонеромъ. Напримѣръ, въ главѣ о прибытіи Ликурга въ Спарту (5-я гл.)—онъ мирный реформаторъ: его ждутъ всѣ—и народъ и цари; его ждутъ съ законами. Но вдругъ въ той же главѣ онъ превращается въ революціонера, его боятся цари. Очевидно, Плутархъ слилъ здѣсь въ одно цѣлое два разныя сказанія о Ликургѣ.

Мы видимъ, что въ біографіи Ликурга цѣнно то, что сообщается о спартанскихъ учрежденіяхъ, что же касается самой личности Ликурга, то достовѣрныхъ свѣдѣній о немъ не имѣется. Можно даже думать, что Ликургъ первоначально былъ мѣстнымъ божествомъ, или даже однимъ изъ эпитетовъ Зевса, бога покровителя Лаконіи. Въ Ретрѣ (см. ниже) мы находимъ обращеніе къ Зевсу и Аѳинѣ: тамъ говорится с посвященіи храма Зевсу и Аѳинѣ. Въ исторіи религіи часто эпитетъ божества постепенно превращается въ особое божество: можетъ быть это случилось и съ эпитетомъ Зевса въ Лаконіи. Когда возобладало надъ старымъ религіознымъ міросозерцаніемъ новое рачіоналистическое теченіе, такъ что религіозный моментъ утратилъ прежнюю силу и значеніе,—Ликургъ изъ благодѣтельнаго божества постепенно превратился въ личность народнаго героя-реформатора.

Итакъ, возстановить происхожденіе спартанскихъ учрежденій можно только гипотетически. Въ основѣ этого процесса лежитъ дорійское завоеваніе, о которомъ уже было говорено выше.

Какъ создалось Спартанское государство? Издавна обращали вниманіе на то обстоятельство, что въ Спартѣ было два царя, тогда какъ въ другихъ государствахъ въ монархическій

периодъ былъ только одинъ. Рассмотрѣнное обстоятельство говорить въ пользу того, что Спартанское государство произошло путемъ *синойкизма*. Въ Афинахъ образованіе древнѣйшаго государства произошло тоже путемъ *синойкизма*, т. е. путемъ сліянія нѣсколькихъ поселеній, нѣсколькихъ общинъ въ одно цѣлое. Эта аналогія также говорить въ пользу мнѣнія, что въ Спартѣ имѣлъ мѣсто *синойкизмъ*. Эта гипотеза—самое лучшее средство объяснить происхожденіе двойной царской власти. Если мы предположимъ, что Спарта составилаь изъ двухъ общинъ, то будетъ понятно, что тамъ установилась двойная царская власть. Детально эта точка зрѣнія развита въ работахъ Гильберта. Она усвоена и многими другими историками. Гильбертъ шелъ даже дальше: онъ предполагалъ, что слилось не двѣ, а три общины и что сначала царей было также трое. Путемъ этого предположенія онъ объяснялъ количество спартанскихъ геронтовъ, равное 30, тѣмъ, что первоначально отъ каждой общины было по 10 геронтовъ; но въ пользу этого мнѣнія данныхъ мало. Напротивъ, въ пользу мнѣнія о сліяніи двухъ общинъ говорить многое. Все время мы видимъ въ Спартѣ не только двухъ царей, но и двѣ царствующихъ династіи—Агіадовъ и Эврипontiдовъ. Въ пользу этого же мнѣнія говорятъ топографическія соображенія: гробницы царей одной династіи находились въ одной мѣстности, а другая мѣстность служила мѣстомъ погребенія царей другой династіи: можно полагать, что цари хоронились тамъ, гдѣ прежде жили. Есть основаніе думать, что одна династія была ахейская, другая—дорійская. Когда царь Клеоменъ I хотѣлъ войти въ храмъ богини Афины въ Афинахъ, то ему было сказано, что входить въ него могутъ только ахейцы, на что Клеоменъ отвѣтилъ: „Я не доріанинъ, а ахеецъ“. (Herod. V 72). Можно поэтому предположить, что династія Агіадовъ—ахейскаго, а династія Эврипontiдовъ—дорійскаго происхожденія. Все это говорить въ пользу *синойкизма* двухъ общинъ ахейской и дорійской. Но К. I. Нейманъ держится иной точки зрѣнія. *) Онъ тоже объясняетъ двойную царскую власть путемъ сліянія государствъ, но полагаетъ, что это былъ не *синойкизмъ* двухъ небольшихъ сосѣднихъ общинъ, а сліяніе двухъ болѣе значительныхъ государствъ: одно составляло часть Мессеніи, примыкающую къ Тайгету, другое составлялось изъ части

*) Эта точка зрѣнія развита въ очень содержательной, но заключающей въ себѣ и недостаточно обоснованныя мнѣнія статьѣ въ Hist. Zeit., 96 томъ (1906), стр. 1—80.

общинъ Эвротской долины. Нейманъ ссылается на нѣкоторыя мѣста поэмъ Гомера, гдѣ Агамемнонъ является царемъ Лаконіи, а Менелай, по необъдѣтельному мнѣнію Неймана, переносится въ Мессенію (Ил. IX 149—157—291—299; гдѣ упоминаются города Лаконіи, какъ принадлежащіе Агамемнону; Одис., III 306, 323 и IV 602; въ другихъ мѣстахъ поэмъ Агамемнонъ—царь Микенъ, а Менелай—Спарты). Отсюда Нейманъ дѣлаетъ выводъ, что у Гомера въ данномъ мѣстѣ сохранилось воспоминаніе о томъ времени, когда въ Лаконіи и части Мессеніи были два государства. Для насъ важно то, что и здѣсь происхожденіе двойной царской власти объясняется сліяніемъ двухъ государствъ. Итакъ, въ основѣ Спартанскаго государства лежитъ синоикизмъ: это наиболѣе вѣроятная гипотеза.

Ликургеова Ретра. Для древнѣйшей исторіи Спарты главнѣйшимъ источникомъ является, такъ называемая *Ликургеова Ретра*, изложенная Плутархомъ въ VI главѣ біографіи Ликурга. Текстъ этой ретры въ переводѣ значитъ: „Воздвигнувши храмъ Зевсу Селланійскому и Аѳинѣ Селланійской, установивши филы и создавши обы, установивши герусію изъ 30 лицъ съ архагетами, время отъ времени (слѣдуетъ) собирать народное собраніе между Бабикой и Киакиономъ. Такимъ образомъ вносить предложенія и постановлять ихъ. Народу пусть принадлежитъ власть и сила“.

(*Διὸς Σελλανίου καὶ Ἀθηνᾶς Σελλανίας ἱερὸν ἰδρυσάμενον, φυλάς φυλάξαντα καὶ ἀβάς ἀβάξαντα, τοιάκιοντα γερούσιαν σὺν ἀρχαγέταις κατασιθίσαντα, ὥρας δὲ ὥρας ἀπελλάζειν μεταξὺ Βαβύκας καὶ Κυακιδῶνος, οὕτως ἐκφέρειν τε καὶ ἀφίστασθαι δάμω δὲ τὸν κυρίαν ἴμεν καὶ κράτος*).

Разберемъ текстъ ретры:

„Воздвигнувши храмъ Зевсу и Аѳинѣ“...

Зевсъ и Аѳина—божества-покровители Лаконіи, даже самаго Ликурга нѣкоторые изслѣдователи считаютъ, какъ мы видѣли, одной изъ формъ Зевса, покровителя Спарты. Постройка храма—самое обычное явленіе въ такихъ случаяхъ: передъ важнымъ государственнымъ актомъ строились и посвящались храмы или алтари богамъ-покровителямъ.

„Установивши филы и создавши обы.“ Филы, какъ мы видѣли, древнія племена, слившіяся потомъ въ одно цѣлое, но бывали примѣры, когда онѣ создавались искусственно. Здѣсь, видно, рѣчь идетъ о второмъ случаѣ. Въ Лаконіи были древнія дорійскія филы—гилейцы, диманы и памфилы, но въ Спартѣ было еще 5 территориальныхъ филъ. Какъ потомъ въ Аѳинахъ 4 естественныя іоническія филы были замѣнены Клизееномъ 10

искусственными территориальными, так нечто подобное было сдѣлано раньше въ Спартѣ. Прежде филы не были связаны съ территоріей: члены ихъ жили въ разбивку и соединялись только при голосованіи, здѣсь же говорится о дѣленіи области на извѣстные территориальные округа. Вопросъ же о томъ, что такое „обы“ пока еще споренъ; вѣрнѣе всего, что „обы“—подраздѣленія филъ.

„...Установивши герусію изъ 30 лицъ“.

Герусія состояла изъ 30 лицъ, включая 2 царей. Архагеты—это цари.

„...Время отъ времени собирать народное собраніе (апеллу) между Бабикой и Кнакіономъ“... По толкованію Аристотеля, приводимому Плутархомъ, Бабика—мостъ, Кнакіонъ—рѣка.

„Такимъ образомъ вносить предложенія и постановлять рѣшенія“.. Терминъ *ἀπολογία* („разступаться“) употребленъ въ виду существовавшего въ спартанскомъ народномъ собраніи порядка голосованія. Въ немъ не было тайной подачи голосовъ: вопросъ рѣшался или крикомъ, или, когда рѣшеніе его по этому способу казалось спорнымъ, голосовали путемъ расхожденія направо и налево.

„...Народу пусть принадлежитъ власть и сила“.

Вся ретра дошла до насъ въ косвенной рѣчи: очевидно, ей предшествуетъ: „Такой то сказалъ, или такіе то сказали, что, воздвигнувши храмъ Зевсу Эллинскому и Аѳинѣ Эллинской, установивши филы и создавши обы“ и т. д. Что такое ретра,—вопросъ сложный. По своей формѣ она можетъ быть, напри- мѣръ, изрѣченіемъ Писіи (Писіа изрекла: „чтобы ты, Ликургъ, воздвигнувши храмъ“ и проч. и проч.). И дѣйствительно ретру считали изреченіемъ оракула, даннымъ Ликургу. Самый стиль ретры заставляетъ ее считать очень древнимъ текстомъ. Древніе историки въ подлинности ретры не сомнѣвались.

Такимъ образомъ вѣроятнѣе, что ретра—древній текстъ, и въ опредѣленіи древнѣйшаго государственнаго строя Спарты мы можемъ исходить изъ ретры.

Однако признавши древность ретры, мы не разрѣшаемъ еще тѣмъ вопроса о ея происхожденіи, который продолжаетъ оставаться спорнымъ. Много правильныхъ соображеній по этому вопросу высказалъ Густавъ *Гильбертъ* *). По его мнѣнію,

*) Studien zur altspartanischen Geschichte, 1872 и Handbuch der griechischen Staatsalterthümer 1. B., 2. Aufl. 1898.

ретра—тотъ договоръ о синоикизмѣ, который былъ заключенъ между слившимися обществами, и былъ одобренъ оракуломъ. Самое слово „ретра“ (*Fedra*) указываетъ, что рассматриваемый текстъ—не законъ, а договоръ. Слѣдовательно, самое названіе позволяетъ думать, что это—договоръ. Тотъ фактъ, что здѣсь говорится объ учрежденіяхъ, существовавшихъ издревле въ греческихъ государствахъ,—о царяхъ, герусіи, народномъ собраніи, дѣлаетъ малообоснованнымъ предположеніе, что въ Спартѣ при синоикизмѣ эти учрежденія были созданы заново; и однако нисколько не удивительно, что объ этихъ учрежденіяхъ идетъ рѣчь въ договорѣ между только что слившимися въ одно цѣлое общинами. Разъ онѣ слились, то нужно было урегулировать новый строй жизни. Съ этой точки зрѣнія становится понятнымъ, почему въ ретрѣ упоминается объ учрежденіяхъ, которыя существовали и равнѣ, но въ каждой общинѣ были особые: необходимо было теперь слить эти учрежденія въ общія для обѣихъ синоикизирующихся общинъ. Понятнымъ становится и то, почему объ учрежденіяхъ говорится довольно кратко: детали предполагаются всѣмъ извѣстными. Эти соображенія Гильберта правильны. Государственный строй Спарты можно считать создавшимся на почвѣ слиянія общинъ, а ретру—договоромъ между ними.

Виламовицъ также считаетъ ретру договоромъ, но не между двумя общинами, а между царями и спартанской общиной, главнымъ же образомъ, спартанской аристократіей.

Есть, наконецъ, мнѣніе, что ретра представляетъ изъ себя позднѣйшую фальсификацію: это формулировка основныхъ положеній древне-спартанскаго государственнаго права, созданная въ духѣ партіи, враждебной эфорамъ, вслѣдствіе чего въ ретрѣ не упоминаются эфоры, и так. обр. отрицается древность этого учрежденія. Эд. Мейеръ *) возводитъ происхожденіе ретры къ памфлету царя Павсанія начала IV в. до Р. X. Приблизительно такого взгляда придерживается и К. I. Нейманъ. Но аргументы этихъ изслѣдователей слабы: они связаны здѣсь съ чрезмѣрно скептическимъ отношеніемъ ихъ къ традиціи **).

Цари и геронты. Дальнѣйшей нашей задачей представляется изслѣдованіе упоминаемыхъ въ ретрѣ древне-спартанскихъ учреждений. Всюду въ Греціи въ эпоху ранняго средневѣ-

*) Forschungen zur alten Geschichte, I, 1892, 218 cc.

**) Весьма существенную роль въ аргументаціи Эд. Мейера играетъ очень попорченное мѣсто у Страбона VIII 5, 5 (см. *Ed. Meyer*, о. с., 232 ff.).

ковья существовали царская власть и аристократическій совѣтъ старѣйшинъ. Первоначально спартанскіе цари были, конечно, какъ и всюду въ Греціи, жрецами и военачальниками и—въ меньшей степени—охранителями права. Въ Лаконіи какъ мы видѣли, создалась двойная царская власть, что очень ослабляло царей.

Аристократія въ Спартѣ не достигла значительнаго развитія и, если, вообще, принято представлять Спарту государствомъ аристократическимъ, то такое представленіе будетъ вѣрнымъ только по отношенію ко всему Лаконскому государству, всей Лаконіи. Спарта же, какъ городъ, имѣла демократическое устройство. Тѣмъ не менѣе и въ самомъ городѣ Спартѣ все-же аристократія была, хотя она, какъ мы увидимъ ниже, остановилась въ своемъ развитіи. *Существованіе особой аристократіи среди гражданъ города Спарты, спартиатовъ*, доказалъ Гильбертъ. Въ пользу этого взгляда говоритъ рядъ данныхъ, особенно же порядокъ выборовъ въ герусію. Аристотель подчеркиваетъ, что въ герусію могъ попасть не всякій спартиатъ, а только лицо, принадлежавшее къ спартанской аристократіи: герусія, слѣдовательно, была ея органомъ. Способъ выборовъ въ герусію Аристотель называетъ „ребяческимъ“. Собиралось народное собраніе и мимо него проходили кандидаты—старцы 60 лѣтъ, принадлежавшіе къ тѣмъ родамъ, представители которыхъ могли попасть въ герусію. Народъ выражалъ свою волю криками: чѣмъ болѣе раздавалось криковъ при прохоженіи кандидата, тѣмъ болѣе, значитъ, было на его сторонѣ сочувствія. Но, конечно, точно степень сочувствія такимъ образомъ опредѣлить было трудно, а такъ какъ опредѣляли ее сами геронты, то, очевидно, произволъ здѣсь практиковался въ большихъ размѣрахъ. Герусія была, собственно, совѣтомъ при царяхъ, но безъ согласія геронтовъ цари не могли предпринять ни одного важнаго шага. Герусія была главнымъ государственнымъ органомъ древнѣйшей Спарты.

Народное собраніе (апелла). Въ ретрѣ идетъ, рѣчь о народномъ собраніи (*ἀπέλλα*), которое, по ея словамъ, имѣетъ „власть и силу“. Въ теоріи за народомъ признается рѣшающая власть, но, въ дѣйствительности, его роль, какъ и въ гомеровскій періодъ, довольно пассивна. Важно, однако, что въ ретрѣ рѣшающій голосъ принципиально признается за народомъ. Правда, у поэта VII вѣка Тиртея мы читаемъ, что въ Спартѣ рѣшенія постановляютъ цари, которые имѣютъ почетъ отъ бога, и геронты и потомъ уже люди изъ народа: народъ у него упоминается на

нослѣднемъ мѣстѣ (см. *Plut.* Лус. 6). Но это уже дѣло факта, а не права.

Завоеваніе Лаконіи. Мы разсмотрѣли учрежденія города Спарты, слившагося изъ отдѣльныхъ общинъ. Въ какое отношеніе стала Спарта къ остальной Лаконіи?

Преданіе говоритъ, что Спарта стала дѣлать завоеванія. Были завоеваны города Амиклы и Фаристъ, Геронтры и Гель, т. е. вся долина Эвроты. Затѣмъ Спарта дѣлаетъ завоеванія на востокъ и западъ, такъ что постепенно Лаконія объединилась подъ главенствомъ Спарты. Спартиаты были по преимуществу доряне, а покоренные туземцы по преимуществу ахеяне. Позднѣйшіе историки примѣняютъ названіе *Лакедамоніои* ко всѣмъ жителямъ Лаконіи. Слѣдуетъ думать, что постепенно племенное различіе между спартиатами и покоренными сгладилось, но сохранилась разница въ социальномъ положеніи.

Аграрный строй Лаконіи. Положеніе спартиатовъ, т. е. жителей города Спарты, въ Лаконіи рисуется въ такихъ чертахъ: они создали для себя государство-лагерь; это правящій классъ.

Каждый спартиатъ имѣлъ участокъ земли (*κλήρος*). Эти участки были неотчуждаемы и недѣлимы. О неотчуждаемости совершенно опредѣленно говоритъ текстъ у Гераклита Понтійскаго, сдѣлавшаго извлеченіе изъ „Лакедемонской Полити“ Аристотеля: „У лакедемонянъ купля-продажа земли признана постыдной; продать же старинные надѣлы совершенно невозможно“ (*πωλεῖν δὲ γῆν Λακεδαιμονίων πλοχρὸν νομοίεται. τῆς δ' ἀρχαίας μοίρας οὐδ' ἔστιν*). Обычай такимъ образомъ считалъ, вообще, позорнымъ продавать землю, но была земля древняго раздѣла, которую продавать было совершенно запрещено. У Плутарха говорится, что каждый спартиатъ имѣлъ участокъ земли издревле установленный, продавать его было нельзя. (*Plut. Inst.* Лас. 22: *μετέχε τῆς ἀρχῆθεν διαιταγμένης μοίρας. πωλεῖν δ' οὐκ ἔστιν*).

Такіе участки обыкновенно назывались „клерами“ (*κλήροι*). Лишь въ первой половинѣ IV вѣка (повидимому, эфоромъ Эпитадеемъ) было разрѣшено завѣщать и дарить „клеры“. Этотъ порядокъ держался въ эпоху Аристотеля (*Polit.* II, 6, 10 и *Plut. Agis* 5). Только въ III вѣкѣ до Р. X. въ практику вошла и продажа этихъ надѣловъ. Такимъ образомъ всѣ источники совершенно оцредѣленно говорятъ о томъ, что въ древности эти издревле-установленные надѣлы были неотчуждаемы.

Но есть данныя, что они были, кромѣ того, еще недѣлимы. Тотъ фактъ, что среди лаконскихъ обрабатываемыхъ земель еще въ III в. были земли, разбитыя на клеры, доказываетъ ихъ

недѣлимость, такъ какъ клеры не могли бы такъ долго удержаться, если бы были подвержены дѣленію. У Полибія (XII 6, 8) есть указаніе на то, что клеры были недѣлимы. Онъ говоритъ, что часто въ Спартѣ нѣсколько братьевъ имѣли одну жену; слѣдовательно, вѣроятно, у нихъ было и общее хозяйство, которое было возможно только, если клеры были недѣлимы.

Создались клеры путемъ раздѣла завоеванныхъ земель между покорителями. Также было поступлено и съ Мессеніей, когда она была завоевана и ее раздѣлили на участки. Старшины филь всякому вновь родившемуся спартиату ассигновывали участокъ,— конечно, пока такихъ участковъ было достаточно. (*Plut. Lyc.* 16).

Положеніе покореннаго населенія. Значительная часть сельскаго населенія была обращена въ *крѣпостное состояніе*. *Гелоты*, составлявшіе сельское населеніе, были именнно—крѣпостными, а не рабами. Нибуръ—ислѣдователь исторіи рабства (его не слѣдуетъ смѣшивать съ знаменитымъ историкомъ Рима Б. Г. Нибуromъ)—указываетъ, что рабство и крѣпостное состояніе въ принципѣ весьма различны. Рабъ—вещь, по отношенію къ нему все допустимо. Правда, бывали въ разныхъ странахъ случаи изданія законовъ, защищавшихъ рабовъ, но именно чтобы защитить раба, оказывалось нужнымъ издать новые законы. Слѣдовательно, по отношенію къ рабу все возможно, кромѣ того, что запрещается закономъ. Права же крѣпостного, напротивъ, сами регулируются закономъ или обычаемъ. Для ограниченія правъ крѣпостного требуется новый законъ. Слѣдовательно, рабъ—вещь, а крѣпостной—человѣкъ, пользующійся нѣвѣстными правами.

Гелотъ сидѣлъ на клерѣ и кормилъ его владѣльца—спартиата: именнно гелотъ уплачивалъ опредѣленный оброкъ,—82 медимна ячменя и нѣкоторое количество масла и вина. Изъ этого видно, что спартанское сельское хозяйство сводилось къ воздѣлыванію ячменя, винодѣлію и разведенію маслинъ.

Спартиатъ не могъ распорядиться гелотомъ, сидѣвшимъ на его клерѣ. Онъ не могъ ни продать, ни освободить его. Это могла сдѣлать только община спартиатовъ въ цѣломъ.

Положеніе гелотовъ было тяжелымъ. Неся значительный оброкъ, гелотъ, однако, не пользуется никакими политическими правами. Гражданскія права его ограничены. Вслѣдствіе этого волненія гелотовъ въ Спартѣ были обычнымъ явленіемъ. Въ 464 г. Спарта стояла на краю гибели, благодаря волненію гелотовъ. Въ виду этого по отношенію къ гелотамъ принимались суровыя полицейскія мѣропріятія. Въ качествѣ военнаго упражненія молодымъ

спартиатамъ рекомендовалось наблюдение за гелотами, такъ какъ и на войнѣ роль лазутчиковъ очень важна. Если замѣчалась возможность измѣны со стороны гелотовъ, то предпринимались криптии—избѣженія гелотовъ. Эти мѣропріятія преслѣдовали такимъ образомъ двоякую цѣль: 1) удержать въ повиновеніи гелотовъ, и 2) предоставить молодымъ спартиатамъ возможность практиковаться въ несеніи развѣдочной военной службы.

Другая группа населенія Спартанскаго государства извѣстна подъ именемъ *періэковъ*. Эту часть населенія не имѣло смысла обращать въ крѣпостное состояніе: это было выгодно только по отношенію къ крестьянскому населенію, сидѣвшему на землѣ, кормившей спартиатовъ, періэки же, главнымъ образомъ, занимались ремеслами и ихъ оставили въ цокоѣ.

Причину дѣленія зависимаго спартанскаго населенія на двѣ вышеупомянутыя группы сами древніе историки объясняли тѣмъ, что въ періэковъ была обращена та часть населенія, которая добровольно сдалась побѣдителямъ, гелотами же были сдѣланы оказавшіе сопротивленіе. Но важно то, что гелоты—по преимуществу сельское населеніе, а періэки въ большой своей части городской классъ. Періэкамъ не было дано политическихъ правъ, но они пользовались личной свободой. Часть періэковъ занималась сельскимъ хозяйствомъ, но и эта часть жила въ городахъ. Преобладающимъ занятіемъ періэковъ было всетаки ремесло.

Что касается положенія періэковъ, то, прежде всего, они пользуются личной свободой, какъ было сказано выше. Но они лишены политическихъ правъ: они не только не участвуютъ въ выборахъ герусіи, но даже и въ народномъ собраніи. Въ періэкскіе города посылались спартанскіе гармоты (начальники). Повинности періэковъ умѣренны; въ числѣ этихъ повинностей были: выставленіе военныхъ континентовъ и особая дань, выплачивавшаяся царямъ (*βασιλικὸς φόρος*—*Plat. Alcib. 123a; Xenoph., Resp. Lac. XV 3*). Ихъ положеніе въ общемъ было лучше положенія гелотовъ. Часто, когда гелоты поднимали возстаніе, періэки оставались спокойны. Такъ, напримѣръ, когда, послѣ пашествія Ксеркса, поднялось волненіе среди гелотовъ, періэки не примкнули къ нимъ.

Торговли и промышленность въ древнѣйшей Спартѣ были развиты слабо, и вся политика Спарты до второй половинѣ V в.—политика земледѣльческаго государства. Мѣриломъ цѣнности въ древнѣйшее время служили желѣзные деньги.

Составъ спартанской общины.

До сихъ поръ шла рѣчь о населеніи всей Лаконіи въ цѣломъ. Въ Лаконіи были—граждане Спарты (спартіаты), періеки, гелоты, но, когда я говорю о спартанской гражданской общинѣ, то имѣю въ виду только гражданъ *города Спарты*: только эта часть населенія пользовалась политическими правами. Среди спартіатовъ существовала, какъ мы видѣли, своя аристократія. Изъ среды этой знати составлялась герусія.

Какъ была организована спартанская община? Выше уже было упомянуто, что это былъ какъ бы лагерь, окруженный со всѣхъ сторонъ враждебными гелотами и потому вынужденный вести постоянныя войны. Спартіаты должны были заботиться о военномъ могуществѣ своей общины.

Отсюда и забота о поддержаніи семейнаго имущественнаго равенства. Спарта называлась государствомъ равныхъ (*бромюи*). Въ другихъ государствахъ Греціи знать въ эпоху средневѣковья усилилась,—въ Спартѣ она существуетъ, но не развивается, такъ какъ государство въ цѣломъ должно было поддерживать имущественное равенство, дабы каждый спартіатъ могъ нести военную службу. Иначе имущественное неравенство повлекло бы за собой военное неравенство: менѣе обезпеченные спартіаты не могли бы надлежащимъ образомъ вооружаться наравнѣ съ обезпеченными. Въ этомъ соображеніи находить себѣ объясненіе забота спартанскаго государства о поддержаніи равенства въ обладаніи землей. Затѣмъ мы видимъ, что въ Спартѣ болѣе, чѣмъ гдѣ нибудь, принимались мѣры къ тому, чтобы народъ не вымиралъ, мѣры противъ бездѣтныхъ браковъ. Самая забота о томъ, чтобы гелоты чрезмѣрно не эксплуатировались, вытекала не изъ гуманныхъ соображеній, а изъ заботы о поддержаніи лагернаго государства. Нужно, чтобы всякій жилъ на счетъ гелотовъ, но чрезмѣрно не эксплуатировалъ ихъ, ибо это могло бы привести къ ихъ разоренію, а разореніе гелотовъ, въ свою очередь, повлекло бы за собой имущественное неравенство въ средѣ самыхъ спартіатовъ и уменьшеніе военныхъ силъ Спарты. Такимъ образомъ для поддержанія военныхъ силъ общины принимаются мѣры въ смыслѣ поддержанія экономическаго равенства внутри ея.

Ту же цѣль преслѣдовали *мѣры воспитанія*. Я не буду повторять подробностей всѣмъ извѣстныхъ фактовъ. Дѣтей съ семилѣтняго возраста брали изъ семьи, отрывали отъ матери. Обученіе ихъ велось совместно, причѣмъ главное вниманіе обращалось на выработку изъ дѣтей будущихъ воиновъ. Умственное

воспитаніе сводилось къ заучиванію ретръ, отрывковъ изъ поэмъ Гомера и т. п. Грамотность была низка. Извѣстный спартанскій „лаконизмъ“ вызывался тоже военнымъ характеромъ воспитанія: требовалось умѣнье отвѣчать кратко и точно. Мы не видимъ въ Спартѣ развитія индивидуальности ребенка.

Взрослые спартиаты вели подобный же образъ жизни. Каждый спартиатъ жилъ не въ семьѣ, а вмѣстѣ съ другими гражданами, кормился въ общей столовой. Домой приходилось забѣгать украдкой. Часть получаемого съ гелотовъ оброка шла на содержаніи *сисситій* — совмѣстныхъ обѣдовъ: это тоже признакъ казарменной жизни. Карлъ Отфридъ Мюллеръ (см. выше стр. 28 с.), обратившій особенное вниманіе на изученіе жизни спартанской общины, приписывалъ эти особенности спартанскаго строя дорійскому духу. На Критѣ, гдѣ тоже жили доряне, онъ находилъ аналогичныя учрежденія: крѣпостное право, общіе обѣды и т. п. Однако, позднѣйшіе изслѣдователи показали, что былъ рядъ другихъ дорійскихъ общинъ (въ Доридѣ, въ части Элиды), гдѣ не существовало подобныхъ учреждений: „дорійскій духъ“ тутъ, слѣдовательно, не причемъ. Спартанскія и критскія учрежденія были исключительно продуктомъ мѣстныхъ условій. И въ Спартѣ, и на о. Критѣ эти учрежденія имѣли мѣсто только потому, что завоевателямъ, окруженнымъ враждебнымъ населеніемъ, въ силу необходимости пришлось замкнуться въ своемъ тѣсномъ кругу и вести лагерно-военный образъ жизни.

Аграрный кризисъ и завоеваніе Мессеніи. Существованіе спартанской общины было тѣсно связано съ крѣпостнымъ трудомъ и формой землевладѣнія. Пришло время, когда земли стало не хватать. Сначала давали новые участки каждому вновь родившемуся спартиату, но съ теченіемъ времени вслѣдствіе недостатка незанятыхъ земель получилось то, что на одномъ клерѣ стали сидѣть слишкомъ большія семьи, которыя не были въ состояніи прокормиться со своего участка. Относительнымъ благополучіемъ пользовались только небольшія семьи или такія, у которыхъ помимо клера имѣлись другія земли. Такимъ образомъ въ Спартѣ получалось имущественное неравенство. Спарта готова была вступить на путь іонійскихъ общинъ въ М. Азіи и Аеинѣ, т. е. на путь развитія классовыхъ противорѣчій въ средѣ гражданъ. Въ эту эпоху спартанскій демосъ и въ политическомъ отношеніи начинаетъ ограничиваться въ правахъ. Царямъ *Поллidorу* и *Теопомпу* (VIII в. до Р. X.) приписывается прибавка къ древней ретрѣ. По Плутарху (Лус. 6) къ ковцу извѣстной уже намъ ретры было прибавлено. „А если

народъ, что либо рѣшить криво (неправильно), то пусть цари и геронты отмѣняютъ постановленіе“ (*Αἱ δὲ σκολιάν δ δᾶμος ἔλοιτο, τοῖς πρεσβυτεῖας καὶ ἀρχαγέτας ἀποστατήρας ἴμεν*). Ясно, что эта прибавка явилась ограниченіемъ правъ народа. Мы знаемъ, что порядокъ веденія дѣлъ въ народномъ собраніи былъ такой: цари и геронты вносили на обсужденіе проектъ рѣшенія вопроса; народное собраніе могло его принять или отвергнуть, а теперь царямъ и геронтамъ дается право отмѣнять народныя рѣшенія: такимъ образомъ даже окончательныя рѣшенія народа оказались призрачными. Это случилось именно въ то время, когда спартанскій демось оказался въ затруднительномъ экономическомъ положеніи: вышеупомянутая прибавка сдѣлана въ эпоху вышеописаннаго аграрнаго кризиса. Однако черезъ нѣкоторое время аграрный кризисъ удалось ослабить. Уже въ томъ же VIII в. начался рядъ войнъ — продолжительныхъ и упорныхъ—за *Мессенію*. Мессенія въ концѣ концовъ (около 720 г.) была покорена, раздѣлена на клеры, часть мессенскаго населенія обращена въ крѣпостное состояніе. Эти войны начаты были для созданія новыхъ клеровъ, новыхъ крѣпостныхъ. Сохранилось изреченіе царя Полидора, который, отправляясь противъ мессенцевъ, заявилъ, что онъ идетъ на нераздѣленные земли, или, точнѣе, на земли, еще не раздѣленные на клеры (*ἐπὶ τῆν ἀκλήροτον τῆς χώρας βαδίζω*—*Plut.*, *Αροφτ.* Lac. 231 e). Эти новые кадры крѣпостныхъ должны были нести опредѣленные оброки. У поэта Тиртея (VII в.) мессенскіе гелоты сравниваются съ тяжело нагруженными ослами,— настолько незavidно было ихъ положеніе. Половину своего дохода они должны были уплачивать спартанцамъ: такимъ образомъ это—половники.

Завоеваніе Мессеніи—страны обширной и плодородной—дало возможность спартіатамъ остановить дальнѣйшее развитіе аграрнаго кризиса и задержать на время ростъ имущественнаго неравенства и развитіе имущественной аристократіи. Лагерный порядокъ былъ поддержанъ. Демось окрѣпъ. Аристократія уступила. По преданіямъ, въ концѣ VIII в. спартанская аристократія должна была сдѣлать еще уступку: былъ введенъ новый демократическій институтъ—эфоратъ.

Исторія эфората. Мы успѣли познакомиться съ царями, герусіей и народнымъ собраніемъ, между тѣмъ всѣмъ павѣстно, что въ Спартѣ было еще одно учрежденіе—эфоратъ. Когда онъ возникъ? Сами греки расходились по вопросу о времени происхожденія эфората. Геродотъ и Ксенофонтъ считали его Ликурговымъ учрежденіемъ, какъ и герусію, земельные клеры, сисситіи

и другія исконныя спартанскія учрежденія. Позднѣйшіе историки относили его къ эпохѣ мессенскихъ войнъ. Къ числу этихъ историковъ относится Эфоръ (IV в.), черезъ котораго это мнѣніе перешло къ Аристотелю; той же точки зрѣнія придерживался въ III в. до Р. X. руководитель царей-реформаторовъ Агиса III и Клеомена III Сферъ Борисоенскій. Такимъ образомъ позднѣе выдвинулась та точка зрѣнія, что эфоратъ болѣе позднее учрежденіе, чѣмъ герусія и царская власть. Въ новой наукѣ тоже происходитъ разногласіе по трактуемому вопросу.

Прежде чѣмъ отвѣтить на вопросъ о томъ, какъ возникъ эфоратъ, посмотримъ, что представлялъ изъ себя *эфоратъ въ историческое время*. Мы знаемъ, что эфоры въ историческое время имѣли весьма обширную компетенцію. Ихъ роль сводилась къ *контролированію всѣхъ спартанскихъ учреждений*. Цари и герои ответственны передъ эфорами. Сначала, по всей вѣроятности, эфоры контролировали только внутреннюю политику, но потомъ и военная дѣятельность царей стала въ зависимость отъ ихъ контроля. Даже въ очень позднее время (III в. до Р. X.) въ Спартѣ существовалъ законъ, по которому царь могъ два раза не явиться на зовъ эфоровъ, но въ третій разъ онъ уже былъ обязанъ прійти: такимъ образомъ, эфоры обладали принудительной властью по отношенію къ царямъ. Мы видимъ, что эфорамъ принадлежитъ, главнымъ образомъ, контролирующая роль, но, конечно, при этомъ они даютъ тѣ или другіе совѣты контролируемымъ, что вмѣстѣ съ отвѣтственностью должностныхъ лицъ передъ ними повело къ тому, что эфоры сдѣлались фактически руководителями всей политической жизни Спарты. Ежемѣсячно цари и эфоры произносили клятву. Ксенофонтъ въ главѣ 7-ой сочиненія о Лаконскомъ государствѣ говоритъ, что „цари и эфоры ежемѣсячно приносятъ другъ другу клятвы, эфоры отъ имени города, цари же сами за себя; клятвы эти сводились къ тому, что цари обѣщали править по существующимъ законамъ города, городъ же обѣщалъ оставить неприкосновенной царскую власть, если цари будутъ исполнять свою клятву“. Мы видимъ, что въ этой клятвѣ, какъ будто заключается нѣкоторый договоръ между царями и эфорами, а, такъ какъ эфоры являются *представителями всего города*, то и этотъ договоръ, значить, въ сущности заключался между царями и городомъ.—Кромѣ контрольной власти, эфоры имѣли и *судебную власть*, а именно у насъ есть указаніе, что въ историческое время эфоры разбирали гражданскія дѣла, въ то время, какъ уголовныя дѣла оставались въ рукахъ герусіи. Та-

ковы свѣдѣнія объ эфоратѣ въ историческое время. Въ виду недостаточности этихъ свѣдѣній *приходится возстановлять исторію эфората гипотетическимъ путемъ*. Мы уже говорили, какъ различно смотрѣли древніе историки на происхожденіе эфората и что въ современной наукѣ по этому вопросу также большое разногласіе. Въ появившейся въ 1906 г. статьѣ *Неймана* *) эфоратъ датируется тѣмъ-же временемъ, что и другія спартанскія учрежденія. Нейманъ указываетъ и дату его возникновенія: списки спартанскихъ эфоровъ, набиравшихся на одинъ годъ, начинаются съ 754 г., слѣдовательно, къ этой эпохѣ, по мнѣнію Неймана, относится появленіе эфората и другихъ учреждений, возникшихъ послѣ завоеванія Лаконіи, которое Нейманъ относитъ къ столь поздней эпохѣ. Но другіе изслѣдователи, напримѣръ, бывший одесскій профессоръ Э. Р. фонъ Штернь **) и Думъ ***) , авторъ одного изъ главныхъ изслѣдованій по исторіи эфората, держатся мнѣнія, что эфоратъ болѣе поздняго происхожденія, чѣмъ другія спартанскія учрежденія. Думъ собралъ много фактовъ, которые указываютъ, что даже въ историческое время можно замѣтить постепенный ростъ власти эфоровъ. Въ VI в. она еще не столь значительна, какъ въ IV и III вв. Значитъ эфоратъ усиливается постепенно. Когда же возникъ эфоратъ? Всѣ спартанскія учрежденія, считавшіяся исконными, встрѣчаются и въ другихъ греческихъ государствахъ, эфоратъ же мы видимъ только въ одной Спартѣ. Онъ, слѣдовательно, болѣе поздняго происхожденія, чѣмъ три гомеровскихъ института—царская власть, герусія и народное собраніе. Ликургова ретра также заставляеть считать его болѣе позднимъ учрежденіемъ, ибо она не упоминаетъ о немъ. Въ ретрѣ говорится о герусіи изъ 30 лицъ, о народномъ собраніи, но на эфоратъ нѣтъ ни малѣйшаго указанія. Даже въ позднѣйшемъ добавленіи къ ретрѣ царей Позидора и Теопомпа ничего не говорится о власти эфоровъ. Точно также и приписываемый Тиртею (поэту VII вѣка) отрывокъ ничего не говоритъ о древности эфората. Вотъ текстъ этого отрывка погречески (*Plut., Lic., 6*):

*Φόβον ἀκούσαντες Πυθωνόθεν ὀκνάδ' ἔνεμαν
ματαιὰς τε θεῶν καὶ τελέεντ' ἔπαια
ἀρχεῖν μὲν βουλῆς θεοτιμῆτους βασιλῆας,*

*) См. выше стр. 193.

**) Berliner Studien für klass. Philologie, 1894.

***) *Dum*, Entstehung und Entwicklung des spart. Ephorats, 1878.

*οἱ μέλει Σπάρτας ἱεροδοσο πόλις,
πρεσβυτας δὲ γέροντας, ἔπειτα δὲ δημότας ἀνδρας,
εὐθελαίς δῆτραις ἀνταπομειβομένους.*

Въ русскомъ переводѣ это значить: „Выслушавъ Феба, (послы) принесли отъ Пивіи домой проризданіе бога и слѣдующія вѣскія слова: Пусть руководятъ совѣтомъ почтенные богами цари, на которыхъ лежитъ забота о прекрасномъ городѣ Спартѣ, далѣе— старцы-геронты, затѣмъ—мужи изъ народа, отвѣчающіе тѣмъ (царямъ и геронтамъ) справедливыми постановленіями“. Этотъ текстъ также умалчиваетъ объ эфоратѣ. Итакъ мы должны будемъ признать, что объ эфоратѣ въ древнѣйшее время нѣтъ даже упоминанія, и поѣтому болѣе правы тѣ, кто считаетъ эфоратъ учрежденіемъ, развившимся позднѣе.

Различіе первоначальной и позднѣйшей компетенціи эфоровъ. Эфорамъ приписывалась компетенція судей по гражданскимъ дѣламъ. Изъ „Политики“ Аристотеля мы знаемъ, что гражданскія дѣла были въ вѣдѣніи эфоровъ. Клеомень III, спартанскій царь III в., въ своей рѣчи, содержащей предложеніе ослабить власть эфоровъ, указываетъ на то, что Ликургъ вмѣстѣ съ царями учредилъ геронтовъ, а, такъ какъ въ послѣдствіи цари, почти все время находясь въ походахъ, не имѣли свободнаго времени для внутренняго управленія, то замѣстителями оставили нѣсколькихъ гражданъ, давъ имъ названіе эфоровъ. Сначала эфоры стоятъ ниже царей, доказательствомъ чего служитъ, по мнѣнію Клеомена, то обстоятельство, что и въ его время при двухъ первыхъ требованіяхъ эфоровъ явиться къ нимъ цари имѣютъ право отказаться; прежде, слѣдовательно, цари совѣмъ не являлись на зовъ эфоровъ. Эфоры въ началѣ—только гражданскіе судьи и лишь въ послѣдствіи усиливаютъ свою власть. Можетъ быть, то обстоятельство, что эфоры, какъ судьи, появились очень рано, и дало поводъ считать эфоратъ учрежденіемъ, появившимся одновременно съ такъ называемыми „Ликурговыми“ учрежденіями. *Итакъ, функціи эфоровъ, какъ гражданскихъ судей, можетъ быть, сравнительно древняго происхожденія; что же касается ихъ власти, какъ главныхъ контролеровъ въ государствѣ, то она, вѣроятно, появилась позднѣе.* Отсюда и различіе датъ, къ которымъ древніе историки относили возникновеніе эфората: пока древніе писатели не задумывались надъ вопросомъ о происхожденіи политической власти эфоровъ, то, имѣя въ виду ихъ судебныя функціи, они считали разсматриваемое учрежденіе очень древнимъ; когда-же стали задумы-

ваться надъ происхожденіемъ политической, а не судебной власти эфоровъ, то стало ясно, что эта послѣдняя относительно поздняго происхожденія. Можно допустить, что политическое вліяніе эфоровъ впервые возникло во время мессенскихъ войнъ. Дѣло въ томъ, что *эфоратъ въ историческое время является учрежденіемъ демократическимъ*. Герусіа избиралась изъ знати, эфоры же, по Аристотелю, избирались изъ всего народа, и Аристотель даже вполне отчетливо и ясно говоритъ, что иногда это званіе носили люди очень бѣдные: демократизмъ эфората ясенъ, и недаромъ относили его происхожденіе къ эпохѣ мессенскихъ войнъ. Въ это время въ Спартѣ, какъ мы видѣли, происходила борьба между демосомъ и аристократіей, и изъ нея побѣдителемъ вышелъ демосъ: онъ окрѣпъ. Попытка царей Полидора и Теопомпа ограничить его власть рухнула, и демосъ воспользовался существовавшей и ранѣе въ качествѣ чисто судебной власти демократической должностью эфоровъ, выбиравшихся изъ числа всѣхъ гражданъ, и придалъ эфорату политическое значеніе: сдѣлалъ эфоровъ своими представителями на подобіе римскихъ народныхъ трибуновъ. Число эфоровъ было 5, и какъ разъ здѣсь очень остроумныя соображенія выдвинулъ Нейманъ, хотя во многихъ другихъ отношеніяхъ съ нимъ и нельзя согласиться: Нейманъ связалъ это число съ пятью территоріальными филами Лаконіи. Послѣ созданія Спартанскаго государства въ Лаконіи, по мнѣнію Неймана, помимо 3-хъ дорійскихъ родовыхъ филъ, было образовано 5 территоріальныхъ. Каждая фила имѣла представителя въ лицѣ эфора. Итакъ, можетъ быть, для разбора гражданскихъ дѣлъ эфоратъ созданъ очень рано, но въ эпоху мессенскихъ войнъ демосъ воспользовался этимъ демократическимъ учрежденіемъ для ограниченія аристократіи и, дѣйствительно, роль эфоровъ усиливается. Думъ ясно показавъ, какъ эфоры въ слѣдующіе вѣка пользовались раздорами царей для усиленія своей власти: царей было два; ихъ неизбѣжными разногласіями дѣла тормозились, чѣмъ и пользовались эфоры. Власть эфоровъ постепенно росла и въ концѣ концовъ она сдѣлалась контролирующей и руководящей магистратурой.

Демократизмъ Спарты и аристократизмъ Лаконіи. Съ усиленія эфората до V в.,—во всякомъ случаѣ, до персидскихъ войнъ и отчасти даже до пелопоннесской войны—*Спарта, какъ городская община, является государствомъ демократическимъ*. Каждый спартіатецъ имѣетъ влѣръ, обладаетъ гражданскими и политическими правами. Но если мы, оставивъ

предѣлы города Спарты, взглянемъ на Лаконію въ цѣломъ, то увидимъ, что о демократіи здѣсь не можетъ быть и рѣчи: большая часть населенія Лаконіи почти не пользуется гражданскими правами, и еще большаѣ—не пользуется правами политическими.

Въ IV и III вв. дѣло мѣняется: къ этому времени и въ самой Спартѣ развивается имущественная аристократія, такъ что нужно твердо помнить, что *Спарта съ VII в. до Пелопоннесской войны—это государство одного типа* (демократизмъ въ городѣ Спартѣ, аристократизмъ въ Лаконіи), *послѣ нея—другого*, (аристократизмъ и въ Спартѣ, и въ Лаконіи). Демократическій характеръ государственнаго строя перваго періода выражается и въ вышеупомянутой клятвѣ, которую заключали ежемѣсячно эфоры съ царями за всю спартанскую общину.

*Расширеніе вліянія Спарты въ Пелопоннесь **). Со времени учрежденія эфората аристократія долгое время не выставляетъ новыхъ притязаній, она болѣе уступчива, и нѣтъ зависимости демоса отъ аристократіи, такъ какъ демосъ обезпеченъ клерами и крѣпостнымъ трудомъ. Его дѣлало независимымъ и лагерное положеніе Спарты: Спарта отовсюду была окружена врагами, и это заставляло аристократію быть уступчивой. Вотъ почему въ то время, когда другія государства Греціи служатъ ареной усиленной классовой борьбы, которая часто приводила къ тиранніи, такой борьбы среди общества спартіатовъ мы не видимъ. Въ Спартѣ въ это время идетъ борьба, но она ведется не между самими гражданами, а лишь между спартіатами и подчиненнымъ крѣпостнымъ населеніемъ Лаконіи. Это даетъ Спартѣ возможность расширить свое вліяніе—въ Греціи и въ частности въ Пелопоннесь.

Аграрное устройство Спарты было таково, что потребность въ землѣ время отъ времени ощущалась вновь. Дѣйствительно, для поддержанія военной общины необходимо было постоянно поддерживать и достаточное число клеровъ. Вотъ почему послѣ завоеванія Мессеніи мы видимъ стремленіе Спарты захватить Арголиду. Въ VIII—VI вв. ведется война за южную Арголиду (Кинурію), и въ концѣ концовъ Спартѣ удается сдѣлать новое территориальное приобрѣтеніе, хотя и въ меньшихъ размѣрахъ, чѣмъ было желательво (Өиреатиду). Въ 650—620 г. до Р. X. Спартѣ приходится подавлять возстаніе въ Мессеніи (2-я Мессенская война). Послѣ этого мы видимъ стремленіе захватить Тегею

*) Ср. *Busolt*, Die Lakedaimonier und ihre Bundesgenossen, Bd. I, 1878; *Gilbert*. Handb. d. griech. Staatsalt. II. B., 2. Aufl., стр. 90—101

(въ юж. Аркадіи), окончившееся неудачей. Оказалось, что силъ Спартанской общины стало недостаточно для покоренія сосѣднихъ общинъ. Пришлось удовольствоваться тѣмъ земельнымъ запасомъ, который былъ приобрѣтенъ ранѣе и котораго пока еще хватало.

Во 2-й половинѣ VI вѣка съ Тегеей заключили союзъ. Тегея обязалась не оказывать поддержки врагамъ Спарты.

Война съ Тегеей послужила основаніемъ къ измѣненію внѣшней политики Спарты: до сихъ поръ ея политика заключалась въ стремленіи увеличить земельный запасъ, теперь спартиаты переходятъ къ политикѣ заключенія договоровъ и союзовъ. Спарта стремится объединить около себя сосѣднія государства. Детально прослѣдить этотъ процессъ довольно затруднительно.

Къ концу VI в. Спарта объединила около себя весь Пелопоннесъ, кромѣ Арголиды и ахейскихъ округовъ: такъ созданъ *Пелопоннескій союзъ*. Онъ былъ первымъ значительнымъ союзнымъ соединеніемъ Греціи въ историческое время (я оставляю въ сторонѣ государства эгейскаго періода). Пелопоннескій союзъ включилъ почти всѣ государства Пелопоннеса.

Соглашеніе союзныхъ государствъ было такого рода, что всякое государство, вновь присоединившееся къ союзу, заключало договоръ со Спартой. Союзныя государства обязывались разрѣшать разногласія между собой третьейскимъ судомъ и оказывать другъ другу поддержку противъ внѣшнихъ враговъ. Общія дѣла рѣшались на съѣздѣ ихъ представителей. Что касается обязанностей по отношенію другъ къ другу, то онѣ не шли дальше военной помощи; во внутренія дѣла союзная организація не вмѣшивалась. Въ случаѣ войны, угрожавшей извнѣ, каждое государство выставляло опредѣленный контингентъ войска: если война предполагалась въ предѣлахъ даннаго государства, то выставлялось все войско, если внѣ его, то $\frac{2}{3}$ войска. Мы не видимъ, чтобы до пелопоннеской войны существовали постоянные денежные взносы; мы знаемъ, что они дѣлались въ общую казну только по мѣрѣ надобности. Какъ бы то ни было, Спартѣ удалось объединить почти весь Пелопоннесъ. Она была равнымъ членомъ союза, отличіе же отъ другихъ союзниковъ заключалось лишь въ томъ, что ей было поручено приводить въ исполненіе постановленія общаго съѣзда, и ей же принадлежало главенство (гегемонія) въ войскѣ. Это дало ей возможность въ началѣ греко-персидскихъ войнъ играть руководящую роль. Позднѣе съ ней стали конкурировать Аѣины.

Критъ.

Сходныя со Спартой общины, созданы были дорянами на Критъ.

Детально исторія завоеванія Крита дорянами неизвѣстна. Они явились, главнымъ образомъ, изъ Целопоннеса (см. выше стр. 87 и 91). Здѣсь выдвинулись города Кносъ, Гортина и Кидонія (*Kudawia*). Это—главные города Крита, всѣхъ же ихъ насчитывалось нѣсколько десятковъ. Они рѣдко объединялись въ одно значительное государство. Такіе моменты, когда прекращались раздоры между критскими городами, и происходило сліяніе ихъ (синкретизмъ) въ одно болѣе значительное государство, случались, но они въ исторіи Крита довольно рѣдки и имѣли мѣсто лишь въ позднюю эпоху (преимущественно въ эллинистическій періодъ). Обычно мы встрѣчаемъ здѣсь разрозненныя общины, въ управленіи и организаціи которыхъ много общаго со спартанскими порядками. Свободное населеніе Крита организовано въ филы, гетеріи (соотвѣтствующія братріямъ) и роды. Военная единица (*στάριος*) основана на родовомъ принципѣ. Члены филы связаны и нѣкоторыми имущественными интересами (см. выше стр. 125). Сельское населеніе поставлено въ крѣпостную зависимость. Однако здѣсь два рода крѣпостныхъ. Одни принадлежатъ государству, сидятъ на государственныхъ доменахъ и называются *ἡ μνοία*—это государственные крѣпостные, подобные гелотамъ. Частные крѣпостные назывались *δαριδιταί*, это, повидимому, тѣ, которые въ Гортинскихъ законахъ (нач. V в.) назывались *φοινίτες*. Эти крѣпостные нѣсколько отличаются отъ спартанскихъ гелотовъ, они имѣютъ нѣсколько больше правъ; критскій крѣпостной могъ жениться на свободной, но нужно считаться и съ тѣмъ, что онъ былъ обязанъ извѣстнымъ постояннымъ оброкомъ въ пользу господина, не могъ выступать на судъ (вмѣсто него—господинъ), не могъ носить оружія. У каждаго критскаго государства-города была группа такихъ крѣпостныхъ.

Гортинскіе законы показываютъ существованіе на Критѣ и полныхъ рабовъ (*δοῦλοι*) и кабальныхъ за долги (Горт. законы X 25 сс.).

Особая часть населенія Крита—составляютъ афетайры (*ἀφεταιροί=ἀφεταιροι*), т. е. стоящіе внѣ гетеріи. Гортинскіе законы и другія данныя показываютъ, что это—или неполноправные жители городовъ, или крестьяне, оставшіеся свободными. Господствующій классъ—это полноправные свободные граждане (*ἀλεύθεροι*).

Высшія должностныя лица въ критскихъ общинахъ избирались не изъ всѣхъ полноправныхъ гражданъ, но только изъ аристократическихъ родовъ (*Arist. Polit. II, 7, 5*). На Критѣ, слѣдовательно, какъ и въ другихъ греческихъ государствахъ, изъ массы свободныхъ гражданъ выдѣлилась аристократія. Когда тамъ исчезла царская власть, мы не знаемъ (преданіе о Миносѣ показываетъ, что она нѣкогда существовала), но позднѣе мы видимъ выборныхъ магистратовъ—10 космовъ (*κοσμοί*), избиравшихся всѣми гражданами, но только изъ среды знати *).

Рядомъ съ ними стоитъ совѣтъ старѣйшинъ (*βουλή*), тоже изъ аристократовъ ибо сюда попадали космы, отслужившіе свой срокъ **). Критское народное собраніе имѣло очень ограниченныя права, оно выступало только для принятія постановленій совѣта и космовъ ***).

Сами граждане были организованы въ военную общину и вели казарменный образъ жизни, какъ и въ Спартѣ. Юношеству давалось военное воспитаніе. Взрослые критяне жили вмѣстѣ и участвовали въ сиситіяхъ которыя на Критѣ назывались андріи (*ἀνδρεία*). Сходство со Спартой, какъ мы видимъ, значительное, только не имѣетъ смысла искать его въ особенностяхъ дорійскаго духа, какъ это дѣлалъ К. О. Мюллеръ. Военная организація общинъ на Критѣ возникла, какъ слѣдствіе того положенія, въ какое побѣдители попали по отношенію къ туземному населенію. Крѣпостное населеніе заставило покорителей организовать въ военныя государственныя общины. Только на Критѣ крѣпостные были спокойнѣе, чѣмъ въ Лаконіи (*Aristot. Polit. II 7, 8*), потому что ихъ положеніе на Критѣ было лучшее.

Съ теченіемъ времени начинается демократизація государственнаго строя разсмотрѣнной группы государствъ, но этотъ процессъ относится къ болѣе позднему—эллинистическому періоду.

XI. Періодъ классической или городской Греціи. 2. Борьба греческихъ государствъ-городовъ съ сосѣдями (греко-персидскія войны).

Источники.

Къ источникамъ разсматриваемой эпохи относятся, прежде всего, нѣкоторые изъ логографовъ. Современникомъ греко-персидскихъ войнъ Гекатеємъ Милетскимъ была изложена ихъ

*) *Aristot. Polit. II 7, 5.*

**) *Ibid.*

***) *Ibid. II 7, 4.*

исторія, но отъ его сочиненій дошли до насъ только незначительные отрывки, и поэтому въ данномъ случаѣ приходится пользоваться болѣе поздними историками. Имѣетъ значеніе, напр., изложеніе *Діодора Сицилійскаго* (въ XI кн.), основанное гл. обр. на Эфоръ (см. выше стр. 17 и 19). Большое значеніе имѣютъ *Плутарховы* біографіи Аристида, Фемистокла и Кимона, основанныя на разнообразныхъ источникахъ *). Но главнымъ источникомъ для событій 500—479 г. является *Геродотъ* **).

Біографія Геродота. Самое происхожденіе Геродота таково, что у него должно было создаться общегреческое (панэллинское) міросозерцаніе. Родомъ онъ былъ изъ Галикарнасса,— колоніи дорійскаго происхожденія, но расположенной на рубежѣ съ іонійскими колоніями и въ своемъ составѣ имѣвшей много іонійцевъ (Геродотъ и писалъ на іонійскомъ нарѣччі). Эти послѣдніе приходили въ постоянное соприкосновеніе съ Галикарнассомъ, и у Геродота не могло создаться какой-либо исключительности—дорійской, или іонійской; онъ былъ болѣе или менѣе одинаково близокъ къ обоимъ племенамъ. Нужно считаться также и съ тѣмъ, что онъ познакомился и съ другими греческими поселеніями,—это очень важный фактъ, способный объяснить его племенную безпристрастность и, если пристрастіе у него есть, то на другой почвѣ. Точно опредѣлить время его жизни нельзя. Приблизительно онъ жилъ между 485 и 425 гг. Галикарнассъ въ пору юности Геродота былъ раздираемъ классовой и, въ связи съ ней, партійной борьбой. Какъ и въ другихъ греческихъ городахъ, здѣсь происходила борьба между демократической и аристократической партіями. Какъ разъ въ эпоху Геродота тутъ устанавливается тираннія, и онъ участвуетъ въ борьбѣ противъ нея, въ силу чего ему пришлось удалиться на о. Самось. Такимъ образомъ у него вполне естественно зарождается антипатія къ тираннії, и создаются демократическія симпатіи. Позднѣе Геродотъ возвращается на родину и помогаетъ сверженію тираннії, послѣ чего отправляется путешествовать. Онъ посѣтилъ много греческихъ поселеній,

*) См. объ этомъ *Пельманъ*, Очеркъ греческой исторіи, 1910, стр. 117.

***) Характеристика Геродота дана у *Вуассюла*. Введеніе, изд. 3, стр. 57—82. Литература указана тамъ же и у *Пельмана*, Очеркъ, пер. съ 4 изд., стр. 113—115. Русскій переводъ Геродота принадлежитъ бывшему профессору Казанскаго Университета *Ф. Г. Мищенко* (2-е изд., М. 1888, 2 тома). Ему же принадлежатъ и цѣнныя статьи о Геродотѣ, приложенныя къ переводу.

напр., былъ въ черноморскихъ колоніяхъ, причемъ имѣлъ возможность познакомиться съ бытомъ и нравами скивовъ, долгое время жилъ въ Европейской Греціи, особенно въ Афинахъ, гдѣ вращался, повидимому, въ кружкѣ Перикла, былъ въ Египтѣ, Сириі, въ Финикии, въ Сѣв. Аравіи—въ области Набатеяскаго племени; странствовалъ въ Месопотаміи, хотя нельзя точно сказать, какія мѣстности онъ здѣсь посѣтилъ; нельзя также съ увѣренностью сказать, былъ ли онъ въ Вавилонѣ; то же самое относится и къ Экбатанѣ. Во всякомъ случаѣ, путешествуя, онъ познакомился какъ съ эллинскимъ, такъ и съ варварскимъ міромъ.

Затѣмъ мы видимъ Геродота участникомъ въ выводѣ колоніи въ Эуріи (въ южн. Италиі). Гдѣ умеръ Геродотъ—въ Афинахъ или въ Эуріяхъ,—неизвѣстно. Прослѣдить детальнѣе его жизнь не представляется возможнымъ.

Гораздо болѣе можно сказать объ его сочиненіи. Оно интересно, какъ историческій источникъ и для предшествующей исторіи Греціи, и для того періода, къ которому мы сейчасъ приступаемъ. Кроме того, оно—важный источникъ для ориенталистовъ, для исторіи Египта и Передней Азіи; очень интересно оно также и для характеристики греческой мысли вообще, такъ какъ характеризуетъ эпоху перелома въ міросозерцаніи древнихъ грековъ. Геродотъ болѣе связанъ съ прошлой Греціей, чѣмъ съ будущей. Какъ историкъ, онъ тѣсно примыкаетъ къ логографамъ, и поэтому можно возражать противъ присвоеннаго ему титула „отца исторіи“: отцомъ научной исторіи будетъ гораздо правильнѣе считать Фукидиду. У Геродота—мы замѣчаемъ лишь слабыя зачатки научной исторической мысли. Цѣль его труда, какъ онъ самъ указываетъ, заключается въ томъ, чтобы сохранить отъ забвенія дѣянія прошлаго и особенно событія борьбы грековъ съ варварами.

Планъ сочиненія Геродота. Во первыхъ главахъ (I 1—5), какъ это дѣлаютъ и логографы, Геродотъ останавливается на миическомъ періодѣ, перечисляетъ мифы, гдѣ рѣчь идетъ о столкновеніяхъ эллиновъ съ варварами и здѣсь проявляется его довольно наивный раціонализмъ, но затѣмъ онъ переходитъ къ историческому періоду, гдѣ его изложеніе уже отличается отъ упомянутыхъ писателей. Онъ начинаетъ съ исторіи Лидіи, Мидіи и Персіи, такъ какъ именно съ этими государствами пришлось особенно много бороться грекамъ. Затѣмъ, когда онъ переходитъ къ исторіи Персіи въ эпоху завоеванія Ассиріи и Вавилона, то попутно даетъ очеркъ исторіи этихъ послѣднихъ государствъ

въ предшествующее время. Таково содержаніе I книги.—Точно также останавливается Геродотъ на исторіи и современномъ ему состояніи Египта (II кн.), когда доходить до завоеванія его Камбизомъ. Послѣ очерка завоеванія Египта Геродотъ снова возвращается къ Персіи, повѣствуетъ о Лже-Смердисѣ и о Даріи (III кн.). Въ 4-ой книгѣ онъ излагаетъ исторію похода Дарія противъ скивовъ и по этому поводу даетъ подробное описаніе Скивіи, т. е. юга Россіи. Только въ 5-ой книгѣ онъ обращается къ исторіи греко-персидскихъ войнъ, которую доводитъ въ 5 книгахъ (5-я—9-я) до занятія греками Сеста, т. е. до 479 г.

Таковъ планъ сочиненія Геродота. Его послѣдовательность только хронологическая. Когда онъ доходитъ до событія, въ которомъ замѣшано какое-либо государство или племя, то онъ дѣлаетъ громадныя отступленія, являющіяся какъ бы исторической справкой, и въ этомъ отношеніи напоминаетъ простаго рассказчика.

Эпоха написанія труда Геродота опредѣлена въ точности быть не можетъ. *) Болѣе основаній думать, что послѣднія книги были закончены въ первые годы Пелопоннесской войны.

Геродотъ пользуется самыми различными источниками. Особенно интересны и важны свѣдѣнія, которыя онъ сообщаетъ на основаніи *собственнаго наблюденія*. Онъ былъ во многихъ странахъ, многое видѣлъ, и повтому личныя его впечатлѣнія интересны, но и ихъ слѣдуетъ провѣрять не изъ недовѣрія къ правдивости автора, а по той простой причинѣ, что языка многихъ посѣщенныхъ имъ странъ онъ не зналъ и очень часто вынужденъ былъ пользоваться услугами переводчиковъ, какъ, напр., въ Египтѣ—услугами жрецовъ. Но переводчики часто говорили очень плохо, многое искажали, многое сообщали на память и извращали факты. То же самое, что испытываетъ современный путешественникъ пользуясь услугами гидовъ, но только еще въ большей степени, долженъ былъ испытывать и Геродотъ.

Такимъ образомъ, при пользованіи его данными, намъ придется провѣрять все сообщенное имъ. Тамъ, гдѣ видно, что онъ излагаетъ собственныя наблюденія,—вѣрять ему можно; если

*) См. о полемикѣ по этому вопросу у *Пельмана*, о. с., 4 изд., рус. пер., стр. 118—114.

же онъ просто замѣчаетъ, что то или другое онъ слышалъ отъ кого-либо, достовѣрность его сообщенія очень колеблется.

Кромѣ личныхъ наблюдений, матеріалъ для сочиненія Геродотъ бралъ также изъ *устной традиціи*. Очень часто Геродотъ говоритъ о томъ, что слышалъ, и поэтому, какъ указываетъ Пельманъ, въ его сочиненіи отразились недостатки его источника—устной традиціи. Здѣсь часто имѣетъ мѣсто вымыселъ или извѣстныя преувеличенія въ силу національныхъ симпатій (напр., греки преувеличивали количество персовъ, вторгавшихся въ Элладу). Нужно считаться и съ тѣмъ, что въ устной традиціи гораздо яснѣе даетъ себя чувствовать не только національная, но и классовая и политическая тенденціи.

Такимъ образомъ личное наблюдение и устная традиція—основа Геродота, но онъ не игнорируетъ и *предшествующую ему литературу*: онъ знакомъ съ логографами (съ Гекатеемъ Милетскимъ II 143, V 36 и VI 137), знакомъ съ поэтами (Гомеромъ и лириками), но историческая литература въ то время была еще очень бѣдна.

Что касается *документальнаго матеріала*, то онъ ссылается на надписи, на памятники, но нельзя сказать, чтобы онъ пришелъ къ мысли о необходимости изучать эти документы—это ему не по силамъ, и является у него не правиломъ, а рѣдкимъ исключеніемъ.

Насколько же *критиченъ* Геродотъ въ отношеніи къ своимъ источникамъ? Въ этой области нашлись очень большіе худители Геродота, его прямо обвиняли въ сознательномъ искаженіи фактовъ, но этого въ дѣйствительности не было. Въ VII кн., 152 гл., онъ говоритъ: „Я обязанъ передавать то, что говорятъ, но вѣрить всему не обязанъ; это замѣчаніе имѣетъ силу относительно всего моего повѣствованія“. Таковъ основной принципъ Геродота. Онъ передаетъ то, что слышалъ, но не считаетъ себя обязаннымъ критически провѣрять сообщаемое, а читателя—въ это сообщаемое вѣрить. Но, не смотря на указанное заявленіе, мы всетаки, видимъ у Геродота зарожденіе критики. Уже у логографовъ встрѣчается примитивный рационализмъ; есть онъ и у Геродота; напр., извѣстно, какъ онъ описываетъ прекращеніе бури около Сепіада; онъ говоритъ, что вѣтеръ утихъ, потому что его успокоили маги жертвами, а, можетъ быть, прибавляетъ онъ, онъ унялся самъ собой (VII 191). У него пробуждается критическое отношеніе, но оно еще не окрѣпло. Мало того, по своимъ философско-религіознымъ взглядамъ Геродотъ склоненъ къ вѣрѣ въ чудесное. У него

цѣль потребности отвергать чудесное въ исторіи, такъ какъ онъ допускаетъ его въ своемъ общемъ міросозерцаніи. Однако чудесное играетъ роль у Геродота главнымъ образомъ въ разсказѣ о давнопрошедшихъ временахъ: чѣмъ его разсказъ ближе къ современности, тѣмъ меньше въ немъ сверхъестественнаго элемента. Такимъ образомъ. Геродотъ страдаетъ не сознательнымъ искаженіемъ дѣйствительности, а недостаточной критичностью. Поэтому, не отвергая его въ цѣломъ, къ каждому отдѣльному свидѣтельству его должно прилагать критическій анализъ, особенно къ показаніямъ о древнихъ событіяхъ.

Но нельзя и преувеличивать скептическаго отношенія къ традиціи, сообщаемой Геродотомъ: весьма многое въ его сообщеніяхъ получаетъ подтвержденіе въ новыхъ археологическихъ и историческихъ изслѣдованіяхъ *).

Конструированіе Геродотомъ историческаго матеріала и его общее міросозерцаніе. До сихъ поръ мы говорили о томъ, какъ собирался Геродотомъ матеріаль, о томъ, насколько онъ провѣрялъ его, но сверхъ того, важно знать, какъ фактической матеріаль имъ группировался, связывался въ одно цѣлое. При этомъ важно обратить вниманіе на его общее міросозерцаніе. Оно имѣетъ религіозную окраску:—онъ вѣритъ въ боговъ, и его можно называть провиденціалистомъ, такъ какъ, по его мнѣнію, судьбами человѣка управляютъ боги или рокъ, которому подчиняются и сами боги. Его сочиненія проникнуты той же идеей, что и произведенія греческихъ трагиковъ; надъ міромъ царитъ Немезида, воздающая каждому должное (I 34). Карающая рука Немезиды видна и на судьбѣ Креза, который возгордился и былъ за это наказанъ, и на судьбѣ спартанскаго царя Клеомена,—вотъ примѣры, характеризующіе вѣру Геродота въ воздаяніе, и они не единственные. Съ другой стороны боги ставятся имъ почти на одну доску съ Гомеровскими:—они завистливы, и губятъ человѣка, движимые этой страстью; судьба тирана самосскаго Поликрата результатъ зависти божества. Боги вмѣшиваются въ ходъ исторіи и измѣняютъ какъ судьбы отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлыхъ народовъ. Однако вѣра въ возможность вторженія сверхъестественныхъ силъ, чудесный элементъ въ объясненіи хода событій проникаетъ сочиненіе Геродота лишь въ тѣхъ его частяхъ, которыя относятся къ отдаленнымъ временамъ. Какъ мы уже сказали, въ разсказахъ о

*) Ср. мои замѣчанія въ предисловіи къ изслѣдованію В. О. Смоліна, О передвиженіяхъ геродотовскихъ скивовъ, Казань, 1915.

недавнемъ прошломъ, Геродотъ очень мало вводитъ въ свое изложеніе сверхъестественныхъ элементовъ: онъ здѣсь дѣлается почти реалистомъ. Но говоря вообще по общему своему міросозерцанію, придется ближе къ старой эпохѣ—до-Перикловой, чѣмъ къ новой—ко времени Перикла и эпохѣ, послѣдующей за нимъ.

Политическіе взгляды Геродота. Въ III кн., 80 гл., Геродотъ приводитъ разговоръ трехъ персовъ предъ избраніемъ на престолъ Дарія Гистасла. Здѣсь собесѣдники высказываютъ свои взгляды на формы государственнаго управленія. Первый персъ демократъ Отанъ, второй аристократъ Мегабизъ и, наконецъ, третій—Дарій Гистаспъ—сторонникъ монархіи. Демократъ указываетъ на самовластіе, царящее въ монархіи, и на равномерность участія всѣхъ гражданъ въ управленіи, составляющую достоинство демократіи, Аристократъ отмѣчаетъ, что при самодержавіи царитъ самовластіе, при демократіи же—равноуданность народа, напротивъ, при аристократическомъ режимѣ управленіе находится въ рукахъ лучшихъ людей. Представитель монархической точки зрѣнія указываетъ на борьбу честолюбія въ аристократіи, доводящую до кровопролитія, а, съ другой стороны, на силу монарха и на способность его управлять націей. Самъ народъ, по мнѣнію Дарія, часто отрекался отъ своей власти, чтобы передать ее достойнѣйшему. Такъ характеризуетъ Геродотъ положительныя и отрицательныя стороны различныхъ формъ правленія. У него самого нельзя искать строгой опредѣленности политическихъ воззрѣній. Мы видѣли, что въ личной жизни онъ обнаружилъ отвращеніе къ тиранніи и склонность къ Аеинамъ эпохи Перикла. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ находился подъ влияніемъ кружка Перикла, онъ сочувствовалъ равенству и свободѣ. Говоря о побѣдахъ аеинянъ послѣ Клисеена, Геродотъ (V 78) заявляетъ: „Не одинъ только этотъ, но вообще всѣ случаи доказываютъ, какъ драгоценно равноправіе (*ἰστροφία*). Дѣйствительно, находясь подъ гнетомъ тиранніи, аеиняне не могли одолѣть въ военномъ дѣлѣ никого изъ своихъ сосѣдей, а, освободившись отъ тиранновъ, заняли безспорно первенствующее мѣсто. Это показываетъ, что, будучи поработаны тираннами, они были нерадивы, какъ бы работая на господина; напротивъ, по достиженіи свободы каждый изъ нихъ сталъ работать усердно для собственнаго благополучія“.

Иногда можно замѣтить, что въ трудѣ Геродота отражаются взгляды извѣстной партіи; замѣтно сочувствіе Алкмеонидамъ (родичамъ Перикла); въ то же время Геродотъ настроенъ про-

тивъ Фемистокла (Фемистоклъ былъ во враждѣ съ Алкмеонидами). Геродотъ сочувствуетъ аеинянамъ, цѣнить спартанцевъ, но не любитъ еванцевъ, ставшихъ на сторону Персіи во время греко-персидскихъ войнъ.

Ходъ греко-персидскихъ войнъ.

Обращаемся къ разсмотрѣнію хода греко-персидскихъ войнъ. Уже самый процессъ колонизаціи долженъ былъ привести грековъ къ столкновенію съ персами. Пока въ М. Азіи не было большихъ государствъ, греческія колоніи сохраняли независимое существованіе, но постепенно, послѣ пережитого Ассирійской монархіей кризиса, здѣсь образуется въ началѣ VII в. Лидійская монархія, приобретающая большое значеніе въ VI вѣкѣ. Мы видимъ, какъ Лидійское царство уже въ VII в. начинаетъ подчинять себѣ одну за другой греческія колоніи въ Малой Азіи. Крезь въ срединѣ VI в. докончилъ это дѣло (*Herod. I 27*). Лидійцы довольствуются только небольшой данью колоніи и не вмѣшиваются во внутренне управленіе грековъ. Дѣло мѣняется, когда Лидійское царство было завоевано персами. Киръ, не ограничиваясь покореніемъ Малой Азіи, наложилъ свою тяжелую руку и на греческія колоніи, ихъ зависимость отъ персовъ становится очень значительной. Завоеваніе греческихъ колоній являлось для персовъ необходимою. Для поддержанія такого огромнаго государства, какъ Персидская монархія, требовались большіе ресурсы, колоніи же были очень богаты. Необходимость завоеванія обуславливалась также стремленіемъ Персидскаго царства къ своей естественной границѣ—къ морю. Съ 40-хъ гг. VI вѣка греческія колоніи подпадаютъ подъ владычество персовъ, и эти послѣдніе поддерживаютъ здѣсь тотъ строй, какой имъ кажется болѣе выгоднымъ,—именно тираннію. Этихъ тиранновъ слѣдуетъ отличать отъ болѣе раннихъ греческихъ тиранновъ VII и VI вѣковъ. Тираннія въ малоазійскихъ колоніяхъ возникаетъ не просто на почвѣ классовою борьбы, а является искусственнымъ созданіемъ побѣдителей: тиранны этой эпохи—ставленники персовъ. Жизнь въ колоніяхъ стала тяжела.

Въ эпоху Дарія Персидская монархія простирается отъ предѣловъ Нильской долины и западнаго побережья М. Азіи до Сыръ-и Аму-Дарьи и до Инда. Зарождается стремленіе къ еще большему расширенію.

Персамъ пришлось защищать свои границы отъ кочевниковъ, обитавшихъ въ степяхъ южной Россіи и въ степныхъ

пространствахъ, примыкавшихъ съ сѣвера къ Ирану (вообще исторія Ирана—это исторія борьбы съ кочевниками). Дарій думалъ подчинить скивовъ, кочевавшихъ въ степяхъ южной Россіи, но этотъ походъ окончился въ 513 г. полной неудачей. Персы не могли справиться со скивами, такъ какъ персидское войско было слишкомъ удалено отъ родины и мало приспособлено къ борьбѣ при тамошнихъ географическихъ условіяхъ. Персы должны были возвратиться съ большимъ урономъ.

Каковы же были послѣдствія этого похода? Онъ подорвалъ престижъ персовъ: малоазійскіе греки видятъ, что съ персами можно бороться. Съ другой стороны сами персы послѣ этого похода усилили репрессіи по отношенію къ азіатскимъ грекамъ. Правительство обезпокоилось; усиливается тиранія.

Какъ отвѣтъ на репрессіи, въ іонійскихъ колоніяхъ вспыхиваетъ возстаніе (ок. 500 г.), центромъ котораго дѣлается Милетъ. Малоазійскіе греки стали просить помощи у своихъ европейскихъ собратьевъ. Аеиняне прислали имъ 20, вретрійцы—5 триеръ. На этотъ разъ персы справились съ возставшими, но вполнѣ естественно, что они должны были подумать объ европейскихъ грекахъ. Въ интересахъ безопасности своихъ границъ персамъ было необходимо покончить съ ними, такъ какъ персы видѣли, что, пока европейскіе греки не будутъ подчинены, не будетъ прочнымъ ихъ господство надъ малоазійскими соплеменниками грековъ: европейскіе греки все время будутъ вносить броженіе въ среду малоазійскихъ, а малоазійскіе будутъ надѣяться на своихъ европейскихъ собратьевъ. Такимъ образомъ, то же самое естественное стремленіе укрѣпить свои границы приводитъ персовъ къ борьбѣ съ европейскими греками.

Первое выступленіе персовъ противъ грековъ въ 492 г., когда ихъ войско подъ предводительствомъ Мардонія (зятя персидскаго царя), перешло черезъ Геллеспонтъ, а ихъ громадный флотъ двинулся по сѣверному побережью Эгейскаго моря, кончилось неудачей: персидскій флотъ потерпѣлъ крушеніе при Аеонскомъ мысѣ, а сухопутное войско, страдавшее отъ еракіи—пещь, лишившись связи съ Азіей, должно было вернуться.

Слѣдующая экспедиція была предпринята въ 490 г. Персидское войско переправляется на корабляхъ прямо въ Аттику и высаживается у Марафона. Греки потомъ сильно преувеличивали количество персидскаго войска, высадившагося въ Аттікѣ. Цифра въ 200,000 персовъ противъ 10 т. аеинянъ кажется невѣроятной. Самый фактъ переправы персидскаго войска на корабляхъ показываетъ, что оно не могло быть такъ велико,

въ виду несовершенства тогдашнихъ перевозочныхъ средствъ. Такимъ образомъ, врядь ли персовъ высадилося у Мараона такъ много, и врядь ли они имѣли большое численное преимущество надъ греками. Морская переправа для персовъ была неудобна и тѣмъ, что они не могли переправить въ Грецію лучшую часть своего войска—конницу, которая была представлена здѣсь слабо. Пѣхотное войско, состоявшее изъ воиновъ разныхъ національностей, оказалось менѣе приспособленнымъ къ бою, чѣмъ сплоченная фаланга аеинскихъ гоплитовъ. Умѣлый приемъ Мильтиада привелъ къ побѣдѣ надъ персами. Причинами поражения персидскаго войска являются, такимъ образомъ, малое количество персидской конницы и превосходство аеинской пѣхоты. Походъ кончился неудачей и персы долго не предпринимаютъ новой экспедиціи, аеиняне же послѣ мараонской побѣды не дремлютъ.

Въ ближайшіе годы послѣ этого событія они предпринимаютъ цѣлый рядъ мѣръ, направленныхъ на стратегическія цѣли. Въ Аоинахъ до этого времени флотъ былъ незначителенъ,—теперь создается сильный флотъ. Это мѣропріятіе не обошлось конечно безъ внутренней борьбы.

Аеины въ 490—480 гг. Обзоръ исторіи Аеинъ мы довели до эпохи Клисеена. Клисеенъ болѣе, чѣмъ Солонъ, создалъ фундаментъ для демократіи, но не создалъ строго-демократическихъ учреждений, оставивъ въ силѣ старыя учрежденія эпохи Солона. Эти учрежденія еще не были приспособлены къ демократическому строю, и дѣятельность вождей демоса стала сводиться именно къ тому, чтобы приспособить учрежденія къ новымъ политическимъ и социальнымъ потребностямъ. Демократія торжествуетъ. Аристократическая, землевладѣльческая партія ступшевывается на нѣкоторое время. Правда, присутствіе Гиппіа въ персидскомъ войскѣ показываетъ, что тиранны желали вернуться въ Атику и, можетъ быть, аристократическая партія принимала въ этомъ нѣкоторое участіе, но въ общемъ слѣдуетъ замѣтить, что аристократія отъ удара, нанесеннаго ей реформой Клисеена, долго не могла оправиться.

Намъ приходится считатьъся съ наличностью двухъ демократическихъ вождей въ эту эпоху: Фемистокла и Аристиды, находившихся въ борьбѣ между собою. Плутархъ утверждалъ, что Фемистоклъ былъ демократъ, а Аристидъ—аристократъ. Но это совершенно невѣрно. Точно также неправильно мнѣніе, что борьба между ними обуславливалась тѣмъ, что Фемистоклъ былъ представителемъ и защитникомъ интересовъ городской демократіи, а Ари-

стидь—сельской, что Фемистокль желалъ перенести политику Аѣинъ на море, а Аристидь стоялъ за континентальную политику. Мы знаемъ, что Аристидь принималъ дѣятельное участіе въ организациі Аѣинскаго морскаго союза. Въроятноѣ всего, что разница въ программахъ Аристида и Фемистокла сводилась гл. обр. къ размѣру программъ: морская программа Фемистокла была шире. А еще болѣе значительно было различіе въ тактикѣ: Аристидь былъ сторонникомъ „чистыхъ средствъ“, Фемистокль часто руководствовался принципомъ, что цѣль оправдываетъ средства. Но Фемистокль былъ выдающійся по способностямъ человекъ, съ полной рѣшительностью указавшій Аѣинамъ путь къ ихъ дальнѣйшему прогрессу. Фукидидъ, относившійся къ Фемистоклу безпристрастно, чѣмъ Геродотъ, симпатизировавшій Алкмеонидамъ (а Фемистокль былъ врагомъ Алкмеонидовъ), говоритъ о Фемистоклѣ (I 138), что онъ прекрасно оцѣнивалъ положеніе момента и точно угадывалъ событія будущаго. Въ 483 г. борьба окончилась ostracismомъ Аристида,—ostracismъ становится орудіемъ политической партійной борьбы. Такимъ образомъ, торжествуетъ политика Фемистокла. Онъ добился того чтобы доходы съ Лаврійскихъ серебряныхъ рудниковъ были направлены на созданіе военнаго флота. На эти средства было построено около 100 тріэръ (большихъ кораблей). Затѣмъ, старую Фалерскую гавань, открытую и плохо защищенную, Фемистокль замѣняетъ новой гаванью, удобной для защиты—Пирейской, которая позднѣе играетъ главную роль въ Атикѣ, Пирейская замкнутая бухта сильно укрѣпляется. Этимъ Фемистокль создаетъ базу для развитія аѣинскаго морскаго могущества. Когда потомъ, въ 480 г., возобновилась борьба съ персами, аѣиняне оказались къ ней прекрасно подготовленными. Прежде они могли вести только оборонительную войну, теперь же они сами переходятъ въ наступленіе, хотя борьба первоначально и на этотъ разъ начинается съ политики оборонительной. И планъ персовъ теперь былъ иной.

Нашествіе Ксеркса. Въ 480 г. войско Ксеркса шло инымъ путемъ, чѣмъ въ 490 г. Морская переправа, въ виду необходимости сокращать при ней численность войска, была признана неудобной. Войско переправляется окружнымъ путемъ, сначала черезъ Гелеспонтъ, а потомъ сухопутьемъ по еракійскому побережью, флотъ же персидскій въ это время движется вдоль берега. Назначеніемъ флота было поддержаніе сношеній войска съ родиной и доставленіе ему провіанта, когда проходимая войскомъ страна оказывалась не въ состояніи прокормить его.

Возникаетъ вопросъ о численности персидскаго войска, такъ какъ она повліяла на исходъ борьбы. Геродотъ, говоритъ, что въ войскѣ персовъ было до 1,700,000 пѣхоты и 80,00 всадниковъ, общая же численность его, вмѣстѣ съ обозомъ, флотомъ и пр., доходила до 5 милліоновъ и даже превышала эту цифру. Белохъ очень остроумно замѣчаетъ, что если бы эта цифра была вѣрна, то получилась бы такая картина: въ то время, какъ авангардъ приближался къ Фермопиламъ, арьергардъ долженъ былъ только выходить изъ Сардъ: такимъ образомъ, выходить, что персидское войско растянулось бы отъ центра М. Азии до Фермопилъ,—несомнѣнная нелѣпость. Вотъ примѣръ, насколько ложной оказывается устная традиція. Даже показанію Ктесія, что персидское войско состояло изъ 800 тысячъ воиновъ, основанному на персидской традиціи, довѣрять нельзя. По вычисленію Дельбрюка, численность персидской арміи колебалась между 45—50 тысячами. Эта цифра, повидимому, ближе подходитъ къ дѣйствительности; скорѣе, даже Дельбрюкъ преуменьшаетъ дѣйствительную цифру, которая могла доходить до 60—100 тысячъ.

Какъ извѣстно изъ предшествовавшаго географическаго очерка Греціи, цѣлый рядъ горныхъ цѣпей могъ служить грекамъ базой для обороны: Камбунійскій хребетъ, защищавшій входъ въ Эссалию, Оарисъ, Эта, оканчивавшаяся Фермопильскимъ проходомъ, горы Аттики—Парнесъ и Киееронъ,—и, наконецъ, горы Истма. Грекамъ нужно было выбрать одну изъ этихъ базъ. Они отказываются отъ защиты Эссалии и сосредоточиваютъ часть силъ у Фермопилъ. Причина этого заключается въ ненадежности эссалийцевъ, въ виду подозрительнаго поведенія ихъ аристократическаго правительства. Впослѣдствіи это подозрѣніе оправдалось: эссалийцы открыто перешли на сторону персовъ. И позднѣе мы видимъ, что отсталыя аристократическо-земледѣльческія общины не оказываютъ сопротивленія персамъ и даже переходятъ на ихъ сторону, торговля же общины борются гораздо активнѣе. Общины Беотіи, Фокиды, и Локриды (послѣ Фермопильской битвы) тоже встали на сторону персовъ. Причина этого интереснаго съ соціально-политической точки зрѣнія явленія заключаются въ томъ, что эти земледѣльческія государства не имѣли такихъ интересовъ на морѣ, какіе имѣли торгово-промышленныя греческія общества, и поэтому упорная борьба съ персами не имѣла почвы въ жизненныхъ интересахъ обществъ первой категоріи, тогда какъ для торгово-промышленныхъ государствъ она была, до извѣстной степени,

вопросомъ жизни. Съ другой стороны, въ указанныхъ земляхъ дѣльческихъ областяхъ уже возникла борьба партій, и аристократическія группы думали найти въ персахъ опору для своего владычества. Къ двумъ указаннымъ мотивамъ слѣдуетъ причислить еще соперничество Эивъ съ Аеинами. Такимъ образомъ, полной солидарности у грековъ мы не видимъ, значительная часть ихъ встаетъ на сторону персовъ. Прочіе греки продолжаютъ борьбу, — и не только приморскія, но и континентальныя государства Пелопоннеса, не будучи непосредственно заинтересованы въ борьбѣ морскихъ государствъ, принимаютъ, однако, участіе въ отраженіи варваровъ, такъ какъ не хотятъ рисковать своей независимостью, которой грозила бы большая опасность, если бы аеиняне были побѣждены.

Какъ сказано выше, греки безъ борьбы оставили охранительную горную линію въ Фессаліи и сосредоточили свои силы у Фермопилъ, гдѣ греческіе отряды подъ предводительствомъ Леонида оказываютъ упорное сопротивленіе. Греческій флотъ, несмотря на успѣшность сраженія при Артемисіи (у сѣверныхъ береговъ Эвбеи), долженъ былъ послѣ пораженія сухопутнаго войска отступить къ югу. Персидское войско вторгается въ Аттику. Населеніе ея вмѣстѣ съ имуществомъ переправляется на о. Саламинъ, граждане же, способные носить оружіе, садятся на корабли, такъ какъ теперь аеинскій флотъ былъ очень значителенъ. Но если до сихъ поръ интересы союзниковъ, боровшихся противъ персовъ, были солидарны, то теперь интересы морскихъ и континентальныхъ государствъ расходятся: аеиняне и островитяне (руководимыеThemistocle) стоятъ за то, чтобы дать персамъ бой у Саламина, государства же Пелопоннеса съ лакедемонянами во главѣ защищаютъ ту точку зрѣнія, что сопротивленіе врагу слѣдуетъ оказать только на Истмѣ. Вполнѣ понятно, что пелопоннесцы настаиваютъ именно на этомъ планѣ, такъ какъ для нихъ-то собственно важно не допустить персовъ вторгнуться въ Пелопоннесъ. Итакъ, одни настаиваютъ на томъ, чтобы изгнать персовъ изъ средней Греціи и сокрушить ихъ флотъ, а другіе, зная, что персы могутъ проникнуть къ нимъ исключительно черезъ Истмъ, настаиваютъ на оборонѣ Истма. Верхъ, благодаря ловкостиThemistocle, одерживаетъ политика аеинянъ. Происходитъ морская битва у *Саламина*, которая оканчивается побѣдой небольшихъ греческихъ кораблей надъ большими неповоротливыми кораблями персовъ, неспособными для битвы въ тѣсномъ пространствѣ. Какъ извѣстно, Ксерксъ долженъ былъ покинуть свое войско,

средняя Греція была очищена персидскимъ войскомъ, отправившимся на зимнія квартиры въ Фессалію.

Въ 479 г. греки одержали надъ персами двѣ побѣды; при Платеяхъ (въ Беотіи) и при Микале (въ М. Азіи), первую—сухопутную (герой ея — спартанскій полководецъ Павсаній), вторую—морскую. Послѣ этихъ ударовъ персы должны были удалиться въ предѣлы своего государства. Этимъ закончилась главная часть борьбы грековъ съ персами. Однако столкновѣнія продолжаются и послѣ 479 года. Борьба перешла на море. Прежде греки придерживались оборонительной тактики, теперь они сами переходятъ въ наступленіе. Цѣль борьбы—очистить Эгейское море отъ персовъ и освободить Геллеспонтъ отъ персидской опасности. Постепенно аѣиняне овладѣли рядомъ пунктовъ на сѣверномъ (Фракійскомъ) берегу и по Геллеспенту. Когда персы позднѣе попытались вновь остановить движеніе военскаго флота, имъ Кимонъ нанесъ тяжелое пораженіе у южныхъ береговъ М. Азіи у устья рѣки Эвримедонта (ок. 470 г.). Тогда довольно скоро и западное побережье М. Азіи примкнуло къ Аѣинамъ. Спорадическія столкновѣнія съ персами имѣли мѣсто и въ 60-хъ годахъ V вѣка. Въ 459 г. аѣиняне дѣлали даже попытку утвердиться на Кипрѣ, но безъ прочнаго успѣха. Тогда они пытаются уязвить персовъ въ очень чувствительное мѣсто: они отправили 200 кораблей на помощь египтянамъ, возставшимъ противъ персовъ. Но послѣ долгой борьбы эта экспедиція окончилась гибелью аѣинскаго флота (454 г.). Эта неудача заставила аѣинянъ прекратить дальнѣйшую борьбу съ персами, хотя въ 449 г. они одержали блестящую побѣду надъ персидскимъ флотомъ у береговъ Кипра около города Саламина (не смѣшивать съ островомъ того же имени).

Остается неяснымъ, былъ ли послѣ египетскаго пораженія и кипрскаго побѣды заключенъ аѣинянами съ персами формальный договоръ (такъ наз. Кимоновъ миръ). Въ IV в. въ Аѣинахъ былъ въ ходу текстъ этого договора (*Plut. Kim.* 13), но уже тогда этотъ текстъ нѣкоторые считали подложнымъ (напр., за таковой его считалъ историкъ Теопомпъ) *).

Подъ влияніемъ греко-персидскихъ войнъ произошли перемѣны во внѣшнемъ положеніи Аѣинъ, во взаимныхъ отношеніяхъ другихъ греческихъ государствъ и, наконецъ, во вну-

*) Fr. 167 и 168 въ Fr. Hist. Gr. См. литературу Busolt'a, III 1, 349, прим. 1. Самъ Бузольтъ признаетъ договоръ подлиннымъ (ib. 346—356).

треннемъ стрѣхъ Аѳинъ: значительная часть государствъ Эгейскаго моря объединилась подъ властью Аѳинъ, хозяйственная жизнь здѣсь пошла быстрымъ темпомъ, Аѳины превратились въ полную демократію *).

Не нужно, однако, и преувеличивать значеніе побѣды эллиновъ: *Персія и послѣ этой побѣды осталась сильнымъ государствомъ*, которое еще не разъ въ V и IV вѣкахъ выступало вершителемъ греческихъ дѣлъ.

XII. Періодъ классической или городской Греціи.

3. Эпоха „пятидесятилѣтія“ (479—431 г. до Р. X.): Аѳинская держава и расцвѣтъ демократіи въ Аѳинахъ.

Эпоха, занимающая приблизительно полустолѣтіе между битвой при Платеяхъ и началомъ Пелопоннесской войны, обычно называется „пятидесятилѣтіемъ“ или „пентеконтаэтией“ (*πεντηκονταετία*). Это—время образованія первой значительной федераціи государствъ-городовъ въ Греціи (Аѳинская держава) и время расцвѣта демократическаго строя въ Аѳинахъ.

Источники. Бурное время государственнаго строительства эпоха пятидесятилѣтія не дала ни одного крупнаго историческаго повѣствованія, изображавшаго это время. Крупнѣйшій историкъ, писавшій въ это время, Геродотъ—посвятилъ свой трудъ изображенію героической борьбы грековъ съ персами. Другой гигантъ эллинской историографіи *Фукидидъ*—сосредоточилъ свое вниманіе на болѣе позднемъ времени—на изображеніи Пелопоннесской войны. Онъ самъ отмѣчалъ этотъ пробѣлъ въ историографіи (I 97, 2) и потому счелъ нужнымъ дать цѣн-

*) Я не останавливаюсь подробно на личной судьбѣThemistocles. Этотъ крупный государственный дѣятель послѣ Саламинской побѣды былъ около 10 лѣтъ руководителемъ аѳинской политики. Онъ чувствовалъ, что надвигается столкновение со Спартой и, видимо, былъ противъ затягиванія борьбы съ Персіей. Но здѣсь онъ вступилъ въ конфликтъ съ Кимономъ, стоявшимъ за энергичное продолженіе борьбы съ персами, и по предложенію родича Кимона Алкмеонида Леобота былъ изгнанъ остракизмомъ (ок. 470 г.). Послѣ скитаній и тягостнаго разрыва съ родиной, гдѣ былъ возбужденъ процессъ объ измѣнѣThemistocles. этотъ герой греко-персидскихъ войнъ нашелъ приютъ у персидскаго царя, который далъ ему въ управленіе городъ Магнесію. Здѣсь Themistocles и умеръ (рассказъ о его самоубійствѣ, сообщенный Плутархомъ, врядъ ли соответствуетъ дѣйствительности).

ный, но очень краткій очеркъ исторіи пентеконтаэтіи во введеніи къ своему труду (I 89—96; также 128—138). Другія современныя этой эпохѣ произведенія, изображавшія событія того времени, имѣли характеръ тенденціозный. Это были или мемуары, весьма субъективныя, какъ вообще литература этого типа *), или политическія памфлеты **).

При такомъ положеніи дѣла мы должны обращаться главнымъ образомъ къ позднѣйшимъ источникамъ. Не малое значеніе имѣютъ соответственныя главы (23—28) въ „Аѳинской политіи“ *Аристотеля*, хотя и здѣсь есть слѣды пользованія тенденціозной литературой (см. выше стр. 145). Извлеченіе изъ *Эфора* легло въ основу соответствующей части разсказа *Діодора Сицилійскаго* (XI 37—XII 28), хотя, слѣдуетъ замѣтить, Эфоръ самъ слѣдовалъ гл. обр. Фукидиду, и потому изложеніе Діодора мало-что прибавляетъ къ Фукидиду, а въ то же время зашутываетъ его сбивчивой хронологіей.

Гораздо болѣе цѣнными являются біографіи, написанныя *Плутархомъ*. Сюда относятся біографіи Аристида, Фемистокла, Кимона и Перикла. Плутархъ пользовался очень разнообразнымъ матеріаломъ, и вопросъ объ его источникахъ является однимъ изъ самыхъ трудныхъ въ современной историографіи. Изъ литературныхъ источниковъ слѣдуетъ еще упомянуть „*Аѳинскую политію*“, приписывавшуюся Ксенофону. Здѣсь имѣются цѣнныя свѣдѣнія о политикѣ аѳинянъ, особенно объ организаціи Аѳинской державы ***).

Для исторіи организаціи Аѳинскаго союза и Аѳинской державы главнымъ источникомъ являются *надписи*. Здѣсь особенно важны такіе документы, какъ постановленіе аѳинскаго народнаго собранія, опредѣляющее организацію города Эривъ, вошедшаго

*) Етѣдѣція: („Странствованія“) *Гона Хіосскаго*, автора ряда поэтическихъ произведеній, были пристрастны въ пользу Кимона и въ пользу Спарты и враждебны Периклу. Ими пользовался Плутархъ въ біографіяхъ Кимона и Перикла.

**) *Стесимбротъ Фасосскій* написалъ памфлетъ: „О Фемистоклѣ, Фукидидѣ и Периклѣ“. Здѣсь проявляется недоброжелательное отношеніе къ вождямъ демократической партіи Фемистоклу и Периклу и сочувствіе аристократическому вождю Фукидиду, сыну Мелесія, родственнику Кимона (котораго не нужно смѣшивать съ историкомъ Фукидидомъ). Памфлетъ былъ переполненъ сплетнями, ходившими по городу относительно демократическихъ вождей. Плутархъ пользовался и Стесимбротомъ, хотя признавалъ тенденціозность подобной литературы (Pögel. 13).

***) См. выше стр. 16 и 142. Рус. пер. А. А. Захарова въ „Сборникъ въ честь В. П. Буазескула“, Харьковъ, 1914

въ составъ Афинской державы *). Такое же значеніе имѣютъ постановленія афинскаго народнаго собранія относительно Халкиды на Эвбеѣ **) и объ основаніи колоніи Бреи во Фракіи ***). Очень важны документы, характеризующіе систему обложенія союзниковъ данью. Таковы отрывки постановленія относительно податной переписи и взысканія дани 425—4 до Р. X. ****). До насъ дошли списки дани союзниковъ,—точнѣе списки одной шестидесятой части этой дани, которая шла въ храмъ Афины. Эти списки содержатъ названія городовъ и цифры взносовъ и съ перерывами дошли отъ 454 до 424 г. (отъ послѣдующихъ годовъ сохранились фрагменты) *****).

Весьма важно, что интересъ къ документальному матеріалу возникъ уже въ древности: еще въ IV в. нѣкто *Кратеръ* составилъ сборникъ постановленій народнаго собранія (Frag. Hist. Graec. II, 617).

Политическія слѣдствія греко-персидскихъ войнъ.

Первый Афинскій союзъ *****). До персидскихъ войнъ на территоріи Греціи было лишь одно значительное политическое соединеніе: Пелопоннесскій союзъ. Но этотъ союзъ не былъ сплоченнымъ государствомъ,—это было международное соглашеніе разныхъ государствъ.

Въ періодъ греко-персидскихъ войнъ, именно послѣ Платей и Микале, въ этомъ отношеніи происходитъ большая пере-мѣна: за это время образуется новое государство. Сначала это тоже международное соглашеніе, но потомъ изъ него создается новое государственное соединеніе—Афинская держава.

*) I. G., I 9—11.

**) I. G., I Suppl. 27 а (=С. I. A. IV, 1, 27 а).

***) I. G. I 81.

****) I. G., I 37—38 и Suppl. (=С. I. A. IV 1), р. 54; 2, р. 66 и 3, р. 140.

*****) I. G., I 226—272.

*****) Уже *А. Вѣкъ* подвергалъ обработкѣ извѣстный въ его время матеріалъ по финансовой исторіи Афинскаго союза (Staatshaushaltung der Athenen, 1817). Но основное изслѣдованіе по этому вопросу принадлежитъ *Кёлеру* (*Köhler*, Urkunden und Untersuchungen zur Geschichte des delisch-attischen Bundes, 1869—въ *Abh. der Berl. Akad.*). Позднѣе матеріалъ Кёлера былъ дополненъ новыми находками надписей и подвергнутъ обработкѣ съ новыхъ точекъ зрѣнія *Кирхгофомъ* (въ журналѣ *Neutnes* 1876 г.), *Визольтомъ* (журн. *Philologus* 1882 г.), *Белогомъ* (см. ниже) и др. Болѣе подробныя свѣдѣнія о литературѣ по исторіи союза до 1897 г. приведены у *Визольта* въ *Gr. Gesch.* I, 1, стр. 37 и 194, а болѣе поздней у *Пельмана*, *Очеркъ*, рус. пер., 1910, стр. 148, пр. 3 и 153, пр. 2. См. также *Cavaignac*, *Etudes sur l'histoire financière d'Athènes au V-e siècle*, Paris, 1908.

Для борьбы съ персами приморскія государства на Балканскомъ полуостровѣ (преимущественно въ средней Греціи), колоніи на берегахъ Эгейскаго моря и острова—объединяются подъ гегемоніей Аѣинъ. Выше были указаны причины, заставившія эти государства оказывать сопротивленіе персамъ: персы угрожали ихъ независимости и подрывали ихъ морскую торговлю. И вотъ, уже въ 478 г. подъ гегемоніей Аѣинъ образуется обширный союзъ. Онъ скоро охватилъ почти всѣ города сѣвернаго побережья Эгейскаго моря отъ Олимпа и до Геллеспонта, почти все побережье Малой Азіи и острова Эгейскаго моря до Родоса, кромѣ Эеры, Мелоса и Эгивы. Это—союзъ обширныхъ разнѣровъ,—конечно, съ точки зрѣнія того времени, по сравненію съ маленькими греческими государствами: въ эпоху своего расцвѣта союзъ включалъ свыше 200 городскихъ общинъ. Большую роль въ организаціи союза сыгралъ *Аристидъ*: онъ руководилъ работами по распредѣленію взносовъ на союзныя нужды *).

Спарта, напротивъ, въ это время теряетъ свое руководящее положеніе. Какъ мы уже видѣли, какъ только борьба съ персами стала сосредоточиваться на морѣ (съ 480 г.), пелопоннесцы со Спартой во главѣ стали менѣе активными, главную роль стали играть морскія государства, особенно Аѣины.

Для утраты Спартой руководящаго положенія имѣло значеніе и то обстоятельство, что Спарта была раздираема внутренней борьбой: спартанскій полководецъ (не царь) *Павсаній* проявилъ стремленіе къ деспотизму и былъ обвиненъ въ сношеніяхъ съ Персіей.

Сначала около Аѣинъ образовался именно союзъ, основывавшійся на свободномъ соглашеніи и преслѣдовавшій цѣли борьбы съ персами. Первоначальная цѣль этого соединенія—вытѣснить персовъ съ Эгейскаго моря, освободить отъ ихъ владычества малоазійскихъ грековъ и не дать первымъ возможности овладѣть остальными греческими общинами. На первыхъ порахъ въ этомъ союзѣ аѣинянамъ принадлежала только гегемонія. Всѣ союзные города имѣли право голоса на конгрессѣ (*σύννοδος*), который собирался не въ Аѣинахъ, а на о. Делосѣ (*Thuc. I 96, 2*). Члены союза обязаны были выставлать определенное количество кораблей вмѣстѣ съ экипажемъ и солдатами. Мелкія государства однако съ самаго начала **) замѣняли постановку ко-

*) *Arist. 'Aθ. π. 28, 5.*

**) Существовало мнѣніе, что натуральная повинность поставки кораблей была сначала всеобщей, т. е. всѣ союзники выставляли корабли (такъ думалъ

раблей извѣстнымъ денежнымъ взносомъ (Thuc. 96, 1). Это вызывалось тѣмъ, что стратегическія соображенія требовали однородной эскадры, а мелкіе корабли, которые стали бы доставлять маленькія государства, не дали бы возможности составить такую. Общая касса хранилась тоже не въ Аѣинахъ, а на о. Делосѣ,—это очень важное обстоятельство, которое ясно показываетъ, что аѣинянамъ принадлежала только гегемонія, а не какая-либо иная роль. Очень скоро и другія, болѣе крупныя, государства во избѣжаніе лишнихъ хлопотъ предпочли замѣнить натуральную повинность денежными взносами, по примѣру мелкихъ членовъ союза. Постепенно этотъ новый порядокъ охватилъ всѣхъ членовъ союза, и къ эпохѣ Пелопоннесской войны только Хиосъ, Лесбосъ (а до 439 г.—еще Самосъ) сохраняли право выставлять корабли, всѣ же остальные члены союза перешли на денежные взносы въ общую Делосскую казну. Общая сумма взносовъ уже въ 470-хъ годахъ простиралась до 460 талантовъ (Thuc. I 96).

Замѣна натуральной повинности денежною, первоначально исполнѣ добровольная, совершавшаяся безъ принужденія, впоследствии повела къ тому, что союзники превратились изъ равноправныхъ въ подчиненныхъ, изъ союзниковъ сдѣлались подданными—*επίμοι*—Аѣинъ. Этотъ процессъ объясняется тѣмъ, что, когда аѣиняне получили въ свои руки денежные средства, то стали ими распоряжаться болѣе произвольно, чѣмъ прежде, когда въ ихъ распоряженія были только союзные корабли; аѣиняне стали теперь тратить средства по своему усмотрѣнію. Помимо только что указанной причины, сами союзники способствовали паденію своей самостоятельности, отказавшись отъ развитія собственнаго военнаго флота въ пользу развитія военнаго флота Аѣинъ. Этотъ отказъ повелъ къ тому, что потомъ союзники уже были не въ состояніи дать отпоръ захватнымъ стремленіямъ Аѣинъ (Thuc. I 99, 3).

Дѣйствительно, очень скоро аѣинская демократія показываетъ свои когти союзникамъ. Въ 460-хъ годахъ происходитъ возстаніе на островѣ Наксосѣ, гдѣ аѣиняне хотятъ вмѣшаться во внутреннюю жизнь этого государства. Аѣиняне производятъ здѣсь извѣстную экзекуцію и обращаютъ накососцевъ, бывшихъ

Кирхгофъ), но Белохъ показалъ, что большинство государствъ съ самаго начала вносили деньги. См. объ этомъ *Visolt, Griechische Geschichte*, II, 1 (1897), 78, пр. 1.

равноправными членами союза, въ полданныхъ Аѳинскаго государства.

Очень скоро (въ 465 г.) послѣ этого происходитъ возстаніе на о. Эасосѣ, одномъ изъ самыхъ крупныхъ членовъ союза. Эасосцы оказали сопротивленіе аѳинянамъ, которые стали конкурировать съ жителями Эасоса во еракійской торговлѣ и въ эксплуатаціи рудниковъ на рѣкѣ Стримонѣ *). Эасосцы послѣ продолжительной борьбы были усмирены, обязались уплатить военныя надержки и впередъ приняли на себя обязательство платить дань аѳинянамъ (463 г.). Золотые рудники во Эракіи отошли къ Аѳинамъ.

Затѣмъ аѳинянамъ пришлось имѣть дѣло съ островомъ Эгиной. Послѣдняя не желала вступить въ союзъ съ самаго начала, а теперь (457 г.) была вынуждена къ тому силой. Въ 440 г. возсталъ Самось; въ слѣдующемъ году востаніе было подавлено, и Самось былъ лишёнъ правъ самостоятельнаго члена союза. Такимъ образомъ, аѳиняне переходятъ къ политикѣ правителей, и *Аѳинскій морской союзъ преобразовывается въ Аѳинскую державу—ἀρχή. Это уже не международный союзъ, а федеративное государство, члены котораго не равноправны, самостоятельность ихъ значительно урѣзана, и роль Аѳинъ по отношенію къ нимъ—роль господина.* Теперь намъ предстоитъ познакомиться съ этой формой греческихъ государственныхъ соединеній, до сихъ поръ еще нами не встрѣчавшейся, такъ какъ Пелопоннесскій союзъ былъ только международнымъ соглашеніемъ.

Организація Аѳинской державы. Если въ Аѳинскомъ союзѣ (*συνμαχία*), организовавшемся въ 478 г., отношенія покоились на принципѣ равноправія Аѳинъ и союзниковъ, то, начиная съ 460-хъ годовъ, въ Аѳинской державѣ (*ἀρχή*) дѣла сложились иначе. Аѳиняне заняли положеніе верховной власти. Мы уже ничего не знаемъ о дѣятельности союзнаго конгресса. Рѣшающую роль въ будущемъ союзѣ играютъ теперь аѳинское народное собраніе и аѳинскій совѣтъ 500.

Общаго конституціоннаго акта члены Аѳинской державы не имѣли: отношенія ихъ къ Аѳинамъ регулировались отдѣльными договорами и отдѣльными постановленіями (псефисмами) аѳинскаго народнаго собранія (нѣкоторые изъ этихъ актовъ дошли до насъ—напр., постановленія относительно Эриеръ составленныя въ 460-хъ годахъ, или относительно Халкиды на

*) *Thuc.* I 100. Ср. *Busolt*, о. с., III, 196 сс.

Эвбей 440-хъ годовъ *). Поэтому въ этихъ отношеніяхъ было нѣкоторое разнообразіе. Иные союзники сохранили большую автономію, другіе — меньшую. Какъ мы видѣли, наибольшей свободой пользовались Хиосъ, Лесбосъ и (до 439 г.) Самосъ: они сохраняли право выставлять контингенты флота, и даже на Самосѣ (до 439 г.) и въ Митиленѣ (до 427 г.) удержалось умѣренно олигархическое правленіе **). Въ другихъ государствахъ Аеины въ большей или меньшей степени вмѣшивались во внутреннія отношенія. Онѣ поддерживали въ этихъ государствахъ демократію ***). Надписи показываютъ, что Аеины регулировали и детали внутренняго устройства союзныхъ государствъ: такъ мы видимъ, что въ Эриерахъ регулировалось устройство совѣта. Въ Милетѣ онѣ ввели клисееновы филы ****). Во многихъ городахъ Аеины держали свои гарнизоны, представляя ихъ начальникамъ (фрурархамъ) и извѣстныя права по отношенію къ гражданскому управленію. Иногда же аеиняне посылали и гражданскихъ чиновниковъ-наблюдателей (*эпископовъ* — *ἐπισκοποι*).

Очень существеннымъ ограниченіемъ автономіи союзниковъ являлось перенесеніе въ Аеины цѣлаго ряда *судебныхъ* процессовъ: 1) аеинскіе суда разбирали процессы, касающіеся отношеній союзниковъ къ союзу, какъ цѣлому; таковы — были дѣла объ измѣнѣ, о нарушеніи союзныхъ обязанностей, особенно о неправильностяхъ въ уплатѣ дани; 2) важные уголовные процессы, грозившіе смертной казнью, изгнаніемъ или потерей гражданскихъ правъ (атиміа), тоже разбирались въ аеинскихъ судахъ. Мѣстнымъ судамъ въ союзныхъ городахъ былъ оставленъ, такимъ образомъ, лишь разборъ менѣе важныхъ уголовныхъ дѣлъ и гражданскихъ дѣлъ, возникающихъ между гражданами даннаго государства. — Что касается дѣлъ, которыя возникали между отдѣльными аеинянами и союзниками, то относительно такихъ случаевъ Аеины заключали съ союзниками особые договоры. Повидимому, обычно такія дѣла разбирались по мѣсту жительства обвиняемаго, чтобы затруднить послѣдному возможность уклониться отъ суда. Въ разборѣ гражданскихъ дѣлъ аеиняне дѣлали серьезныя уступки союзникамъ, потому что при постоянныхъ торговыхъ сношеніяхъ между Аеинами и союзниками

*) См. выше стр. 227.

**) *Thuc.* I 115; III 27; 47. *Arist.* *Ἠθ.* καλ. 24, 2.

***) *Ps.-Xenoph.* *Ἠθ.* κ. I, 14 cc.; III 10.

****) *Busolt*, III, 1, стр. 225, пр. 5.

являлась настоятельная потребность обезпечить правильность правосудія въ торговыхъ дѣлахъ: иначе пострадали бы торговья отношенія.

Авторъ политическаго памфлета конца V в., направленнаго противъ аеинской демократіи, остроумно характеризуетъ иѣли, преслѣдовавшіяся аеинянами, когда послѣдніе ограничивали судебную компетенцію союзниковъ *): „Прежде всего, аеиняне ежегодно получаютъ доходъ отъ судебныхъ пошлинъ; далѣе, они, сидя дома и не посылая кораблей, управляютъ союзными государствами, оправдываютъ сторонниковъ демократіи и обвиняютъ ея противниковъ“. Послѣднее замѣчаніе относится, конечно, главнымъ образомъ къ политическимъ процессамъ **).

Аеиняне позволяли союзникамъ чеканить *монету*, но пользовались каждымъ случаемъ, чтобы привить свою монетную систему.

Вся эта сложная организація отношеній между Аеинами и союзными городами преслѣдовала преимущественно двѣ цѣли: 1) усилить военную мощь Аеинъ и 2) увеличить ихъ финансовое благополучіе.

Что касается *военной силы*, то Аеины обязывали союзниковъ въ случаѣ необходимости выставлять военные контингенты иѣхотинцевъ (очень немногіе выставляли корабли) ***). Рѣшающій голосъ принадлежалъ здѣсь аеинскому народному собранію, но въ исключительныхъ случаяхъ могли отдавать распоряженіе о мобилизаціи и аеинскіе стратеги.

Гораздо болѣе сложной была *финансовая* организація державы. Члены союза должны были платить дань (форось—*φόρος*) аеинянамъ. Впервые раскладка взносовъ между союзниками была установлена еще въ 478 г., причѣмъ руководителемъ этой работы былъ Аристидъ ****) Сначала эта раскладка производилась, конечно, по взаимному соглашенію союзниковъ, но затѣмъ (въ 460-хъ годахъ) дѣло взяли въ свои руки аеиняне. Раскладка производилась каждыя четыре года, причѣмъ взносы отдѣльныхъ союзниковъ могли понижаться и повышаться. Сумма взносовъ въ первые года существованія союза, по раскладкѣ Аристида, равнялась 460 *тал.*, т. е. болѣе 1,000,000 руб. (*Thuc.* I 96).

*) *Ps.-Xenoph.* *A3. πολ. I, 16.

***) Ср. *Busolt*, о. с., III, 1, стр. 230. пр. 2.

****) *Thuc.* II 9: τούτων ναυτικὸν παρέχοντο Ἰοῖ, Δέβριοι, Κορκυραῖοι, οἱ ἄλλοι περὶν καὶ χρήματα

*****) *Arist.* *A3. π. 23. 5. *Thuc.* V, 18.

Въ послѣдующіе годы цифра то нѣсколько повышалась (гл. обр. вслѣдствіе увеличенія числа союзниковъ), то понижалась *). Наканунѣ Пелопоннеской войны она достигала уже 600 тал., т. е. почти 1.500.000 рублей. Рѣзкое повышеніе произвели аѣиняне по настоянію Клоона въ 424 г., въ разгарѣ Пелопоннеской войны, возвысивъ взносы почти до 1000 талантовъ, т. е. до 2 мил. рублей **).

Эти цифры по масштабу тогдашнихъ греческихъ государствъ представлялись очень значительными. На насъ онѣ не произведутъ такого впечатлѣнія: съ ними теперь конкурируютъ бюджеты современныхъ крупныхъ городовъ.

Предварительныя работы по раскладкѣ взносовъ вели особые чиновники (*τάκται*), избираемые въ аѣинскомъ народномъ собраніи. Конечно, эти *τάκται* провѣряли матеріалъ относительно доходовъ каждаго государства, который представляли сами эти государства. Очень немногіе члены союза сохранили право самостоятельно составлять проектъ своего обложенія въ пользу Аѣинъ (повидимому, это тѣ государства, которые въ податныхъ спискахъ именуются: *πόλις αὐτὰί φόρον ταξάμεναι* ***). Всѣ эти предварительные проекты, будь они составлены тактами или самими союзниками, подлежали утвержденію аѣинскаго совѣта 500. На рѣшеніе совѣта союзники могли апеллировать, — однако тоже въ Аѣины же: въ судъ присяжныхъ (гелію).

Въ 443 г. аѣиняне раздѣлили свою державу для удобства раскладки и сбора податей на 5 податныхъ округовъ: Островной (острова Эгейскаго моря), Фракійскій, Геллеспонтскій, Іонійскій (средняя часть Малоазійскаго побережья) и Карійскій (юго-западное побережье М. Азіи). Для податныхъ работъ въ каждомъ округѣ народное собраніе выбирало по 2 такта (слѣд., всего ихъ было 10).

Для совмѣстной пересылки взносовъ въ Аѣины сосѣднія общины или колоніи съ метрополіями часто составляли соединенія (*синтеліи*—*συντέλειαι*).

До 454 г. дань поступала въ союзную кассу на о. Делосѣ, съ 454 г. касса перенесена была въ Аѣины. Завѣдывали кассою

*) Въ 454 г. цифра сборовъ по эпиграфическимъ даннымъ равнялась 525 тал. (Cavaignac, p. XLIII), а въ 441 г. — только 435 тал. (ib. 92).

***) Cavaignac, p. 131.

***) Хотя относительно этого термина существуютъ и другія мнѣнія въ наукѣ. См. Visoli, о. с., III, 1, 207—209, пр. 4.

и на Делосѣ, и въ Афинахъ 10 эллинотаміевъ (*ἑλληνοταμίαι*— „казначей эллиновъ“—*Thuc.* I 96, 2). Эти эллинотаміи съ самаго начала существованія союза выбирались афинскимъ народнымъ собраніемъ сообразно 10 клисееновымъ филамъ. Эллинотаміи производили и расходование денегъ согласно распоряженіямъ совѣта и народного собранія.

Но въ Афинахъ, кромѣ этой союзной кассы, существовало еще болѣе древнее центральное казначейство, именовавшееся *сокровищницей Богини Афины* (*Ἱερὸν τῆς θεῆς*). Сюда поступали различныя суммы: 1) $\frac{1}{60}$ часть (1 мина съ каждаго таланта)— взносов союзниковъ, 2) штрафныя суммы, 3) $\frac{1}{10}$ часть стоимости конфискованныхъ имуществъ, 4) $\frac{1}{10}$ военной добычи, 5) арендныя деньги съ храмовыхъ имуществъ и т. п. Сюда же шли и всѣ избытки изъ союзной кассы*). Управляли этой сокровищницей особые 10 казначеевъ Богини (*οἱ τῆς θεοῦ ταμίαι*), избираемые народнымъ собраніемъ по одному на филу изъ класса пентикосіамедимновъ (эта должность существовала уже въ эпоху Солона—см. выше стр. 177). Изъ сокровищницы Богини государство по постановленію народного собранія могло дѣлать займы, по которымъ оно платило проценты. Такимъ образомъ сокровищница Богини въ Афинахъ играла роль какъ бы банка по отношенію къ Афинскому государству.

Очень важное значеніе имѣло образованіе Афинскаго союза, а затѣмъ Афинской державы въ экономическомъ отношеніи. Установленіе единой власти на всемъ пространствѣ Эгейскаго моря, конечно, весьма способствовало оживленію морскихъ сношеній. Полезно было и то, что афиняне распространяли свою монетную систему и прививали единство мѣры и вѣса. Афинскіе суды способствовали установленію единообразія въ правѣ.

Однако слѣдуетъ считаться съ тѣмъ, что афиняне въ своей торговой политикѣ преслѣдовали и своекорыстныя цѣли. Такъ

*) Относительно сокровищницы Богини въ наукѣ нѣтъ полнаго согласія. *Кирхгофъ*, *Бузольтъ* и др. склонны считать это казначейство не государственнымъ. Но еще *А. Бёжъ* (см. выше стр. 27) доказываетъ, что это казначейство было государственнымъ. Точку зрѣнія Бёка съ большимъ успѣхомъ защищала *Ю. Белоахъ* въ *Rhein. Mus.* XXXIX (1884) и XLIII. *Savignac* (p. 92) полагаеетъ, что государственное казначейство и сокровищница Богини слились около 440 г., что и дало возможность Фукидиду (II 13) говорить объ общей суммѣ фондовъ, равной 6000 тал. *В. Д. Грековъ* очень удачно проводитъ параллель между ролью Дома св. Софій въ Новгородѣ и кассы Афинъ въ Афинахъ, какъ государственныхъ казначействъ („Домъ св. Софій“, Пт., 1914. стр. 286).

они запретили вывозить съ о. Кеоса тамошнюю желѣзную руду куда-либо кромѣ Аѳинъ; они не допускали выдачи ссудъ подъ корабли, которые везли товары не въ Аѳины.

Такъ на Эгейскомъ морѣ создалось значительное, по тогдашнему масштабу, государство, рѣзко измѣнившее картину политическихъ отношеній въ этомъ культурномъ районѣ.

Экономическія перемѣны въ Греціи подъ вліяніемъ побѣды надъ Персами.

Кромѣ политическихъ слѣдствій греко-персидскія войны имѣли существенныя послѣдствія и въ хозяйственной жизни грековъ. Освобожденіе іонійскихъ колоній въ М. Азіи установило болѣе тѣсный торговый обмѣнъ между восточнымъ и западнымъ побережьемъ Эгейскаго моря. Далѣе, война ослабила значеніе персидскихъ подданныхъ—финикійцевъ на морѣ и усилила значеніе грековъ. Наконецъ, образованіе могущественной Аѳинской державы, обладавшей сильнымъ военнымъ флотомъ, обезпечило, какъ мы уже видѣли, свободный торговый обмѣнъ на Эгейскомъ морѣ и даже за его предѣлами. Но не всѣ греки одинаково выиграли отъ этихъ результатовъ войны: политически отрѣзанные отъ внутреннихъ областей М. Азіи іонійскіе города утратили прежнее значеніе. Напротивъ, европейская Греція (Аѳины, Эгина, Коринѣ) выигралъ, благодаря развитію своихъ морскихъ силъ и въ отношеніи торговли (большую роль сыграло и то обстоятельство, что какъ разъ въ V вѣкѣ начинаютъ особенно быстро развиваться западныя колоніи, отъ оживленія торговыхъ сношеній съ которыми выигрываетъ именно европейская Греція). *Лишь съ этихъ поръ Аѳины вполнѣ превращаются изъ земледѣльческаго въ торгово-промышленное государство.* Хлѣбъ Аѳины и другіе торгово-промышленные центры получаютъ теперь съ нынѣшняго юга Россіи, изъ Сиціліи и даже изъ Египта.

Мы увидимъ, что вслѣдствіе этого военныя предпріятія Аѳинъ стали простираться и на Египетъ, и на югъ Россіи, и на Сицілію.

Сицілія также стала выдвигаться экономически вслѣдствіе роста торговыхъ сношеній съ бассейномъ Эгейскаго моря.

Демократизація аѳинскаго строя.

Подъ вліяніемъ персидскихъ войнъ, съ одной стороны, а съ другой—подъ вліяніемъ превращенія Аѳинъ изъ небольшой области въ пространную Аѳинскую державу произошли довольно серьезныя перемѣны во внутреннемъ строѣ Аттики.

Что же произошло въ Атикѣ въ изучаемый періодъ времени? Происходитъ *дальнѣйшее развитіе демократіи*, но нельзя думать, что оно идетъ послѣдовательно, безъ скачковъ.

Въ 470-хъ руководителями аѳинской демократической партіи были, какъ мы видѣли выше, Аристидъ иThemistocle. Въ 460-хъ годахъ вождемъ демократической партіи дѣлается Эфіальтъ, а аристократической—руководитель борьбы съ персами этого періода Кимонъ, сынъ Мильтиада. Сначала, пока опасность со стороны персовъ была еще значительна, партійная борьба не обострялась чрезмерно, хотя и приводила къ такимъ фактамъ, какъ изгнаніе Themistocle (ок. 470 г.). Но послѣ побѣды при Эвримедонтѣ (ок. 470 г.), когда непосредственная опасность со стороны персовъ была устранена, демократическая партія взяла рѣшительный верхъ.

Демократизація архонта и реформа ареопага. Уже между Мараевской битвой и нашествіемъ Ксеркса былъ сдѣланъ существенный шагъ въ сторону демократизаціи аѳинскихъ учреждений: въ 487 г. *возстановлено избраніе архонтовъ по жребію*. (Arist. *АФ* п. 22, 5). Жеребьевка была въ употребленіи еще при Солонѣ, но Писистратъ, руководствуясь интересами своей личной политики, отмѣнилъ этотъ способъ избранія, замѣнивъ его системой выборовъ. Теперь жеребьевка возстанавливается, и примѣненіе жребія при выборахъ стало разсматриваться, какъ одна изъ важнѣйшихъ опоръ демократическаго строя, хотя прежде жребій не имѣлъ этого значенія (см. выше стр. 178, пр. 1). Въ эпоху пентеконтаэтіи въ избраніи архонтовъ мы видимъ еще болѣе важную черту. Въ 457 г., какъ это выяснено у Аристотеля въ „Аѳинской Политіи“ (26, 2), къ архонтату стала *допускаться и зевгиты*, которые по Солоновой конституціи къ этой магистратурѣ доступа не имѣли. Теперь зевгиты, соответствующіе по своему имущественному положенію крестьянству, въ этомъ отношеніи уравниваются съ двумя высшими классами. Что касается 4-го класса, то юридически никогда ееты не были допущены къ архонтату, но фактически къ эпохѣ Аристотеля они допускались къ этой должности; только при докимасіи, т. е. при опредѣленіи права даннаго лица занимать должность, они не должны были называть себя еетами (*АФ* п. 7, 4). Такимъ образомъ фактически и ееты впоследствии допускались къ архонтату. Позднѣе—въ какомъ году, неизвѣстно—выборы архонтовъ по жребію были распространены и на вторую стадію выборовъ. Прежде архонты выбирались по жребію изъ 100 кандидатовъ

выбранныхъ не жребьевкой, а голосованіемъ по филамъ, но позднѣе и въ филлахъ стала употребляться жеребьевка. Время этого измѣненія неизвѣстно,—можно думать только, что оно имѣло мѣсто въ эпоху расцвѣта демократіи и было уже на лицо при Аристотелѣ. Такимъ образомъ, въ архонты сначала допускается третій классъ, позднѣе неизвѣстно, въ какое время,—4-ый. Жеребьевка вводится сначала во 2-ой стадіи, потомъ распространяется и на первую. Таковы перемѣны въ положеніи архонтата въ эпоху 60-лѣтія отъ Мараонской битвы до начала пелопоннесской войны.

Далѣе, слѣдуетъ остановиться на *реформѣ ареопага*. Благодаря трактату Аристотеля (гл. 25, 1) стало ясно, что въ эпоху греко-персидскихъ войнъ приобрѣло вліяніе учрежденіе, которое съ эпохи Солона было, повидимому, обречено на ослабленіе,—это ареопагъ. Причина его новаго возвышенія заключается въ томъ, что ареопагъ былъ сравнительно болѣе централизованнымъ учрежденіемъ, число членовъ его было не такъ многочисленно, и поэтому въ эпоху борьбы съ персами, когда потребовалась централизація силъ, онъ сдѣлался объединяющимъ и направляющимъ органомъ аѣинской политики. Однако онъ продолжалъ оставаться нѣкоторымъ оплотомъ аристократическаго теченія въ обществѣ. Конечно, ареопагъ къ этой эпохѣ нѣсколько демократизировался, но нужно помнить что съ эпохи Писистрата онъ пополнялся не жребьевкой, а изъ лицъ избранныхъ голосованіемъ. Какъ мы говорили ранѣе, въ ареопагъ вступали архонты, отслужившіе свой срокъ, а эти послѣдніе съ эпохи Писистрата до 487 г. избирались голосованіемъ, а не жеребьевкой. Отсутствие жеребьевки вело къ тому, что члены его являлись людьми болѣе независимыми, не случайно попавшими сюда, такъ какъ въ архонты избирали до 487 г. лицъ болѣе вліятельныхъ. Такъ какъ докимасія членовъ ареопага принадлежала самому же ареопагу, то, значить, онъ оказывалъ вліяніе на самоополненіе. Все это вело къ тому, что въ эпоху греко-персидскихъ войнъ ареопагъ выдвинулся, какъ наиболѣе централизованное и вліятельное учрежденіе. Естественно, что вожди аѣинской демократіи направляютъ свое вниманіе на борьбу съ нимъ. Эту борьбу предпринимаетъ *Эфиальтъ* около 462, т. е. ранѣе допущенія зевгитовъ къ жребьевкѣ въ архонты. Предложенная имъ реформа была принята и сводилась къ тому, что у ареопага была отнята функція блюстителя законовъ, онъ лишается права привлекать гражданъ къ отвѣтственности за ихъ нарушеніе. Съ этихъ поръ ареопагъ продолжаетъ существовать

только, какъ уголовный судъ о преднамеренномъ убійствѣ; что же касается его функций по отношенію къ наблюденію за законами, то онѣ переходятъ частью къ совѣту, частью къ расширенному въ то время институту присяжныхъ (*гелиастовъ*).

Зачатки этого института видимъ еще въ эпоху Солона въ формѣ дикастерій, но до V в. о функцияхъ ихъ свѣдѣній мы не имѣемъ. Въ V в. является судъ присяжныхъ—знаменитая *аѳинская гелия* (члены гелии назывались гелиастами). Рядомъ съ народнымъ собраніемъ это самый важный органъ аѳинской демократіи, и съ нимъ придется считаться въ разныхъ сферахъ жизни аѳинскаго государства. Ежегодно выбиралось по жребію по филамъ 6000 гражданъ (по 600 изъ каждой филы): изъ нихъ было 5000 очередныхъ присяжныхъ застѣдателей и 1000 запасныхъ. 5000 очередныхъ присяжныхъ раздѣлялись на 10 палатъ, такъ называемыхъ, дикастерій, такъ что въ каждую дикастерію входило по 500 человекъ. Къ гелиѣ переходятъ всѣ функции ареопага, кромѣ дѣлъ о преднамеренномъ убійствѣ. Въ то же время она играетъ весьма важную роль въ области законодательства; ей же принадлежитъ контроль надъ должностными лицами. Аѳинское собраніе можетъ дѣлать только „постановленія“—псефисмы (*ψηφισματα*), законы же (*νόμοι*) проходятъ чрезъ комиссію гелии.

Вѣроятно, въ связь съ ограниченіемъ судебной компетенціи ареопага можно поставить и возстановленіе института „судей по домамъ“ (*δικασταὶ κατὰ δῆμους*), введенныхъ еще Писистратомъ, но затѣмъ исчезнувшихъ. Этотъ доступный для населенія дешевый судъ былъ возстановленъ въ 453 г.

Вскорѣ послѣ реформы ареопага (ок. 461 г.) Эфіальтъ палъ отъ руки убійцъ; есть основаніе предполагать, что убійство было организовано аристократической партіей, которой были ненавистны реформы Эфіальта. Но съ его смертью дѣло его не умерло, онъ нашелъ себѣ продолжателя въ лицѣ *Перикла*—своего сотрудника. Аристократическая партія потерпѣла напротивъ уронъ: ея вождь Кимонъ былъ изгнанъ остракизмомъ и четыре года (461—457 г.) находился въ изгнаніи. Причины изгнанія Кимона являлись не только въ его противодѣйствіи реформъ ареопага (*Plut. Kim. 15*), но и въ неудачахъ его примирительной политики по отношенію къ Спартѣ (объ этомъ см. ниже).

Эпоха Перикла (прибл. 457—429 г.).

Пятилѣтіе послѣ смерти Эфіальта и изгнанія Кимона было занято осложненіемъ дипломатическихъ отношеній со Спартой и

борьбой съ Персіей въ далекомъ Египтѣ (объ этомъ см. ниже). Поэтому партійная борьба въ Аѣнахъ, повидимому (наши источники скудны), ослабѣла. Въ 457 г. Кимонъ вернулся изъ изгнанія и сталъ вновь во главѣ аристократической партіи. Противъ него выступаетъ, какъ вождь демократіи, Периклъ (прибл. съ 457 г.). Идетъ ожесточенная борьба между партіями. Однако демократической партіи подъ руководствомъ Перикла удается въ 457 г. провести допущеніе къ архонтату аевгитовъ (см. выше стр. 236), а въ 453—возстановить судей по демамъ (выше стр. 238).

Въ 449 г. *Кимонъ* умеръ, и во главѣ аристократовъ сталъ *Фукидидъ*, сынъ *Мелесія*, родственникъ Кимона. Побѣда, въ концѣ концовъ, осталась всецѣло за Перикломъ. Ок. 449 г. Фукидидъ былъ изгнанъ, и послѣ его изгнанія начинается почти безпрепятственная дѣятельность Перикла въ направленіи демократизаціи Аѣнъ.

Периклъ является продолжателемъ Клисеена, Фемистокла, Аристида и Эфіальта. Съ этой точки зрѣнія онъ не можетъ разсматриваться, какъ геніальный основатель аѣнской демократіи, онъ только продолжатель начатаго другими дѣла, но это не значитъ, что Периклъ не внесъ въ демократическое движеніе ничего новаго. Заслуга его въ томъ, что онъ упрочилъ демократическій строй, сдѣлавъ его изъ демократическаго *de jure* демократическимъ *de facto*. Событія римской исторіи наглядно показываютъ, какъ далеко можетъ отстоять осуществленіе демократическаго строя на практикѣ отъ признанія его въ теоріи. Въ теоріи въ Римской республикѣ II—I вв. до Р. Х. существовалъ демократическій строй, на практикѣ же власть сосредоточивалась въ рукахъ немногихъ. Причина такого противорѣчія заключалась въ томъ, что только немногіе граждане могли удѣлять значительное количество времени политическимъ дѣламъ. Периклъ въ своей дѣятельности и стремится къ тому, чтобы сдѣлать демократическій строй осуществимымъ на практикѣ, чтобы дать возможность малосостоятельнымъ аѣнскимъ гражданамъ принимать участіе въ управленіи государствомъ, чего онъ достигаетъ путемъ введенія жалованья сначала для присяжныхъ засѣдателей. Отвлекая ежемѣсячно нѣсколько сотъ человѣкъ отъ текущихъ дѣлъ для работы въ геліеѣ (правда, они засѣдали не непрерывно, но зато всегда могли быть отвлечены отъ своего дѣла для участія въ судѣ), Периклъ долженъ былъ обезпечить имъ существованіе, и мы видимъ, что съ эпохи Перикла геліасты получаютъ вознагражденіе (*ἡλιαστικόν*). Это важный принципъ для развитія аѣнской демократіи.

Приходится думать, что и плата за службу въ совѣтъ 500, реформированномъ Клисееномъ (*βουλευτικόν*), тоже ведетъ свое начало отъ этой эпохи. Дата введенія булевтика—неизвѣстна, но отъ Аристотеля мы знаемъ, что уже въ 411 г. она существовала,—слѣдовательно, возникла, во всякомъ случаѣ, до Пелопоннесской войны: врядъ ли она могла возникнуть въ эпоху войны, когда ощущалась особенная нужда въ деньгахъ.

Периклъ вводитъ также *στρατιωτικόν*, т. е. плату за отправление службы въ войскѣ. Ранѣе афинская военная организація была тѣсно связана съ имущественнымъ цензомъ, ее можно сравнить съ центуриатной организаціей древняго Рима. Военная служба требовала извѣстной состоятельности. Для отбыванія воинской повинности нужно было имѣть своего коня или свое тяжелое вооруженіе. Въ эпоху греко-персидскихъ войнъ пришлось привлечь къ военной службѣ и малоимущіе классы населенія, и вотъ для того, чтобы обезпечить возможность служить въ войскѣ всѣмъ гражданамъ, при Периклѣ вводится жалованіе солдатамъ.

Кромѣ того, слѣдуетъ упомянуть еще новый видъ вознагражденія, такъ называемый *θεωρικόν*—театральную плату: она важна, какъ симптомъ демократической политики Перикла. Цѣль ея—дать возможность населенію пользоваться театральными зрѣлищами во время праздниковъ. *Θеорикόν*—это небольшая сумма, выдаваемая бѣднѣйшему населенію на посѣщеніе театра.

Это—одна сторона политики Перикла.

Другая сторона ея имѣетъ тоже социальный характеръ—это его *постройки*. Историки искусства отмѣчаютъ ихъ художественный характеръ. Но Паренонъ, Пропилеи, рядъ общественныхъ зданій, сооруженныхъ при Периклѣ, интересны не только съ точки зрѣнія искусства; тутъ была и другая сторона—именно социальная. Предпринимаемая свои постройки, Периклъ тѣмъ самымъ давалъ заработокъ мало состоятельнымъ слоямъ населенія,—въ этомъ отношеніи онъ напоминаетъ Писистрата. Эта черта отмѣчается древними историками (*Plut. Pericl.* 12) и подтверждается эпиграфическими данными (отчеты по постройкамъ), которые показываютъ, что Периклъ давалъ возможность получать бѣдному свободному населенію заработокъ.

Такое же значеніе имѣлъ и выводъ колоній (*κлерухίαι*)—на о. Эвбею (въ Халкиду) и во многіе союзные города Эгейскаго моря, во Фракію (Брея, Амфиполь, Херсонесъ Фракійскій), даже на Черное море (Синопъ) и въ Италію (Фуріи),

такъ что колонизаціонная дѣятельность Перикла была очень широка. Этимъ путемъ онъ давалъ возможность существовать малоземельнымъ элементамъ населенія, обезпечивая имъ получение участковъ земли (отсюда и самое названіе клерухій отъ *κλήρος* — участокъ и *ἔχω* — имѣю). Нарѣзанные въ колоніяхъ участки дѣлились между аѣинскими гражданами по жребію. Правда, союзниковъ эти клерухіи очень раздражали, такъ какъ часто онѣ направлялись въ ихъ владѣнія, по большей части послѣ усмиренія (о Накосѣ, эвбейскіе города въ 446 г. и проч.).

Чѣмъ обусловливалось вліяніе Перикла? Объяснять его тѣмъ, что Периклъ занималъ опредѣленную должность, — нельзя. Правда, онъ много разъ переизбирался стратегомъ, но вѣдь стратеговъ было 10 человекъ, и выдвинуться только благодаря этой должности было бы трудно. Уже изъ первые годы своей дѣятельности Периклъ завоевалъ себѣ симпатіи своимъ краснорѣчіемъ, которое было основано не столько на красивыхъ ораторскихъ приемахъ, сколько на логичности и убѣдительности *), и, затѣмъ, самый характеръ его политики привлекалъ аѣинскій демокъ на его сторону. Его вліяніе вытекало не столько изъ занимаемаго имъ должностнаго, officialнаго положенія, сколько изъ личныхъ его свойствъ и обаянія, которое онъ производилъ на народъ.

Мы уже имѣли возможность убѣдиться, что большую роль въ организаціи аѣинской демократіи сыграли греко-персидскія войны. Напряженіе, которое аѣиняне вынесли въ эпоху этихъ войнъ, заставило привлечь къ несенію воинской повинности, особенно къ службѣ во флотѣ, низшіе слои населенія, и поэтому высшіе его классы принуждены были сдѣлать имъ уступки, какъ, напр., допустить къ архонтату; съ другой стороны, морская побѣда надъ персами упрочила господство Аѣинъ на Эгейскомъ морѣ. Аѣинская торговля на Эгейскомъ морѣ теперь, въ сущности, не имѣетъ конкурентовъ. Увеличеніе торговли и, въ связи съ этимъ, матеріальныхъ средствъ даетъ возможность всѣмъ аѣинскимъ гражданамъ заниматься политикой. Такимъ образомъ, экономическій подъемъ способствовалъ росту демократіи, т. е. доступу къ власти всѣхъ слоевъ безъ различія происхожденія. Превращеніе Аѣинъ въ державу дало возможность перейти къ системѣ вознагражденія.

*) Характеръ его рѣчей передаетъ Фукидидъ.

На какія же средства Периклъ могъ создать эту систему оплатъ, построекъ и обширной колонизаціи? Эти средства находились въ силу того, что богатѣли сами аѣиняне. Но еще болѣе важный источникъ доходовъ создавался благодаря эксплуатаціи союзниковъ. Дань (*φορος*), наполнявшая аѣинскую казну, давала возможность осуществить демократическую форму правленія на практикѣ. Вотъ одна изъ главныхъ причинъ, почему развитіе демократіи въ Аѣинахъ шло полнѣе и быстрѣе, чѣмъ въ другихъ греческихъ государствахъ.

Общая характеристика аѣинской демократіи въ періодъ ея расцвѣта.

Прежде всего приходится подчеркнуть то, о чемъ уже было говорено выше,—именно: когда мы говоримъ, что демократія классической Греціи вполнѣ развилась въ Аѣинахъ, то нужно помнить, что означенное понятіе остается условнымъ. Подсчетъ числа жителей Аттики въ V в., сдѣланный Белохомъ, даетъ цифру 235 тысячъ, но лишь 105.000 изъ этого числа были дѣйствительными гражданами, а 130.000 составляли бевправный въ политическомъ отношеніи элементъ населенія: 100.000 приходилось на рабовъ и 30.000 на метековъ. Слѣдовательно, политическими правами пользовалось менѣе половины населенія *). Аттика, конечно, демократическое государство по сравненію, напр., съ Лаконіей, но если сравнить ее съ современными демократіями, то она, конечно, не подойдетъ подъ эту рубрику.

Если мы расширимъ понятіе демократіи и возьмемъ Аѣинскую державу, то увидимъ, что аѣинскіе союзники стали подданными; хотя аѣиняне и поддерживали демократію въ союзныхъ общинахъ, но этотъ демократизмъ не выходилъ за предѣлы данной общины: будучи гражданами своей общины, союзники не были таковыми въ Аѣинской державѣ.

По отношенію къ своимъ союзникамъ аѣиняне были въ сущности аристократами. Такимъ образомъ Аѣинскую демократію не приходится идеализировать, какъ это дѣлалъ Джорджъ Гротъ, но, тѣмъ не менѣе, съ точки зрѣнія греческаго госу-

*) *Эд. Мейеръ* (въ *Forschungen zur alten Geschichte* и въ *Handwörterbuch der Staatswissenschaften*, 3-е изд., подъ словомъ *Bevölkerung*) въ своихъ вычисленіяхъ нѣсколько повышаетъ эти цифры. Онъ опредѣляетъ число жителей Аттики въ 350,000, изъ нихъ гражданъ—170,000, метековъ 40,000 и рабовъ 100—150 тысячъ. По отношенію числа гражданъ къ числу негражданъ и у него почти то же, что у Белоха.

дарственного права, афинская демократія была демократіей, такъ какъ всѣ граждане имѣли одинаковое участіе въ осуществленіи государственной власти.

Всѣ, включенные въ гражданскую общину, имѣютъ гражданскія права, но эта община крайне эгоистична. Въ 450 г. афинской демократіей въ періодъ ея расцвѣта проведена мѣра мало демократическая. При Клисѣенѣ былъ облегченъ доступъ въ ряды гражданъ негражданамъ, много метековъ и даже рабовъ включено было въ филы. Теперь афинскій демось очень стѣсняетъ доступъ въ свою среду. Моммзенъ говорилъ, что римскіе граждане разсматривали свое право гражданства, какъ акцію, которая даетъ право участвовать въ прибыли. То-же можно сказать и объ афинскихъ гражданахъ: они не желали дѣлиться выгодами своего положенія съ другими *). Въ 450 г., по предложенію Перикла, послѣдовалъ пересмотръ гражданскихъ правъ лицъ, претендовавшихъ на права афинскаго гражданства **). Было постановлено, что гражданами могутъ считаться только тѣ лица, у которыхъ отецъ и мать были афиняне. Многие имѣли только одного изъ родителей афинянина, и поэтому до 5000 лицъ лишились правъ гражданства. Многимъ пришлось удалиться изъ Афинъ. Афинская община крайне ревниво заботится о равноправіи своихъ членовъ, но недоброжелательно относится къ поступленію въ ея среду постороннихъ.

Всѣ эти оговорки нужно помнить, но были стороны, которыя позволяютъ считать Афинское государство демократіей: 1) всѣ граждане участвовали въ главныхъ афинскихъ органахъ законодательства, управленія и суда; 2) по большей части практиковалось избраніе на должности по жребію, что являлось мѣрой вполне демократической ***); 3) въ Афинахъ практиковали принципъ вознагражденія за несеніе государственныхъ функций. Все это ведетъ къ тому, что афинское государство V вѣка, съ греческой точки зрѣнія, приходится считать демократіей.

Кромѣ упомянутыхъ выше видовъ вознагражденія гражданъ за отправленіе различныхъ государственныхъ функций, слѣдуетъ указать еще на вознагражденіе за посѣщеніе народнаго собранія (*ἐκκλησιαστικόν*). Послѣ окончанія пелопоннесской войны,

*) Ораторъ IV в. Эсхинъ въ одной изъ своихъ рѣчей (*Aesch.* III 251) говоритъ, что афиняне возвращаются изъ народнаго собранія точно съ застѣданаго товарищества, на которомъ они дѣлили прибыль.

***) *Aristot.* 'Αθ. π. 26. 4; *Plut.* Pericl. 37.

****) О значеніи избранія по жребію см. выше стр. 178, пр. 1.

съ 395 г., устанавливается вознагражденіе даже за посѣщеніе народнаго собранія—первоначально въ размѣрѣ 1 оболы въ день, позднѣе оно было увеличено до 3-хъ оболы, а въ эпоху Аристотеля достигало уже 1 драхмы *) за посѣщеніе очереднаго собранія и 1¹/₂ др. за посѣщеніе прочихъ **).

Такимъ образомъ всѣ виды отправленія политическихъ обязанностей неимущими гражданами оплачивались.

Въ результатъ получилось, что въ Аѣинахъ ежегодно кормилось отъ государства въ качествѣ членовъ совѣта, судей, другихъ должностныхъ лицъ въ Атикѣ и союзныхъ городахъ, стражниковъ, воиновъ очень большое количество лицъ. Аристотель насчитываетъ ихъ число до 20,000 чел. (Аѣ. п 24, 3) и называетъ эти отношенія—„кормленіемъ народа“ (*ἡ μὲν οὖν σφάνη τῶ δῆμῳ διὰ τοῦτων βυζυγέτο*—ib. 25, 1).

Однако не нужно и преувеличивать значеніе оплаты должностей для аѣинской демократіи. Система оплатъ дѣйствительно давала возможность небогатымъ гражданамъ принимать участіе въ государственномъ управленіи. Но теперь выяснено ***) , что такое вознагражденіе, какъ 5 оболы, которыя платили члену совѣта въ эпоху Аристотеля (Аѣ. п 62, 2; пританамъ платилась 1 драхма), было достаточно для существованія лишь холостого человѣка; для большинства же взрослых аѣинянъ, обзаведшихся семьей, этого вознагражденія хватало лишь въ томъ случаѣ, если они имѣли еще какіе-либо доходы помимо личнаго труда, которымъ они не могли заниматься во время пребыванія въ должности. Поэтому руководство государственными дѣлами въ Аѣинахъ находилось по большей части въ рукахъ средняго класса, и немалую роль здѣсь играли люди прямо богатые. Даже въ народныхъ собраніяхъ пролетаріатъ вовсе не былъ господствующимъ, ибо семейные бѣдняки не могли посѣщать регулярно народное собраніе, слишкомъ часто собиравшееся. *Только въ моменты острѣхъ экономическихъ кризисовъ городской пролетаріатъ бралъ верхъ и занималъ руководящее положеніе.* Подобные моменты имѣли мѣсто въ эпоху пелопоннесской войны. Въ такіе моменты занимали даже неоплачиваемую должность стратега люди бѣдные ****). Но какъ

*) Въ драхмѣ было 6 оболы, 100 драхмъ составляли мину, 60 минъ— талантъ. Драхма въ эту эпоху—прибл. 40 коп.

**) Arist. Аѣ. п. 41, 3 и 62, 2.

***) Francotte, L'industrie dans la Grèce ancienne, I 340.

****) См. цитируемое ниже сочиненіе *Sundwall*'я, стр. 21, пр. 4.

только миновать моментъ кризиса, восстановление обычныхъ экономическихъ отношеній вело къ тому, что средній классъ и зажиточные люди опять занимали руководящее положеніе. Одинъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей *) на основаніи обширнаго эпиграфическаго матеріа (списковъ членовъ совѣта и т. п.) IV в. доказалъ, что зажиточные люди составляли въ этомъ вѣкѣ значительную часть совѣта, что стратеги выбирались почти всегда изъ богатыхъ людей, что въ мѣстномъ самоуправленіи въ домахъ тоже руководящее положеніе занимали люди зажиточные.

Такимъ образомъ введеніе принципа оплаты должностей вовсе не создавало въ Аѣинахъ постояннаго господства пролетаріата.

Теперь мы перейдемъ къ разсмотрѣнію организаціи аѣинской демократіи въ частности. Главнымъ органомъ ея было *народное собраніе—эκκλῆσία* (*ἐκκλησία*), число засѣданій которой первоначально равнялось десяти. Впослѣдствіи 10-ти очередныхъ народныхъ собраній оказалось недостаточно, и число ихъ было увеличено до 40. Отсюда видно, какъ важно было введеніе въ Аѣинскомъ государствѣ оплаты исполненія политическихъ обязанностей: такъ часто отрывать отъ обычной работы малоимущихъ гражданъ безъ всякаго вознагражденія было нельзя. Нужно принять въ расчетъ и то обстоятельство, что, кромѣ очередныхъ собраній (*νόμιμα, κύρια*), можно было созывать и экстренныя (*συνέλητοι, κατ'ἐκλήτοι*). Экκлесія созывалась герольдами. За 5 дней до открытія совѣтъ (собственно одна десятая часть его) долженъ былъ выставить списки дѣлъ, подлежащихъ обсужденію въ народномъ собраніи. Предсѣдательствованіе въ собраніи фактически принадлежало пританіи,—коллегіи изъ 50 членовъ совѣта, т. е. одной десятой его части, которую въ слѣдующій мѣсяцъ смѣняла другая пританія и т. д. Въ самой экклесіи право голоса принадлежало каждому гражданину, который былъ „эпитимосъ“ (*ἐπιτιμος*), т. е. обладалъ всеми гражданскими правами (*δίκαιος*—назывались граждане, лишеныя гражданскихъ правъ). Участвующіе въ народномъ собраніи пользовались полной свободой слова. Запрещалось только употребленіе бранныхъ выраженій, также непристойныхъ и угрожающихъ жестовъ, за каковыя проступки говорящій могъ быть лишентъ слова и даже подвергнутъ штрафу до 50 драхмъ.

*) *Sundwall*, Epigraphische Beiträge zur sozial-politischen Geschichte Athens im Zeitalter des Demosthenes—4. Beiheft къ журн. Klio, 1906.

Народное собраніе вѣдало всѣ крупныя дѣла: 1) подъ его контролемъ находились международныя сношенія, отъ него зависѣло заключеніе договоровъ, объявленіе войны и заключеніе мира; 2) въ народномъ же собраніи обсуждался бюджетъ, вотиrowались налоги, опредѣлялись статьи расходовъ; 3) народному собранію принадлежало право принятія новыхъ лицъ въ среду гражданъ, а также 4) дарованіе наградъ, какъ военнымъ гражданамъ, такъ и иностранцамъ, напр., выдача вѣнковъ, постановка статуй, раздача проксеній *). 5) Народное собраніе, далѣе, издавало постановленія относительно культа, напр., о введеніи новыхъ культовъ, новыхъ празднествъ. 6) Народному собранію принадлежало право избранія всѣхъ должностныхъ лицъ, которыя не избирались по жребію (напр., стратеговъ); наконецъ, 7) въ особенно важныхъ случаяхъ оно выступало въ роли судьи (напр., разбирало доносы по особенно важнымъ государственнымъ преступленіямъ; такіе доносы назывались исангеліей—*ισαγγελία*). Итакъ, компетенція народнаго собранія была весьма разнообразна.

Порядокъ законодательства. Принятія собраніемъ рѣшенія не были однако законами, постановленія его назывались псефисмами (*ψηφισματα*, ед. число—*ψηφισμα*). Псефисма не есть законъ, не есть *νόμος*. Что касается законовъ въ собственномъ смыслѣ слова, то въ V в. въ основѣ законодательства лежали законы Дракона, Солона, Клисеена; если же нарождалась потребность въ новыхъ законахъ, то на этотъ случай существовала особая процедура.

Что псефисма не есть законъ видно изъ того обстоятельства, что если постановленіе—псефисма—народнаго собранія нарушало существовавшіе, ранѣе изданные *νόμοι*, то всякому гражданину было предоставлено право подать *γραφή παρανόμων* (графѣ параномонъ), т. е. обвиненіе въ нарушеніи законовъ. Оно подавалось архонту есмсѣету и затѣмъ шло въ судъ присяжныхъ. Если онъ находилъ это *γραφή* правильнымъ, т. е. если постановленіе нару-

*) Проксеномъ называлось лицо, не принадлежавшее къ составу данной общины, но тѣмъ не менѣе оказавшее ей услугу, за что ему и давалось названіе проксена, т. е. друга даннаго народа. Но проксенія налагала извѣстныя обязанности, правда, чисто моральнаго характера на лицо, получившее ее. Въ своемъ государствѣ проксенъ долженъ былъ оказывать защиту гражданамъ государства, давшаго ему это почетное званіе. Если, напр., военныя лавали званіе проксена милетцу, то послѣдній обязанъ былъ защищать военныя въ своемъ отечествѣ—Милетѣ. Такимъ образомъ проксенію можно отчасти сравнить съ современнымъ институтомъ консульства.

шало ранѣе изданные законы, то псефисма признавалась незаконной, не имѣющей силы, а лицо, предложившее это постановленіе и проводшее его, какъ введшее въ обманъ народное собраніе, могло быть приговорено къ высокому штрафу и даже въ особо важныхъ случаяхъ—къ смертной казни. Но если лицо, внесшее обвиненіе, при голосованіи въ судѣ присяжныхъ собирало менѣе одной пятой части голосовъ, то оно въ свою очередь подвергалось штрафу въ 1000 драхмъ. Если три обвиненія со стороны какого-нибудь лица признавались несостоятельными, то данное лицо теряло на будущее время право возбуждать *γραφῆς παρανομῶν*. Такимъ путемъ народное собраніе гарантировалось отъ поступленія вздорныхъ обвиненій. Вотъ какія мѣры принимались въ Афинской республикѣ противъ возможности легкомысленнаго законодательства; всякій долженъ былъ помнить, что если его предложеніе¹ противорѣчить существующимъ законамъ, то онъ можетъ подвергнуться преслѣдованію. Но, чтобы не убить окончательно всякой инициативы и избавить лицо, проводшее то или иное постановленіе отъ неприятнаго положенія чловѣка, надъ которымъ виситъ Дамокловъ мечъ обвиненія, было постановлено, что возбудить преслѣдованіе противъ лица, проводшаго хотя бы противозаконное постановленіе, можно только въ теченіе перваго года послѣ того, какъ оно было проведено, но никакъ не позднѣе и, кромѣ того, обвинитель подъ страхомъ штрафа долженъ былъ обосновать свое обвиненіе *).

Но вѣдь общество не стоитъ на одномъ уровнѣ, общественная жизнь постоянно развивается, возникаютъ новыя потребности, запросы, старыя законодательныя нормы перестаютъ удовлетворять предъявляемымъ къ нимъ требованіямъ,—что же дѣлать въ такомъ случаѣ? Какъ разрешить возникающее, при наличности вышеупомянутаго постановленія, затрудненіе, когда законы не соответствуютъ новымъ потребностямъ и когда ихъ нужно замѣнить новыми? Вѣдь если прямо внести предложеніе объ измѣненіи закона, то лицо, внесшее его, подвергнется преслѣдованію по *γραφῆς παρανομῶν*, такъ какъ своимъ предложеніемъ оно нарушаетъ существующіе законы. Конечно нуженъ выходъ. И вотъ съ теченіемъ времени была создана *процедура изданія новыхъ законовъ*—процедура, по своей сложности не

*) *Γραφῆς παρανομῶν* существовала уже въ эпоху Пелопоннеской войны—*Arist.* 'Аф. п. 29, 4; *Thuc.* VIII 67. Нѣкоторые связываютъ появленіе этого института съ реформой ареопага 462 г. (см. *Busolt*, III, 1, 279, пр. 3).

уступающая системѣ современныхъ парламентовъ, гдѣ приняты самыя строгія мѣры противъ легкомысленнаго изданія законовъ, въ видѣ, напр., двухъ палатъ, утвержденія законопроектовъ верховной властью, предварительныхъ комиссій, нѣсколькихъ чтеній законопроекта въ каждой палатѣ и т. п.

Уже въ V в. Афинская демократія принимала мѣры, чтобы избѣжать легкомысленнаго изданія законовъ. Кромѣ существованія *υραφῆ παρανομῶν*, уже въ эпоху центеконтаэтии принимались при выработкѣ новыхъ законовъ такія мѣры. Если выяснялась необходимость изданія новаго закона, народное собраніе обычно поручало выработку законопроекта цѣлой комиссіи (*συυγραφεῖς*), которую само и выбрало. Законопроектъ, выработанный этой комиссіей, поступалъ на заключеніе совѣта и лишь послѣ этого шелъ вновь въ народное собраніе, рѣшеніе котораго и было окончательнымъ.

Съ теченіемъ времени законодательная процедура стала еще болѣе сложной и выработавшаяся къ IV вѣку процедура изданія новыхъ законовъ въ Афинахъ была такова:

Въ *первомъ очередномъ собраніи*, засѣдавшемъ 11-го гекатомбеона, каждому гражданину предоставлено право безнаказанно вносить предложенія новыхъ законовъ, лишь бы только параллельно съ новыми проектами были указаны и отмѣняемыя статьи старыхъ законовъ. Это первое очередное собраніе въ принципѣ голосовало только,—заслуживаетъ ли данный проектъ вниманія, или нѣтъ. Если собраніе находило проектъ не заслуживающимъ вниманія, то оно могло прямо отвергнуть его; если же, по мнѣнію собранія, проектъ заслуживалъ вниманія, то оно, всетаки, не имѣло права принять его. Въ послѣднемъ случаѣ предложеніе шло въ *советъ*, который и обсуждалъ его. Изъ совѣта предложеніе, вмѣстѣ съ пробулевмой, т. е. съ заключеніемъ совѣта, возвращалось *обратно въ народное собраніе*, именно, въ 3-е собраніе давняго года, которое второй разъ принципиально высказывалось за или противъ законопроекта. Въ послѣднемъ случаѣ оно могло его отвергнуть, но если высказывалось за него, то принять его всетаки не могло; законопроектъ поступалъ тогда въ *комиссію номоетовъ*, состоявшую изъ одной или двухъ дикастерій, т. е. палатъ гелиев (500—1000 чел.). Народное собраніе выбирало 5 синдиковъ (*συνδικοι* или *συνήγοροι*), на обязанности которыхъ лежало защищать старые законы, предлагаемыя къ отмѣнѣ, а авторъ законопроекта долженъ былъ защищать его. Такимъ образомъ въ этой комиссіи, состоящей изъ одной или двухъ дикастерій, происходитъ

нѣчто въ родѣ судебного разбирательства: съ одной стороны — авторъ защищаетъ свой проектъ, съ другой—выбранные синдики выступаютъ защитниками старыхъ законовъ, противныхъ новому проекту, — происходитъ нѣкоторое подобіе суда надъ старыми законами. Комиссія номоетовъ постановляла окончательное рѣшеніе: предложеніе или отвергалось ею окончательно, или принималось и въ такомъ случаѣ уже дѣлалось закономъ—*νόμος*. Но и послѣ этого можно было возбудить *γραφὴ παρανόμων* въ теченіе года, если будетъ обнаружено, что авторъ прошедшаго νόμος'а не перечислилъ всѣ противорѣчившіе ему прежніе законы, пропустилъ нѣкоторые изъ нихъ или не отмѣтилъ. По истеченіи года *γραφὴ παρανόμων* тоже можно было возбудить, но оно могло повести лишь къ отмѣнѣ закона, а не къ отвѣтственности автора законопроекта.

Такимъ образомъ, афинская демократія принимала уже въ V в. мѣры противъ поспѣшнаго законодательства. Потрясенія же, которыя ей пришлось пережить (какъ мы увидимъ ниже) въ эпоху пелопоннеской войны, сдѣлали демось еще болѣе осторожнымъ, что и повело къ созданію въ эпоху послѣ пелопоннеской войны только что описанной сложной законодательной процедуры: чтобы сдѣлаться закономъ, проектъ долженъ былъ пройти и быть принятымъ: въ народномъ собраніи, въ совѣтѣ, второй разъ въ народномъ собраніи, затѣмъ—въ комиссіи номоетовъ и, всетаки, противъ автора его можно было возбудить *γραφὴ παρανόμων*.

Существовалъ и другой порядокъ измѣненія законовъ. Дѣло въ томъ, что на архонтовъ-еесмоетовъ была возложена обязанность слѣдить, чтобы всѣ законы были въ порядкѣ, чтобы не было противорѣчій въ законодательствѣ, и въ силу этого полномочія архонты ежегодно пересматривали дѣйствующие законы и, если находили противорѣчія, то докладывали объ нихъ народному собранію, которое тогда уже въ выше описанномъ порядкѣ рѣшало,—слѣдуетъ ли ихъ измѣнить или оставить.

Такова процедура измѣненія старыхъ и введенія новыхъ законовъ. Мы видимъ, что судъ присяжныхъ игралъ важную роль, кромѣ чисто судебной, и въ законодательствѣ.

Что касается *совета* 500 (*βουλή*), то онъ избирался по клеееновымъ филамъ, по 50 членовъ отъ каждой (всѣхъ филъ было 10). Изученіе надписей, гдѣ перечисляются члены совета, подтверждаетъ то мнѣніе, что выборы въ советъ производились такимъ образомъ, что принималась во вниманіе величина представляемыхъ демовъ. Демы, на которые распались

клизееновы фиды, были представлены въ совѣтъ пропорціо-нально числу гражданъ. Совѣтъ дѣлился на 10 *пританій*, которыя чередовались въ отправленіи своихъ обязанностей. Предсѣдательствовалъ въ пританіи эпистатъ (*ἐπιστάτης*) и 8 симпродровъ (*συμπρόδροι*). Эти 9 лицъ (*πρόδροι*) избирались жребіемъ. Они же предсѣдательствовали въ экклесіи съ эпистатомъ во главѣ. Совѣтъ велъ всѣ текуція дѣла, разрабатывалъ дѣла, имѣющія поступить въ экклесію (предварительное постановленіе совѣта—*βουλή*—называлось *προβούλευμα*), онъ же наблюдалъ за осуществленіемъ постановленій экклесіи. Кромѣ того, совѣтъ наблюдалъ за соблюденіемъ законовъ и за исполненіемъ обязанностей должностными лицами. Онъ могъ принимать частныя жалобы на должностныхъ лицъ. Въ связи съ этими наблюдательными функциями совѣта стояла и его довольно широкая судебная компетенція, дававшая совѣту право налагать штрафы, арестовывать и даже казнить (это послѣднее право въ эпоху Аристотеля у совѣта было уже отнято—*Аθ. π* 45).

Должностныя лица. Изъ нихъ, прежде всего, слѣдуетъ назвать 9 архонтовъ, которые путемъ жребьевки выбирались изъ кандидатовъ, выбранныхъ голосованіемъ по филамъ; какъ мы видѣли, позднѣе была введена система двухъ жребьевокъ: выбирались по жребію не только сами архонты изъ кандидатовъ, но и кандидаты по филамъ тоже выбирались по жребію. Введеніе жребьеваго порядка выборовъ на должности архонтовъ вело къ тому, что архонтатъ утратилъ свое руководящее значеніе. Архонты предсѣдательствовали въ большинствѣ судебныхъ комиссій, вели текуція дѣла, но уже не могли играть большой роли, такъ какъ жребьевка, будучи дѣломъ случая, часто передавала эту должность въ руки лицъ малоспособныхъ.

Стратеги, выбиравшіеся не по жребію, а голосованіемъ (поднятіемъ рукъ—*χειροτονία*), въ V и IV вв. имѣли больше значенія, нежели архонты. Сначала они вели только чисто военныя дѣла, но потомъ къ нимъ перешла часть финансовыхъ исполнительныхъ функций, вслѣдствіе того, что сборъ войска и его продовольствіе были тѣсно связаны съ финансовыми вопросами. Кромѣ того, такъ какъ между функциями стратеговъ, какъ военачальниковъ, и внѣшней политикой также существовала тѣсная связь,—то впослѣдствіи къ нимъ перешло и руководство внѣшней политикой подъ контролемъ совѣта и народнаго собранія.

Судебная организація. Мы видѣли, что судебную компетенцію имѣли народное собраніе и совѣтъ 500. Но эти учрежденія вѣдали гл. обр. или особенно важныя политическія дѣла

(исангелія, графѣ параномонѣ), или преступленія по должности. Что касается обычной уголовной компетенціи, то часть уголовныхъ дѣлъ, именно, о предумышленномъ убійствѣ, о поджогахъ, разбиралась *ареопагомъ*. Это, въ сущности, единственная важная функція ареопага, оставшаяся нетронутой.

Дѣла объ убійствѣ непредумышленномъ, дозволенномъ, каковыми считались случаи убійства при самооборонѣ и тому подобныя,—такія дѣла разбирались въ коллегіи пятидесяти одного эфета, засѣдавшихъ въ четырехъ палатахъ, о которыхъ было говорено подробнѣе по поводу законовъ Дракона *).

Для разбора болѣе важныхъ уголовныхъ дѣлъ существовала *судъ присяжныхъ* (геліея—*ἡλιαία*). Ежегодно избиралось по жребію шесть тысячъ присяжныхъ, изъ нихъ одна тысяча была запасными и пять тысячъ—очередными. Послѣдніе дѣлились на десять палатъ или дикастерій. Обыкновенно дѣла разбирались одной палатой, и только въ особенно важныхъ случаяхъ засѣдали вмѣстѣ двѣ и даже болѣе палатъ. Иногда напротивъ палаты дробились (засѣдало 200—400 человекъ). Порядокъ за сѣданій палатъ опредѣлялся жребіемъ, такъ что нельзя было напередъ знать, какая изъ нихъ будетъ разбирать то или другое дѣло, чѣмъ устранялась возможность подкузовъ.

Судъ присяжныхъ, какъ это мы видѣли выше, принималъ участіе и въ законодательствѣ. Ему принадлежала также *докимасія* кандидатовъ въ должностныя лица, избираемыхъ по жребію; только докимасія членовъ совѣта принадлежала самому совѣту (докимасія архонтовъ производилась передъ геліею и совѣтомъ вмѣстѣ—*Arist. Аѳ. п. 45, 3*). Докимасія сводилась къ тому, чтобы опредѣлить, имѣетъ ли данное лицо право занимать извѣстную должность по своему возрасту, имущественному положенію, не подвержено ли оно лишенію нѣкоторыхъ или всѣхъ правъ (частичной или полной атиміи—*ἀτιμία*) и проч. Здѣсь мы видимъ нѣкоторую аналогію порядковъ въ аѳинскомъ государствѣ съ порядками современныхъ намъ конституціонныхъ государствъ. Въ наше время въ такихъ государствахъ судебныя власти имѣютъ большое участіе въ оцѣнкѣ избирательныхъ правъ гражданъ. Это имѣетъ мѣсто и у насъ при выборахъ въ Государственную Думу.

Затѣмъ, уже было указано, что геліея—судъ присяжныхъ—разбирала не только дѣла аѳинскихъ гражданъ, но также и наи-

*) См. выше стр. 172 с.

болѣе серьезныя гражданскія дѣла союзниковъ, что служило довольно значительнымъ источникомъ доходовъ для Аѣинъ.

Для мелкихъ дѣлъ внѣ Аѣинъ въ эпоху пятидесятилѣтія („пентеконтаетія“), въ 453 году, были восстановлены *суды по деламъ*, (*δικαστά κατά δήμους*), которые первоначально были введены *Писистратомъ*. Это—разъѣзжіе судьи, разбиравшіе маловажныя дѣла на мѣстахъ. Такимъ путемъ судъ приближался къ населенію, былъ всѣмъ доступенъ и не сопровождался издержками. Число *δικαστῶν κατά δήμους* было равно 30, и можно думать, что оно совпадало съ числомъ тритій.

Въ заключеніе характеристики аѣинской демократіи въ эпоху ея расцвѣта необходимо напомнить, что въ ней существовало широко развитое *мѣстное самоуправленіе демовъ* (см. выше стр. 188 с.) *).

Культурный расцвѣтъ въ эпоху „пятидесятилѣтія“.

Поэзія и философско-научная мысль развились въ VII и VI вѣкахъ болѣе въ мало-азійскихъ поселеніяхъ грековъ, чѣмъ въ Европейской Греціи, ибо вообще мало-азійское побережье развивалось въ ту пору быстрѣе. Но теперь, вмѣстѣ съ перемѣщеніемъ экономическихъ центровъ, и культурныя—передвинулись къ западу, въ Европейскую Грецію: только при накопленіи матеріальныхъ богатствъ здѣсь явились общественные круги, не всецѣло поглощенные борьбою за существованіе и имѣвшіе достаточный досугъ для культурной работы. Каждое слѣдующее поколѣніе V вѣка въ смыслѣ интенсивности культурныхъ интересовъ превосходило предшествующее. Главными центрами философіи, литературы и изобразительныхъ искусствъ сдѣлались Аѣины, а на западѣ—Сиракузы. Вѣкъ Перикла въ Аѣинахъ является эпохой культурнаго расцвѣта, но и во время пелопоннесской войны духовная жизнь не изсякла, хотя, конечно, столь интенсивнаго прогресса, какъ до войны, не было; замѣчаются даже нѣкоторые признаки пониженія культурнаго уровня аѣинской массы (процессы Анаксагора, Фидія, Сократа). Однако не нужно забывать, что какъ разъ во время войны въ Аѣинахъ ставили трагедіи Эврипида и комедіи Аристофана. Послѣ же войны, въ IV в., культурное развитіе Аѣинъ вновь пошло быстрымъ темпомъ впередъ.

Въ очеркъ соціальной и политической исторіи необходимо обратить вниманіе на измѣненіе въ общемъ міросозерцаніи значительной части греческаго культурнаго общества. Подъ влія-

*) *Haussoullier, La vie municipale en Attique, 1884.*

ніемъ усложненія культуры старое релігіозное міропониманіе стало колебаться и уступать мѣсто новому, сложившемуся подъ вліяніемъ философскихъ системъ. Весьма рельефнымъ примѣромъ этого перелома представляется сравненіе міросозерцанія Геродота и Фукидида, раздѣленныхъ лишь однимъ поколѣніемъ. Особенно сильное вліяніе на современниковъ Перикла и поколѣніе, развившееся въ эпоху пелопоннесской войны, оказала *софистика*; скептицизмъ софистовъ не остался безъ вліянія на тѣ политическіе перевороты, которые имѣли мѣсто во время войны. Теорія права сильного стала играть особую роль въ политической жизни. Но скоро возникла и реакція противъ скептицизма въ лицѣ *Сократа* и его ученика *Платона* которые стали искать положительныхъ основъ для новаго міросозерцанія и для новаго моральнаго уклада.

XIII. Періодъ классической или городской Греціи. 4. Борьба Аѣинъ со Спартой за преобладаніе (пелопоннесская война и ея предвѣстники).

Источники для исторіи пелопоннесской войны.

Фукидидъ *). Главнымъ источникомъ для данной эпохи является Фукидидъ. Точно годы рожденія и смерти его неизвѣстны, но приблизительно можно считать, что онъ родился около 460 г., слѣдовательно въ эпоху Перикла, а умеръ около 399 г. или между 399 и 396 гг. Свѣдѣнія о жизни Фукидида содержатся отчасти въ его сочиненіи (хотя это только намеки, которыхъ къ тому же немного), отчасти, въ позднѣйшихъ біографіяхъ, главнымъ образомъ въ біографіи Маркеллина, которая написана гораздо позднѣе той эпохи, въ которую жилъ Фукидидъ, заключаетъ въ себѣ явныя неточности и поэтому требуетъ критическаго отношенія къ себѣ.

Фукидидъ принадлежалъ къ аристократическому роду. Съ одной стороны его родъ связывали съ еракійскими царями, съ другой—указывали на связь съ родомъ Кимона, руководившаго Аѣинами въ первую половину пентеконтаэтіи. Фукидидъ былъ богатъ, онъ владѣлъ золотыми приисками во Фракіи около Амфиполя. Онъ не чуждался государственной дѣятельности и осо-

*) Литература о Фукидидѣ указана во „Введеніи“ *В. П. Бувестула*. Русскій переводъ съ обширными статьями былъ сдѣланъ проф. *Ө. Г. Миценко*, а теперь переработанъ и снабженъ новыми статьями проф. *С. А. Жебелевымъ* (2 тома, М., 1915).

бенно близкое участіе принималъ въ военной жизни. Специалисты-военные, изучавшіе его сочиненія, обнаруживаютъ у него большія познанія въ военномъ дѣлѣ. Мы знаемъ изъ его сочиненія, что онъ принималъ участіе въ первой части пелопоннесской войны. Во время войны за Амфиполь (424 г.) Фукидидъ командовалъ одной изъ аѳинскихъ эскадръ, но ему не удалось воспрепятствовать Брасиду овладѣть Амфиполемъ, и за это пораженіе Фукидидъ былъ изгнанъ изъ Аѳинъ.

Во время изгнанія онъ много путешествовалъ, посѣтилъ многія мѣстности, служившія театромъ военныхъ дѣйствій во время пелопоннесской войны; есть предположеніе, что онъ посѣтилъ даже и Сицилію, въ пользу чего говоритъ довольно вѣрное описаніе мѣстностей на этомъ островѣ, данное въ его сочиненіяхъ. Послѣ конца пелопоннесской войны Фукидидъ былъ возвращенъ въ Аѳины. Умеръ онъ между 399 и 396 г.

Въ какомъ порядкѣ писалъ Фукидидъ свое сочиненіе и въ какомъ его издавалъ,—это спорный вопросъ. Нынѣшнее дѣленіе на книги произвольно. Ясно, что первая часть сочиненія охватываетъ первый періодъ войны (431—421 г.). Фукидидъ отчетливо отмѣчаетъ окончаніе этой части въ V кн. 25 гл. Сочиненіе осталось неоконченнымъ, и послѣдняя (VIII) книга обработана лишь вчернѣ. Изложеніе доведено до 411 г.

Намъ нужно познакомиться съ *источниками*, какими пользовался Фукидидъ; нужно опредѣлить, насколько Фукидидъ критиченъ и объективенъ, чѣмъ отличается его анализъ историческихъ событій отъ такового же, даннаго Геродотомъ

Главнымъ матеріаломъ Фукидида были, во-первыхъ, его личныя впечатлѣнія и, во-вторыхъ, рассказы очевидцевъ описываемыхъ событій. Фукидидъ принималъ различныя мѣры, чтобы получить матеріалъ для восстановленія хода событій пелопоннесской войны въ видѣ рассказовъ и т. п. Слѣдовательно, онъ поступалъ совершенно такъ же, какъ поступилъ бы и современный намъ историкъ. Въ-третьихъ, помимо указанныхъ источниковъ Фукидидъ пользуется и документальнымъ матеріаломъ. У него не мало текстуально приведенныхъ документовъ, какъ напр. договоръ между аѳинянами и спартанцами на 10-мъ году войны (такъ называемый Никіевъ миръ) и другіе договоры, о которыхъ уже по одному характеру ихъ стиля можно сказать, что они подлинны. 4) Фукидидъ знакомъ съ предшествующими писателями и историками: съ Гомеромъ, логографами, къ которымъ онъ впрочемъ относится отрицательно, такъ какъ они занимались мифическимъ періодомъ, въ высшей степени недостовернымъ. Затѣмъ видно,

что онъ знакомъ съ Геродотомъ, такъ какъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сочиненія Фукидида проглядываетъ скрытая полемика съ его предшественникомъ (напр., тамъ, гдѣ Фукидидъ повѣствуетъ о заговорѣ Килона, или о заговорѣ Гармодія и Аристокитона, на чемъ Фукидидъ по случайному поводу подробно останавливается, хотя это и не входитъ въ его задачу въ узкомъ смыслѣ слова). 5) Фукидидъ пользуется и вещественными памятниками, особенно въ первыхъ главахъ своего труда, въ такъ называемой „Археологіи“, т. е. въ первыхъ 21 главѣ первой книги, гдѣ онъ даетъ свѣдѣнія, относящіяся къ періоду до греко-персидскихъ войнъ. Таковы источники Фукидида.

Какъ онъ къ нимъ относится? *Критиченъ ли онъ?* Самъ Фукидидъ опредѣляетъ свою задачу словами: *ἡ ζήτησις τῆς ἀληθείας* (I 20), т. е. „исканіе истины“; слѣдовательно, задачу историка Фукидидъ опредѣляетъ совершенно такъ же, какъ и современные изслѣдователи; задача это—установленіе истины. Цѣль своего труда онъ сжато опредѣляетъ такимъ образомъ: *Κτῆμα τε ἐς αἰεὶ μᾶλλον ἢ ἀφνίσια ἐς τὸ παραχρῆμα ἀκούειν ἐύχεσθαι*, т. е. „Составленный мною трудъ не столько предметъ состязанія для временныхъ слушателей, сколько достояніе на вѣки“ (I 22). Онъ имѣетъ въ виду установить нѣчто вѣчное, а не доставить удовольствіе временнымъ слушателямъ, такъ какъ эту послѣднюю цѣль преслѣдуютъ поэты и логографы, серьезнаго же историка она не достойна.

Фукидидъ точно опредѣляетъ приемы своей критики. Главнымъ источникомъ для Фукидида, помимо его личныхъ наблюдений, являются рассказы очевидцевъ, къ которымъ, согласно его взгляду, необходимо относиться критически: „Что касается совершившихся въ теченіе этой войны событій, то я не считалъ себя въ правѣ записывать то, что узнавалъ отъ перваго встрѣчнаго, или то, что только казалось мнѣ, но записывалъ событія, свидѣтелемъ которыхъ былъ самъ, или то, что слышалъ отъ другихъ, однако каждый разъ послѣ возможно точной проверки съ помощью разспросовъ. Изысканія были трудны, потому что сами очевидцы различныхъ событій передавали объ одномъ и томъ же неодинаково. какъ каждый могъ по силѣ сочувствія той или другой сторонѣ или по памяти. Быть можетъ, изложеніе мое, чуждое басенъ, покажется менѣе пріятнымъ для слуха; за то найдутъ его полезнымъ всѣ тѣ, которые хотятъ поразмыслить о достовѣрномъ прошломъ, могущемъ по свойству человеческой природы повториться когда-либо въ будущемъ въ томъ самомъ или подобномъ видѣ,—а этого для меня доста-

точно. Составленный мною трудъ не столько предметъ состязанія для временныхъ слушателей, сколько достояніе на вѣки“ (I 22). Такова задача Фукидида: это задача современной историографіи. Онъ требуетъ строгой провѣрки источниковъ и въ этомъ отношеніи рѣзко разнится отъ Геродота: здѣсь отчетливое представленіе о необходимости критики, у Геродота же лишь наивныя зачатки ея.

Степень достовѣрности показаній Фукидида въ области документальнаго матеріала въ настоящее время можно провѣрить довольно точно. Въ V книгѣ онъ приводитъ договоръ Аѣинъ съ Аргосомъ, Мантинеей и Элидой (418 г.); теперь найдена подлинная надпись, содержащая этотъ договоръ. Сопоставляя этотъ договоръ въ передачѣ Фукидида съ подлинникомъ, можно опредѣлить, насколько правильно онъ передаетъ документы. Производя это сопоставленіе, мы находимъ только кое-какія стилистическія измѣненія, которыя можно считать допустимыми даже для современнаго историка, если онъ заявляетъ, что передаетъ только содержаніе того или иного документа.

Теперь возникаетъ другой вопросъ,—*насколько объективенъ Фукидидъ?* Какъ современникъ описываемыхъ событій, онъ, конечно, имѣлъ на нихъ свои личныя взгляды, свои симпатіи и антипатіи,—иначе и быть не могло. Онъ пережилъ событія пелопоннеской войны, самъ въ ней участвовалъ, пострадалъ отъ аѣинской демократіи; онъ не былъ-бы человекомъ, если бы у него не было симпатій и антипатій. И дѣйствительно, мы знаемъ, что онъ симпатизируетъ Периклу, Никію и не сочувственно относится къ Клеону. Но имѣть симпатіи—одно дѣло, а быть объективнымъ въ изображеніи описываемыхъ событій—другое. Сказать, что Фукидидъ достигъ полной объективности—нельзя, но нельзя сказать и того, что въ угоду личнымъ симпатіямъ и антипатіямъ онъ намѣренно искажалъ истину. Несознательное искаженіе у него отчасти наблюдается. Какъ современникъ описываемыхъ событій, онъ имѣлъ отношеніе къ борющимся партіямъ. Самъ Фукидидъ, насколько объ этомъ можно судить по наименѣе обработанной VIII книгѣ его труда, былъ *сторонникомъ умѣренной цензурной демократіи*: онъ одобряетъ этотъ строй *). Многіе пра-

*) VIII 97, 2: καὶ οὐκ ἤμισα δὴ τὸν πρῶτον χρόνον ἐπὶ γ' αἰῶνι Ἀθηνοῖσι φαίνονται αὐτὸ πολιτεύσαντες. ἰσχυρὰ γὰρ ἦ τε ἐς τοὺς ὀλίγους καὶ τοὺς πολλοὺς εὐχρηστικὸν εἴηεντο, τ. е. „Мнѣ кажется, что аѣиняне первое время послѣ этого имѣли наилучшее на моей памяти управление: создалось вѣдъ умѣренное смѣшеніе олигархій и демократіи“.

вильно отмѣчаютъ, что въ VIII кн. онъ проявилъ болѣе субъективизма, чѣмъ въ какой либо другой, такъ какъ она необработана окончательно; при окончательной же отдѣлкѣ этотъ субъективный элементъ могъ бы быть устраненъ. Правда, есть возраженія противъ той точки зрѣнія, по которой Фукидидъ считается сторонникомъ ограниченной демократіи, сводящіяся, главнымъ образомъ, къ тому, что онъ очень *симпатизируетъ Периклу*, основателю полнаго народовластія въ Афинахъ. Указываютъ на рѣчь, которую Фукидидъ влагаетъ въ уста Перикла,—рѣчь надъ павшими воинами,—этотъ блестящій панегирикъ афинской демократіи: спрашиваютъ, какъ могъ Фукидидъ, будучи сторонникомъ умѣренной демократіи, симпатизировать стороннику,—болѣе того, вождю неограниченной демократіи? В. П. Бузескуль въ своемъ „Введеніи въ исторію Греціи“, и также въ ранѣе вышедшемъ трудѣ высказывался въ томъ смыслѣ, что Фукидидъ сочувствуетъ Периклу не какъ стороннику неограниченной демократіи, а какъ человѣку, ограничившему демокрагію своимъ личнымъ вліяніемъ. Фукидидъ такъ характеризуетъ эпоху Перикла (II 65, 9): *εὐφροεῖ τε λέγου μὲν δημοκρατία, ἔροφ δὲ ὑπὸ τοῦ πρώτου ἀνδρός ἀρχή* („По имени это была демократія, на дѣлѣ же—господство перваго человѣка“). Отсюда слѣдуетъ выводъ, что Фукидидъ сочувствовалъ Периклу въ виду того, что Периклъ руководилъ демократіей и не давалъ ей доходить до крайности.

Нужно еще сказать нѣсколько словъ о приѣмахъ *реконструкціи событій у Фукидида*. Мы видимъ, что Фукидидъ предвосхитилъ нѣкоторые приемы новѣйшей исторіографіи,—это особенно наблюдается въ его „Археологіи“. Онъ уже понимаетъ значеніе ретроспективного метода, значеніе аналогіи, хотя и не можетъ точно формулировать ихъ сущность. Желая возстановить культуру грековъ въ древнѣйшую эпоху, онъ сопоставляетъ ее съ современнымъ ему бытомъ варварскихъ и отсталыхъ греческихъ племенъ,—это приѣмъ, напоминающій современный методъ аналогіи. Въ послѣднее время подчеркиваютъ то, что Фукидидъ сумѣлъ обратить вниманіе на роль географическаго и экономическаго факторовъ; конечно, у него здѣсь нѣтъ системы, но значеніе этихъ факторовъ онъ понимаетъ.

Что касается *истолкованія событій*, объясненія происхожденія фактовъ, то здѣсь онъ стоитъ на строго-исторической точкѣ зрѣнія. Вездѣ онъ ищетъ причинности, отдѣляетъ причины общія отъ частныхъ, отличаетъ причины отъ ближайшихъ поводовъ (*πρόφασις* и *αἰτία*). Онъ ищетъ причинъ даннаго явленія въ предшествующихъ событіяхъ и такимъ путемъ иногда

доходить почти до соціологическаго анализа. Однако въ общемъ онъ не идетъ такъ далеко, ограничиваясь указаніемъ ближайшихъ причинъ событія. Вѣры въ чудесное у него нѣтъ,—здѣсь онъ стоитъ на *строго рационалистической точкѣ зрѣнія*. Онъ не допускаетъ возможности вмѣшательства какой-либо сверхъестественной силы въ ходъ историческихъ событій и въ ходъ жизни отдѣльныхъ личностей.

Изъ всего сказаннаго можно заключить, что Фукидидъ въ общемъ историкъ надежный.

Остается сказать нѣсколько словъ по поводу *рѣчей*, которыя онъ влагаетъ въ уста историческихъ лицъ, какъ и другіе древніе историки, жившіе до и послѣ него. Онъ самъ заявляетъ, что излагаетъ рѣчи такъ, какъ онъ всего скорѣе по обстоятельствамъ времени могли быть сказаны, и при этомъ старается передать ихъ по возможности такъ, какъ онъ въ дѣйствительности были произнесены. Именно Фукидидъ говоритъ: „Что касается рѣчей, произнесенныхъ отдѣльными лицами или въ пору приготовленія къ войнѣ или во время самой войны, то для меня трудно было запомнить сказанное со всею точностью—и то, что я слышалъ самъ, и то, что передавали мнѣ съ разныхъ сторонъ другіе. Рѣчи составлены у меня такъ, какъ по моему мнѣнію, каждый ораторъ, сообразуясь съ обстоятельствами, скорѣе всего могъ говорить о настоящемъ положеніи дѣлъ; притомъ же я держался возможно ближе общаго смысла дѣйствительно сказаннаго“ (I, 22). Конечно, неточность рѣчей—недостатокъ, но у Фукидида онъ гораздо менѣе ощутителенъ, нежели у другихъ древнихъ историковъ, напр., у Т. Ливія, который влагаетъ въ уста дѣйствующихъ лицъ длиннѣйшія рѣчи, не имѣя для ихъ построенія рѣшительно никакихъ основаній.

Современные хулители Фукидида. Должно замѣтить, что въ послѣднія десятилѣтія выдвигались другіе взгляды на значеніе Фукидида. Это взгляды Мюллера-Штрюбинга и Юлія Шварца. Въ общемъ ихъ взгляды теперь должно считать опровергнутыми, только нѣкоторыя частныя замѣчанія сохранили свое значеніе. Мюллеръ-Штрюбингъ въ своей книгѣ объ Аристофанѣ и изслѣдованіяхъ о Фукидидѣ старался доказать, что Фукидидъ всегда пристрастенъ, что онъ только желаетъ скрыть свое пристрастіе, утаить его. Но примѣры, приводимые Штрюбингомъ, неубѣдительны. Шварцъ упрекаетъ Фукидида въ томъ что его исторія—это описаніе отдѣльныхъ военныхъ событій, что онъ мало останавливается на внутренней исторіи. Однако, аргументы Шварца прямо натянуты, и своей критикой онъ производитъ

впечатлѣніе человѣка, непременно желающаго сказать что-нибудь оригинальное. Конечно, Шварцъ правъ, что Фукидидъ преимущественно военный историкъ, но, вѣдь и самъ Фукидидъ прямо говоритъ, что онъ пишетъ исторію пелопоннесской войны. Упрекъ Шварца, въ такомъ случаѣ, можно было-бы отнести ко всякому военному историку. Упрекать Фукидиду въ томъ, что онъ военный историкъ, нельзя, можно только сожалѣть, что онъ не всегда достаточно останавливается на событіяхъ внутренней исторіи, такъ что упрекъ относится не столько къ самому Фукидиду, сколько къ его задачѣ. Нужно имѣть въ виду и то, что область внѣшней исторіи, разрабатываемая Фукидидомъ, такъ же важна, какъ и область внутренней исторіи. Нельзя, кромѣ того, предъявлять Фукидиду мѣрку современной исторіографіи, какъ это правильно подчеркиваетъ В. П. Бузескулъ.

Ксенофонтъ *). Фукидидъ не успѣлъ довести свое изложеніе до конца пелопоннесской войны: онъ остановился на событіяхъ 411 года. Продолженіе труда Фукидиду взялъ на себя Ксенофонтъ. Его „Гелленика“ (*Ἑλληνικά*—„Греческая исторія“) начинается съ событій 411 года и доводитъ изложеніе до битвы при Мантинѣѣ 362 г.

„Гелленика“ по характеру изложенія распадается на двѣ части. Въ первой части (исторіи пелопоннесской войны—до II кн. 3, 10) Ксенофонтъ стѣрается быть ближе къ характеру изложенія Фукидиду. Вторая часть его сочиненія имѣетъ скорѣе характеръ мемуаровъ.

Здѣсь авторъ останавливается не на всѣхъ историческихъ событіяхъ, а только лишь на тѣхъ, которыя его лично интересуютъ. Такъ, напр., такой важный фактъ, какъ образованіе новаго Аѣинскаго союза у него обойденъ молчаніемъ и, если бы въ нашемъ распоряженіи не было другихъ источниковъ, то мы о немъ могли бы ничего не знать. Зато о событіяхъ исторіи Спарты, которая его особенно интересовала, онъ говоритъ подробно, особенно о дѣятельности своего друга спартанскаго царя Агесилая. Такимъ образомъ, его сочиненіе въ меньшей части—это хроника послѣднихъ годовъ пелопоннесской войны, а въ большей части—мемуары, доводящіе изложеніе до битвы при Мантинѣѣ включительно.

Теперь возникаетъ вопросъ о *степени достоверности* этого источника. Этотъ вопросъ приходится ставить при зна-

*) Рус. пер. *Янчевецкаго*. О Ксенофонтѣ см. *Пельманъ*, о. с. стр. 170 с. и 217 и *В. П. Бузескулъ*, Введеніе, 112—126. Для насъ менѣе важно повѣствованіе Ксенофонта о его службѣ въ Персіи у Кира Младшаго („*Анабасисъ*“).

комствѣ со всякимъ источникомъ вообще, но теперь онъ становится особенно важнымъ въ виду мемуарнаго характера разбираемаго сочиненія.

Ксенофонтъ родился около 2-го года пелопоннесской войны, т. е. около 430 г., умеръ около 355 г. въ глубокой старости. Точнѣе опредѣлить эти даты невозможно, но для нашей цѣли достаточно и приблизительной точности. Значитъ, Ксенофонтъ свою молодость прожилъ въ ту эпоху, когда въ Афинахъ разгоралась реакція противъ демократіи. Это отразилось и на его политическихъ взглядахъ: въ его сочиненіяхъ довольно ясно выражена аристократическая тенденція. Ксенофонтъ противникъ афинской демократіи, болѣе того: онъ является сторонникомъ Спарты, „лаконистомъ“, какъ выражались тогда. Ксенофонтъ былъ близокъ съ Агесилаемъ, спартанскимъ полководцемъ, долгое время находился въ рядахъ спартанскихъ войскъ, долго жилъ въ имѣніи близъ Олимпіи въ Скиллунтѣ, которое онъ получилъ въ даръ отъ спартянцевъ. Его близость къ Спартѣ проявляется въ томъ, что онъ болѣе останавливается на событіяхъ, ближе касающихся исторіи Спарты, нежели исторіи Афинъ. Ксенофонтъ вращался въ кругу Сократа, но, какъ показываютъ его „Воспоминанія о Сократѣ“, по складу своего практическаго ума не былъ въ состояніи проникнуть въ сущность этого ученія. Судьба Сократа должна была однако еще больше оттолкнуть Ксенофонта отъ афинской демократіи. Мы должны съ тѣмъ болѣею необходимостью, принимая во вниманіе обстоятельства жизни Ксенофонта, рѣшить вопросъ, насколько правдивъ и достоверенъ этотъ источникъ. Приходится признать, что Ксенофонтъ событіямъ, которыя онъ излагаетъ, придаетъ иногда своеобразную окраску, обусловленную его симпатіями къ Спартѣ, но въ то же время детальный анализъ его сочиненія не покажетъ, чтобы авторъ сознательно искажалъ дѣйствительность, такъ что въ общемъ пользоваться его трудомъ можно, дополняя недостающее другими источниками.

Кратко Ксенофонта можно охарактеризовать такимъ образомъ: блестящій стилистъ, занимательный рассказчикъ-мемуаристъ, но историкъ съ очень ограниченнымъ кругозоромъ. Въ смыслѣ *истолкованія событій*, объясненія фактовъ—Ксенофонтъ стоитъ далеко позади Фукидида и скорѣе приближается къ Геродоту. Онъ религіозенъ, даже суевѣренъ, допускаетъ вмѣшательство въ ходъ человѣческой жизни высшихъ силъ, такъ, напр., неудачу Спарты онъ объясняетъ вмѣшательствомъ боговъ, карающихъ спартянцевъ за ихъ ошибки. Какъ человѣкъ суевѣр-

ный, Ксенофонтъ постоянно прибѣгаетъ къ жертвоприношеніямъ, при этомъ у него обнаруживается не та искренняя дѣтская вѣра, которая свойственна грекамъ Гомера, а вѣра человѣка, стоящаго на перекуты. Онъ не прочь даже провести боговъ: такъ, напр., извѣстенъ случай, когда онъ долженъ былъ обратиться къ оракулу съ вопросомъ, — слѣдуетъ ли ему отправиться въ походъ, или нѣтъ (какъ человѣкъ религіозный, Ксенофонтъ очень часто прибѣгаетъ къ совѣтамъ оракуловъ); такъ какъ ему сильно хотѣлось отправиться въ походъ и такъ какъ при простой постановкѣ вопроса могъ получиться нежелательный для него отвѣтъ, то Ксенофонтъ ставитъ вопросъ иначе: именно онъ спрашиваетъ, какому богу слѣдуетъ принести жертву, чтобы невредимымъ вернуться изъ похода; такая постановка вопроса, выгодная для вопрошающаго, болѣе нравилась и оракулу, такъ какъ послѣдній предпочиталъ, конечно, неопредѣленные отвѣты на неопредѣленные вопросы, а не наоборотъ.

Феопомпъ и Оксириинскій папирусъ. У Фукидида былъ другой продолжатель, болѣе крупный, чѣмъ Ксенофонтъ, это — *Феопомпъ* (см. выше стр. 17). До настоящаго времени мы знали его только по небольшимъ отрывкамъ, теперь же, повидимому, имѣемъ о немъ болѣе подробныя свѣдѣнія. Въ 1904 г. въ числѣ папирусовъ, найденныхъ на мѣстѣ древняго Оксириинха въ Египтѣ, былъ найденъ очень большой отрывокъ неизвѣстнаго автора, содержаніе котораго относится къ 396 и 395 гг. Событія въ немъ излагаются довольно подробно. Это, повидимому, одинъ изъ продолжателей Фукидида. Есть серьезныя основанія предполагать въ авторѣ этого отрывка Феопомпа, по крайней мѣрѣ большинство историковъ и филологовъ высказались именно въ этомъ смыслѣ (нѣкоторые ученые, впрочемъ, приписываютъ этотъ отрывокъ другому продолжателю Фукидида: Кратиппу). Отрывокъ этотъ интересенъ и важенъ по той причинѣ, что матеріалъ источниковъ, относящійся къ данной эпохѣ, очень ограниченъ.

Событія внутренней исторіи Аѣинъ въ концѣ пелопоннесской войны (переворота 411—410 г. и тиранніи тридцати) изображены, какъ было указано ранѣе, въ „Аѣинской политикѣ“ *Аристотеля*.

Сжатый разсказъ о событіяхъ разсматриваемаго періода изъ вторыхъ рукъ даетъ *Діодоръ Сицилійскій*. Онъ пользовался *Эфоромъ*, который въ свою очередь положилъ въ основу Фукидида; можно также предполагать пользованіе Ксенофонтъ. Дополняетъ Діодоръ эти источники сицилійскими историками.

Большое значеніе для исторіи пелопоннесской войны имѣють *Плутарховы біографіи*: Перикла, Никія, Алкивиада и Лисандра, основанныя на Фукидидѣ, Ксенофонтѣ, Эфорѣ, Теопомпѣ и на сицилійскихъ историкахъ (Тимей и др.—см. выше стр. 18). Врядъ ли Плутархъ изучалъ всѣхъ этихъ авторовъ непосредственно,—вѣрнѣе онъ пользовался многими изъ нихъ чрезъ посредство предшествующаго біографическаго писателя.

Своеобразный источникъ для изучаемой эпохи представляютъ комедіи *Аристофана*. Онѣ написаны на политическія и общественныя злобы дня: здѣсь фигурируютъ государственныя и общественныя дѣятели въ карикатурномъ освѣщеніи. Аристофанъ не сочувствуетъ демократіи, и потому Периклъ, Клеонъ и другіе вожди народа у него высмѣиваются. Такимъ образомъ пользоваться Аристофаномъ для восстановленія фактовъ, какъ они были на самомъ дѣлѣ,—мы не можемъ, но его комедіи очень цѣнны, какъ источникъ для характеристики настроенія различныхъ общественныхъ группъ.

Общественное настроеніе отражается также въ нѣкоторыхъ трагедіяхъ *Эврипида*, рѣчахъ *Лисія* и др. ораторовъ и въ политическихъ памфлетахъ въ родѣ „*Аѳинской политіи*“, приписываемой Ксенофону (см. выше стр. 16, 142 и 226). *Надписи* очень важны и для этой эпохи.

Греческій міръ запада.

Въ исторіи греческаго міра второй половинѣ V в. видную роль играютъ греческія поселенія въ Сициліи и Италиі. Поэтому, прежде чѣмъ переходить къ исторіи великой борьбы Аѳинъ и Спарты, необходимо сказать хотя бы нѣсколько словъ объ этихъ колоніяхъ запада.

Въ то время, какъ въ восточной части греческаго міра слагалась значительная Аѳинская держава, среди греческихъ поселеній запада, въ Сициліи (см. выше стр. 158), стали слагаться тоже значительныя *Сиракузское* и *Акрагантское* государства. Особенно важную роль уже въ первыя десятилѣтія V в. стали играть сиракузскіе тиранны: Гелонъ и Гіеронъ. И подобно тому, какъ восточнымъ грекамъ пришлось вступить въ борьбу съ союбиднымъ сильнымъ негреческимъ государствомъ—Персіей, такъ Сиракузамъ и Акраганту пришлось выдержать борьбу съ обширной финикійской колониальной державой—*Каррагенюмъ* и могущественнымъ племенемъ средней Италиі—этрусками. Борьба съ каррагенянами была столь же успѣшна, какъ и борьба съ Персіей (побѣда при Гимерѣ въ 480 г.). Сиракузы распростра-

нили свою власть и на многие города Южной Италии, а в 474 г. Гиеронъ Сиракузскій нанесъ поражение въ Кампаніи этрускамъ. Послѣ паденія тиранніи и торжества демократіи (60-е года V вѣка), Сиракузы на время потеряли господствующее положеніе на островѣ. Но попытка возстанія туземцевъ подъ предводительствомъ Дукетія (460—440 г.) не имѣла устойчиваго успѣха, а затѣмъ, когда демократія въ Сиракузахъ окрѣпла, Сиракузы опять вернули себѣ господство. Часть греческихъ колоній стала уже въ срединѣ V вѣка искать поддержки противъ Сиракузъ у Аѣинъ, вступивъ въ союзъ съ послѣдними.

Международныя отношенія Аѣинъ и другихъ греческихъ государствъ послѣ победы надъ Персами и образованія Аѣинскаго Союза.

Образованіе Аѣинскаго союза, а затѣмъ державы—очень серьезно повліяло на международныя отношенія какъ греческихъ государствъ бассейна Эгейскаго моря, такъ и болѣе отдаленной периферіи: Персіи, Египта, грековъ Запада и грековъ и варваровъ Чернаго моря.

Что касается грековъ бассейна Эгейскаго моря, то здѣсь центромъ международной политики являются отношенія двухъ федерацій: Пелопоннесскаго соглашенія со Спартой во главѣ и Аѣинскаго союза. Въ первую федерацію входили по преимуществу континентальныя государства Пелопоннеса съ перевѣсомъ континентальныхъ хозяйственныхъ интересовъ (мѣстное сельское хозяйство); во второй—нашли себѣ мѣсто почти исключительно морскія торговыя государства. Были однако и исключенія: торговыя государства, съ которыми Аѣины конкурировали, примкнули къ Пелопоннесскому союзу: такъ поступилъ Коринѣъ.

Различіе въ экономическихъ интересахъ большинства государствъ обѣихъ федерацій само по себѣ могло бы и не вызвать между ними конфликтовъ. Напротивъ земледѣльческія и торговно-промышленныя государства могутъ прекрасно уживаться другъ съ другомъ, такъ какъ они могутъ снабжать другъ друга недостающими имъ продуктами. Но дѣло въ томъ, что здѣсь за экономическими различіями скрывался глубокой соціальній и политическій антагонизмъ. Въ эту эпоху, какъ мы видѣли выше, почти всюду въ Греціи шла борьба между старой аристократіей и низшими слоями населенія. Мы обращали уже вниманіе на то, что въ государствахъ, захваченныхъ экономическимъ переворотомъ, гдѣ развились промышленность и торговля, классовый антагонизмъ былъ значительнѣе, чѣмъ въ государ-

ствахъ, сохранившихъ старый земледѣльческій строй. Естественно поэтому, что въ земледѣльческихъ государствахъ Пелопоннескаго союза старая аристократія была сильнѣе, и здѣсь господствовалъ олигархическій строй. Спарта поддерживала олигархію и искусственно (такъ было въ Коринѣ). Напротивъ, въ торговыхъ государствахъ Аѣинскаго союза шла сильная классовая борьба, и здѣшнія демократическія партіи искали поддержки и находили ее въ Аѣинахъ. Такъ соотношеніе Аѣинскаго и Пелопоннескаго союзовъ превратилось въ борьбу олигархическихъ и демократическихъ государствъ (эту сторону отношеній подчеркиваетъ и Фукидидъ).

Конфликтъ между союзами наарѣлъ не сразу. Даже послѣ рѣшительной побѣды надъ Персами при Эвримедонтѣ (ок. 470 г.) въ Аѣинахъ все еще существовали боязнѣ Персіи и стремленіе поддерживать согласіе со Спартой. Это теченіе главнымъ образомъ шло изъ консервативной партіи, руководимой *Кимонемъ*. Поддерживать дружбу со Спартой было нелегко: это государство и его союзники очень недовѣрчиво относились къ образованію Аѣинскаго союза. Еще когда *Фемистоклъ* началъ укрѣплять Аѣины стѣнами и укрѣпленіями (479 г.), спартанцы и ихъ союзники заявили протестъ, не имѣвшій однако успѣха. И проныцательный умъ *Фемистокла*, конечно, уже тогда предвидѣлъ грядущій конфликтъ со Спартой. Но *Кимонъ* думалъ иначе. Для него все еще главной опасностью для грековъ кажутся персы, и онъ всѣми силами стремится удержать Аѣины отъ разрыва со Спартой. Эта его политика вырисовалась особенно ярко въ 464 г., когда въ Лаконіи разразилось землетрясеніе, и вспыхнуло продолжительное возстаніе гелотовъ и мессенцевъ. Для Аѣинъ этотъ моментъ могъ показаться благопріятнымъ, чтобы сломить Спарту. На этой точкѣ зрѣнія стоялъ *Эфіальтъ*. Но *Кимонъ* добился противоположной политики. Въ 462 г. аѣиняне отправили *Кимона* съ отрядомъ на помощь Спартѣ въ Мессенію (*Plut. Kim.* 16). Но борьба съ мессенцами затягивалась, и спартанцы стали выражать недовѣріе аѣинянамъ, боясь, что эти послѣдніе завяжутъ отношенія съ возставшими (*Thuc.* I 102, 1). Въ результатъ аѣинскій отрядъ съ позоромъ удалился, и политика *Кимона* была ликвидирована (онъ былъ подвергнутъ остракизму въ 461 г., см. выше стр. 238).

Однако и *Периклъ*, выдвинувшійся въ 450-хъ годахъ въ качествѣ руководителя аѣинской политики, не сразу пошелъ на разрывъ со Спартой. Сначала онъ носился съ мыслью о *пан-эллинскомъ конгрессѣ въ Аѣинахъ*, который долженъ былъ

бы установить между греками миръ и направить ихъ силы на общія дѣла (*Plut. Pericl. 17: ἐν εὐρήνῃ καὶ κοινπραγίᾳ τῆς Ἑλλάδος*). Въ числѣ такихъ дѣлъ предполагалось возстановленіе святилищъ, разрушенныхъ персами, и обезпеченіе безопасности на морѣ. Но Спарта не откликнулась на этотъ призывъ, и идея конгресса рухнула. Поведеніе Спарты вполне объяснимо: удача плана Перикла еще болѣе выдвинула бы Аѣины.

И дѣйствительно ростъ Аѣинской державы уже около 460 г. началъ принимать направленіе, прямо угрожавшее преобладанію Спарты въ Пелопоннесѣ. Мегары, тѣснимыя Коринѳомъ, примыкають къ Аѣинскому союзу. Это имѣло огромное значеніе для Аѣинъ, ибо аѣиняне могли теперь преградить пелопоннесцамъ путь въ Среднюю Грецію. Въ Аргосѣ произошелъ демократическій переворотъ, и Аргосъ также примкнулъ къ Аѣинскому союзу. Такъ, аѣиняне стали продвигаться внутрь Пелопоннеса.

Эти событія вызвали *первое* — въ V в. — *вооруженное столкновеніе Аѣинъ и Спарты*. Чтобы имѣть противовѣсъ движенію Аѣинъ въ Пелопоннесѣ, Спарта направила свои шаги въ Среднюю Грецію, дабы отсюда грозить Аѣинамъ. Спарта рѣшила поддержать пошатнувшееся господство Эивъ въ Беотіи. Аѣиняне двинули свое войско въ Беотію, но здѣсь соединенное спартанско-эиванское войско разбило аѣинянь *при Танагрѣ* (457 г.). Но это была для Аѣинъ лишь временная неудача: аѣиняне въ томъ же году разбили противниковъ (при Энофитахъ — „Виноградникахъ“), и освободившіеся отъ Эивъ мелкіе беотійскіе города вступили въ Аѣинскій союзъ (вѣроятно, въ нихъ взяла верхъ демократія см. выше стр. 171). Затѣмъ въ союзъ съ Аѣинами вступаютъ Фокида и восточная (Опунтійская) Локрида. Аѣиняне подчинили себѣ Эгину (457) и, занявши Трезенъ въ Арголидѣ, еще болѣе прочно утвердились въ Пелопоннесѣ. Около этого времени примкнули къ Аѣинамъ и города Ахайи.

456 годъ является зенитомъ аѣинскаго могущества: Аѣины господствуютъ не только на всемъ побережьи Эгейскаго моря, но и на всемъ востокѣ Средней Греціи и въ Сѣверномъ Пелопоннесѣ.

Трудно сказать, какъ сложились бы ближайшія событія, если бы аѣиняне сами не сдѣлали крупной ошибки. Опьяненные своимъ успѣхомъ, они стали слишкомъ разбрасывать свои силы, пускаться въ слишкомъ рискованныя предпріятія. Такимъ

рискованнымъ предпріятіемъ была ихъ *экспедиція въ Египетъ* (459—454 г.).

Намъ уже приходилось говорить о томъ, что Аѣины нуждались въ привозномъ хлѣбѣ. Черноморскія (Понтійскія) колоніи и Сицилія снабжали ихъ недостающимъ имъ хлѣбомъ. Такой же житницей могъ служить имъ и пораазительно плодородный Египетъ, торговыя сношенія съ которымъ существовали издавна. Но Египетъ былъ подъ персидской властью, и въ эпоху борьбы съ Персами торговыя сношенія съ нимъ были затруднены. Когда въ Египтѣ *Инаръ* поднялъ знамя національнаго возстанія противъ Персіи (462 г.), аѣиняне послали инсургентамъ помощь въ 200 тріаръ и около 35,000 человекъ *),—преимущественно изъ союзниковъ (459 г.). Сначала персы терпѣли поражение, но, когда они получили подкрѣпленіе, инсургенты должны были сдаться, Инаръ попалъ въ плѣвъ, и лишь небольшая часть аѣинскаго войска уцѣлѣла и выговорила себѣ свободное отступленіе. Флотъ погибъ.

Эта *катастрофа* остановила дальнѣйшее развитіе аѣинскаго могущества. Совершившійся въ 454 г. переносъ союзной казны съ о. Делоса въ Аѣины можно объяснять тѣмъ, что ослабленный аѣинскій флотъ уже не могъ защищать казну на Делосѣ съ прежней увѣренностью.

Послѣдствіемъ египетской катастрофы было отпаденіе отъ Аѣинъ тѣхъ государствъ, которыя съ ними были слабо связаны. Въ началѣ 440-хъ годовъ отпали аргивяне, заключившіе 30-лѣтній миръ со Спартой, отпала Беотія, гдѣ опять восторжествовали *Тивы* и олигархическія партіи (пораженіе аѣинянъ при Коронѣ въ 447 г.), отпали фокидяне и локрійцы. Такимъ образомъ новыя пріобрѣтенія начала 450-хъ годовъ были утрачены.

Тогда стали дѣлать попытки отпасть и другіе члены Аѣинскаго союза. Въ 446 г. возстали *эвбеійскіе гороба* и *Мегары*. (На Эвбѣи подняли возстаніе олигархи). Имъ помогли лакедемоняне и ихъ союзники. Такъ вспыхнула *2-я война Аѣинъ со Спартой* (446 г.). Пелопоннесцы вторгались даже въ Атику, но почему-то скоро отступили (въ Спартѣ ихъ вождь царь Плейстоанаксъ былъ обвиненъ въ подкупѣ и лишенъ власти). Аѣинянамъ удалось справиться съ возстаніемъ, и на Эвбею были посланы аѣинскіе клерухи **).

*) *Busolt* III, 1, 331.

**) Къ этому времени относится псефизма относительно Халкиды. См. выше стр. 227.

Однако описанныя событія повели къ тому, что аеиняне прѣ раскладки дани въ 450 и 446 г. понизили платежи союзниковъ.

Зимой 445 г. со Спартой и ея союзниками былъ заключенъ „тридцатилѣтній миръ“. Аеиняне отказались отъ Мегаръ, пелопоннесскихъ владѣній и союзниковъ въ Пелопоннесѣ. Эгина сохраняла автономію, но должна была платить дань Аеинамъ; въ остальномъ оба союза сохраняли *status quo*. Повидимому, договоръ включалъ соглашеніе о свободной торговлѣ между членами Аеинскаго и Пелопоннесскаго союзовъ *).

Стѣсненныя въ своихъ имперіалистскихъ тенденціяхъ въ Греціи, отрѣзанныя отъ Египта,—Аеины устремляютъ свое вниманіе на Италію и Сицилію. Именно къ этой эпохѣ относится основаніе колоніи Эурии въ южной Италіи. Нѣсколько ранѣе установились сношенія Аеинъ съ нѣкоторыми городами Сициліи **). Здѣсь, на Западѣ, Аеины рассчитывали найти хлѣбъ, котораго они не добились въ Египтѣ, и мѣста для колонистовъ.

Потребностью въ хлѣбѣ объясняется и предпринятая Перикломъ экспедиція около 440 г. *экспедиція на Черное море* (*Plut. Pericl. 20*). Здѣсь аеиняне утвердились на южномъ берегу въ Синопѣ и Амисѣ, на Мраморномъ морѣ основали колонію Астакъ и завязали тѣсныя сношенія съ Босфорскимъ царствомъ, гдѣ въ Пантикапее (нынѣшняя Керчь) правила сначала (прибл. съ 480 г.) династія Археанактидовъ, а затѣмъ (съ 438 г.)—Спартокидовъ. Фрагменты одного изъ списковъ платежей дани въ Аеинскомъ союзѣ даютъ право заключить, что Нимфей (около Керчи), Ольвія и нѣкоторые греческіе города нынѣшняго юга Россіи вошли въ Аеинскій союзъ. Сюда аеиняне сбывали произведенія своей промышленности (росписныя вазы, металлическія издѣлія, ткани и проч.), а взаменъ получали хлѣбъ, рыбу и т. п.

Во время возстанія Самоса въ 441—439 г. (см. выше стр. 230) Спарта и Пелопоннесскій союзъ послѣ обсужденія вопроса на союзномъ сеймѣ рѣшили соблюдать нейтралитетъ (*Thuc. I 40, 5 и 41, 2*).

Однако миръ со Спартой, установившійся въ 445 г., не могъ быть прочнымъ: слишкомъ серьезны были причины для антагонизма.

*) *Thuc. I 144, 2*; ср. 67, 4.

***) Есть большія основанія думать, что римское посольство для выработки писанныхъ законовъ дѣйствительно въ срединѣ V вѣка являлось въ Аеины. См. *Busolt III 1, 522*, пр. 1.

Пелопоннесская война (431—404 г.).

Причины пелопоннесской войны. Антагонизмъ Аѳинъ со Спартой имѣлъ какъ мы видѣли, очень глубокія причины. Мы видѣли, во первыхъ, что здѣсь можно констатировать *соціально-политическія* противорѣчія: борьбу демократіи и олигархіи. Далѣе, исторія пятидесятилѣтія показываетъ, что *экономическія* потребности толкали аѳинянь къ расширенію своего вліянія: имъ нужны были мѣстности, откуда они могли бы получать сырье, особенно хлѣбъ, и куда они могли бы взаѣмнъ сбывать продукты своей промышленности. Эти потребности влекли ихъ на Ионическое море, въ Сицилію и Италію, а такое движеніе аѳинянь поставило бы Спарту и ея пелопоннесскихъ союзниковъ въ опасное положеніе: Пелопоннесъ почти со всѣхъ сторонъ оказался бы окруженнымъ владѣніями аѳинянь и ихъ союзниковъ.

Если такимъ образомъ широкія политическія задачи аѳинянь подготавливали конфликтъ, то вопросы ежедневной текущей политики дѣлали этотъ конфликтъ *неизбѣжнымъ*. Дѣло въ томъ, что ближайшими сосѣдями аѳинянь по направленію къ Пелопоннесу были ихъ конкуренты и въ торговлѣ и отчасти въ колонизаціи. Я имѣю въ виду Мегары и Коринѣи. Невозможность примирить интересы этихъ сосѣдей съ интересами Аѳинъ вызывала у Мегаръ и Коринѣи тяготѣніе къ Спартѣ, а это создавало для Аѳинъ, помимо экономической, и чисто политическую опасность: границы и пути въ южномъ и юго-западномъ направленіи были необезпечены. Вспомнимъ, что и на западѣ Аѳины имѣли ненадежнаго сосѣда: Фивы и беотійскіе города.

Столкновенія Аѳинъ съ ближайшими сосѣдями: Мегарами и Коринѣемъ—и дали непосредственные поводы къ возникновенію пелопоннесской войны. Поводы были слѣдующіе.

1) Коркира и Коринѣи вѣкогда совмѣстно вывели колонію въ Эпидамнъ. Между ними возникаетъ борьба изъ-за обладанія этой колоніей. Коркиряне нашли помощь у аѳинянь, а коринѣяне у пелопоннесцевъ. Эти событія произошли въ 435—433 гг. Столкновеніе коркирянъ и коринѣянъ переходитъ такимъ образомъ въ столкновеніе Аѳинскаго союза съ Пелопоннесскимъ.

2) Въ слѣдующемъ году борьба осложняется столкновеніемъ изъ-за Потидеи на полуостровѣ Халкидикѣ. Потидея вошла въ Аѳинскій союзъ, но такъ какъ она была коринѣиской колоніей, то и получала чиновника изъ метрополи, такъ называемаго *эпидемиурга*. Пока отношенія Аѳинъ съ Коринѣемъ были мирныя, Аѳины не протестовали противъ этого совмѣстительства власти.

Теперь же аеиняне стали требовать, чтобы коринескій эпидемиургъ былъ удаленъ изъ Потидеи. Потидейцы отложились и нашли помощь не только у Спарты, но и у македонскаго царя Пердикки. Это еще болѣе осложнило столкновение Аеинъ съ Коринѳомъ и Спартой.

3) Наконецъ, послѣдней каплей, переполнившей чашу, было столкновение изъ-за Мегаръ. Аеиняне въ 432 г. запретили мегарянамъ посѣщать свою страну и запретили сношенія со всѣми портами Аеинскаго союза. Это запрещеніе наносило страшный ударъ торговлѣ Мегаръ. Спарта принимаетъ сторону мегарянъ.

Вотъ главныя столкновения Аеинъ съ членами Пелопоннесскаго союза, предшествовавшія пелопоннесской войнѣ.

Ходъ войны. Первый періодъ пелопоннесской войны, продолжавшійся 10 лѣтъ, сопровождался рядомъ вторженій спартанцевъ въ Аттику, что заставляло ея жителей скучиваться въ Аеинахъ. Результатомъ этого было развитіе повальной болѣзни, можетъ быть, сыпного тифа (во всякомъ случаѣ это—не чума), отъ которой многіе умерли. Умеръ отъ нея и Перикль (429 г.), въ послѣднее время перенесшій много бѣдствій. Противъ его друзей былъ возбужденъ рядъ процессовъ. Такъ философъ Анаксагоръ былъ обвиненъ въ безбожій, скульпторъ и архитекторъ Фидій—въ утайкѣ казеннаго золота, подруга Перикла Аспасія—въ безбожій и сводничествѣ. Процессы эти кончились, повидимому, ничѣмъ, за исключеніемъ процесса Анаксагора, который покинулъ Аеины. Наконецъ, самъ Перикль въ 430 г. былъ привлеченъ къ суду, отрѣшенъ отъ должности стратега и прирѣченъ къ штрафу. Правда, уже въ 429 г. онъ былъ вновь избранъ стратегомъ, но скоро умеръ.

Позднѣ военныя дѣйствія сосредоточиваются болѣе въ Пелопоннесѣ, аеиняне захватываютъ лучшую пелопоннесскую гавань Пилосъ *) (425 г.); спартанцы дѣлаютъ ложный шагъ: они занимаютъ островъ Сфактерію, находящійся противъ Пилоса. Аеиняне блокируютъ Сфактерію и овладѣваютъ отборнымъ спартанскимъ гарнизономъ, находившимся на островѣ. Тогда спартанцы посылаютъ отрядъ подъ начальствомъ Брасида для занятія аеинскихъ колоній на еракійскомъ побережьѣ. Этотъ походъ оканчивается тѣмъ, что и спартанскій полководецъ Брасидъ и аеинскій Клеонъ пали въ битвахъ и кампанія оставалась нерѣшенной (422—1 г.) **).

*) Пилосъ—это тотъ самый Наваринъ, около котораго въ 1827 г. соединенныя русскій, французскій и англійскій флоты разбили турокъ, освободивъ грековъ.

***) Въ 424 г. историка Фукидда, бывшаго тогда стратегомъ, и постигла неудача подъ Амфиполемъ (см. выше стр. 254).

Въ 424 г. аеиняне, истощенные войной были вынуждены поднять обложеніе союзниковъ вдвое (до 1000 тал., т. е. почти до 2,500,000 руб.).

Въ эти же годы война получила дальнѣйшее расширеніе. Тѣснимые Сиракузами сицилійскіе города, осоюзившіеся съ аеинянами, нашли помощь у нихъ: аеиняне отправили свой флотъ въ Сицилію (*первая сицилійская экспедиція 427—424 г.*). Но аеиняне здѣсь не имѣли успѣха.

Обоюдное истощеніе и аеинянь и пелопоннесцевъ повело къ тому, что въ 421 г. воюющія стороны заключили миръ (такъ наз. *Никіевъ миръ*). Въ главныхъ чертахъ былъ восстановленъ status quo ante bellum.

Такъ кончилась первая часть войны, занявшая 10 лѣтъ (431—421 г.) и называемая часто по имени спартавскаго царя, неоднократно вторгавшагося въ Атику, *Архидамовой войной*.

Но, если сама Спарта могла удовлетвориться условіями мира, то они не удовлетворили ея союзниковъ. Коринѣ, Мегары, Фивы отказались признать условія мира, такъ какъ эти условія не обезпечивали ихъ интересовъ. Хозяйственный кризисъ въ Пелопоннесѣ, вызванный войной, увеличилъ недовольство въ народѣ. И вотъ во многихъ городахъ возникло сильное демократическое теченіе (Аргось, Мантиней, Элида). Рядъ государствъ отпалъ отъ Спарты и составилъ коалицію противъ нея. Правда, Коринѣ скоро вернулся въ Пелопоннескій союзъ. Но демократически настроенныя государства *Аргось, Мантиней и Элида заключили союзъ съ Аеинами* (420 г.). Однако въ 418 г. Спарта разбила силы пелопоннескихъ своихъ враговъ при Мантинѣ. Въ Пелопоннесѣ началась олигархическая реакція, кромѣ *Аргоса*, гдѣ демократія восторжествовала (417 г.).

Аеины не могли примириться съ создавшимся положеніемъ. Тѣ причины, которыя и ранѣе влекли аеинянь на западъ (торговые интересы), заставляютъ ихъ въ 415 г. вновь вмѣшаться въ дѣла Сициліи и выступить здѣсь противъ все растущаго могущества Сиракузъ. По настоянію *Алкивиада* аеиняне отправляютъ въ Сицилію большой флотъ (*вторая Сицилійская экспедиція 415—413 г.*). Но поддержка, полученная сиракузянами отъ *Спарты* и большинства греческихъ городовъ Сициліи, вовсе не желавшихъ аеинскаго господства, — все это повело къ уничтоженію аеинскаго флота и войска *). Аеинскіе полководцы Никій и Демосеенъ были казнены сиракузянами.

*) Начатый въ самомъ началѣ экспедиціи аеинскими демагогами процессъ противъ Алкивиада (процессъ объ уничтоженіи изображеній Гермеса на

Отъ сицилійской катастрофы Аѣины уже не могли оправиться. Возобновившаяся въ 414 г. изъ-за сицилійской экспедиціи война со Спартой тянулась однако еще 10 лѣтъ, но кончилась поражениемъ Аѣинъ. Въ самой Аттикѣ въ *Декелеп* утвердился постоянный спартанскій гарнизонъ, который непрерывно тормозилъ сообщеніе внутри Аттики. Союзники—одинъ за другимъ—стали отпадать отъ Аѣинъ (412 г.).

Причины пораженія аѣинянъ.

Чтобы выяснитъ причины неудачъ, постигшихъ Аѣины во второй періодъ войны (415—404 г.), важно обратитъ вниманіе на слѣдующія обстоятельства.

Во первыхъ, слѣдуетъ считаться съ распаденіемъ Аѣинскаго союза. Возможность его распаденія должна была выясниться изъ предшествующаго изложенія. Эксплоатаціонный характеръ политики Аѣинъ по отношенію къ союзникамъ долженъ былъ, въ концѣ концовъ, привести къ возмущенію эксплуатируемыхъ противъ Аѣинъ (какъ мы видѣли, въ 424 г. аѣиняне увеличили дань союзникамъ). Эта политика эксплуатаціи и послужила причиной того, что союзъ распался. Мало того: союзники перешли даже на сторону Спарты. Мы видѣли, что Аѣинскій союзъ составилъ главнымъ образомъ подъ вліяніемъ общихъ причинъ: экономическіе и политическіе интересы влекли приморскія торговыя государства къ объединенію, именно въ силу того, что эти интересы у нихъ были солидарны. Однако своекорыстный характеръ политики Аѣинъ по отношенію къ союзникамъ вызвалъ на время отклоненіе отъ этого пути, парализовавъ дѣйствіе указанныхъ общихъ причинъ. Аѣинскій союзъ временно распадается. Мы увидимъ, что послѣ того, какъ эти привходящія причины перестали дѣйствовать, возобновилось вліяніе основного фактора: солидарность морскихъ торговыхъ государствъ снова проявилась, и союзъ (въ IV в. до Р. Х.) вновь возникъ, хотя и въ другой формѣ. Въ данный же моментъ (въ эпоху пелопоннесской войны) эксплуатаціонная политика Аѣинъ повлекла за собой временное распаденіе союза и способствовала побѣдѣ надъ Аѣинами пелопоннессцевъ вообще и Спарты въ частности.

Другой причиной, оказавшей вліяніе на исходъ войны, въ неблагоприятномъ для Аѣинъ смыслѣ, явилось вмѣшательство персовъ: во вторую половину пелопоннесской войны играли важ-

улицяхъ Аѣинъ) повелъ къ тому, что этотъ даровитый, но безпринципный человекъ перешелъ на сторону Спарты.

ную роль отношеній воюющихъ державъ къ Персїи. Въ свое время, налагая исторію греко-персидскихъ войнъ, я указывалъ на то, что не слѣдуетъ преувеличивать значенія одержанной греками побѣды. Историки стараго времени представляли дѣло въ такомъ видѣ, что будто бы могущество персовъ было окончательно сломлено,—въ дѣйствительности было только поколеблено ихъ вліяніе на Эгейскомъ морѣ и побережьѣ Малой Азіи—и то лишь на время. Начиная со второй половины пелопоннесской войны, т. е. спустя 60 лѣтъ послѣ побѣды надъ Персїей, это огромное государство выступаетъ рѣшающимъ факторомъ въ борьбѣ греческихъ государствъ между собою: исходъ пелопоннесской войны былъ обусловленъ ихъ вмѣшательствомъ.

Слѣдуетъ сказать, что въ Спартѣ еще въ теченіе VI и значительной части V вѣка держалось натуральное хозяйство. То обстоятельство, что въ теченіе долгихъ историческихъ періодовъ тамъ существовала неуклюжая желѣзная монета, служить доказательствомъ, что внутренній обмѣнъ въ Спартѣ былъ развитъ весьма слабо. Со вступленіемъ Спарты въ сферу широкихъ международныхъ сношеній оказалось невозможнымъ удержать старыя хозяйственныя формы. Не обладая денежными капиталами, необходимыми для самостоятельной международной политики, Спарта въ послѣднюю четверть V вѣка должна была или по примѣру Аѣинъ начать матеріальную эксплуатацію своихъ союзниковъ, или воспользоваться денежной помощью со стороны: вотъ почему Спарта прибѣгаетъ къ поддержкѣ Персїи,—поддержкѣ, не столько военной, сколько денежной. Это дало матеріальный перевѣсъ Спартѣ надъ истощенными войной Аѣинами.

Таковы рѣшающіе факторы, опредѣлившіе печальный для Аѣинъ исходъ пелопоннесской войны.

Внутренняя исторія Аѣинъ въ эпоху пелопоннесской войны.

Обратимся теперь къ внутренней исторіи Аѣинскаго государства за этотъ періодъ.

Поворотнымъ моментомъ во внутренней исторіи Аѣинскаго государства была сицилійская экспедиція. Уже было говорено о причинахъ, вынудившихъ аѣинянъ къ этой экспедиціи. Нужно считаться съ тѣмъ, что она не была простымъ капризомъ Алкивіада, что своимъ проектомъ онъ вовсе не ввелъ въ заблужденіе аѣинское народное собраніе. Расширеніе торговыхъ сношеній толкало аѣинянъ, а также и другихъ торговыхъ членовъ союза на западъ. Вмѣстѣ съ этимъ естественно возникало движеніе, направленное къ обезпеченію и политическаго вліянія

на западѣ. Такимъ образомъ, сицилійская экспедиція была вызвана вполне определенными причинами, но оказалось, что, предпринимая ее, аеиняне не рассчитали своихъ силъ. Хотя туземное населеніе было по большей части на сторонѣ аеинянъ, все-таки оказалось, что послѣдніе были не въ состояніи поддержать тамъ свое господство. Уже въ началѣ экспедиціи процессъ объ оскорбленіи гермъ, вызовъ Алкивиада изъ Сициліи на судъ въ Аеины, бѣгство его въ Спарту—все это сообщало колеблющійся характеръ и внѣшней политикѣ Аеинъ. Энергія сиракузцевъ и лакедемонянъ парализовала временные успѣхи аеинянъ. Извѣстіе о гибели аеинской эскадры вызвало панику въ Аеинахъ. Правда, Фукидидъ говоритъ, что аеиняне не пали духомъ и рѣшили продолжать дѣйствовать въ томъ же направленіи; оставшіяся деньги были употреблены ими на сооруженіе новой эскадры; но этотъ фактъ повелъ къ тому, что партіи, враждебныя существующему государственному строю, подняли голову.

Партіи въ Аттикѣ. Слѣдуетъ ознакомиться съ группировкой партій въ рассматриваемый періодъ. Въ Аеинскомъ государствѣ въ это время можно отмѣтить 4 борющихся группы. Прежде всего нужно считаться съ настроеніемъ аеинскаго крестьянства. Вспомнимъ характеръ перваго періода пелопоннесской войны, такъ называемой Архидамовой войны. Каждую весну и лѣто спартанское войско появляется въ Аттикѣ и производитъ опустошенія. Крестьянское населеніе Аттики принуждено перебирается въ городъ Аеины, гдѣ отъ скученности и тѣсноты появляется повальная болѣзнь, уносящая много человѣческихъ жизней. Сельское хозяйство въ Аттикѣ, въ силу указанныхъ причинъ, было въ полномъ разстройствѣ, крестьяне обѣднѣли, естественно, что поэтому они являются сторонниками мира. Этотъ мотивъ очень отчетливо проводится въ комедіяхъ Аристофана. Идеаль аеинскаго крестьянина таковъ, что онъ желалъ бы сохранить старое: пусть впрямь будетъ такъ же, какъ было и прежде; война вредна,—поэтому ее слѣдуетъ прекратить. Въ комедіяхъ Аристофана дается такая характеристика настроенія аеинскаго крестьянства: „Тихая жизнь въ маленькомъ имѣнни, свобода отъ рыночной толчеи, мирное обладаніе парой воловъ, блеяніе овецъ, журчанье вина, льющагося въ кубокъ, на закуску—птицы. Не нужно ждать рыбы, три дня назадъ купленной изъ третьихъ рукъ торговца“. Занятіе своимъ хозяйствомъ и мирная жизнь, чуждая военныхъ тревогъ,—таковы мечты, постоянно проглядывавшія въ настроеніи аеинскаго крестьянина.

Другую партію составляютъ отпрыски старыхъ аристократическихъ родовъ. Эта группа, имѣя нѣкоторое сходство въ настроеніи въ крестьянской, въ то же время существенно отличается отъ нея. Крестьяне стоятъ за миръ, но они не желаютъ внутреннихъ переворотовъ. Крестьянинъ мало заботится о политикѣ, трудно всколыхнуть его консерватизмъ. Другое дѣло—аристократы: они—враги аѳинской демократіи. Во что бы то ни стало, они желаютъ уничтожить ее и перейти даже къ до-солонovu строю. Воздемъ этой партіи послѣ сипилійской экспедиціи былъ Писандръ, а позднѣе—во время тираніи 30—Критій. Аристократы желаютъ мира и установленія олигархическаго строя.

Что касается городского населенія, то его можно подраздѣлить на двѣ группы: это, во-первыхъ, группа пролетаріата и мелкой буржуазіи. Эта группа желаетъ сохраненія демократическаго строя въ томъ видѣ, какъ онъ созданъ въ періодъ пятидесятилѣтія, и желаетъ продолженія войны, потому что отъ успѣха войны зависѣло упроченіе аѳинской торговли, дававшей заработокъ множеству аѳинянъ. Кромѣ того, еще съ эпохи Перикла эта часть городского населенія кормилась подачками отъ казны, что было возможно, главнымъ образомъ благодаря господству надъ союзниками, поддержать же такое господство можно было опять таки только путемъ войны: это—вторая причина, побуждавшая эти слои населенія желать продолженія войны. Правда, неудачи вызываютъ панику среди приверженцевъ войны, и ихъ настроеніе особеннымъ постоянствомъ не отличается. Аристофанъ намъ рисуетъ такую сцену: когда сторонники войны изъ низшихъ слоевъ населенія слышатъ о военныхъ неудачахъ, то они тотчасъ же высказываются противъ войны; но стоитъ только появиться слухамъ, что сардинки стали дешевле, какъ ихъ настроеніе опять мѣняется въ пользу войны. Конечно, это—карикатура—однако карикатура, имѣющая значительныя реальныя основанія. Во главѣ этой группы стояли кожевникъ Клеонъ (до 422 г.), изготовитель лампъ Гиперболь (былъ подвергнутъ остракизму ок. 417 г.), мастеръ музыкальныхъ инструментовъ Клефонть (въ концѣ пелопоннесской войны).

Наконецъ, четвертая группа это средняя и частью крупная буржуазія. Воздемъ этой группы былъ Никій, который пользуется большими симпатіями Аристотеля и котораго послѣдній причисляетъ къ лучшимъ аѳинскимъ вождямъ. Позднѣе мы познакомимся и съ другимъ вождемъ этой группы—Фераменомъ. Эта группа стоитъ за войну, но только вплоть до разумнаго компромисса со Спар-

той. Она считает невозможнымъ отказаться отъ войны, такъ какъ живетъ торговыми интересами. Что касается внутренней политики, то, примѣняя современную терминологию, данная группа придерживается точки зрѣнія буржуазной демократіи: она стоитъ за демократическій строй, но ограниченный извѣстнымъ цензомъ; свой идеалъ она отождествляетъ то съ Клизеевымъ, то съ Солоновымъ строемъ.

Такимъ образомъ, мы различаемъ четыре группы, изъ нихъ крестьяне и аристократы объединяются своимъ враждебнымъ отношеніемъ къ войнѣ, городскія же группы сближаются тѣмъ, что желаютъ войны; но мы видимъ и разницу: такъ крестьяне не желаютъ внутреннихъ переворотовъ, аристократы, наоборотъ, желаютъ олигархической революціи; низшіе городскіе классы являются сторонниками полной демократіи, высшая же буржуазія и часть средней—желаетъ демократіи, ограниченной извѣстнымъ цензомъ.

Борьба этихъ партій замѣчается еще въ первой половинѣ пелопоннесской войны, хотя въ болѣе слабой степени, послѣ же сизилійской катастрофы она обостряется.

Политическая философія. Политическая борьба въ эту эпоху приняла крайне ожесточенный характеръ. Прежде всего продолжительная война притупила чувство жалости и воспитала общество въ смыслѣ пренебреженія нравственными принципами. Эукидидъ мастерски рисуетъ моральное одичаніе эллиновъ этой эпохи (III 82 с). Мы находимъ у него описаніе такихъ симптомовъ огрубѣнія воиновъ, какъ казнь 1000 митиленскихъ аристократовъ (427 г.), или избиеніе мужского населенія о. Мелоса, отказавшагося вступить въ Аѣинскій союзъ, продажа въ рабство тамошнихъ женщинъ и дѣтей и раздѣлъ острова между аѣинскими клерухами (416 г.).

Съ этимъ одичаніемъ, вызваннымъ войной, гармонируетъ и та нравственная философія, которая господствовала въ это время въ Аѣинахъ. Ростъ культуры подорвалъ старую религію, а *софистическое движеніе* выставило принципъ полного субъективизма въ нравственности. Протагоръ (480—411 г.) провозгласилъ общее теоретико-познавательное положеніе, что каждый „человѣкъ есть мѣра всѣхъ вещей,—существующихъ, что онѣ существуютъ, и не существующихъ, что ихъ нѣтъ“ (*πάντων χρημάτων μέτρον ἀνθρώπος, τῶν μὲν ὄντων ὡς ἔστιν, τῶν δὲ μὴ ὄντων ὡς οὐκ ἔστιν*). Отсюда вытекало и торжество субъективизма въ морали, отрицаніе какихъ бы то ни было принциповъ нрав-

ственности. Право сильного провозглашалось, какъ основа дѣятельности отдѣльной личности. Оно же является въ это время и популярной политической теоріей. У Фукидида мы неоднократно находимъ въ рѣчахъ аеинскихъ ораторовъ и пословъ провозглашеніе принципа права сильного, какъ руководящаго начала государственной жизни. Аеинскіе послы въ Спартѣ такъ оправдываютъ свое господство надъ союзниками: „Никто еще не ставилъ права выше своихъ выгодъ“ (*Thuc.* I 76). Философію эту, по словамъ Платона *), раздѣляли тысячи людей, хотя не всѣ рѣшались высказывать такіа сужденія открыто. Сократъ потратилъ всю свою жизнь на борьбу съ этой этической безпринципностью.

Типичнымъ государственнымъ дѣятелемъ, проникнутымъ софистическимъ міропониманіемъ былъ *Алкивиадъ*. Это былъ человекъ, ни во что не вѣрившій, державшійся взгляда: *οὐ βελε ἰβὶ πατρία* **). Глубоко презирая демократію (онъ называлъ ее „доказанной глупостью“) ***) , онъ служилъ ей, пока это было выгодно, и покидалъ ее, когда не видѣлъ своего торжества ****).

Въ такой психологической средѣ и разыгрывались событія партійной борьбы въ Аеинахъ въ эпоху пелопоннесской войны.

Олигархическое движеніе 413—410 годовъ. Послѣ неудачи сицилійской экспедиціи олигархическая партія и партія умѣренной буржуазіи подняли голову. Онѣ выдвигаютъ проекты реформъ демократическаго строя, и демось, подавленный неудачами, принимаетъ эти проекты.

Первый шагъ, сдѣланный этими партіями, заключался въ предложеніи (413 г.) установить коллегію изъ 10 пробудовъ (по одному отъ каждой филы), которые должны были взять въ свои руки руководство государственными дѣлами. Детальныхъ свѣдѣній о дѣятельности и функціяхъ этой коллегіи нѣтъ, но самое названіе показываетъ, что эта коллегія должна была быть контрблерирующимъ органомъ съ правомъ предварительнаго обсужденія дѣлъ. Появленіе коллегіи пробудовъ указываетъ на то, что демось уже идетъ на извѣстныя уступки.

*) *Resp.* II 358 C.

**) *Thuc.* VI 92.

***) *Ὀμολογημένη βλοια*—*Thuc.* VI 89.

****) Блестящая характеристика этого міросозерцанія дана у *Пельмана* въ его „Исторіи античнаго социализма“. Ср. также характеристику *Алкивиада* у него въ „Очеркъ“, рус. пер., 199 с.

Дальнѣйшія военныя неудачи, постигшія Аѳины, повели къ тому, что олигархи и умѣренные демократы стали дѣйствовать рѣшительнѣе. Олигархи пока еще не играли такой серьезной роли, какъ умѣренные демократы. Вождями были, — съ одной стороны, Писандръ, съ другой—Ѳерамень. Послѣдній, подобно Никію также пользовался симпатіями Аристотеля и, кромѣ того, Ѳукидида, который Ѳераменову конституцію считалъ наилучшей.

Въ это время выдвигаются проекты реформъ. Мы обратимъ вниманіе лишь на основныя особенности этихъ проектовъ. Характеризуя аѳинскую демократію, я нарочно подчеркнул три основныя ея особенности: 1) всѣ лица, имѣвшія права гражданства, имѣли и одинаковое участіе въ осуществленіи верховной власти, почему, съ тогдашней точки зрѣнія, это была полная демократія; 2) существовало жалованіе за отправленіе государственныхъ обязанностей и 3) широко примѣнялась жеребьевка. Это я подчеркнул сейчасъ потому, что партіи, враждебныя демократіи, высказывались противъ этихъ особенностей государственнаго строя, за ихъ ослабленіе или даже окончательное уничтоженіе. Соответственно тремъ характернымъ особенностямъ аѳинскаго демократическаго строя и проекты олигархіи и умѣренной демократіи сводились, во 1-хъ, къ тому, чтобы участіе въ осуществленіи верховной власти принадлежало не всѣмъ гражданамъ безъ различія состоянія, а только группѣ лицъ, имѣвшихъ имущественный цензъ и которыхъ насчитывалось приблизительно около 5 тысячъ. Граждане, не удовлетворявшіе указанному требованію, т. е. не бывшіе въ состояніи вооружаться на свой счетъ, сохраняли за собой только лишь гражданскія права, не имѣя никакихъ политическихъ правъ. Изъ этихъ 5 тысячъ гражданъ долженъ былъ быть выбранъ совѣтъ 400, изъ числа членовъ котораго должны выбираться лица для замѣщенія болѣе важныхъ должностей, въ то время, какъ для замѣщенія менѣе важныхъ магистратуръ можно было выбирать и другихъ лицъ, т. е. не входящихъ въ составъ совѣта 400, но пользующихся политическими правами.

Второе ограниченіе демократіи сводилось къ ограниченію числа платныхъ должностей, къ ослабленію системы вознагражденія за несеніе государственныхъ обязанностей. Правда, пріостановка вознагражденія введена было только на время войны. Жалованіе должно было быть сохранено только за архонтами и пританами, т. е. очередными членами совѣта, въ размѣрѣ $\frac{1}{4}$ драхмы

въ день. Такимъ образомъ число платныхъ должностей очень сильно ограничивается.

Третья особенность предлагаемыхъ проектовъ сводилась, если не къ окончательному уничтоженію жеребьевки, то во всякомъ случаѣ къ значительному ограниченію примѣненія этой системы.

Помимо этой чисто-практической стороны, новое движеніе имѣло и свою идеологию: сторонники его говорили, что осуществленіе ихъ проектовъ поведетъ къ восстановленію стараго „отеческаго устройства“ (*ἡ πατριος πολιτεία*). Они старались усилить значеніе своихъ плановъ ссылками на то, что они предлагаютъ не что иное, какъ исконное аѳинское устройство, или, пожалуй, истинно-аѳинскій строй, который совпадалъ съ Солоновымъ строемъ. Конечно, въ этихъ заявленіяхъ есть доля истины, напр., тутъ и тамъ замѣчается сходство въ ценовой системѣ, но вѣдь, если придерживаться подобной точки зрѣнія и быть послѣдовательнымъ, то можно было дойти до провозглашенія истинно-аѳинскимъ строемъ патріархальнаго гомеэровскаго строя.

Въ связи съ провозглашеніемъ этого строя появляется туча *памфлетовъ*. Такое явленіе не составляетъ особенности только аѳинской исторіи: оно наблюдается во всѣхъ странахъ при переходѣ отъ одной государственной формы къ другой (напр., въ исторіи англійской или французской революціи вы увидите то же самое явленіе). Между прочимъ среди этой памфлетной литературы возникъ, приписываемый *Ксенофонту*, трактатъ, извѣстный подъ названіемъ „Псевдо-ксенофитовой Аѳинской Политіи“, гдѣ сильно замѣтны олигархическія стремленія, умѣряемая однако демократической струей.

Относительно происхожденія этого произведенія выставлялось много гипотезъ, разбирать которыя здѣсь я не буду, скажу только, что нѣкоторые находили въ этомъ олигархическомъ трактатѣ позднѣйшія демократическія интерполяціи; другіе доказывали, что въ текстъ, написанный умѣреннымъ аристократомъ, внесены замѣтки крайнимъ олигархомъ (покойный проф. А. Н. Шварцъ). Трактатъ относится къ послѣднимъ десятилѣтіямъ V вѣка, но, вѣроятно, основная часть его написана до 424 г.

Изъ памфлетной литературы этого времени вышла, вѣроятно, и 4 глава „Аѳинской Политіи“ Аристотеля, глава о реформѣ Дракона, которая очень близка по содержанію къ проектамъ олигархической партіи 411 года. Одинъ изъ олигархическихъ памфлетовъ былъ написанъ *Критіемъ*, однимъ изъ 30 тиранновъ 404 г.

Эти планы реформъ были приняты. Была выработана конституція на будущее время, а также временная конституція, каковой власть передавалась совѣту 400. Сначала было выбрано только 100 человекъ, которые уже сами пополнили число членовъ совѣта до законной нормы, такъ что власть временно перешла въ руки 400.

Пока партіи олигархическая и умѣренной демократіи дѣйствовала солидарно. Вождь послѣдней—Θераменъ входитъ въ соглашеніе съ олигархами. Въ виду этого Θерамена упрекали въ двойственности, въ томъ, что онъ готовъ былъ служить и нашимъ и вашимъ. Дѣйствительно Θераменъ — сторонникъ компромиссной политики: онъ стоитъ за умѣренную демократію, но его нельзя упрекать въ измѣнѣ своимъ взглядамъ: яснымъ доказательствомъ этого служить хотя бы то обстоятельство, что за свои взгляды онъ позднѣе заплатилъ жизнью.

Въ 411 г. Θерамену пришлось столкнуться съ Писандромъ и его приверженцами (Антифонтомъ, Фринихомъ). Эта группа желала установить чисто олигархическій строй и вовсе не хотѣла передавать власть 5000 гражданъ. Олигархи, желая сохранить управленіе за 400, замедляютъ составленіе списка „пяти тысячъ“, пользующихся политическими правами. Θераменъ выступаетъ противъ нихъ и требуетъ, чтобы, имѣющіе, возможность вооружаться на свой счетъ (*δπλασοι δπλα παρ'εχονται*), были занесены въ списокъ полноправныхъ гражданъ и чтобы имъ была передана власть.

Въ то же время дѣла на морѣ у аеинянъ идутъ неважно. Попытка олигарховъ начать переговоры со спартамцами окончательно подрываетъ у демоса довѣріе къ нимъ. Сначала демосъ вѣрилъ, что проводимыя олигархами реформы улучшатъ положеніе дѣлъ, теперь же онъ увидѣлъ свою ошибку и захотѣлъ исправить ее. Главная военная сила аеинянъ — флотъ, стоявшій у о. Самоса, составленный главнымъ образомъ изъ демократическихъ элементовъ, — начинаетъ проявлять рѣзко-демократическій тонъ и демонстрировать противъ олигарховъ. Тогда эти послѣдніе входятъ въ соглашеніе съ *Алкивиадомъ*, котораго ставятъ во главѣ флота въ качествѣ стратега. Положеніе ихъ колеблется, они боятся потерять флотъ и идутъ на уступки. Временно власть переходитъ въ руки лицъ, могущихъ вооружаться на свой счетъ, хотя, насколько правильно были составлены списки ихъ, — мы не знаемъ.

Итакъ, Фераменъ взялъ верхъ, но потомъ возвращеніе Алкивіада ведетъ къ тому, что Фераменъ теряетъ власть, ибо Алкивіадъ находитъ выгоднымъ для себя стать на сторону полной демократіи. Въ Аѣнахъ восстанавливается демократія (410 г.).

Конецъ пелопоннесской войны и тиранія тридцати.
Послѣ крушенія попытокъ произвести олигархической переворотъ въ Аѣнахъ борьба аѣнянъ съ пелопоннессцами шла съ перемѣннымъ успѣхомъ. Аѣнскій флотъ одержалъ въ 410—408 гг. рядъ побѣдъ надъ пелопоннесскимъ—въ сѣверныхъ водахъ (взятіе Византіи въ 408 г.): пелопоннессцы сосредоточили здѣсь свой флотъ, желая отрѣзать доступъ въ Аѣны черноморскому хлѣбу. Алкивіадъ съ триумфомъ вернулся въ Аѣны и былъ объявленъ единоличнымъ стратегомъ (*ἡγεμῶν ἀποκράτωρ*—Хер. Hell. I 4, 20). Но эти успѣхи были непродолжительны. Спартанскій навархъ (начальникъ флота) *Лисандръ*, даровитый, рѣшительный и независимый человѣкъ, склоняетъ военное счастье на сторону Спарты. Послѣ первыхъ неудачъ аѣняне въ 407 г. лишаютъ Алкивіада полномочій (послѣ ряда скитаній онъ удаляется въ Персію, гдѣ и гибнетъ).

Аѣняне нуждаются въ деньгахъ, Спарта же получаетъ энергичную денежную поддержку отъ Персіи. Въ іонійскихъ городахъ, благодаря политикѣ Лисандра, растетъ олигархическое движеніе.

Наблюдавшаяся еще раньше деморализація аѣнскаго общества теперь подъ вліяніемъ продолжительной войны проявляется еще въ большей степени. Мы нерѣдко видимъ въ Аѣнахъ проявленія жестокости. Мы видѣли, что еще ранѣе аѣняне производили довольно жестокія расправы съ своими противниками, напр., съ мелосцами, нѣсколько сотъ которыхъ было казнено за сопротивленіе, а остальные проданы въ рабство. Такая же жестокость демоса обнаруживается въ процессѣ аргинузскихъ побѣдителей въ 406 г. Въ этомъ году при *Аргинузскихъ островахъ* аѣняне одержали блестящую побѣду,—разбили спартанскій флотъ. Стратеги съ честью вышли изъ сраженія, но къ концу его разыгралась буря, нѣсколько кораблей аѣнскихъ было разбито. Много матросовъ и солдатъ погибло; спасти ихъ не удалось. Это вызываетъ негодованіе въ родственникахъ погибшихъ. Начинаютъ раздаваться нареканія на полководцевъ, что они-де не приняли мѣръ для спасенія погибавшихъ. Въ аѣнскомъ народномъ собраніи идутъ разговоры о неправильномъ поведеніи аргинузскихъ побѣдителей. Въ пылу страстей ихъ предають суду, причемъ разбираютъ дѣло здѣсь же—

въ народномъ собраніи, чѣмъ нарушается обычный порядокъ судопроизводства. Дѣло оканчивается тѣмъ, что стратеги въ при- суждаютъ къ смертной казни и конфискаціи имущества. Между прочимъ Сократъ высказывался противъ такого приговора. Однако результатомъ была казнь нѣсколькихъ способныхъ полководцевъ. Немного дней спустя, у народа появилось раскаяніе, но было уже поздно: мертвыхъ не вернуть! Изъ этого процесса ясно видно, какъ сильно былъ деморализованъ аеинскій народъ продолжительной войной. Подобное явленіе наблюдается часто при продолжительныхъ войнахъ, таковъ, напр., былъ результатъ 30-лѣтней войны въ Германіи.

Затѣмъ аеиняне терпятъ новыя пораженія, обусловленные, кромѣ общихъ причинъ, еще и тѣмъ, что во главѣ спартанскаго флота всталъ такой видный полководецъ, какъ Лисандръ. Онъ стремится прервать торговлю Аеинъ съ Чернымъ моремъ и лишить ихъ подвоза хлѣба. Особенно чувствительнымъ было поражение, которое Лисандръ нанесъ аеинянамъ въ 405 г. на сѣверѣ Эгейскаго моря,—на рѣкѣ Эгоспотамосъ („Козья рѣчка“) на берегу Фракійскаго Херсоннеса. Пять мѣсяцевъ спартанцы осаждали Аеины. Аеиняне, доведенные до крайности, отрѣзанные отъ моря, въ концѣ концовъ принуждены были согласиться на миръ. Согласно договору были разрушены длинныя стѣны Пирея, и отошли отъ Аеинъ всѣ внѣшнія владѣнія. Аеины были вынуждены вступить въ пелопоннесскій союзъ (404 г.).

Результатомъ этого пораженія было то, что власть вновь переходитъ въ руки олигарховъ. При содѣйствіи Спарты была выбрана коммиссія 30, въ которую вошли олигархи и вожди умѣренной демократіи. Эта коммиссія, которой поручено было выработать новую конституцію въ духѣ конституціи 411 года, получила названіе 30 *тиранновъ*. Конечно, этотъ терминъ можно примѣнять здѣсь лишь условно. Это—не тиранны въ собственномъ смыслѣ словъ, какъ мы обычно понимаемъ этотъ терминъ, это не демагоги, захватившіе власть, опираясь на низшіе слои населенія, а ставленники Спарты, вожди олигархической партіи. Предполагалось, что власть не останется въ ихъ рукахъ, а будетъ передана въ руки аеинскихъ гражданъ на основаніи имущественнаго ценза. Но оказалось, что, по предположенію Критія, гражданскія права получили только 3000 лицъ, при чемъ списки составлялись олигархами крайне произвольно. Признакомъ правомочности служилъ не имущественный или какой либо другой въ этомъ же родѣ цензъ, а просто политическая благонадежность. Политическія права получили только тѣ,

которые считались надежными въ глазахъ Критія и его сподвижниковъ. Өерамень выступаетъ противъ Критія. Онъ по-прежнему стоитъ на той точкѣ зрѣнія, что въ составъ гражданъ должны войти всѣ тѣ, кто въ состояніи служить государству „на конѣ и со щитомъ“, какъ говорили въ то время (*Xen. Hell. II 3, 48*).

Вотъ эти два теченія и вступаютъ борьбу. Пока одерживаютъ верхъ олигархи.

Управление 30 тиранновъ носить террористическій характеръ. Число жертвъ доходитъ до 2000, при этомъ имущество жертвъ обычно конфискуется. Казнятъ всѣхъ безъ разбора, какъ бѣдныхъ, такъ и зажиточныхъ, послѣднихъ даже больше,—съ цѣлью пополнить опустѣвшую казну. Результатомъ террора было повальное бѣгство.

Критій, вождь олигархической партіи, желаетъ сохранить власть въ рукахъ 30 лицъ. Столкновение его съ Өераменомъ приводитъ къ тому, что Критій незаконно предаётъ Өерамена казни. Это обстоятельство показываетъ, насколько стойко Өерамень придерживался своихъ взглядовъ до конца жизни и насколько несправедливы упреки въ двуличности по его адресу.

Послѣ гибели Өерамена положеніе олигарховъ начинаетъ колебаться. Они опирались не на внутреннее соотношеніе силъ, а на Спарту, на внѣшнюю поддержку, а какъ разъ въ это время въ Спартѣ начинаются раздоры: царь Павсаній (авторъ памфлета, о которомъ шла рѣчь на стр. 196) выступаетъ противъ наварха Лисандра, ратовавшаго за замѣну наследственной монархіи—выборной.

Спарта начинаетъ эксплуатировать своихъ союзниковъ: посылаетъ къ нимъ гармостовъ, ставитъ ихъ въ зависимое положеніе, облагаетъ данью. Въ результатѣ этой эксплуатаціи—начались волненія среди союзниковъ Спарты. Даже олигархическія Өивы даютъ пріютъ аѣнскимъ бѣглецамъ—демократамъ, чтобы этимъ досадить Спартѣ.

Составляется войско сторонниковъ аѣнской демократіи съ Өрасибуломъ во главѣ; демократы берутъ сначала крѣпость Филу, а затѣмъ захватываютъ Пирей и начинаютъ осаждать самую Аѣину. 30 удаляются и замѣняются комиссіей изъ 10 лицъ. Царь Павсаній, смѣнвившій въ предводительствованіи Лисандра, заключаетъ соглашеніе съ аѣнскими демократами. Затѣмъ въ архонтство Эвклида въ 403 г. восстанавливается вполне демократическій строй. Элевсинъ, куда бѣжали 30 тиранновъ, признанъ былъ особымъ государствомъ. Была объявлена амністія

всѣмъ участникамъ послѣднихъ переворотовъ, которая не коснулась комиссіей 30 и 10 и комиссіи, приводившей въ исполненіе приговоры 30.

Весьма знаменательно то обстоятельство, что Элевсинъ признанъ особымъ государствомъ. Я прежде говорилъ, что по нѣкоторымъ даннымъ (линія укрѣпленій, особая монета) Элевсинъ примкнулъ къ синойкизму аттическихъ общинъ довольно поздно. Приведенный выше фактъ является липнимъ аргументомъ въ пользу выставленнаго предположенія: даже въ такую позднюю эпоху, какъ конецъ V в., Элевсинъ является на нѣкоторое время обособленнымъ политическимъ пѣлымъ. Однако въ 402—401 гг. Элевсинъ былъ опять присоединенъ къ Афинамъ.

Этимъ оканчивается исторія пелопоннесской войны.

XIV. Періодъ классической или городской Греціи. Б. Внутренній кризисъ въ государствахъ-городахъ (классовая борьба) и попытки новыхъ государственныхъ образованій въ первую половину IV вѣна.

Источники.

Основнымъ источникомъ для исторіи Греціи въ первую половину IV в. до 362 г. является *Ἑλληνικά* Ксенофонта (см. выше стр. 259 сс.). Для событій 396—5 гг. очень важенъ оксиринхскій папирусъ, вѣроятно, представляющій отрывокъ изъ *Θεοπομπῆς* (см. выше стр. 261). Большое значеніе имѣютъ 14 и 15 книги *Διόδору* и біографіи Лисандра, Агесилая и Пелопида, написанныя *Πлутархомъ*. Для характеристики экономической жизни важны ораторы. *Надписи* особенно важны для исторіи 2-го Афинскаго союза.

Экономическая жизнь греческаго полмса въ концѣ V и IV вѣкахъ.

Плотность населенія. Вычисленія Белоха *) привели къ выводу, что густота населенія въ Аттікѣ въ V в. равнялась приблизительно 90 чел. на кв. километръ, а въ IV в., когда Афины стали играть менѣе центральную роль,—80 чел. Такимъ образомъ въ этой наиболѣе передовой—въ хозяйственномъ смыслѣ слова—области Греціи плотность населенія немного уступала таковой въ Кіевской и Московской губ. или въ нѣкоторыхъ

*) *Beloch*. Bevölkerung, стр. 100.

провинціяхъ Австріи, превышала густоту населенія въ Казанской губерніи (ок. 45 чел. на кв. кил.) и современной Греціи (ок. 42 чел. на кв. кил.), но уступала густотѣ населенія почти всей Западной Европѣ нашего времени.

Изъ вычисленій того же Белоха *) слѣдуетъ, что въ V и IV вв. только въ двухъ городахъ: Афинахъ и Сиракузахъ число жителей нѣсколько провышало 100,000. Коринѣ имѣлъ, вѣроятно, около 70,000. Приблизительно таково было количество жителей въ IV в. въ малоазійскихъ городахъ Галикарнассъ и Эфесъ. Около 8 городовъ въ IV в. могло имѣть 40—50 тыс. жителей (Оивы, Спарта, Аргосъ, Мегалополь, Олинѣ, Родосъ и др.).

Въ общемъ по вычисленіямъ Белоха Греція IV в. по числу и размѣрамъ населенныхъ пунктовъ нѣсколько уступала Италіи XVI в. по Р. X. (въ расцвѣтъ Ренессанса **).

Сельское хозяйство. Хлѣбопашество въ Греціи въ V и IV вв. было маловыгоднымъ занятіемъ. Дѣло въ томъ, что привозный хлѣбъ изъ плодородныхъ мѣстностей былъ настолько дешевъ, что переходъ къ интенсивной культурѣ въ Греціи былъ невыгоденъ. Поэтому здѣсь держалось по большей части двухпольное хозяйство и—рѣдко—трехпольное (Феофрастъ упоминаетъ о яровой пшеницѣ и яровомъ ячменѣ ***). Даже въ одномъ арендномъ контрактѣ III в. съ о. Аморга рѣчь идетъ о двухпольномъ хозяйствѣ ****).

При такомъ положеніи дѣлъ понятно, что землевладѣльцы нерѣдко продавали свои участки и вкладывали вырученныя деньги въ торговыя или кредитныя предпріятія. О такихъ операціяхъ говоритъ Ксенофонтъ въ своемъ трактатѣ о „Государственныхъ доходахъ“ *****): „Когда появится на рынкѣ много хлѣба и вина, и плоды дѣлаются дешевыми,—земледѣліе становится настолько убыточнымъ, что многіе продаютъ землю и направляютъ свои силы на оптовую или розничную торговлю и на кредитныя операціи“.

*) Гл. обр. *Bevölkerung*, 478 и *passim*.

**) *Atene e Roma*, 1898, col. 257—278.

***) *Oick*, *Ackerbau* въ *Real-Encyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft*, изд. *Pauly-Wissowa*, I 268.

*****) *Dittenberger*, *Sylloge inscr. graec.*, 2 ed., № 531. *В. Л. Богоевскій*, *Очеркъ земледѣлія Аѳинъ*, Пр., 1915, стр. 75—77.

*****) *Xenoph.* *De vectigalibus* IV 6.

Нѣсколько прибыльнѣе было разведеніе винограда*), фруктовыхъ деревьевъ (смоковницъ**), особенно оливокъ:***) послѣднія были продуктомъ массоваго потребленія какъ въ видѣ плодовъ, такъ и переработанныя въ масло, и во многихъ мѣстностяхъ служили предметомъ экспорта.

Промышленность. Въ Аѳинахъ въ IV в. мы находимъ не только ремесленниковъ гомеровскаго типа (см. выше стр. 114), но и небольшія мануфактуры. Такъ у Лисія и его брата Полемарха была мастерская для изготовленія щитовъ съ 120 рабочими****). У отца Демосѳена были двѣ мастерскія съ 20—30 рабочими. Одна изъ нихъ изготовляла мечи, другая—столярныя издѣлія. Въ первой работали 33 раба, во второй—20*****). Другія мануфактуры были значительно меньше. Такъ, нѣкто Тимархъ, по свидѣтельству Эсхина*****), имѣлъ кожевенную мастерскую съ 10—11 рабочими, а нѣкто Кердонъ, по словамъ поэта Геронда,—башмачную съ 13 рабочими*****).

Эти цифры не должны казаться слишкомъ незначительными. Мануфактуры XVI и XVII вѣковъ въ Западной Европѣ рѣдко бывали больше по своимъ размѣрамъ. Парижскіе мастера въ концѣ XVI в. имѣли по 6 подмастерьевъ и по 6—8, самое большее—по 16 учениковъ. Въ XVII в. въ Парижѣ мастерская съ 15 рабочими считалась значительной. Въ 1721 г. около Граца (въ Австріи) проектировалось открытіе мануфактуры, гдѣ должно было работать 150—200 человекъ*****). Такимъ образомъ развитіе промышленности въ Греціи въ IV в. выдерживаетъ сравненіе съ размѣрами промышленности въ Западной Европѣ въ XVI—XVIII вв.

Въ ремеслѣ большую роль играетъ *свободный трудъ*: города наполнены множествомъ свободныхъ ремесленниковъ. Но въ болѣе значительныхъ мастерскихъ съ теченіемъ времени въ V и IV вв. значительное примѣненіе сталъ находить и *рабскій трудъ* (таковы были рабочіе въ отмѣченныхъ выше мануфактурахъ).

*) Б. Л. Богосевскій, о. с., 112 сс.

***) Ib. 106—112.

****) Ib. 100—105.

*****) *Lys.* XII 19.

*****) А. Schdfer, Demosthenes und seine Zeit, I^o, стр. 272.

*****) I 97.

*****) VII 44.

*****) Литература указана у Куллиера, Эволюція прибыли на капиталъ, I, 540; 607; 614.

Однако главной основой хозяйство рабскій трудъ не сталъ даже въ это время.

Торговля. Развитію промышленности, конечно, соотвѣтствуетъ и развитіе обмѣна. Обмѣнъ внѣшній—между различными странами—приобрѣтаетъ большіе размѣры. Особенно значительны были хлѣбныя спекуляціи. Ксенофонтъ въ своемъ „Домостроѣ“ (*Οικονομικός*) говоритъ (20, 27): „Купцы изъ большой любви къ хлѣбу (здѣсь у Ксенофонта сознательныя иронія: *φιλεῖν τὸ σίτον*), какъ только услышатъ, что гдѣ-либо хлѣба скопилось много, плывутъ туда, переправляясь черезъ Эгейское море, и черезъ Эвксинъ (Черное море), и черезъ Сицилійское море. Потомъ, купивъ какъ можно больше хлѣба, везутъ его по морю, нагрузивъ на корабль, въ которомъ плывутъ сами. А, когда имъ нужны деньги, они выгружаютъ хлѣбъ не гдѣ придется, а продаютъ его тамъ, гдѣ, по слухамъ, онъ стоитъ дороже и гдѣ въ немъ люди особенно нуждаются“.

Большіе размѣры начала принимать въ это время и торговля съ Востокомъ. Именно въ это время восточные товары начинаютъ находить сбытъ въ Греціи. Если уже Геродотъ (III 110) знаетъ о существованіи корицы, то только въ сочиненіи IV вѣка, неправильно приписываемомъ врачу Гиппократу, говорится о ея употребленіи въ Греціи *). Перець входитъ въ употребленіе въ Греціи тоже съ IV вѣка, какъ это видно изъ медицинскихъ сочиненій школы того же Гиппократа. Очень немногіе восточные товары проникали въ Грецію до IV в. (такъ мирра упоминается у греческихъ лириковъ VII в., а ладанъ—съ VI в.). Въ Грецію эти индійскіе и арабійскіе товары проникали чрезъ посредство финикійцевъ.

Откупныя компаніи. Во многихъ государствахъ и въ частности въ Аѳинахъ капиталисты помѣщали свои средства въ операціи по откупу налоговъ. На откупъ (*ἀρτή*) отдавался въ Аѳинахъ сборъ косвенныхъ налоговъ. Во второй половинѣ V вѣка на откупъ была 2⁰/₀-ная пошлина (*πεντηκοστή*) со стоимости ввозимыхъ и вывозимыхъ товаровъ; во Фракійскомъ Боспорѣ аѳиняне взимали болѣе высокую—10-процентную пошлину съ товаровъ (*δεκάτη*). Существовалъ налогъ на куплю-продажу (*ἐπωριον*), налогъ на метековъ (*μετοίκιον*) и много болѣе мелкихъ налоговъ. Всѣ эти налоги сдавались откупщикамъ (*τελώνης*), и откупныя операціи развились уже во вторую половину V в. Откупа слабо контро-

*) См. М. Хвостовъ, Исторія восточной торговли греко-римскаго Египта, Казань, 1907, стр. 92.

дировались государствомъ, заботившимся лишь о томъ, чтобы откупщикъ правильно вносилъ суммы, которыя онъ обязался вносить. Для обезпеченія правильности своихъ платежей откупщикъ вносилъ залогъ (*προκαταβολή*). За неисправность въ платежахъ откупщикъ подвергался ограниченію въ правахъ (атиміи) и тюремному заключенію, а имущество его конфисковалось. Хотя въ Аѳинахъ государство имѣло обыкновенно дѣло съ однимъ откупщикомъ, но этотъ послѣдній обычно привлекалъ товарищей, влагавшихъ въ дѣло свои капиталы (*μέτοχοι, κοινωνοί*).

На откупъ сдавались и государственныя имущества: земли, рудники и т. п.

Такъ какъ откупное дѣло требовало сложной организаціи, большого персонала, то въ Аѳинахъ создался особый классъ откупщиковъ - профессионаловъ. Подобное явленіе должно было имѣть мѣсто и въ другихъ государствахъ. Однако въ греческихъ республикахъ откупщики не достигли того вліянія, какого они достигли въ Римѣ: греческія республики не имѣли огромныхъ и богатыхъ провинцій, подобныхъ римскимъ, откуда римскіе откупщики (*publicani*) во II и I вв. до Р. X. извлекали свои огромные доходы.

Кредитное дѣло. Въ IV в. развивается и банковое дѣло, существовавшее въ Вавилонѣ во всякомъ случаѣ уже въ VI в. (банкъ Игиби). Банки древняго міра создавались не для торговаго и промышленнаго кредита подобно многимъ современнымъ банкамъ, а гл. обр. какъ мѣняльница лавки и мѣста для храненія денегъ и производства платежей (депозитныя операціи). Мѣняльничья операція развились очень быстро, потому что разнообразіе монетныхъ системъ на Востокъ Средиземнаго моря очень затрудняло всякіе платежи и при растущемъ обмѣнѣ способствовало развитію мѣняльнаго дѣла. И депозитныя операціи въ видѣ храненія денегъ у банкировъ (*τραπεζίται*) и платежей чрезъ ихъ посредство—тоже развивались, такъ какъ при постоянныхъ войнахъ и внутреннихъ смутахъ очень не безопасно было хранить деньги дома и въ особенности перевозить ихъ на разстояніе. Купцы предпочитали дѣлать вклады банкирамъ, имѣть у нихъ личные счета и чрезъ ихъ посредство производить платежи. Но греческимъ банкамъ (*τράπεζαι*) не были чужды и кредитныя операціи: отдача денегъ въ заемъ подъ процента. Исократъ (*Τραπεζιτικός*) и Демосѳенъ (*Pro Phormione, contra Steph. и др.*) сообщаютъ намъ свѣдѣнія о банкирѣ Пасіонѣ. Это лицо въ молодые года было рабомъ, занятымъ въ банкирскомъ предпріятіи Антисѳена и Архестрата. За вѣрную службу Пасіону была да-

рована свобода. Впослѣдствіи онъ ведетъ свое собственное банковое дѣло и приобретаетъ репутацію честнаго банкира не только въ Афинахъ, но и вообще въ Греціи. Онъ составилъ себѣ крупное состояніе, выступалъ какъ благотворитель и получилъ въ Афинахъ права гражданства. Послѣ его смерти дѣло его вель его вольноотпущенникъ Форміонъ, женившійся на его вдовѣ. Въ 371 г. банкъ Пасіона имѣлъ капиталъ въ 50 талантовъ (ок. 120,000 руб.), — сумма, по тогдашнему времени очень крупная. Кромѣ банкирскаго дѣла, Пасіонъ имѣлъ еще мастерскую щитовъ съ 60 рабочими, которую послѣ его смерти арендовалъ у его наслѣдниковъ Форміонъ, платя за нее 60 минъ арендной платы.

Крупныя банковыя операціи вели храмы Апполона на о. Делосѣ и въ Дельфахъ, Артемиды въ Эфесѣ и др. Делоскому храму въ 377 г. были должны государства и частныя лица 47 тал. (ок. 112,000 руб).

Большимъ тормазомъ для правильнаго развитія экономической жизни этого времени является отсутствіе правильно организованнаго и дешеваго кредита: малѣйшія хозяйственныя затрудненія губили и сельскихъ хозяевъ, и промышленниковъ, и торговцевъ, затягивая ихъ въ долги. Вотъ почему долговой вопросъ въ IV вѣкѣ и позднеѣ занимаетъ центральное мѣсто въ хозяйственной и соціальной жизни греческихъ государствъ-родовъ.

Говоря вообще, *капитализмъ въ Греціи V и IV вѣковъ растетъ, но находится еще въ первоначальной стадіи развитія.*

Тѣмъ не менѣе народное хозяйство въ греческихъ полисахъ IV вѣка настолько усложнилось, что, какъ мы скоро увидимъ, политическая организація государства-города перестала удовлетворять новымъ экономическимъ потребностямъ: *все растущій обмѣтъ между различными частями греческаго міра требовалъ созданія болѣе значительныхъ государственныхъ соединеній. Внутри демократическихъ полисовъ тѣ группы населенія, въ рукахъ которыхъ былъ торговый и промышленный капиталъ, желали такой политической организаціи, которая болѣе бы обезпечивала ихъ интересы, чѣмъ городская демократія.*

Классовая борьба въ концѣ V и въ IV в.

Уже событія въ Афинахъ во вторую половину пелопоннесской войны показываютъ, какъ обострились отношенія между классами

въ Атикѣ и какъ трудно было поддерживать внутреннюю устойчивость въ государствѣ-городѣ. Въ то же время эта эпоха показала, какъ трудно было каждому государству-городу создать себѣ независимое положеніе среди другихъ: Аѣины выбрали путь насилія по отношенію къ другимъ полисамъ и потерѣли крушеніе.

Та классовая борьба, которая имѣла мѣсто въ Атикѣ, проявляется и въ другихъ городахъ. Такъ, въ *Аргостѣ*, въ 370 г. вспыхнуло возстаніе низшихъ классовъ противъ имущихъ. Здѣсь 1500 человекъ были избиты палками,—многіе до смерти („возстаніе палочниковъ“—*σκηταλισμός*)*). Въ *Фивахъ* еще ранѣе, въ 379 г., произошелъ демократическій переворотъ, о которомъ рѣчь идетъ ниже.

Классовая борьба проявилась и въ Спартѣ.

Спарта въ V и IV вѣкахъ.

Мы видѣли, что спартанское общество было обществомъ земледѣльческимъ, въ которомъ земля сосредоточивалась въ рукахъ небольшого числа полноправныхъ жителей города Спарты. Земельные участки (*κλήροι*)—недѣлимые и неотчуждаемые—обрабатывались крѣпостнымъ трудомъ гелотовъ. Остальное населеніе состояло изъ лично свободныхъ, но безправныхъ жителей періэксскихъ общинъ.

И внѣшняя политика Спарты была политикой земледѣльческаго государства. Чтобы поддерживать аграрный строй, необходимый для ея существованія, Спарта въ эпоху, предшествующую греко-персидскимъ войнамъ, направляла всѣ усилія на приобрѣтеніе новыхъ земельныхъ владѣній. Мы знакомы съ завоеваніемъ Мессеніи, съ борьбой съ Арголоидой. Ростъ числа полноправныхъ гражданъ Спарты требовалъ новыхъ надѣловъ. Аграрный строй основывался не только на равенствѣ участковъ, но и былъ направленъ на поддержаніе хозяйственнаго равновѣсія между семьями спартиатовъ, а между тѣмъ естественныя условія нарушали это равновѣсіе: естественный ростъ населенія велъ къ тому, что семьи увеличивались неравномѣрно, трудъ гелотовъ тоже былъ неравномѣренъ. Хозяйственныя неудачи, какъ, напримѣръ, неурожай, неодинаково поражали ту или иную гелотскую семью. Но всѣ эти естественныя причины роста неравенства можно было ослаблять тѣмъ, что новымъ гражданамъ давали участки на завоеванныхъ земляхъ.

*) *Isocrat., Philipp., 52. Diod. XV 58.*

Однако къ срединѣ VI вѣка, нѣсколько раньше греко-персидскихъ войнъ, государства, окружавшія Спарту, достаточно консолидировались, и Спарта уже не могла бороться съ ними и отнимать у нихъ земли. Приобрѣтеніе новыхъ земель прекратилось, и, благодаря дѣйствию естественныхъ силъ, равенство между спартиатами стало нарушаться, что установлено данными уже по отношенію къ VI в. Позднѣе результатъ дѣйствія этихъ причинъ сталъ еще замѣтнѣе.—такъ въ эпоху Аристотеля число гражданъ, владѣвшихъ земельными участками, сводится къ 1000 ч., а въ III в.—къ 700 ч., и только 100 ч. имѣли земли сверхъ обычнаго надѣла *).

Такимъ образомъ, число гражданъ Спарты, сохранившихъ свои земельныя владѣнія, все уменьшается. Хозяйственное благосостояніе колеблется; одни были богаче, другіе—бѣднѣе, у однихъ спартиатовъ благосостояніе гелотовъ не такъ поколебалось, какъ у другихъ.

Но какъ могло случиться, что многіе спартиаты прямо утратили землю, когда мы знаемъ, что эти участки были недѣлимы и неотчуждаемы? Недѣлимость и неотчуждаемость стали превращаться въ юридическую фикцію. Когда норма права перестаетъ удовлетворять потребности, то она, хотя и держится, но теряетъ реальное значеніе, и всегда находится обходный путь. Такъ случилось и въ Спартѣ.

Участки продолжались считаться недѣлимыми и неотчуждаемыми, но разъ спартиатъ, въ силу указанныхъ выше причинъ, чувствовалъ нужду въ средствахъ, онъ дѣлалъ заемъ, который могъ обезпечить только своимъ земельнымъ участкомъ. Но кто дастъ въ заемъ, если нельзя продать участокъ? Обходили законъ такимъ образомъ: закладывали не землю, а доходъ, получаемый съ нея. Собственникомъ оставался спартиатъ, но доходъ съ этого участка шелъ кредитору. Эта форма ипотеки существовала, какъ мы видѣли, и въ Атикѣ, гдѣ она получила названіе антихрезы. Фактически спартиатовъ, сохранившихъ свои земли, осталось немного, и земельная собственность сосредоточивалась въ рукахъ немногихъ лицъ. По внѣшности размежеваніе участковъ остается прежнимъ, но фактически дѣло обстоитъ иначе. Въ первую половину IV в. и эта юридическая фикція исчезаетъ. При эфорѣ Эпитадеѣ былъ проведенъ законъ, по которому по прежнему запрещается купля-продажа участковъ,

*) См. *М. М. Хвостовъ*, Хозяйственный переворотъ въ древней Спартѣ въ Учен. Зап. Каз. Ун. 1901 и отдѣльно.

но разрѣшаются дареніе и завѣщаніе. Смысль этого закона таковъ: нельзя изъ корыстныхъ цѣлей отчуждать участки. Ничего не стоило этотъ законъ превратить въ такой порядокъ, что стала возможна и купля-продажа подъ видомъ даренія и завѣщанія. Масса обѣднѣвшихъ спартиатовъ потеряла свои участки въ силу своей задолженности, и участки въ эпоху Аристотеля сосредоточивались въ рукахъ 1000 спартиатовъ, а позднѣе въ эллинистическій періодъ (III в.) въ рукахъ 700 ч. Такимъ образомъ, въ Спартѣ происходитъ концентрація земельной собственности, что не могло не отразиться и на политическомъ строѣ. Мы знаемъ, что здѣсь правами обладали только граждане, дѣлашіе взносы въ сисситіи. Чтобы дѣлать эти взносы, надо было обладать извѣстнымъ имущественнымъ благосостояніемъ; преуменьшая взносы, спартиатъ терялъ свои политическія права.

Изъ этого экономическаго переворота вытекалъ и политическій переворотъ,—власть политическая сосредоточивалась въ рукахъ немногихъ, и Спарта превращалась изъ демократіи въ олигархію. Главную политическую силу стали представлять эфоры, выбиравшіеся изъ числа полноправныхъ спартиатовъ. Въ эпоху пелопоннесской войны громадное вліяніе пріобрѣтаютъ полководцы (Лисандръ). Цари, власть которыхъ очень урѣзана, борются съ этимъ порядкомъ (царь Павсаній и его цафлетъ см. выше стр. 191), но рѣдко имѣютъ успѣхъ. Этотъ процессъ начался въ V в., а достигъ высшихъ размѣровъ въ IV и III вв.

Измѣняется и внѣшняя политика Спарты. Когда власть была въ рукахъ всѣхъ спартиатовъ, они обращали особое вниманіе на пріобрѣтеніе новыхъ земель. Теперь политическая власть находится въ рукахъ немногихъ крупныхъ землевладѣльцевъ, которые въ землѣ больше не нуждаются и заботятся не о пріобрѣтеніи земли, но о пріобрѣтеніи денегъ. Теперь, когда политика выходитъ за предѣлы Пелопоннеса, спартиаты заботятся о томъ, чтобы сосредоточить въ рукахъ государства денежные средства въ интересахъ, какъ государства, такъ и частныхъ лицъ. Спартанскіе гармоты стараются о пріобрѣтеніи денегъ, какъ честнымъ, такъ и нечестнымъ путемъ. Платонъ въ своемъ діалогѣ „Алкивіадъ“ называетъ Спарту самымъ богатымъ государствомъ послѣ Персидской монархіи. Такимъ образомъ картина Спарты совершенно мѣняется. Теперь Спарта—олигархія, въ которой граждане, потерявшіе свои участки, превратились въ *ἄπολειπότες* („опустившіеся“).

Въ результатъ организуется заговоръ *Кинадона* въ 399 г., вызванный „опустившимися“ спартиатами противъ спартанской

земельной аристократіи. Этотъ заговоръ удалось подавить. Вожди заговорщиковъ были казнены. Мы видимъ здѣсь не только борьбу гелотовъ и спартиатовъ, но и социальную рознь среди самихъ спартиатовъ.

Спарта въ эту эпоху перестаетъ быть исключительно земледѣльческимъ государствомъ. Есть указанія на развитіе въ Лаконіи промышленности *), но земледѣліе всетаки преобладаетъ.

Мы увидимъ, что въ эллинистическій періодъ на почвѣ классоваго антагонизма вспыхиваютъ революціи, причемъ во главѣ „опустившихся“ становятся цари Агисъ III (245—241 г.) и Клеоменъ III (235—219 г.). Они играютъ роль демагоговъ. Они стремятся возстановить прежній аграрный порядокъ, увеличить число спартиатовъ и сломить силу эфоровъ.

Наемныя войска.

Характерной особенностью IV вѣка является развитіе *наемныхъ войскъ*. Непрерывныя войны, изъ которыхъ многія носили характеръ не борьбы для защиты границъ страны, а характеръ колониальныхъ экспедицій (походы афинянъ во Фракію и на Мраморное море, походы Агесилая спартанскаго въ М. Азію),—повели къ появленію профессиональныхъ полководцевъ и солдатъ, нанимающихся на службу за деньги: граждане неохотно принимаютъ участіе въ этихъ отдаленныхъ походахъ. Развитіе военной техники, усложнившее военную выучку, тоже способствовало развитію военнаго наемничества. Въ V в. господствуетъ фаланга гошпитовъ. Теперь Ификратъ вводитъ вмѣсто тяжело-вооруженныхъ гошпитовъ *пелтастовъ*, вооруженныхъ сравнительно болѣе легко. Эпаминондъ вводитъ новый тактическій приемъ—*косой строй*. Все это тоже ведетъ къ тому, что профессиональные солдаты начинаютъ выдвигаться сравнительно съ обычнымъ гражданскимъ ополченіемъ.—Соціальныи кризисъ тоже способствовалъ развитію наемныхъ войскъ: масса пролетаріевъ шла въ военные наемники. Особенно много такихъ профессионаловъ стала давать Спарта. Видные полководцы въ родѣ Ификрата или Хабріа (эпоха 2-го Аѣинскаго союза) не гнушались стоять во главѣ наемныхъ войнъ. Спартианскій царь Агесилай со своимъ отрядомъ нанимается на службу къ Тахосу, ставшему во главѣ египтянъ, возставшихъ противъ персовъ, потомъ переходитъ служить къ его сопернику Нектанебу, котораго возводитъ

*) См. мою цитированную выше (стр. 290 пр.) статью.

на престолъ (360—359). Возникшія въ IV в. новыя монархіи еще болѣе способствуютъ развитію наемничества: не полагаясь на гражданское ополченіе, новыя династіи охотно берутъ къ себѣ на службу наемныя греческія войска. Напр., мы видимъ такія войска на службѣ у сиракузскаго тиранна Діонисія Старшаго въ началѣ IV в. наемныя войска мы находимъ въ IV в. въ Тарентѣ (въ Италіи), у Мавсола въ Галикарнасѣ. И персидскіе сатрапы пользоавались греческими наемниками (ср. походъ 10,000 грековъ на помощь Киру Младшему, описанный Ксенофонтъ въ „Анабасисѣ“).

Нужно замѣтить, что формированіе новыхъ государствъ весьма часто влекло за собой явленіе, аналогичное греческому наемничеству IV в. Такъ мы видимъ кондотьеровъ въ итальянскихъ государствахъ XIV—XV вв. или ландскнехтовъ въ Германіи въ XV—XVI вв.

Отношенія греческихъ государствъ между собою въ первой половинѣ IV вѣка. Роль Персіи. 2-й Аѳинскій союзъ.

Спартанская гегемонія, установившаяся въ концѣ пелопоннесской войны, оказалась непрочной. Вскорѣ послѣ побѣды надъ Аѳинами, среди новыхъ спартанскихъ союзниковъ начинается броженіе противъ Спарты. Мы видѣли, что бывшіе аѳинскіе союзники присоединились къ Спартѣ потому, что аѳиняне ихъ очень эксплуатировали, вымогая деньги. Господство Спарты казалось имъ менѣе тяжелымъ, такъ какъ Спарта вела другую политику: она не облагала своихъ союзниковъ постоянными денежными взносами. Но послѣ пелопоннесской войны политика обоихъ государствъ круто измѣнилась и, какъ слѣдствіе этого, мы видимъ отпаденіе союзниковъ отъ Спарты. Союзники Спарты начинаютъ объединяться съ Аѳинами. Въ 395 г. къ Аѳинамъ присоединяются Фивы, Коринѣ, Аргосъ и эвбейскіе города и дѣлаютъ добровольные взносы въ союзную кассу.

Персія вновь выступаетъ рѣшающимъ факторомъ. Это государство деньгами и флотомъ поддерживаетъ коалицію противъ Спарты, ибо оно не желаетъ, чтобы Спарта заняла то положеніе, которое прежде занимали Аѳины. Несмотря на успѣшныя дѣйствія спартанскаго царя Агесилая противъ персовъ въ Азіи, Спарта не можетъ бороться. При Книдѣ *Конономъ*, аѳиняниномъ, бывшимъ на службѣ у персовъ, было нанесено въ 394 г. пораженіе спартанцамъ, которые теряютъ господство на морѣ. Другой полководецъ *Ификратъ* успѣшно борется со спартанцами на сушѣ въ Пелопоннесѣ. Но когда Спарта была доста-

гочно ослаблена, Персія, боясь чрезмѣрнаго усиленія Аѳинъ, перемѣнила фронтъ и перешла на сторону Спарты. Война кончилась Анталкидовымъ миромъ въ 387 г. Этотъ миръ вернулъ мало-азійскихъ грековъ подъ власть персовъ. Другое условіе мира требовало, чтобы Аѳинскій союзъ былъ разрушенъ, такъ какъ всѣ общины были признаны автономными.

Но въ 378 г. Аѳинскій союзъ, разрушенный Анталкидовымъ миромъ, вновь возрождается. Былъ заключенъ союзъ съ большинствомъ государствъ Эгейскаго моря и городами еракійскаго побережья. До насъ дошелъ, въ видѣ надписи, подлинный текстъ этого договора, заключеннаго въ архонство Навсиника *). Этотъ 2-ой Аѳинскій союзъ (Белохъ называетъ его 3-мъ, какъ какъ вторымъ считаетъ кратковременный союзъ передъ Анталкидовымъ миромъ) отличается отъ перваго союза по своей первоначальной организаціи. Этотъ союзъ, какъ мы знаемъ изъ указанной надписи и сепаратныхъ договоровъ, былъ организованъ на началахъ равноправія. Всѣ союзники посылали *συνδρους* (т. е. засѣдателей), изъ которыхъ каждый имѣлъ одинъ голосъ въ общемъ союзномъ совѣтѣ (синедріонъ—*συνέδριον*). Этотъ совѣтъ разсматривалъ всѣ союзныя дѣла, опредѣлялъ внѣшнюю политику союза, количество кораблей и войска, которое должна выставлять каждая союзная община, опредѣлялъ союзныя „взносы“ *συντάξεις*: нарочно употреблялось это слово вмѣсто слова *φέρος* („дань“), съ именемъ котораго соединялось воспоминаніе о вымогательствахъ аѳинянъ во время существованія 1-го Аѳинскаго союза. Эти взносы дѣлались по добровольному соглашенію всѣхъ союзныхъ общинъ. Аѳинямъ принадлежала гегемонія,— они командовали всѣми военными силами. Кромѣ того, постановленія синедріона должны были пройти черезъ аѳинскій совѣтъ 500 и экклесію, чтобы получить полную силу. Если какое-нибудь постановленіе синедріона отвергалось совѣтомъ или народнымъ собраніемъ, то оно силы не приобрѣтало. Аѳинямъ принадлежала руководящая роль въ союзѣ: они могли наложить свое veto на постановленія синедріона, но не отъ нихъ зависѣла раскладка податей. Если синедріонъ не соглашался съ предложеніемъ аѳинскаго народного собранія или совѣта, то аѳиняне тоже должны были подчиняться. Мало того: аѳиняне въ союзныхъ договорахъ отказались отъ политики клерухій, т. е. вывода колоній во владѣнія своихъ союзниковъ. Мы видѣли что

*) I. G. II 17=*Dittenberger*, Syll. I^o 80; ср. также *Dittenb.* I^o 79; 81—84. *Diod.* XV 28—29.

во время Перикла эти клерухи приводили къ тому, что афиняне держали въ земляхъ своихъ союзниковъ военные гарнизоны.

Однако цѣлый рядъ причинъ привелъ къ тому, что и этотъ союзъ сталъ вырождаться. Внѣшняя политика стала сводиться къ тому, къ чему и политика 1-го союза,—къ захвату рынковъ и къ ихъ защитѣ, что требовало содержанія постоянного флота и денегъ. Афиняне старались поэтому увеличивать взносы союзниковъ. Кроме того, они не прочь были употреблять средства союзной казны на собственныя нужды; такимъ путемъ Афины постепенно перешли къ политикѣ вымогательства. Между тѣмъ въ это время опасность со стороны Спарты уже миновала (побѣды эиванцевъ надъ Спартой,—см. ниже), и вотъ противъ Афинъ возстаетъ Византія, затѣмъ Коркира, Хиосъ, Родосъ, Лесбосъ, Косъ и др. Въ 357 г. возникаетъ *Союзническая война*, которая кончается въ 355 г. распаденіемъ 2-го Афинскаго союза.

Преобладаніе Беотіи.

Постоянные раздоры Афинъ и Спарты повели къ тому, что во вторую четверть IV в. выдвинулась область, до сихъ поръ игравшая второстепенную роль. Я говорю о Беотіи, во главѣ которой стоялъ городъ *Фивы* *).

Какъ мы видѣли (стр. 171 и 266), въ теченіе второй половины V в. бѣольшая часть беотійскихъ городовъ съ Фивами во главѣ стояла на сторонѣ Спарты. Здѣсь господствовала старая родовая знать, къ которой примкнули наиболѣе богатые люди, обладавшіе всадническимъ цензомъ. И въ Фивахъ и въ другихъ беотійскихъ городахъ эта олигархическая партія поддерживала главенство Фивъ въ союзѣ: олигархи другихъ городовъ находили всегда поддержку въ беотійской аристократіи.

Рѣшительная побѣда спартанцевъ надъ афинянами въ 404 г. измѣнила положеніе въ Беотіи: старый врагъ беотійцевъ—ихъ опасные по своей силѣ ближайшіе сосѣди афиняне—былъ сломленъ. Агрессивная политика Спарты по отношенію къ ея союзникамъ оттолкнула отъ Спарты и беотянъ, и въ результатъ въ большинствѣ беотійскихъ городовъ лаконофильская олигархія должна была уступить мѣсто буржуазной партіи, установившей для полноправныхъ гражданъ цензъ, но болѣе низкій, чѣмъ цензъ эпохи олигарховъ. Эта буржуазная демократія оказываеь

*) С. Я. Лурье, Беотійскій союзъ, 238 сс.

съ 403 г. поддержку Аеинамъ въ ихъ борьбѣ со Спартой и съ 397 г. вступаетъ съ этой послѣдней въ открытую борьбу, соединившись съ Коринеомъ, Аеинами и др. Однако Антилкидовъ миръ 387 г., благодаря помощи, оказанной Спартѣ со стороны Персїи, ликвидировалъ это антилаконское движеніе. Въ Эивахъ и въ нѣкоторыхъ другихъ беотійскихъ городахъ восторжествовали вновь олигархи, находившіе по прежнему поддержку въ Спартѣ. Беотійскій союзъ распался.

Однако это торжество олигархіи было непродолжительно. Какъ мы видѣли выше (стр. 289 сс.), Спарта все болѣе слабѣла, и въ 379 г. въ Эивахъ, а затѣмъ и въ другихъ беотійскихъ городахъ произошли политическіе перевороты, выдвинувшіе уже не цезарю, какъ въ 404 г., а крайнюю демократію. Беотійскій союзъ былъ возобновленъ. Во главѣ стали Эивы*). Немногіе города Беотіи, не желавшіе подчиниться Эивамъ (Платея, Теспіи, Орхомень) были присоединены къ союзу силой. Руководителемъ этого объединительнаго движенія былъ эиванецъ Пелопидъ.

Аеины сначала оказывали поддержку Эивамъ, но, когда Беотійскій союзъ сталъ расти, онѣ вмѣстѣ со Спартой стали къ нему въ оппозицію (374 г.). На съѣздѣ представителей греческихъ государствъ въ Спартѣ (371 г.) Спарта и Аеины добивались подтвержденія условій Анталкидова мира и, слѣдовательно, разрушенія Беотійскаго союза, но представитель эиванцевъ на конгрессѣ Эпаминондъ отказался подчиниться этому требованію. Спартанцы вторглись въ Беотію, но были разбиты въ 371 г. при Левктрахъ.

Послѣ этой побѣды съ беотійцами заключили союзъ обѣ Локриды, Фокида, Этолія, Акарнапія, города Эвбеи. Такимъ образомъ Средняя Греція, за исключеніемъ Аттики, объединилась въ обширный союзъ.

Эиванцы стремятся укрѣпить свое вліяніе и въ Тессалии (370 г.) и въ то же время предприинимають рядъ походовъ въ Пелопоннесъ, чтобы окончательно сломить Спарту. Аеиняне подорвали спартанское могущество на морѣ, а эиванцы на сушѣ.

Итакъ, одновременно съ развитіемъ 2-го Аеинскаго морского союза развивается сухопутный Эиванскій союзъ.

Въ Пелопоннесѣ Аркадія, до тѣхъ поръ разрозненная, объединяется. Здѣсь образуется новый городъ *Мегалополь*, около

*) Для исторіи Беотіи въ эту эпоху очень цѣнныя свѣдѣнія даетъ отрывокъ изъ Теополиа на Оксирияхскомъ папирусѣ (см. выше стр. 261).

котораго объединяется вся Аркадія (370 г.). Такимъ образомъ, положеніе Спарты все ухудшается.

Наконецъ, Эпаминонду удается нанести Спартѣ ударъ, отъ котораго она никогда больше не могла оправиться: онъ отнимаетъ отъ нея Мессенію, которою Спарта кормилась; въ 370 г. Мессенія получаетъ самостоятельность.

Спарта навсегда превращается во второстепенное государство. Даже въ Пелопоннесѣ она теряетъ свое значеніе. Аркадія, Мессенія и Аргонида вступаютъ въ Беотійскій союзъ.

Въ 362 г. при Мантинеевъ еиванцы нанесли новый ударъ Спартѣ, но въ этой битвѣ палъ Эпаминондъ. Потеря такого вождя была очень тяжела для Фивъ; а затѣмъ ихъ постигли новыя неудачи. Пелопоннесцы не хотѣли болѣе поддерживать еиванцевъ, такъ какъ Спарта была уже вполне ослаблена. А затѣмъ начались раздоры и въ Средней Греціи: Фивы вступили въ борьбу съ непокорной Фокидой. Такъ какъ для получения средствъ для войны вождь фокидянъ Филаментъ воспользовался сокровищами Дельфійскаго храма, а еиванцы объявили себя защитниками храма, то война получила названіе „Священной“ (354 г.).

Итакъ, въ 355 г. распался Аѳинскій морской союзъ, а послѣ 362 г. сталъ постепенно распадаться и Фиванскій. Такимъ образомъ, въ срединѣ IV в. мы видимъ въ Европейской Греціи тотъ же сепаратизмъ, какъ и раньше. Такое положеніе не могло продолжаться,—долженъ былъ найтись какой нибудь выходъ. Этотъ выходъ дѣйствительно нашелся, но не тотъ, о которомъ мечтали греки эпохи пелопоннеской войны: Священная война дала поводъ вмѣшаться въ дѣла Средней Греціи новой политической силѣ — Македоніи.

ХV. Краткій очеркъ эллинистическаго періода.

I. Македонское завоеваніе.

Источники.

Основнымъ источникомъ для періода времени съ 360-хъ годовъ до 302 г. является *Діодоръ Сицилійскій* (XVI—XX книги).

Для эпохи *Филиппа Македонскаго* въ основѣ Діодора лежали „Филиппики“ *Теопомпа* (см. стр. 17 и 261); возможно, что Діодоръ пользовался также *Эфоромъ*, который служилъ ему главнымъ источникомъ въ предшествующихъ книгахъ.

Теопомповыми „Филиппиками“ воспользовался для своей всемірной исторіи историкъ эпохи Августа *Трогъ Помпей*, со-

чивеніе котораго (тоже подъ заглавіемъ „Филиппики“) дошло до насъ, къ сожалѣнію, лишь въ видѣ конспекта, составленнаго нѣкимъ *Юніаномъ Юстиномъ*. Трогъ Помпей пользовался и другими источниками, кромѣ Теопомпа.

Существенное значеніе для эпохи Филиппа Македонскаго имѣютъ *Плутарховы* біографіи Демосеена и Фокіона.

Если такимъ образомъ дошедшій до насъ отъ эпохи Филиппа матеріалъ историческихъ сочиненій очень невеликъ, то тѣмъ болѣе приходится цѣнить матеріалъ другого рода, дошедшій до насъ отъ этого времени. Я имѣю въ виду публицистическія сочиненія и политическія рѣчи. До насъ дошелъ рядъ сочиненій публициста того времени *Исократъ*, развивавшаго въ своихъ произведеніяхъ новыя политическія идеи (объединительныя, а отчасти монархическія). Очень важны политическія рѣчи вождя противомакедонской партіи въ Афинахъ *Демосеена* и одного изъ лидеров партіи македонской *Эсхина* (*Ἀλοχίνης*). Эти рѣчи даютъ, конечно, тенденціозное освѣщеніе событій, но за-то представляютъ яркую картину партійныхъ теченій эпохи. Судебныя рѣчи *Демосеена* и другихъ ораторовъ въ частныхъ процессахъ являются очень важнымъ источникомъ для экономической исторіи, исторіи быта и исторіи права.

Время *Александра Македонскаго* оставило намъ еще меньше современныхъ источниковъ, но сохранившіяся болѣе позднія историческія повѣствованія даютъ намъ возможность прослѣдить главныя теченія въ исторической литературѣ, современной Александру и непосредственно за нимъ слѣдовавшей.

Съ одной стороны мы имѣемъ *официальную версію*. При главной квартирѣ Александра велся официальный дневникъ (*ἱεφημερίδες*), который вмѣстѣ съ другими официальными документами легъ въ основу повѣствованій сподвижниковъ Александра. Таковы были мемуары одного изъ его генераловъ *Птолемея* (впослѣдствіи—царя Египта) и нѣкоторыхъ другихъ (Аристула, Неарха и пр.) *).

Официальная версія легла въ основу дошедшаго до насъ труда историка II в. по Р. Х. *Арриана* (*Ἀρισταίος* и *Ἰνδία*).

Но рядомъ съ официальной традиціей существовала и другая, выходящая изъ круговъ, *оппозиционныхъ* Александру, недовольныхъ его покровительствомъ варварамъ. Слѣды этой традиціи проглядываютъ въ латинскомъ трудѣ историка I в. по

*) Эти повѣствованія до насъ не дошли.

Р. Х. *Квинта Курція*, несмотря на общій панегирической характеръ этого сочиненія.

Рядомъ съ этими, такъ сказать, политическими теченіями уже при жизни Александра, а еще болѣе послѣ его смерти стала вырабатываться *популярная* традиція, въ основѣ своей проникнутая паэосомъ по отношенію къ подвигамъ царя. Начало этой традиціи положилъ *Каллисвенъ*, литераторъ, сопровождавшій Александра въ его походахъ, но впоследствии впавшій въ немилость. Эта же традиція лежала въ основѣ труда *Клитарха* (вѣроятно, конца IV в. до Р. Х.). Названныя произведенія до насъ не сохранились, но отмѣченная популярная традиція легла въ основу большинства дошедшихъ до насъ историческихъ произведеній, изображающихъ эпоху Александра: 17-й книги *Диодора Сицилійскаго*, *Трога Помпея* (Юстина—см. выше стр. 298), *Квинта Курція Руфа*, *Плутарха* (въ биографіи Александра).

Дополнительныя данныя для этой эпохи даютъ *надписи и монеты*.

Объединительныя теченія въ греческомъ обществѣ въ первой половинѣ IV вѣка.

Мы видѣли, что въ теченіе долгаго времени (VII—пол. IV в.) нормальной государственной формой въ Греціи было государство-городъ, полисъ. Оно заключало въ себѣ или городскую общину или, какъ Аттика и Лаконія, маленькую область съ господствующимъ городомъ. Лаконія и Аттика были, пожалуй, самыми крупными изъ такихъ областей. Съ ними могла конкурировать лишь Беотія въ тѣ эпохи своего существованія, когда она объединялась подъ главенствомъ Фивъ, но, какъ мы видѣли (стр. 171), такое объединеніе не было устойчивымъ. Элида въ Пелопоннесѣ, несмотря на свою сравнительно обширную территорию, никогда не была въ состояніи играть самостоятельную политической роли: самое ея объединеніе произошло не безъ поддержки Спарты *).

Еще до греко-персидскихъ войнъ имѣла мѣсто попытка образовать болѣе значительное государственное соединеніе. Я имѣю въ виду Пелопоннесскій союзъ. Но это соединеніе имѣло характеръ лишь международнаго соглашенія государствъ, слабо связанныхъ между собою. Это не было сплоченное государство (стр. 209 с.).

*) *Strab.* VIII 358; ср. *Beloch*, *Gr. Gesch.* I^o 386.

Позднѣе, въ эпоху греко-персидскихъ войнъ, появляется новая федерація, превращающаяся въ объединенное государство—Аѣинскую державу. Потомъ мы видимъ, какъ къ концу пелопоннесской войны прежніе союзники Аѣинъ группируются вокругъ Спарты, но союзъ этотъ непроченъ, и опять Аѣинны дѣлаютъ попытки возстановить объединеніе государствъ подъ своею гегемоніей. Въ результатъ создается 2-й Аѣинскій союзъ, держащійся почти четверть вѣка. Въ то же время Средняя Греція и часть Пелопоннеса объединяются подъ главенствомъ Фивъ, но и эта федерація рушится.

Менѣе грандіозныхъ попытокъ объединенія было еще больше. Въ концѣ V в. Родосъ съ прилегающими маленькими островами объединяется въ Родосское государство *). Затѣмъ мы знаемъ, какъ Аркадія объединилась въ 370 г. вокругъ Мегалополя (стр. 296). Эссалия объединяется на короткое время (374—370) вокругъ г. Феръ подъ властью ферскаго тирана Ясона. Такимъ образомъ мы видимъ цѣлый рядъ попытокъ создать болѣе значительныя соединенія путемъ или синойкизма или федераціи. Синойкистическія соединенія, т. е. окончательныя сліянія мелкихъ, близъ лежащихъ другъ къ другу общинъ часто удаются; федеративныя государства, напротивъ, непрочны.

Во всѣхъ случаяхъ мы должны сдѣлать выводъ, что въ эллинскихъ общинахъ къ IV в. назрѣла тенденція къ объединенію.

Что же вызвало эти стремленія? Очевидно старыя формы городского государства перестали удовлетворять новымъ потребностямъ. Новыя экономическія потребности вызываютъ созданіе крупныхъ государствъ, ведущихъ торговый обмѣнъ на большихъ территорияхъ. Возросшія торговыя сношенія не могли быть удовлетворены маленькими городскими республиками, такъ какъ послѣднія могли давать защиту только на небольшихъ пространствахъ, между тѣмъ какъ обмѣнъ доходилъ до Египта и до южной Италіи, до колоніи Массилии (Марсель) и до Тавриды. Нужны были болѣе значительныя политическія соединенія, которыя могли бы дать защиту торговымъ интересамъ на болѣе значительныхъ пространствахъ. Это одна причина, вызывавшая созданіе новыхъ государственныхъ формъ, но были и другія причины, сущность которыхъ мы увидимъ, заглянувъ во внутреннюю жизнь государствъ-городовъ.

*) *Diod.* 13, 75; *Strabo* XIV 655.

Соціальная борьба проникла даже внутрь лагерного государства спартанцевъ. Такая же борьба происходила въ Афинахъ и въ другихъ государствахъ, крупныхъ и мелкихъ; вездѣ видимъ глубокую классовую дифференціацію, столкновения имущихъ съ неимущими, земледѣльцевъ съ землевладѣльцами, пролетаріата съ капиталистами. Такимъ образомъ, во всѣхъ государствахъ безъ различія государственныхъ формъ идетъ классовая борьба, принимающая нерѣдко очень суровыя формы, кончающаяся иногда даже частичнымъ истребленіемъ побѣжденныхъ или продажей ихъ въ рабство. Такая классовая борьба, осложненная международными столкновениями, создавала полную необезпеченность личности и имущества. Классовая борьба со стороны низшихъ классовъ велась подъ лозунгомъ „уничтоженіиъ долговыхъ обязательствъ и передѣла всѣхъ земель“ (*χρεῶν ἀποκοπή καὶ γῆς ἀναδιανομή*). Гдѣ только демократія одерживала верхъ, старались провести оба эти пункта. Такого рода экономическій переворотъ отражался и на экономическомъ положеніи государства, такъ какъ масса долговыхъ обязательствъ была связана съ международными отношеніями. Часто вскорѣ происходила реакція; сами народныя массы, не добившись желаемого, отказывались отъ своихъ вождей. Брала верхъ партія имущихъ и мстила демократіи. Экономическій строй продолжалъ основываться на неравенствѣ.

При такихъ условіяхъ государство-городъ перестаетъ удовлетворять массу населенія и особенно имущіе классы. Среди послѣднихъ видимъ тенденцію въ сторону созданія новыхъ государственныхъ формъ. Еще въ эпоху пелопоннесской войны мы видѣли [въ Афинахъ проектъ олигархическихъ партій, желавшихъ созданія умѣренной демократіи или господства немногихъ богатыхъ группъ населенія. Но эти проекты, какъ мы знаемъ, рухнули.

Новые политическіе идеалы.

Въ концѣ V и началѣ IV в. въ зажиточныхъ слояхъ населенія мы видимъ лихорадочное стремленіе къ новымъ политическимъ идеаламъ. Эти идеалы постепенно оформливаются и въ нихъ все чаще проглядываютъ *монархическія тенденціи*, раньше чуждыя греческимъ государствамъ. Напримѣръ, *Ксенофонту* принадлежитъ назидательный политическій романъ „Киропедія“, героемъ котораго является Киръ Старшій, основатель Персидской монархіи. Ксенофонтъ рисуетъ типъ просвѣщеннаго государя, который желаетъ блага своему народу и проводитъ

эту идею въ жизнь. Также у *Платона*, написавшаго два чисто-политическія сочиненія „Государство“ и „Законы“, гдѣ онъ стоитъ за господство интеллигентныхъ словъ,—вѣра въ монархію была настолько сильна, что онъ является при дворѣ Діонисія Старшаго, тиранна сиракузскаго, а затѣмъ его преемника Діонисія Младшаго и мечтаетъ осуществить чрезъ ихъ посредство свои политическіе идеалы, но это ему не удается. Въ діалогѣ „Политикъ“ мы видимъ у Платона опредѣленную защиту монархическаго принципа, но съ условіемъ, чтобы монархъ правилъ по законамъ: „Итакъ монархія, основанная на хорошихъ писанныхъ правилахъ, которыя мы именуемъ законами, есть изъ всѣхъ шести формъ (басилейя, тираннія, аристократія, олигархія, правильная и неправильная демократія)—наилучшая“ (*Plut. Politic.* 302 e). *Исократъ*, учитель краснорѣчія первой половины IV в., проводитъ тоже въ нѣкоторыхъ своихъ сочиненіяхъ („Никоклъ“ и „Къ Никоклу“) монархическія тенденціи. У *Аристотеля*, близкаго македонскому двору Филиппа и Александра, мы видимъ, что онъ, не будучи исключительнымъ приверженцемъ монархіи, тѣмъ не менѣе считаетъ возможнымъ признать монархію одной изъ лучшихъ формъ, если поставить во главѣ государства лучшаго человѣка (*Polit.* III 11, 12). Монархія привлекаетъ Аристотеля также тѣмъ, что, по его мнѣнію, она можетъ стать надъ классовой борьбой (V 8, 6). Ему кажется, что даже тираннъ можетъ стремиться къ благу не отдѣльнаго класса, а къ благу всѣхъ, что монархъ можетъ возвыситься надъ партійными раздорами (V 9, 19). Аристотель признаетъ, что демократія имѣетъ много за себя, но имѣя передъ собою только единственную форму демократіи,—государство-городъ, онъ ею не вполне удовлетворяется. Додуматься до конституціоннаго государства онъ не могъ; за то онъ допускаетъ мысль о просвѣщенной монархіи, какъ одной изъ правильныхъ формъ.

Итакъ, жизнь греческихъ обществъ IV в. требуетъ, болѣе прочной и ослабляющей классовую борьбу формы государства. Одна изъ болѣе сильныхъ формъ достигается федераціей государствъ-городовъ,—отсюда тенденція къ образованію городскихъ союзовъ, а ослабленіе классовой борьбы достигается, какъ кажется многими, въ монархіи. Это стремленіе къ надклассовому господству вноситъ въ жизнь монархическую тенденцію.

Такія реальныя и идейныя условія создали для Македоніи возможность основать свою власть надъ Греціей.

Возвышеніе Македоніи и подчиненіе Греціи.

Что внѣшняя сила могла пріобрѣсти вліяніе въ Греціи, это мы видимъ по той роли, которую играла Персія во время пелопоннеской войны и позднѣе. Но въ Персіи въ данное время происходятъ внутренніе безпорядки и неурядицы. Ея мѣсто занимаетъ Македонія: она ближе къ Европейской Греціи и не отдѣлена отъ нея моремъ. Македонія—очень патриархальное государство, что сослужило для нея большую службу. Передъ эпохой Филиппа мы находимъ въ Македоніи чисто земледѣльческое общество; преобладающее населеніе сельское: крестьянство рядомъ съ землевладѣльческой военной аристократіей. Надъ ними возвышается царская власть въ духѣ гомеровскихъ поэмъ,—царь военачальникъ, жрецъ и судья.—На Фракійскомъ побережьи была масса греческихъ торговыхъ поселеній. Македонскіе цари, видя раздробленность греческихъ городовъ, стараются захватить крупныя центры побережья. Потидея, Амфиполь, Пидна, Олинѣя являюся лакомымъ кускомъ для Македоніи. Филиппъ, по вступленіи на престолъ, видя раздоры во 2-мъ Аѳинскомъ союзѣ, начинаетъ дѣйствовать противъ этихъ городовъ. Въ 357 г. онъ начинаетъ захватывать ихъ въ свои руки. Когда дѣло доходитъ до Амфиполя и Олинѣя, вступаютъ Аѳины, боявшіяся усиленія Македоніи. Они оказываютъ городамъ помощь, но она запаздываетъ, и въ 348 г. Олинѣя былъ взятъ. Но Филиппъ, дѣйствуя противъ приморскихъ государствъ, въ то же время заглянулъ и внутрь средней Греціи. Онъ вмѣшивается въ дѣла Дельфійской Амфиктіоніи,—союза городовъ, защищавшаго храмъ Аполлона Дельфійскаго. Филиппъ выступаетъ, какъ благожелательный союзникъ Амфиктіоніи, когда онъ рѣшаетъ дѣйствовать противъ нарушителей правъ этого союза (фокейцевъ). Онъ беретъ на себя наказаніе нарушителей, но это даетъ ему возможность утвердить свое вліяніе въ Средней Греціи; онъ, какъ бы выполняя святое дѣло (защиту Дельфійскаго храма), въ то же время упрочиваетъ свою политическую власть.

Почти во всѣхъ греческихъ государствахъ между 357 и 348 годомъ образуются двѣ партіи,—*македонская и анти-македонская*. Чтобы понять характеръ этихъ партій, нужно считаться съ политикой Филиппа; она очень осторожна,—онъ хочетъ выступать въ качествѣ сторонника эллинизма. Если община не оказываетъ сопротивленія, онъ присоединяетъ ее на началахъ равноправія, а если оказываетъ, то онъ караетъ ее, только когда этого требуютъ реальныя политическія соображенія. Поэтому часть грековъ Средней Греціи, видя, что Филиппъ не

врагъ греческой націи, а хочетъ объединить Грецію,—готова признать его народнымъ вождемъ. Это показываетъ проницательность Филиппа и знаніе психологіи грековъ: въ республикахъ больше всего боялись принципа подчиненія, больше всего стояли за идею автономіи, хотя бы чисто формальной.

Въ буржуазныхъ зажиточныхъ слояхъ начинается движеніе въ пользу Филиппа. Въ рѣчахъ Исократъ (которые никогда не произносились, а распространялись въ письменной формѣ) до появленія Филиппа проводится мысль, что грекамъ надо объединиться для борьбы съ персами, но когда появляется Филиппъ, то въ рѣчи: „Филиппъ“ Исократъ прямо призываетъ этого царя стать во главѣ грековъ, а грековъ объединиться вокругъ Филиппа и создать эллинскую націю. Мы видимъ, что многіе видные вожди грековъ—сторонники македонской политики (напримѣръ, аѣинскій полководецъ Фокіонъ).

Напротивъ, Демосеенъ—врагъ македонской партіи. Онъ становится въ Аѣинахъ во главѣ ея противниковъ; онъ обвиняетъ своихъ политическихъ враговъ въ томъ, что они подкуплены Филиппомъ, но доказать этого ему не удавалось: среди нихъ были такіе безукоризненные люди, какъ Фокіонъ. И Исократъ также надо назвать патріотомъ,—только онъ патріотъ нап-эллинскій, а Демосеенъ—узко-аѣинскій.

Во главѣ антимакедонской партіи становится Демосеенъ, во главѣ македонской—Эсхинъ. Враги Демосеена въ свою очередь обвиняли Демосеена въ томъ, что онъ былъ подкупленъ персидскимъ царемъ. Но повторяю: эти взаимныя обвиненія не доказаны. Правда, извѣстно, что позднѣе, въ 335 г., Демосеенъ получилъ отъ персидскаго царя крупную сумму въ 300 тал., однако эти деньги были употреблены имъ на нужды Аѣинъ, которые готовились къ борьбѣ съ Македоніей.

Демосеенъ, желая сохранить демократическій строй, но считаясь съ интересами буржуазіи, старается распредѣлить повинности, падавшія только на богатыхъ, болѣе равномерно,—напримѣръ, въ отношеніи снаряженія кораблей.

Аѣиняне, руководимые въ данный моментъ Демосееномъ, сами вызываютъ борьбу съ Филиппомъ. Филиппъ пока предпочелъ бы жить съ ними въ мирѣ, потому что у него очень слабый флотъ; онъ не хочетъ начинать съ ними войны раньше, чѣмъ не укрѣпится на сушѣ и не обратитъ вниманія на море. Но Демосеенъ понимаетъ, что если начинать войну, то надо начинать ее немедленно. Въ 344 г. Демосеенъ предпринимаетъ путешествіе по Пеллопоннесу, желая объединить грековъ для

борьбы съ Филиппомъ. Это ему не удается. Большинство желаетъ сохранить хорошія отношенія съ Филиппомъ; однако мелкія государства Средней Греціи онъ объединяетъ.

Вскорѣ Филиппъ долженъ вмѣшаться въ дѣла Средней Греціи: Амфиктіонія поручаетъ ему военную экзекуцію противъ строптивой Амфиссы. Выступленіе Филиппа было угрозой для всей Средней Греціи. Тогда къ Аеинамъ примкнули и Фивы. При *Хероней* въ 338 г. произошла битва. Съ одной стороны стояли войска Филиппа, съ другой войска аеинянъ, беотійцевъ и мелкихъ государствъ Средней Греціи. Филиппъ нанесъ союзникамъ пораженіе и такимъ образомъ сталъ владыкой Греціи. Беотійскій союзъ онъ разрушилъ и этимъ наказалъ Фивы. Въ Аеинахъ создалась паника, но аеиняне скоро оправились: они поняли, что ихъ морскія силы не сломлены; Филиппъ также понималъ это и поспѣшилъ заключить миръ съ Аеинами.

Послѣ этого мира Филиппъ производитъ коренную реорганизацію Греціи. Греческія государства-города перестаютъ существовать изолированно; они объединяются въ союзъ подъ властью Филиппа. Только Спарта не вошла въ этотъ союзъ и была наказана отнятіемъ всѣхъ областей, кромѣ долины Эвроты. Такимъ образомъ Лаконія была страшно урѣзана, — это уже отнынѣ третьестепенное государство.

Въ Коринѣ созывается синедріонъ, — союзный совѣтъ. Всѣ греческія государства признаны равноправными, — они посылаютъ по одному представителю въ синедріонъ и должны посылать Филиппу военные контингенты. Внутреннее управленіе городовъ Филиппъ оставилъ въ томъ видѣ, какъ оно было ранѣе, только запретилъ измѣненіе государственнаго строя. Филиппъ опирался на буржуазію; собственность онъ объявилъ неприкосновенною. Такъ стали создаваться новыя формы греческаго государства. Съ этого момента греческія государства-города постепенно превращаются въ большія эллинистическія государства, представляющія изъ себя или монархіи, или прочныя союзы.

Эпоха Александра Македонскаго *).

Филиппъ готовился къ дальнейшему расширенію своего государства: къ покоренію Персіи. Это государство было слишкомъ

*) По исторіи Александра и эллинистическихъ государствъ кромѣ литературы, указанной на стр. 35, слѣдуетъ отмѣтить еще *Niese, Geschichte der griechischen und makedonischen Staaten seit der Schlacht bei Chäronea, I—III,*

опаснымъ сосѣдомъ, у котораго греческіе полисы всегда могли получить поддержку (и дѣйствительно мы знаемъ, что Аѣнны въ 335 г. искали поддержки у Персіи противъ Македоніи). Въ виду этого борьба Македоніи съ Персіей рано или поздно дѣлалась неизбѣжной.

Персія была огромнымъ государствомъ, богатымъ и деньгами, и живой людскою силою. Однако внутри этого государства многое было очень неблагополучно. Мы уже видѣли (стр. 266) какъ непрочно было персидское господство въ Египтѣ. Съ начала IV в. Египетъ пріобрѣлъ независимость (28—30 династии Манеона), причемъ новые египетскіе національные цари опирались, какъ на главную военную силу,—на греческихъ наемниковъ. Царь персидскій Артаксерксъ III Охъ (362—338 г.) принималъ героическія усилія для покоренія Египта, но безуспѣшно. Положеніе его затруднялось тѣмъ, что противъ Персіи возстала Финикія, возсталъ Кипръ. Независимость Кипра Артаксерксу пришлось признать, Финикія была вновь покорена (350 г.). Только послѣ этого царь могъ предпринять походъ противъ Египта, завершившійся, наконецъ, новымъ покореніемъ этой страны персидскому игу (344 г.) *). Однако всѣ эти событія показываютъ, какъ непрочно связаны были отдѣльныя части Персидскаго государства.

Однако тонкій дипломатъ Филиппъ не сразу выступилъ противъ Персіи: пока греки не были сломлены, онъ напротивъ заключилъ съ Персіей союзный договоръ **). Близорукіе руководители персидской политики пошли въ эту ловушку, мечтая такимъ образомъ легче справиться съ непокорными вассалами. Аѣнныамъ, просившимъ у него помощи въ 340 г., Артаксерксъ въ помощи отказалъ ***). Филиппъ такимъ образомъ имѣлъ полную возможность довести дѣло до Херонейской битвы (338 г.) и разгромить грековъ.

Теперь онъ сталъ готовится къ походу противъ Персіи. На Коринескомъ конгрессѣ онъ заручился обѣщаніемъ поддержки со стороны послушныхъ ему греческихъ государствъ (см. выше стр. 305).

1893—1903; это сочиненіе цѣнно массою фактическаго матеріала, но вызвало много критическихъ замѣчаній, особенно въ силу узости кругозора автора.

*) Борьба за Египетъ изображена у *Диодора* (XVI 40—51).

**) Объ этомъ можно заключить изъ *Arrian, Anab. II 14, 2*. См. *Kdrst, Gesch. d. hellenist. Zeitalters, I, 189*.

***) *Kdrst, l. c.*

Уже въ началъ 336 г. македонское войско переправляется въ Малую Азію, гдѣ греческіе города встрѣчаютъ его съ удовольствіемъ, ожидая отъ него освобожденія отъ персидскаго ига.

Незадолго до этого скончался Артаксерксъ III (337 г.); начались придворныя смуты, въ результатъ которыхъ престолъ занялъ отпрыскъ боковой линіи Ахеменидовъ подъ именемъ Дарія Кодомана.

Однако и Филиппъ не намного пережилъ Артаксеркса: въ разгаръ малоазійской экспедиціи онъ палъ отъ руки одного изъ своихъ тѣлохранителей (336 г.). Повидимому, это убійство стояло въ связи съ удаленіемъ отъ двора жены Филиппа Олимпіады (матери Александра Великаго) и съ женитьбой Филиппа на Клеопатрѣ.

Новый царь Александръ не сразу могъ приступить къ завоеванію Персіи. Началось броженіе въ разныхъ частяхъ его государства, — особенно въ вассальной Греціи. Александру пришлось съ войскомъ появиться въ Фессалии и Беотіи, чтобы смирить грековъ. Въ Коринѣ былъ вновь собранъ конгрессъ, на которомъ былъ подтвержденъ договоръ грековъ съ Филиппомъ. Но Александру пришлось еще обратиться на сѣверъ во Фракію и Иллирію, гдѣ были неспокойны варвары. Отсутствіе Александра опять вызвало броженіе въ Греціи. Эивы возстали. Но Александръ форсированнымъ маршемъ въ теченіе 14 дней сумѣлъ перебросить свое войско въ Беотію и неожиданно явился передъ Эивами. Городъ былъ взятъ и *разрушенъ*, жители частью отведены въ Македонію, частью — проданы въ рабство. Аѣины, сочувствовавшія эиванскому движенію, притихли, и Греція покорилась (335 г.)

Весною 334 г. Александръ получилъ возможность лично выступить черезъ Геллеспонтъ противъ Персіи, имѣя при себѣ около 30,000 пѣхоты и 5,000 всадниковъ *). Такой силы, уступающей величинѣ нынѣшняго корпуса, оказалось въ то время достаточно, чтобы начать борьбу съ Персіей. Уже въ первомъ сраженіи недалеко отъ Геллеспонта, при рѣкѣ *Граникѣ*, обнаружилось преимущество греко-македонскаго войска Александра передъ разноплеменнымъ войскомъ персидскаго царя, въ которомъ, впрочемъ, тоже видную роль играли греческіе наемники. Персидская армія была разбита. Малоазійскіе греки въ большей своей части стали переходить на сторону Александра, который

*) *Kärst.*, о. с., 251.

оказывалъ здѣсь поддержку демократіи противъ олигархическихъ группъ, издавна тяготѣвшихъ къ Персіи. Въ теченіе 334 и 333 г. Александръ покорилъ всю Малую Азію, и только персидскій флотъ имѣлъ успѣхъ на Эгейскомъ морѣ. Къ концу 333 г. произошло рѣшительное столкновение между арміей Александра и главными силами Дарія. Около залива, образуемаго малоазійскимъ и сирійскимъ берегами, близъ городка *Исса* войско Дарія было разгромлено. Дарію удалось бѣжать, но семья его попала въ плѣнъ къ Александру. Пока Дарій собиралъ новыя силы, Александръ могъ безъ особаго труда покорить въ теченіе 332 г. Сирію, Финикію и Египетъ (еще ранѣе усилившія новыя кораблями македонскій флотъ уничтожилъ въ Эгейскомъ морѣ большую часть персидскаго). Изъ Египта Александръ двинулся внутрь Передней Азіи и здѣсь при *Гавгамелѣ*, недалеко отъ развалинъ древней Ниневіи (331 г.), нанесъ третье крупное пораженіе главнымъ силамъ Дарія, который бѣжалъ въ отдаленные сѣверо-восточные предѣлы своего царства. Александръ движется на востокъ черезъ Мидію до предѣловъ Бактріи (329 г.) и доходитъ до Сыръ-Дарьи (Яксарта). Дарій въ это время погибъ отъ рукъ своихъ подданныхъ. Однако еще два года понадобилось, чтобы окончательно покорить эти отдаленныя области. Въ 327 г. покореніе Персидскаго государства было закончено.

Но Александръ не удовлетворяется этимъ. Онъ, повидимому, носитъ въ это время уже съ идеей всемірной монархіи. Только такими широкими планами можно объяснить предпринятый имъ въ 326 г. планъ покоренія *Индіи*. Хотя Александръ имѣлъ военный успѣхъ въ своей экспедиціи въ область Инда, но тропическій климатъ этихъ мѣстъ заставилъ его прекратить неосуществимое по своей грандіозности предпріятіе. Онъ самъ съ арміей вернулся сухимъ путемъ, а его флотъ съ адмираломъ Неархомъ во главѣ совершилъ переходъ отъ устья Инда до устья Эвфрата и Тигра (325 г.).

† Такова краткая исторія этихъ грандіозныхъ завоеваній.

Однако Александръ не только преслѣдовалъ завоевательныя цѣли, но, несомнѣнно, имѣлъ и широкіе организаціонные планы. Какъ мы уже упомянули, многое говоритъ за то, что успѣхи его завоеваній привели его къ *идеѣ всемірной монархіи* *).

*) Это доказываетъ *Керстъ* (*Kerst*, *Gesch. d. hellenist. Zeitalters*, I, стр. 394—406) въ противоположность *Нусе* (*Niese*, *Zur Würdigung Alexanders des Gross.* въ *Hist. Zeit.*, № 7., XLIII, 42 с.), который склоненъ думать, что Александръ мечталъ лишь о завоеваніи Персіи.

Это видно и изъ его индйскаго похода, и изъ тѣхъ обширныхъ географическихъ изслѣдованій, которыя предпринимались по его почину (планъ обслѣдованія береговъ Аравіи, Каспійскаго моря и проч.). Есть указанія на то, что его дипломатическія сношенія простирались до Италіи и Кароагена *). Нѣтъ ничего невѣроятнаго даже въ извѣстіи о появленіи римскаго посольства при его дворѣ **): вѣдь нужно помнить, что вѣкъ спустя римляне уже начинаютъ утверждаться на Балканскомъ полуостровѣ. Мы имѣемъ извѣстіе о томъ, что Александръ проектировалъ планъ покоренія Кароагена ***).

Въ связи съ идеей всемірной монархіи можно поставить и *космополитическую* тенденцію въ политикѣ Александра: онъ стремится смѣшать и соединить національности своего царства. Въ запискахъ (*ἰστορικὰ*), оставшихся послѣ его смерти, Александръ выражалъ желаніе „произвести соединеніе государствъ и переселить людей изъ Азіи въ Европу и обратно изъ Европы въ Азію, чтобы путемъ браковъ и родственныхъ узъ установить между величайшими материками согласіе и дружбу, какая существуетъ между родственниками“ ****). И при жизни Александръ принималъ мѣры къ широкому *проникновенію македонянъ и эллиновъ въ предѣлы Азіи и къ смѣшенію грековъ съ персами*.

Къ эллинизации Передней Азіи почва подготовлялась еще до Александра. Въ первую половину IV в. множество грековъ находилось на службѣ у персидскаго царя не только въ качествѣ воиновъ разныхъ ранговъ, но и специалистовъ другого рода (такъ, напр., въ концѣ V и началѣ IV в. при персидскомъ дворѣ находился врачъ Ктесій, написавшій исторію Персіи). Нѣкоторыя династіи Западной Азіи вполне усвоили греческую культуру. Таковъ былъ Мавсолъ Карійскій (377—353), Эвагоръ Кипрскій (410—374) и проч. Александръ своей дѣятельностью необычайно ускорилъ этотъ процессъ. Главнымъ путемъ въ этомъ направленіи, избраннымъ Александромъ, было *основаніе городовъ* на протяженіи всей его огромной монархіи. Большинство этихъ городовъ получило названіе Александрій. Наибольше значительнымъ изъ такихъ городовъ была Александрія въ Египтѣ. Въ очень скоромъ времени этотъ городъ превратился

*) *Diod. XVII 113; Iust. XII 13, 1.*

***) *Климатъ у Plin. Nat. Hist. III 57.*

****) *Diod. XVIII 4, 4; Arrian. VII 1, 2.*

*****) *Diod. XVIII 4, 4.*

въ одно изъ самыхъ крупныхъ поселеній древняго міра и въ значительнѣйшій культурный центръ. Причины заключались въ томъ, что Александрія располагала прекрасно устроенной гаванью, связывавшей страны Средиземнаго моря съ плодороднѣйшей Нильской долиной, которая стала житницей для означенныхъ странъ. Кромѣ того, Александрія была пунктомъ, черезъ который товары, шедшіе изъ Нубіи, Аравіи, Индіи и Китая (шелкъ), въ сыромъ или переработанномъ видѣ проникали на сѣверъ и на западъ *). Александрія, ставъ торговымъ центромъ, скоро стала и центромъ разныхъ отраслей промышленности: ткачества **), обработки металловъ, въ частности золота и серебра, стеклянной индустріи, парфюмеріи ***).

Но не только египетская Александрія получила дальнѣйшее развитие. Цѣлый рядъ городовъ (по б. ч. названныхъ тоже Александріями) былъ основанъ Александромъ въ Азіи вплоть до отдаленныхъ предѣловъ Персидскаго царства. Здѣсь были поселены греки для цѣлей военныхъ, но тѣ изъ этихъ пунктовъ, которые были расположены на торговыхъ путяхъ, не исчезли и позднѣе. Нѣкоторые изъ нихъ до сей поры существуютъ подъ разными именами (Ходжендъ, Гератъ, Кандагаръ) ****). Сюда со времени Александра стали стекаться греческіе купцы, приносящіе съ собою кое-что изъ греческой культуры.

Но Александръ стремился не только къ распространенію греко-македонскаго этническаго элемента въ Египтѣ и Азіи. Онъ старался слить разнородныя національности воедино. Въ этомъ направленіи особенно характерно его стремленіе устраивать браки между высокопоставленными греками и македонянами съ одной стороны и персидской знатью—съ другой. Самъ Александръ подаетъ примѣръ: онъ вступаетъ въ бракъ съ бактрианкой Роксаной, со старшей дочерью Дарія Статирой, съ дочерью Оха Парисатидой. Персы стали привлекаться и къ службѣ въ войскѣ, и на гражданскія должности.

Всѣ эти факты не могли не отразиться и на характерѣ власти Александра. Стремленіе къ мировому владычеству, сбли-

*) См. *М. М. Хвостовъ*, Исторія восточной торговли греко-римскаго Египта, Казань, 1907.

**) *М. М. Хвостовъ*, Очерки организаціи промышленности и торговли въ греко-римскомъ Египтѣ, I, Казань, 1914, 22, 50 с.

***), *М. М. Хвостовъ*, Исторія восточной торговли, стр. 162—176.

****) *Kürst*, о. с., I, 348—347.

женіе съ азіатами, желаніе поддерживать свой престижъ среди персовъ и другихъ азіатскихъ племенъ,—все это повело къ тому, что Александръ вноситъ въ свою власть восточные элементы. Онъ превращается изъ наслѣдственнаго вождя македонской знати и народа и изъ признаннаго—съ формальной стороны якобы добровольно—вождя греческихъ республикъ въ паря восточнаго типа; имѣются опредѣленные указаанія на то, что приверженцы Македоніи въ греческихъ республикахъ поднимали вопросъ объ обоготвореніи Александра, и трудно сомнѣваться, что это дѣлалось не безъ давленія со стороны самого Александра *) На монетахъ вмѣсто изображенія божества появляется изображеніе Александра **).

Несмотря на этотъ ростъ восточныхъ элементовъ въ характерѣ власти Александра, послѣдній считался всеже съ формой эллискаго полуса. Въ Европейской Греціи самоуправленіе государствъ-городовъ сохраняется. Повидимому, этотъ принципъ проводится и во вновь основанныхъ городахъ въ Азій. Но, конечно, это самоуправленіе очень ограничено. Какъ мы сейчасъ увидимъ, даже въ Греціи Александръ проявляетъ постоянное вмѣшательство во внутреннюю жизнь государствъ. Такимъ образомъ съ Александра ведетъ свое начало то сочетаніе центральной военно-бюрократической власти съ самоуправляющимися городскими общинами, которое унаслѣдовали нѣкоторыя эллинистическія монархіи, а затѣмъ Римская имперія ***).

Монархическая политика Александра не могла не вызвать оппозиціи. Къ этому присоединялось недовольство македонянъ недостаточно національной политикой Александра. Еще въ 330 г. былъ открытъ заговоръ, организованный никѣмъ инымъ, какъ начальникомъ царской гвардіи Филотомъ, сыномъ первокласснаго полководца Александра Парменіона. Не только Филотъ былъ казненъ, но Александръ унизился до посылки убійць къ Парменіону, который и погибъ отъ ихъ руки. Послѣ индійскаго похода, когда восточныя черты въ политикѣ Александра стали отчетливѣе, оппозиція усилилась. Отъ руки всплывшаго Александра погибъ его генераль Клитъ, повидимому, защищавшій старомакедонскія традиціи (328). Былъ открытъ заговоръ, въ которомъ былъ замѣпанъ исторіографъ Александра философъ

*) *Kärst.*, I, 389 сс.

**) *Иб.* 391—392.

***) См. выше стр. 161.

Каллисеевъ *). Наконецъ, въ 324 г. вспыхнуло военное возстаніе въ Опісъ (на Тигръ). Александръ сталъ даже отпускать македонскихъ ветерановъ на родину, чтобы избавиться отъ ихъ оппозиціоннаго настроенія.

Значительна была оппозиція и въ Европейской Греціи. Александръ вмѣшивался во внутреннюю жизнь полисовъ. Мы видѣли, что онъ черезъ македонскую партію старается провести свои монархическія тенденціи въ Грецію. Въ 324 г. онъ требуетъ, чтобы греческія республики вернули всѣхъ политическихъ изгнанниковъ. Все это отнюдь не способствуетъ примиренію антимакедонскихъ партій въ Греціи съ господствомъ Александра.

Еще въ 333 г. спартанскій царь *Агисъ II* началъ войну съ Македоніей и сначала имѣлъ успѣхъ. Но только часть пелопоннесскихъ государствъ стала на его сторону, — остальные не рѣшились. Въ 330 г. Агисъ былъ разбитъ македонскимъ наместникомъ Александра Антипатромъ и погибъ.

Въ Аѣинахъ противомакедонская партія на это время припала. Однако, пользуясь миромъ, Аѣины имѣли возможность возстановить свою торговлю и упорядочить финансы. Последнее было достигнуто отчасти вслѣдствіе энергичной дѣятельности извѣстнаго оратора *Ликурга*, который въ теченіе 12 лѣтъ (338—326 г.) стоялъ во главѣ финансоваго управленія. Въ то же время пораженіе при Херонѣ заставило аѣинянъ обратить особое вниманіе на военное воспитаніе юношества. Молодые люди (*эфебы*) съ этихъ поръ стали призываться къ обязательному обученію военному дѣлу, чтобы имѣть возможность конкурировать съ профессиональными наемными войсками.

Однако антимакедонское настроеніе въ Аѣинахъ не исчезло. Аѣиняне приняли къ себѣ Гарпала казначея Александра, который бѣжалъ отъ царя изъ-за произведенной имъ крупной растраты (324 г.). Онъ привезъ съ собой громадную сумму (5000 тал., т. е. ок. 12 мил. руб.). Но Александръ потребовалъ выдачи Гарпала. Испуганные аѣиняне заключили Гарпала въ тюрьму (откуда онъ потомъ бѣжалъ), а противъ вождей антимакедонской партіи, въ томъ числѣ противъ Демосеена, было возбуждено обвиненіе въ принятіи подарковъ отъ Гарпала. Демосеевъ былъ приговоренъ къ крупному штрафу и бѣжалъ (онъ вернулся въ Аѣины лишь послѣ смерти Александра).

*) Сочиненіе Каллисеева объ Александрѣ было написано въ панегирическомъ тонѣ.

Необычное напряженіе силъ при громадной военной и административной дѣятельности, излишества и нездоровый климатъ Вавилона, гдѣ Александръ основалъ свою резиденцію, поточили силы Александра, онъ внезапно заболѣлъ и на 10-й день болѣзни скончался 32 лѣтъ отъ роду, 13 іюня 323 г.

Александръ началъ энергичную эллинизацию Востока и положилъ начало своеобразнымъ греко-восточнымъ эллинистическимъ государствамъ.

XVI. Кратній очеркъ эллинистическаго періода. 2. Греція въ эллинистическую эпоху.

Источники.

Событія послѣ смерти Александра до конца IV в. (302 г.) описаны въ XVIII—XX книгахъ *Діодоромъ*. Для III в. значеніе имѣетъ *Трогъ Помпей* (Юстинъ см. выше стр. 298). Главнымъ же источникомъ для исторіи Греціи III и первой половины II в. до Р. X. является *Полибій*. Характеристику этого крупнѣйшаго представителя греческой историографіи послѣ Фукидида я даю въ своемъ курсѣ римской исторіи. Здѣсь достаточно замѣтить, что Полибій (ок. 205—125 г. до Р. X.) главной задачей своего историческаго труда ставилъ изображеніе того процесса, который привелъ Римъ къ объединенію подъ своею властью народовъ Средиземнаго моря. Его изложеніе охватываетъ исторію этихъ народовъ съ первой пунической войны до завоеванія Греціи и Карфагена (264—146 гг.). Къ сожалѣнію, изъ 40 книгъ труда Полибія полностью дошли лишь первые 5 (до 217 г.), отъ остальныхъ же сохранились только извлечения, — правда, довольно значительныя. Полибій — послѣдователь Фукидида и Аристотеля. Онъ — реалистъ и прагматикъ, старающійся дать объективное изображеніе событій и установить ихъ дѣйствительную причинную связь. Изложеніе Полибія проникнуто уваженіемъ къ мощи Рима.

Важнымъ источникомъ для исторіи Греціи III вѣка являются *Плутарховы* біографіи Димитрія Полиоркета, спартанскихъ царей-революціонеровъ Агиса III и Клеомена III и стратега Арата. Въ послѣднихъ трехъ біографіяхъ Плутархъ пользовался мемуарами самого Арата, но еще больше черпалъ изъ историка III вѣка *Филарха*, изложеніе котораго, не отличаясь точностью, привлекало читателей картиннымъ, иногда даже риторическимъ изображеніемъ событій. Это былъ типичный представитель другого течения историографіи эллинистическаго періода, — течения, рѣзко отличнаго отъ того, которое представляетъ Полибій.

Эпоха эллинизма.

Эпоха послѣ завоеваній Александра до римскаго завоеванія получила названіе *эллинистической*. Общая характеристика ея выходитъ за предѣлы собственно греческой исторіи. Здѣсь мы остановимся лишь на исторіи Европейской Греціи этого времени *).

Соціальное равновѣсіе не было достигнуто и въ этотъ періодъ; миръ международный тоже не былъ установленъ. Надежды, возлагавшіяся съ эпохи Филиппа частью имущихъ классовъ греческаго общества на Македонію, не оправдались: изъ монархіи Александра возникло нѣсколько государствъ, которыя вели между собою непрерывную борьбу за преобладаніе. Шла не столько борьба народовъ, сколько борьба династiovъ между собою. Династы вмѣшивали въ свои междуусобія и греческія общины. Изъ монархіи Александра постепенно образовалось три крупныхъ государства, во главѣ которыхъ стали сподвижники Александра, такъ наз. *діадохи*: Македонское, Сирійское (династія Селевка) и Египетское (династія Птолемея) и нѣсколько менѣе значительныхъ,—тоже со сподвижниками Александра во главѣ (Лисимахъ—во Фракіи, Антигонъ—во Фригіи, Евменъ—въ Каппадокіи и Пафлагоніи и проч.). Позднѣе образовалось небольшое, но богатое и культурное Пергамское царство въ М. Азіи. Съ 306 г. діадохи стали принимать царскіе титулы. Антигонъ въ концѣ IV в. пытался занять среди нихъ первенствующее положеніе, но потерпѣлъ пораженіе отъ коалиціи изъ Селевка, Лисимаха, Птолемея и Кассандра (въ битвѣ *при Ипсѣ* въ 301 году Антигонъ былъ побѣжденъ соединенными силами Селевка и Лисимаха, при чемъ и самъ погибъ).

Въ эту эпоху Греціи приходилось болѣе всего считаться съ ближайшей своей сосѣдкой—Македоніей. Партіи, существовавшія внутри греческихъ государствъ, искали опоры то въ томъ, то въ другомъ претендентѣ на македонскій престолъ, а претенденты въ свою очередь желали создать себѣ опору, давая посулы и обѣщанія той или другой партіи въ греческихъ общинахъ. Такъ, послѣ смерти Александра большинство греческихъ государствъ съ Аеинями во главѣ попытались освободиться отъ македонскаго ига, начавъ борьбу съ намѣстникомъ Александра въ Македоніи Антипатромъ (т. наз. Ламійская война 323—322 г.), но союзъ грековъ по обыкновенію оказался непрочнымъ и сталъ распадаться послѣ первыхъ же неудачъ. Антипатръ вступилъ въ сепаратныя соглашенія съ отдѣльными

*) *Ferguson*, Hellenistic Athens, 1911.

общинами, опираясь на зажиточные классы и поддерживая антидемократическія теченія (въ Аѳинахъ вводится имущественный цензъ для полноправнаго гражданства). Демосеенъ вынужденъ былъ кончить жизнь самоубійствомъ. По смерти Антипатра (319 г.) боровшіеся за владычество въ Македоніи Полиперхонтъ и Кассандръ поддерживаютъ, первый — демократію, а второй — олигархію. Во главѣ Аѳинъ съ 318 — 308 г. находится ставленникъ Кассандра *Димитрій Фалерскій*, поддерживавшій здѣсь олигархію. Затѣмъ въ роли защитниковъ демократіи и „освободителей“ Греціи противъ Кассандра выступаютъ новые претенденты на владычество среди діадочовъ: *Антигонъ* (до 301 года) и его сынъ *Димитрій Полиоркетъ*. Во многихъ укрѣпленіяхъ Греціи македонскіе властители держали свои гарнизоны. Неоднократно македонскій гарнизонъ находился и въ Аттікѣ (преимущ. въ Пиреѣ); такъ, даже „освободитель Аѳинъ“ Димитрій Полиоркетъ держалъ здѣсь гарнизонъ съ 294 г.; лишь послѣ пораженія Димитрія (288 г.) аѳиняне сдѣлали попытку изгнать македонскій гарнизонъ, которая, однако, кончилась неудачей. Въ другихъ мѣстностяхъ Греціи (напримѣръ, въ Коринѣ) гарнизоны сына Димитрія Антигона Гонатя (287—240) оставались, несмотря на то, что въ самой Македоніи Антигонъ имѣлъ соперниковъ въ лицѣ Птоломея Керавна (280—276), а затѣмъ Пирра Эпирскаго (273—272). Во многихъ городахъ Греціи Антигонъ поддерживалъ даже *тираннію* (Сикіонъ, Аргосъ, Мегалополь и проч.). Эти смуты привели Грецію къ страшному потрясенію: въ 279 году полудикіе *галлы*, проникшіе изъ сѣверной Италіи на Балканскій полуостровъ, вторглись въ Македонію и Грецію, произведя страшныя опустошенія; наконецъ, Антигонъ Гонатя нанесъ имъ пораженіе; галлы осѣли частью во Фракіи, частью въ М. Азіи (Галатское царство).

Около 266 года Аѳины, пользуясь поддержкой Египта, Спарты и другихъ государствъ, попытались свергнуть господство Македоніи въ Греціи, но Антигонъ и тутъ вышелъ побѣдителемъ (Хремонидова война 266—262 г.) и вновь ввелъ гарнизонъ въ Аѳины. Послѣ этихъ событій политическая роль Аѳинъ сводится почти къ нулю: онѣ остаются лишь культурнымъ центромъ. Главнымъ торговымъ пунктомъ на Эгейскомъ морѣ уже съ начала III вѣка становится *Родосская республика*, ведшая особенно интенсивную торговлю съ Египтомъ.

Большую независимость удалось сохранить тѣмъ греческимъ общинамъ, которыя объединились въ *болѣе прочныя федеративныя государства*. Этимъ путемъ до нѣкоторой степени

удовлетворялась потребность въ болѣе твердой государственной власти, которая, какъ мы видѣли, такъ сильно ощущалась въ Греціи уже въ первой половинѣ IV вѣка. Такія федераціи создались въ западной Греціи, до сей поры отстававшей отъ восточной въ своемъ политическомъ развитіи. Эта отсталость отчасти даже была причиной успѣха новыхъ федеративныхъ теченій: здѣсь не успѣли образоваться значительные политическіе центры, подобно Афинамъ, Спартѣ, Фивамъ, которые могли бы имѣть перевѣсъ надъ другими и, такимъ образомъ, нарушать равенство союзниковъ. Такими федераціями были *Этолійскій союзъ* въ Средней Греціи и *Ахейскій*—въ Пелопоннѣсѣ. Оба эти союза отличались отъ федерацій прежняго времени—съ Афинами, Спартой и Фивами во главѣ—равноправіемъ своихъ членовъ (особенно въ Ахейскомъ союзѣ); лишь силой покоренныя общины могли испытывать нѣкоторыя ограниченія. Центральные органы въ союзахъ существовали лишь для охраны внутренняго и внѣшняго порядка. Верховная власть принадлежала въ обоихъ союзахъ народнымъ собраніямъ; здѣсь выбирались должностныя лица и рѣшались важнѣйшія дѣла. Участвовать въ этихъ собраніяхъ могли граждане зрѣлаго возраста всѣхъ общинъ, входившихъ въ составъ союза. Голоса подавались по городамъ (во всякомъ случаѣ, такъ было въ Ахейскомъ союзѣ). Менѣе важныя дѣла рѣшались въ совѣтѣ, состоявшемъ изъ представителей отъ городовъ (организация совѣта яснѣе въ Этолійскомъ союзѣ, чѣмъ въ Ахейскомъ, гдѣ много спорнаго). Текуція дѣла вели должностныя лица, избравшіяся на годъ. Высшее изъ нихъ въ обоихъ союзахъ именовалось стратегомъ; онъ былъ президентомъ союза и главнокомандующимъ. Въ Ахейскомъ союзѣ при стратегѣ имѣлась еще особая коллегія дамѳурговъ, а въ этолійскомъ, повидимому,— коллегія апоклетовъ. На общія нужды союзныхъ общины дѣлали денежные взносы и для военныхъ дѣйствій выставляли контингенты войска. Этолійскій союзъ охватывалъ преимущественно сельскія мѣстности, въ составъ Ахейскаго входили сравнительно значительные города. Фактически въ обоихъ союзахъ, особенно же въ Ахейскомъ, преобладающее значеніе имѣли зажиточные люди, ибо лишь они могли часто являться въ народныя собранія и занимать высшія должности, которыя не оплачивались. На значеніе интересовъ торгово-промышленныхъ классовъ въ каждомъ изъ союзовъ указываетъ также единство монетной системы, мѣръ и вѣса, введенное въ союзныхъ общинахъ.

Этолійскій союзъ уже въ первой половинѣ III вѣка сталъ значительной политической силой въ Средней Греціи. Ахейскій

начинаетъ играть роль въ Пелопоннесѣ съ половины этого вѣка, когда его руководителемъ сталъ сикіонецъ *Аратъ* (251—213 г.), многократно избиравшійся въ стратеги. Цѣлый рядъ городовъ былъ освобожденъ ахейцами отъ македонскихъ гарнизоновъ и отъ тиранновъ. Но дальнѣйшее расширеніе союза въ Пелопоннесѣ встрѣтило противодѣйствіе со стороны *Спарты*.

Это государство, какъ мы видѣли, переживало тяжелый социальный кризисъ (стр. 289 сс.). И вотъ, въ срединѣ III вѣка здѣсь обнаруживается серьезное реформаціонное теченіе. Молодой царь *Агисъ III*, вступившій на престолъ ок. 245 г., задумалъ широкій планъ реформъ, сущность котораго сводилась къ уничтоженію долговыхъ обязательствъ и къ передѣлу земель съ тѣмъ, чтобы надѣлать безземельныхъ спартиатовъ и періаковъ. Уничтоженіе долговыхъ обязательствъ было произведено, но аграрная реформа Агису не удалась вслѣдствіе противодѣйствія правящей группы землевладѣльцевъ. Самъ Агисъ былъ убитъ въ 241 г. Однако, его планъ былъ возобновленъ царемъ *Клеоменомъ III* (съ 235 г.), который, чтобы сломить сопротивленіе правящей группы спартиатовъ, уничтожилъ эфоратъ, ставшій въ эту эпоху изъ демократическаго учрежденія, какимъ онъ былъ въ болѣе древнее время,—органомъ небольшой кучки полноправныхъ спартиатовъ. Клеоменъ произвелъ раздѣлъ земель между безземельными спартиатами и періаками, увеличивъ число полноправныхъ гражданъ до 4500 и поднявъ военную мощь Спарты. Усиленіе Спарты и социальныя реформы Клеомена напугали буржуазію, господствовавшую въ Ахейскомъ союзѣ. Начатая Клеоменомъ еще до его реформъ продолжительная война съ ахейцами теперь разгорѣлась съ особой силой. Перевѣсъ оказался на сторонѣ Клеомена. Тогда Ахейскій союзъ (*Аратъ*) обратился за помощью къ Македоніи (царь *Антигонъ Досонъ* 229—219 г.), съ помощью которой Клеоменъ былъ побѣжденъ (битва при *Селласіи* 221 г.) и долженъ былъ бѣжать въ Египетъ, гдѣ и погибъ. Македонія вновь вернула себѣ фактическое господство въ Греціи и даже въ Ахейскомъ союзѣ. Только Этолійскій союзъ, Аеины и Элида остались независимыми. Этолійцы пытались пошатнуть македонское преобладаніе. Но такъ наз. союзническая война (220—217 г.) этолійцевъ съ преемникомъ *Антигона Филиппомъ V* (219—179), дѣйствовавшимъ въ союзѣ съ ахейцами, не измѣнила положенія. Однако, и преобладанію Македоніи въ Греціи скоро пришелъ конецъ: *у Македоніи явился новый соперникъ. Это былъ Римъ.*

XVII. Періодъ римскаго владычества въ Греціи до эпохи Римской имперіи.

Источники.

Главнымъ источникомъ для исторіи завоеванія Македоніи и Греціи Римомъ былъ *Полибій*, который, къ сожалѣнію, въ этой части дошелъ до насъ лишь въ извлеченіяхъ (см. выше стр. 313).

Для II вѣка также имѣютъ существенное значеніе *Плутарховы* біографіи ахейскаго стратега Филопемена и римскихъ полководцевъ-завоевателей Македоніи и Греціи Эмилія Павла и Фламинина. Для этого же времени очень важно изложеніе историка Рима *Тита Ливія* (21—45 книги), изобразившаго завоеваніе Македоніи римлянами и ихъ вмѣшательство въ дѣла Греціи. Полибій имѣлъ продолжателей, изобразившихъ событія второй половины II и I вѣка до Р. Х. Это были философъ-стоикъ *Посидоній* и географъ *Страбонъ*. Отъ ихъ сочиненій дошли отрывки. Не историческое сочиненіе Страбона отчасти восполняется его „Географіей“ въ 17 книгахъ. Здѣсь дается довольно подробное описаніе извѣстнаго въ то время (эпоха императора Августа) міра, въ томъ числѣ, конечно, и Греціи. Въ это описаніе включено и много историческихъ экскурсовъ.

Важна также *Плутархова* біографія Суллы.

Для исторіи всего эллинистическаго міра, т. е. какъ собственно Греціи, такъ и эллинистическихъ государствъ Азіи и Африки (Египта эпохи Птолемеевъ) огромное значеніе имѣютъ *надписи* *). Для исторіи эллинистическаго Египта еще болѣе цѣнны греческіе *папирусы* (см. выше стр. 9—12).

а) Подчиненіе западныхъ грековъ Риму (282—212 г.).

Греческія общины Южной Италіи, терзаемыя классовой борьбой (Туріи, Тарентъ), уже въ началѣ III вѣка (282—272 г.) подчинились Римскому государству, покорившему себя ранѣе въ теченіе IV в. Среднюю Италію.

Затѣмъ наступила очередь *Сициліи* **). Вскорѣ послѣ борьбы съ Аеннами въ концѣ V вѣка наиболѣе значительное греческое государство здѣсь—Сиракузское—опять перешло подъ власть тиранновъ, опиравшихся на войско и низшіе классы

*) Искрется очень важный сборникъ *Dittenberger*'a: *Orientalis Graeci Inscriptiones selectae*, vol. I—II.

***) *Helm*, *Geschichte Siziliens im Altertum*, томы, I—III, 1870—1898.

(правление *Діонисія Старшаго*, 405—367, и *Діонисія Младшаго*, 367—357 и 346—344 г.). Сравнительная устойчивость тиранні въ Сициліи въ эту эпоху объясняется въ значительной степени тѣмъ, что борьба съ Каррагеномъ, утвердившимся въ западной части острова, требовала централизаціи власти, особенно военной. Торжество демократіи въ Сиракузахъ въ 344 г. (вождь демократовъ Тимолеонтъ) оказалось непрочнымъ: въ послѣдніа десятилѣтія IV вѣка мы видимъ здѣсь вновь ожесточенную борьбу имущихъ, пока, подъ влияніемъ опасности со стороны Каррагена и утомленія общества отъ социальной борьбы, власть опять не сосредоточилась въ рукахъ тиранна *Агаокла* (ок. 320—289 г.), который подчинилъ Сиракузамъ восточную часть Сициліи. Каррагенъ не могъ смотрѣть равнодушно на такое усиленіе Сиракузъ и началъ съ Агаокломъ ожесточенную борьбу, во время которой Агаоклъ высаживался даже въ Африкѣ и поставилъ однажды Каррагенское государство въ крайне трудное положеніе. Каррагенъ избѣгъ катастрофы лишь потому, что въ Сициліи вспыхнуло возстаніе противъ Агаокла. Агаоклу, однако, удалось заключить миръ съ Каррагеномъ (305 г.) и укрѣпить свое положеніе не только въ Сициліи, но и въ Южной Италіи и даже и на Іонійскомъ морѣ (Коркира). Послѣ его смерти смута въ Сиракузскомъ государствѣ возобновилась, пока ок. 268 г. здѣсь не захватилъ власть *Гіеронъ II* (268—215 г.). Остальная Сицилія въ это время была захвачена римлянами послѣ продолжительной борьбы съ упорно оспаривавшими у нихъ господство на островѣ каррагенянами (*Первая Пуническая война* 264—241 г.). Во вторую половину 2-й Пунической войны послѣ смерти Гіерона (215 г.) Сиракузское государство перешло подъ власть Рима (212 г.). Нѣкоторые города Сициліи сохранили самоуправленіе нѣ извѣстныхъ предѣлахъ.

б) *Борьба Македоніи и восточныхъ грековъ съ Римомъ* (ок. 220—146 г.).

Укрѣпленіе римлянъ на югѣ Италіи и въ Сициліи скоро втянуло ихъ и въ дѣла Балканскаго полуострова. Еще въ 228 г. борьба съ иллирійскими пиратами привела ихъ къ захвату Коркиры и утверженію въ нѣкоторыхъ пунктахъ иллирійскаго побережья Іонійскаго моря. Филиппъ V Македонскій понялъ опасность, возникшую отъ утвержденія Рима на Балканскомъ полуостровѣ, и потому во Вторую Пуническую войну сталъ на сторону Каррагена, хотя и не проявилъ особой энергіи въ военныхъ дѣйствіяхъ (такъ наз. *1-ая Македонская война* ок.

215—205 г.). Уже въ эту войну Римъ нашелъ союзниковъ въ Эладѣ въ лицѣ этолійцевъ, афинянъ и Спарты. Въ этой послѣдней установилась демагогическая военная тираннія, сначала въ лицѣ Маханида, а затѣмъ — Набиса. Ахейскій союзъ (стратегъ Филопемѣнъ) оставался на сторонѣ Македоніи. Притязанія Филиппа на расширеніе своего господства на счетъ этолійцевъ и ихъ союзниковъ повели къ тому, что этоліицы и многія греческія государства стали искать поддержки у римлянъ. Ахейцы сохраняли долгое время нейтралитетъ и лишь позднѣе перешли на сторону Рима. Вспыхнула *2-ая Македонская война* (200—197), кончившаяся побѣдой Рима. Македонія была введена въ старыя границы, греки — объявлены свободными.

Исторія Греціи въ ближайшія десятилѣтія сводится къ соперничеству Ахейскаго союза съ этоліицами и со Спартой и къ ожесточенной классовой борьбѣ внутри греческихъ обществъ. За содѣйствіе, оказанное этоліицами сирійскому царю Антиоху Великому, съ которымъ Римъ велъ войну (Сирійская война 192—190), и за непослушаніе римлянамъ этоліицы были наказаны потерей части владѣній и подчиненіемъ Риму (189 г.). Ахейскій союзъ, напротивъ, временно усилился, распространивъ свое владычество даже на Спарту, хотя это подчиненіе было непрочнымъ, ибо въ Спартѣ была сильна анти-ахейская партія. Въ городахъ Ахейскаго союза на сторонѣ Рима стояли *эажиточные* элементы, надѣявшіеся, что Римъ устранитъ опасность непрерывныхъ социальныхъ революцій (еще въ 198 г. Набисъ, захвативши Аргосъ, предпринялъ здѣсь передѣлъ земель и уничтоженіе долговыхъ обязательствъ; въ Спартѣ онъ допустилъ ограбленіе спартиатовъ чернью); напротивъ, за независимость стояли демократическіе элементы, надѣявшіеся найти поддержку противъ Рима въ Македоніи. Новое столкновеніе Рима съ преемникомъ Филиппа *Персеемъ* (*3-я Македонская война* 171—168 г.) кончилась уничтоженіемъ македонской самостоятельности (Македонія была разбита на 4 области, зависимыя отъ Рима). Цѣлый рядъ греческихъ общинъ, ставшихъ на сторону Македоніи въ этой войнѣ, былъ Римомъ жестоко наказанъ: была установлена олигархія, масса демократовъ продана въ рабство. Родосъ за сочувствіе Македоніи понесъ тоже тяжелую кару: римляне объявили порто-франко на о. *Делосъ*, и торговый центръ перемѣстился сюда. Новое столкновеніе Ахейскаго союза со Спартой привело къ новому вмѣшательству Рима, сначала въ роли судьи. Но ахейская демократія, недовольная рѣшеніемъ суда, начала войну, кончившуюся полнымъ разгромомъ Ахейской фе-

дерации и ея союзниковъ (разрушеніе Коринѳа въ 146 г.). *Македонія*, гдѣ тоже всыхнуло возстаніе, была превращена въ римскую *провинцію*; значительная часть владѣній Ахейскаго союза (Коринѳъ, Беотія, Эвбея) присоединена къ этой же провинціи и обложена данью въ пользу Рима. Другіе города Греціи тоже стали въ фактическую зависимость отъ римлянъ, хотя сохранили мѣстное самоуправленіе. Особой провинціи изъ Греціи въ это время образовано еще не было*). Внутри городовъ римляне поддерживали *господство имуницизъ* (полное право гражданства было основано на цензѣ).

Въ 133—129 г. римляне приобрѣли Пергамское царство въ Малой Азіи, образовавъ здѣсь *провинцію Азію* и начавъ такимъ образомъ подчиненіе и мало-азійскихъ грековъ.

Такъ греческія общины постепенно вошли въ составъ Римскаго государства. Политическое объединеніе, которое уже съ IV вѣка стало необходимымъ условіемъ для дальнѣйшаго нормальнаго существованія греческихъ общинъ и котораго не создали ни сами греки, ни македоняне, было произведено Римомъ, но оно знаменовало въ то же время и гибель самостоятельности греческихъ государствъ-городовъ.

в) Греція подъ римскимъ владычествомъ.

Еще разъ въ Греціи проявилось движеніе къ независимости въ началѣ I вѣка до Р. X., когда понтійскій царь *Митридатъ Эвпаторъ*, объединившій подъ своею властью значительную часть восточнаго побережья Чернаго моря отъ береговъ Малой Азіи до береговъ Крыма включительно, началъ борьбу съ римлянами. Большая часть эллинистическихъ городовъ М. Азіи и Европейской Греціи стала на сторону Митридата. Особенно низшіе классы, обремененные римскими налогами, видѣли въ Митридатѣ избавителя. Римскіе капиталисты въ провинціи Азіи были перебиты (88 г.). Но побѣды Суллы вернули грековъ подъ римское владычество.

Въ эпоху борьбы Цезаря съ Помпеемъ, цезаріанцевъ съ убійцами Цезаря и Октавіана съ Антоніемъ—Греція, бывшая неоднократно театромъ военныхъ дѣйствій, очень страдала отъ этихъ смутъ, весьма подрывавшихъ ея экономическое и культурное благосостояніе.

Въ 27 г. Августъ отдѣлилъ Грецію отъ Македоніи и образовалъ особую *провинцію Ахайю*, управлявшуюся римскимъ

*) С. А. Жеделевъ, *Ахайа, Въ области древностей провинція Ахайя. Спб. 1903; ср. его-же, Изъ исторіи Аеіиъ, 229—31 г. до Р. X., Спб. 1898.

проконсуломъ, имѣвшимъ резиденцію въ Коринѣхъ (Ахаія была отнесена къ числу сенатскихъ, а не императорскихъ провинцій). Большая часть ея была обложена податями въ пользу Рима. Города сохранили самоуправленіе (одни—въ большей, другіе—въ меньшей степени), а нѣкоторые изъ нихъ были даже освобождены отъ римскихъ налоговъ. Что касается внутренняго устройства городовъ, то Римъ стремился поддерживать господство имущихъ. Греція въ эпоху ранней Имперіи (I—II вѣка) пользуется такимъ спокойствіемъ, какого она не знала ранѣе. Однако, отъ этого мира растетъ экономическое благосостояніе лишь азіатскихъ грековъ. Европейская Греція переживаетъ глубокій экономическій упадокъ. Главная причина заключается въ томъ, что уже въ эллинистическій періодъ торговые пути стали перемѣщаться въ связи съ новымъ направленіемъ торговли, сосредоточившейся, главнымъ образомъ, въ эллинистическихъ монархіяхъ. Экономическій ростъ Рима и римскаго запада еще болѣе отвлекъ торговые пути отъ Европейской Греціи. Большинство здѣшнихъ городовъ превратилось въ маленькія мѣстечки. Даже Аѣны являются въ эту эпоху лишь культурнымъ центромъ, влекущимъ къ себѣ образованныхъ людей въ силу интереса ихъ къ славному прошлому этого города. Торговое значеніе имѣютъ только *Коринѣхъ*, расположенный на пути, соединявшемъ Эгейское море съ Іонійскимъ, да еще возстановленный Августомъ *Патры* и основанный имъ же на мѣстѣ побѣды при Акціи *Никополь* (въ Эпирѣ).

Однако упадокъ Европейской Греціи въ эпоху римскаго владычества отнюдь еще не говоритъ объ упадкѣ греческой націи. Расселеніе грековъ въ Передней Азіи и Сѣверо-восточной Африкѣ продолжается и въ римское время; теперь греки находятъ приложеніе своему труду и на западѣ. Роль грековъ въ культурной жизни Римской Имперіи огромна. Сама римская образованность есть въ значительной мѣрѣ лишь развѣтвленіе эллинистической.

Дальнѣйшая исторія Греціи тѣсно сливается съ исторіей Римской Имперіи, а позднѣе съ исторіей Византіи.

Поправки и дополненія.

Стр. 6, строка 8 сверху. Подробный обзоръ археологическихъ изысканий въ XIX в. даетъ *Михаэлисъ*, Художественно-археологическія открытія за сто лѣтъ, рус. пер. подъ ред. *В. К. Мальмберга*, М. 1918.

Стр. 7, строка 2 снизу. Гортинскіе законы правильнѣе относить къ началу или первой половинѣ V в. (см. стр. 118, 122 и 210).

Стр. 9, строка 10 снизу. Наиболее важныя въ историческомъ отношеніи надписи собраны въ болѣе доступныхъ по объему сборникахъ, изъ которыхъ особенно цѣнны: 1) два сборника *Dittenbergér'a*: *Sylloge inscriptionum graecarum*, томы I—III, 2-е изд., 1898—1901; *Orientis graeci inscriptiones selectae*, томы I—II, 1908—1905; 2) *Ch. Michel*, *Recueil d'inscriptions grecques*, Bruxelles, 1900; *Supplém.*, Bruxelles, 1912; 3) *E. L. Hicks und G. F. Hill*, *A manual of greek historical inscriptions*, 2 изд. Oxford, 1901; 4) *W. Janell*, *Ausgewählte Inschriften griechisch und deutsch*, Berlin, 1906 (230 надписей съ нѣмецкимъ переводомъ); 5) *E. Nachmanson*, *Historische attische Inschriften*, Bonn, 1913 и *Historische griechische Inschriften*, Bonn, 1913 (двѣ маленькія дешевыя книжки).

Стр. 12, строки 10 и 11. Важнѣйшее пособие для ознакомленія съ палеографіей: *L. Mitteis und U. Wilcken*, *Grundzüge und Chrestomathie der Papyruskunde*, 2 тома въ 4 частяхъ 1912. Ср. также маленькій сборникъ: *Helbing*, *Auswahl aus griechischen Papyri* (*Sammlung Götschen*), 1912. По остракологіи: *U. Wilcken*, *Griechische Ostraka aus Aegypten und Nubien*, I—II томы, 1899.

Стр. 35, строка 20 со. О трудѣ *Huse* по исторіи эллинизма см. стр. 305—306 прим.

Стр. 73, къ главл VII. Общіе обзоры эгейской культуры даютъ: *Dussaud*, *Les civilisations préhelleniques dans le bassin de la Mer Egée*, 1910; *Lichtenberg*, *Die Aegäische Kultur*, 1911 (есть мало обоснованныя гипотезы); *H. K. Hall*, *Aegean Archaeology*, London, 1915.

Стр. 77, строка 5 со. Шестая шахтообразная гробница находится вѣдъ круга.

Стр. 95. Прекрасный обзоръ гомеровскаго вопроса и гомеровскаго общества даетъ *Georg Finsler*, *Homér*, 1908 (передъ войной вышелъ 1-й томъ 2-го изд.).

Стр. 166, строка 5 сверху. Хорошій обзоръ исторіи второстепенныхъ греческихъ государствъ данъ у *Gilbert'a*, *Handbuch der griech. Staatsaltertümer*, т. II, 1885.

Стр. 225, къ главл XII. Интересную характеристику политической и экономической жизни Аѳинъ въ V в. даетъ *A. Zimmern*, *The Greek Commonwealth*, 2 изд., Oxford, 1915.

Стр. 286, строка 11 сверху. Напечатано: „418 г.^а сл. чит.: „420 г.^а“.

Стр. 283, строка 11 снизу. Напеч.: „въ концѣ V и IV вѣкахъ“, слѣд. чит.: „въ концѣ V и въ IV вѣкѣ“.

Указатель *).

Абидосъ 86.
Абусиръ-эль-Мелекъ 10.
Абу-Симбелъ (въ Нубіи) 7.
Августъ, импер. римскій 11. 19. 318.
321—322.
Агаеоклъ 319.
Агасклый спартанскій 20. 259. 260.
288. 292. 298.
Агнозъ III 20. 34. 192. 292. 312. 318. 317.
Агады 198.
Агры 148.
Аделунгъ 58.
Адріанъ, импер. 52.
Агіа триада 79. 80.
Айсимнетъ 165.
Академія: Берлинская 9. 27.
— Британская 10.
— Вѣнская 9.
— Французская 9.
Акаивана 68. 88. 91.
Акарнанія 46. 54. 55. 163. 296.
Акрагантъ 165.
Акрагантское государство 262—263.
Акциумъ (битва) 35. 322.
Альберъ (Halbherr) 7. 78. 79.
Алфей 54.
Алевады 168.
Александрія 10. 12. 12. 96. 309—310.
Александръ Македонскій (Великій) 5.
11. 18 сс. 32. 34 с. 88. 157. 298 с.
802—его эпоха 305—318 с.
Алкивиадъ 20. 262. 270—271. 276.
279—280.
Алкмеониды 172. 175. 176. 186. 217. 218.
221 Алкмеонидъ Мегаклъ 181.
Алкмеонидъ Леобогъ 225.
Амбианацкая семья 119.
Аменхотепы-Аменофисы (III и IV) 69. 70.
Амкла 198.
Амисъ 267.
Аморгъ 50. 284.
Амфитіонія Дельфійская 303. 305.
Амфиопъ 240. 258. 254. 269. 303.
Амфисса 306.

Анакреонтъ 185.
Анаксагоръ 252. 269.
Андросъ 128.
Андротіонъ 17. 145. 146.
Аннимизъ 66.
Антакидовъ миръ 284. 296.
Антиохъ Великій 320.
Антигонъ 1) Гонатъ 315.
— 2) Досонъ 317.
Антипатръ 148. 312. 314—315.
Антихреза 152. 190.
Антисеенъ 287.
Антифонъ 279.
Антоній 321.
Апоклеты 316.
Аполлodorъ 90.
Аполлонъ 288.
Аравія 213. 309. 310.
Араменне 88.
Аратъ 18. 20. 313. 317.
Арвадъ 72.
Аргейя 166.
Аргивяне 88. 266.
Аргивускіе острова 280.
Аргонда 45. 55. 76 сс. 83. 90. 92. 147.
164. 166—167. 183. 208—209. 265.
289. 297.
Аргосъ 15. 93. 180. 160. 166—167. 256.
265. 270. 284. 289. 293. 315.
Ареопагъ 156. 172. 178—179. 236—238.
247. 251.
Аристеиъ 172.
Аристидъ 20. 190. 212. 220—221. 226.
228. 232. 286. 299.
Аристокитонъ 186. 255.
Аристархъ александрійскій 96.
Аристобулъ 298.
Аристотель 6. 16. 7—18. 19. 21. 23. 33.
48. 66. 113. 122. 125. 141. 142. 146.
148. 149. 150. 152. 155. 157. 180. 181.
182. 183. 184. 188. 188. 195. 197. 198.
204. 207. 217. 226. 228. 231. 232. 237.
240. 244. 247. 250. 251. 274. 277.
290. 291. 302. 313.

*) Указатель составила О. П. Буличъ.

Аристофанъ 12. 18. 252. 262. 273. 274.
 Арийцы 86.
 Аркадія 44. 56. 91. 164. 209. 296. 297.
 300.
 Аркадскій діалектъ 91.
 Аркадо-капрскій д-тъ 92.
 Артаксерксъ III Охъ 806—807.
 Артемида 288.
 Артемисія 228.
 Аррианъ 298. 306. 309.
 Архагеты 194. 195.
 Археанактиды 267.
 Архестратъ 287.
 Археологическій Институтъ:
 Австрійскій 6.
 Германскій 5.
 Археологическое Общество:
 Греческое 77.
 Археология 4—6. 88. 58. 59. 63—64.
 73. 74—79.
 Архимедова война 270. 278.
 Архипелагъ 83. 44. 55.
 Архонтатъ (архонты) 172. 178. 177.
 178—179. 181. 188. 189. 236—237.
 241. 250. 277.
 Архонтъ-еэмосеетъ 246. 249.
 Аспасія 269.
 Ассирія 14. 15. 17. 68. 69. 72. 78. 213.
 218.
 Ассиро-вавилонская культура 70. 71.
 Астакъ 267.
 Атарваеда 63.
 Аттидографы 17. 141. 146.
 Аттиды 17. 141. 145.
 Аттикъ 21.
 Афидна 82. 88. 84.
 Африканъ, С. Юлій 20.
 Ахайя 164. 265. 321—322.
 Ахарны (дежъ) 188.
 Ахелой 46. 54.
 Ахемениды 307.
 Ахиллеида 99. 103. 105.
 Аенискій Акрополь 55. 139. 148. 149.
 182. 183. 185.
 Аена богиня 100. 148. 149. 172. 182.
 288.
 Аеонскій мысъ 219.
 Бабилъ 194. 195.
 Бахофенъ (Bachofen) 119. 120.
 Бактрія 66. 308.
 Бакхиады 167.
 Бѣжъ (Böckh) 8. 9. 27. 28. 227. 234.
 Белохъ Ю. 86. 35. 86. 37—38. 89. 72.
 88. 89. 90. 91. 98. 159. 222. 227. 229.
 234. 242. 283—284. 294.
 Бернгеймъ (Bernheim) 22.
 Библия 70. 88.
 Библия 72.
 Блассъ 20. 21.
 Бошѣ (Beauchet) 86.
 Богавскій В. Л. 284. 285.
 Богавскій 70.

Боденъ 48.
 Бошпъ 58.
 Борей 107.
 Босфоръ 47.
 — Оракіѣиокій 286.
 — -ое царство 267.
 Брасидъ 254. 269.
 Брейѣ (Bréhier) 134.
 Брея (колонія во Оракіи) 227. 240.
 Бугъ южный 6. 98. 61. 62. 63.
 Бувескулъ В. П. 40. 41. 144. 212. 255.
 257. 259.
 Бувольтъ (Buvoit) 39. 208. 224. 227.
 229. 280. 281. 232. 233. 234. 247. 266.
 267.
 Булвѣтѣиокъ 240.
 Бунарбаши 74.
 Буржгардъ 39—40.
 Буше-Ледекеръ (Bouché-Leclercq) 35.
 Бухаръ 115.
 Бэотія 44. 46. 47. 52. 56. 78. 82. 88. 84.
 90. 91. 92. 127. 144. 164. 170—171.
 222. 224. 265. 266. 268. 295—296.
 299. 307. 321.
 Вавилонія 14. 15. 67. 68. 73. 213.
 Вавилонъ 141. 218. 267. 313.
 — -ская культура 62.
 — -скій языкъ 68. 70.
 Вакомутъ (Wachsmuth) 148.
 Варронъ 120.
 Вафио 78.
 Вестермаркъ 119.
 Византія 24. 295. 322.
 Вино 97.
 Вильменъ (Wiloken) 12. 328.
 Вилемовицъ 99. 196.
 Виндельманъ 36.
 Винкельманъ (Winkelmann) 28.
 Вишперъ Р. Ю. 41.
 Возрожденіе (эпоха) 9. 25. 88. 97.
 Вольтеръ 48.
 Вольфъ Ф. А. 27. 28. 97—98.
 Второзаконіе (Библия) 88.
 Галгамела (битва при Г.) 308.
 Гагнъ 148.
 Газа 68.
 Галатское царство 315.
 Галикарнасъ 212. 284. 293.
 Галлы 315.
 Гармодій 186. 955.
 Гармосты 200. 282.
 Гарпалъ 312.
 Гарпій 103.
 Гегель 28.
 Гегемонія Аениъ 228—285.
 Гекатей Милетскій 14. 211. 214.
 Гекатомбеонъ 248.
 Гектоморы 151. 152.
 Гелія 177. 233. 238. 239. 248. 261—262.
 Гелиасты 238. 239.

Гель 198.
 Гелланикъ Лесбосскій 15. 17. 191.
 Гелеспонтъ 47. 91. 175. 219. 221. 224.
 228. 307.
 Гелеспонтскій округъ 288.
 Гелюль 262.
 Гелоты 199—200. 201. 203. 210. 264.
 289. 290.
 Гемны 71.
 Геометрический стиль сосудовъ 84. 139.
 Гераклиды 90. 98. 96.
 Гераклитъ Понтійскій 144. 149. 198.
 Гераклея Понтійская 159.
 Гератъ 310.
 Гердеръ 48.
 Германнъ (Her mann) 98. 99. 100.
 Гермиевтика (интерпретация) 8. 20. 21.
 22. 23. 25.
 Геродотъ 15. 17. 18. 20. 26. 85. 89. 90.
 91. 93. 96. 141. 145. 157. 167. 172.
 175. 182. 183. 191. 198. 203. 212—2 8.
 221. 222. 253. 254. 255. 256. 260. 286.
 Герондъ 285.
 Геронтры 198.
 Геронты 76. 193. 196—197. 203. 206.
 Герусія 194. 195. 196—197. 200. 201.
 208. 204. 207.
 Гесиодъ 14. 49. 89. 93. 127. 170.
 Гетерія 210.
 Гильбертъ 148. 174. 198. 195—196. 197.
 Гимерь 262.
 Гипервритика 87. 39. 93.
 Гиперболя 274.
 Гипотека 151—152.
 Гипсархъ Писистратидъ 185. 186. 190.
 Гиппій—сынъ Писистрата 185—186
 220.
 Гиппократъ 286.
 Гиро (Guigand) 36. 111.
 Гиосарликъ 74.
 Геронъ II 262—268. 319.
 Гидичъ-Грузинскій 109. 115. 136.
 Гольмъ (Holm) 85.
 Гомеръ и его поэмы 4. 7. 13. 14. 26.
 27. 28. 48. 49. 69. 73. 76. 78. 81. 84.
 87. 89. 90. 93. 95—138. 185. 194. 202.
 215. 216. 254. 261. 308.
 Гортия 7—8. 122. 210.
 Гортыянскіе законы 7. 118. 122. 125. 210.
 323.
 Гранникъ 307.
 Греко-персидскія войны 171. 211. 214.
 218—225. 227. 237. 240. 241. 290.
 Греческое средневѣковье 7. 14. 41. 71.
 89. 95. 106. 121. 126. 127—138. 151.
 157. 197.
 Грековъ Б. Д. 234.
 Гренфелль (Greenfell) 12. 33.
 Гроновій (Gronovius) 25.
 Гротъ Джорджъ 7. 30—32. 34. 38. 98.
 242.
 Гроссе Эрнестъ 118.
 Гуманисты 25. 30.

Гурнія 94.
 Давидъ 72.
 Дамасій 145. 180.
 Даміурги 316.
 Данауна 68. 88. 91.
 Данаицы 68. 88. 89.
 Дарданеллы 87.
 Дарій Гистаспъ 214. 217. 218. 219.
 — Кодоманъ 307. 308.
 Дарья-Смыръ и Аму 218. 308.
 Декелея 271.
 Делось островъ 6. 9. 83. 85. 282. 320.
 Делосская касса 228. 229. 233. 234 266.
 Дельбрюкъ 222.
 Дельта Нила 69.
 Дельфы 6. 9. 33. 191. 288.
 Дельфійскій храмъ 297.
 Деміурги 129—130.
 Демосеень (полюводецъ) 270.
 Демосеонъ ораторъ 13. 20. 172. 285.
 287. 289. 304—305. 312. 315.
 Дёрпфельдъ 74. 76. 78. 81.
 Децемвиръ законы 172.
 Джонсъ 58.
 Дикастеріи 177. 179. 238. 248—249.
 251. 323.
 Диккаркъ 122—123. 124.
 Димитрій Цолоркетъ 20. 313. 315.
 Димитрій Фалерскій 18. 815.
 Дипломатскій стиль сосудовъ 84. 139—
 140. 146. 174.
 Диттенбергеръ Dittenberger 122. 284.
 318. 323.
 Диттография 21.
 Диодохи 314.
 Диакрія 187.
 Диодоръ Сицилійскій 19—20. 24. 212.
 226. 261. 283. 297. 299. 300. 309. 313.
 Дионисій старшій 293. 302. 319.
 Дионисій младшій 319.
 Додопа 66. 86.
 Докимасія 236. 251.
 Дорнда 50. 90. 91. 93. 202.
 Доряне (дорійцы) 29. 85. 87. 88. 89. 90.
 91. 92. 93. 95. 118. 124—125. 139. 158.
 166. 108. 193. 198. 202. 210. 211. 212.
 Дорійское завоеваніе 37. 88. 91. 95.
 106. 130.
 Драконъ (законы) 122. 124. 140. 145.
 146. 153. 172—174. 210. 251.
 Дрерушъ 103.
 Дройзенъ 35.
 Дукетій 263.
 Душь (Dush) 205. 207.
 Дунайскій бассейнъ 61.
 Дункеръ Максъ 32. 83.
 Дуссо 85.
 Египетъ 5. 6. 10. 11. 15. 17. 93. 67—69
 70 сс. 78. 83. 85. 86. 88. 91. 95. 106
 107. 139. 141. 159. 218. 214. 235. 239.
 261. 263. 265. 267. 300. 306. 308. 310.
 314. 315. 317. 318.

Египта, Англійское общество изслѣ-
дованія (Еgypt Exploration Fund) 5.
Евменъ 814.
Евсевій Кесарійскій 20.
Евстацій Гессалоникійскій 97.
Евфратъ 63, 70, 808.

Небеленъ С. А. 39, 253, 321.
Жугъ (Jouguet) 12.

Захаровъ А. 226.
Задруга (югославянская) 109.
Зевксисъ 31.
Зендъ-Авеста 60, 64.
Зенодотъ 96.
Зонара 24.
Зундвалъ (Sundwall) 244, 245.
Зѣлинскій Ф. Ф. 98, 99, 101, 102.

Ивансъ (Evans) 4, 78, 78, 80, 81.
Игиби 287.
Израиль 88.
Иліада 48, 89, 98, 95—137, 194.
Иліада Малая 96.
Иліонъ Новый 74, 76, 123, 129.
Иллирія 158, 307.
Иллирійскій полуостровъ 319.
Инаръ 266.
Индія 308, 310.
Индъ 818, 308.
Индо-германскій пранародъ (праарій-
цы) 60, 61—67.
Интерноляция 21, 96.
Иписъ (бѣтва) 814.
Иранъ 61, 219.
Древне-иранскіе языки 68.
Исагоръ 186.
Искрагъ 16, 287, 289, 298, 302, 304.
Исса 308.
Истизъ 52, 53, 222, 223.
Истръ 17, 146.
Итака 132.
Италія 5, 38, 43, 78, 158, 162, 262, 287,
288, 284, 309.
Италія южная 158, 213, 263, 300, 318 с.
Ифигратъ 292, 293.

Юлія 105, 106, 165.
Юнійскія колоніи 235.
Юнійское (Юнійское море) 44, 45, 78,
268, 319, 322.
Юнійскій округъ 235.
Юнійскіе острова 54.
Юнъ Хіосскій 226.
Юнъ 149.
Юняне (юнійцы) 85, 89, 91 сс., 105, 118,
124—125, 150, 152 с., 158, 174, 202,
212, 219.
Юрданъ 72.

Кавеньякъ (Cavaignac) 227, 233, 234.
Кадешъ на Оронгѣ 68; 70.
Калчанъ Эфесскій 106.

Калисеенъ 299, 311—312.
Камаресскія вазы—80, 82, 84, 86.
Камбизъ Персидскій 69, 214.
Камбунійскія горы 45, 51, 52, 222.
Кампанія 158, 268.
Кандагаръ 810.
Каппадокія 69, 314.
Карія 115.
Карійскій округъ 238.
Карійцы 85, 86, 115.
Карпаты 86.
Кархемышъ на Евфратѣ 70.
Каррагенъ 19, 72, 262, 309, 313, 319.
Каспійское море 86, 309.
Кассандръ 814, 315.
„Каталогъ кораблей“ 102—103, 105, 106.
Катана 158.
Кауаръ П. (Cauer) 101, 102.
Кафторъ 88.
Калуна 86.
Кёлеръ (Köhler) 227.
Кельты 126.
Кевіонъ 17, 144.
Кеосъ 285.
Керамикъ 175.
Керамика 80.
Кердонъ 205.
Кереть (Kaerjat) 35, 306, 307, 308,
310, 311.
Керчь (Пантыкапей) 6, 159, 267.
Кефалонія 82.
Кефисъ 46.
Кидонія 210.
Кидоны 87.
Киликія 69.
Килонъ 157, 175, 182.
Заговоръ Килона 171—172, 255.
Кимонъ 20, 212, 224, 225, 226, 286,
298 с., 253, 264.
Кимоновъ миръ 224.
Кинадонъ (заговоръ) 291—292.
Кинурія 166, 208.
Кипселъ 167.
Кипрія 96.
Кипръ 5, 72, 78, 91, 92, 96, 224, 306.
Киргиво-туркменскія степи 61.
Кирхгоффъ 99, 227, 229, 234.
Киръ Младшій 259, 293.
Киръ I Персидскій 218, 301.
Китай 310.
Китіонъ 72.
Кнееронъ 52, 222.
Кнеера 72.
Клеоменъ III 6, 20, 34, 192, 193, 204,
206, 216, 292, 313, 317.
Клеонъ 233, 256, 269, 274.
Клеопатра 307.
Клеофонтъ 274.
Клерухи 266, 275, 294.
Клерухія 240—241.
Клесеенъ Ахмееонидъ 168, 186.
(реформы) 145, 174, 186—190, 194, 217,
220, 231, 239, 243, 248, 249—250.

Клисеякъ Ореагоридъ 168.
 Клитархъ 209. 309.
 Клять 811.
 Кнакионъ 194. 195.
 Книдъ 293.
 Кносъ 78. 80. 81. 87. 94. 210.
 Ковалевскій М. М. 119.
 Колаклеты 157.
 Колонизація греческая 157—160.
 Колоніи греческія 218.
 Колофонъ 96.
 Кононъ 293.
 Константинополь 45.
 Копандское озеро 46. 78.
 Коринѣскій заливъ 55.
 — перешеекъ 159. 160. 167.
 — конгрессъ 306.
 Коринъ 46. 56. 72. 90. 92. 106. 158 ос.
 164 с. 167—168. 179. 285. 263 ос.
 268 ос. 284. 293. 296. 305. 307. 315.
 321. 322.
 Коркира 168. 268. 295. 319.
 Корсика 158.
 Корфу 45.
 Косъ 91. 295.
 Кратеръ 227.
 Кратиншъ 261.
 Крессъ Лидійскій 216. 218.
 Кречмеръ П. (Kretschmer) 90. 92. 98.
 Креса 106.
 Крѣтій 142. 274. 278. 281—282.
 Критъ 4 с. 8. 83. 44 с. 54. 68. 72 с.
 78—95. 107. 113. 122. 131. 202. 210—
 211.
 Крито-микенская эпоха 71.
 Критская культура 84. 87.
 Кротонъ 158.
 Крымъ 6. 821.
 Ксенофонтъ 18. 21. 26. 64. 142. 191.
 200. 208 с. 226. 231 с. 259—261. 262.
 278. 280. 282 ос. 286. 293. 301.
 Коеркъ 19. 52 с. 145. 171. 200. 221 ос.
 236.
 Ктесій 18. 24. 222. 309.
 Куланжъ, Фюстельде (Fustel de Coulan-
 ges) 22. 37. 109. 17f.
 Кумы 158.
 Кунъ (Kuhn) 59.
 Курцій Руфъ (Квинтъ) 299.
 Курциусъ Ф. 32. 90. 153.
 Лавель (Laveley) 22. 108. 109.
 Лаврійскіе рудники (Лавріонъ) 49. 221.
 Лакедемоняне 223. 273.
 Лаконія 45 с. 49. 78. 90. 92. 147. 160.
 166. 190—209. 211. 242. 264. 292. 299.
 305.
 Лакійская война 814.
 Латышевъ В. В. 6.
 Лахманъ (Lachmann) 98. 99. 103.
 Левитры 294.
 Леконнографы 24.
 Леонидъ 223.

Леонтины 158. 165.
 Лѣперъ 187.
 Лесбось 91. 92. 165. 229. 231. 295.
 Лже-Омердасъ 214.
 Ливій (Татъ) 258. 318.
 Ливійцы 68.
 Ливии 107.
 Лигдамидъ 188. 185.
 Лидія 69. 115. 175. 180. 218. 218.
 Лидійцы 86. 109. 113.
 Ликургъ (спартавскій) 20. 96. 97. 146.
 170. 181. 182. 190—196. 203. 205 с.
 Ликургова ретра 194—196.
 Ликургъ (аэжискій) 312.
 Лингвистика 59. 60—64. 66.
 Лингвистическая палеонтологія 3. 4. 58.
 59. 60.
 Лисандръ 20. 262. 280—282. 288. 291.
 Лисимахъ 314.
 Лисий 262. 285.
 Лихтенбергъ фонъ 80. 83. 85.
 Логографы 14—15. 93. 211. 218. 215.
 254. 255.
 Локрида 92. 222. 266. 296.
 Локрида Оволийская 168.
 Локрида Олуниійская 163. 265.
 Lohnwerk 116.
 Лурье С. Я. 171. 295.
 Львиныя ворота 76.
 Лэтамъ (Latham) 61.
 Макозъ Карійскій 293. 309.
 Магаффи (Mahaffy) 85.
 Маггесія 225.
 Македонія 35. 52. 171. 297. 303. 307.
 311. 314. 315. 317. 318. 319. 320.
 Македонскія войны 319—320.
 Македонское вавоеваніе 53. 297—313.
 Македонцы (македоняне) 89. 90.
 Макалавовъ В. А. 179.
 Макъ Леннанъ (Mac Lennan) 119.
 Макриццлагъ 52.
 Маневонъ 306.
 Мантинія 266. 269. 270. 297.
 Маравонъ 48. 220.
 Маравонская битва 190. 219—220. 236.
 237.
 Маргитъ 96.
 Мардоній 219.
 Маркеллинъ 268.
 Марсоль (Марсалин) 158. 300.
 Марсалия (Марсехъ) 158. 300.
 Матріархатъ 119—120.
 Махалидъ 320.
 Меандръ 139.
 Мегабизъ 217.
 Меганкъ 188.
 Мегалополиъ 164. 284. 296. 300. 315.
 Мегары 55. 80. 92. 159. 166—164. 168—
 170. 175. 265—269.
 Мелита 72. 148.
 Мелось 38. 82. 94. 228. 275. 280.
 Мениды 138.

Мернепта 88. 88.
 Месогея (Диакрия) 187.
 Мессана 123.
 Месопотамія в. 62. 69. 213.
 Мессенія 48. 54. 90. 193 с. 199. 202.
 264. 289. 297.
 Мессенскія войны 202—204. 207 с.
 Мессенское возстаніе 264.
 Метеки 242. 243. 286.
 Методы аналогіи 22.
 — ретроспективный 22.
 — критики 3. 20. 21—22. 23. 24.
 25. 32.
 Мечниковъ Л. И. 43.
 Мейеръ Эд. 36. 88 сс. 85 сс. 90. 129.
 153. 196. 242.
 Мидія 141. 213. 308.
 Мизія 123.
 Микало 224. 227.
 Микенская культура (эпоха) 68 с. 70.
 78. 81—85. 94 с. 106. 108. 126. 138 сс.
 146.
 Микены 4. 76 сс. 94. 194.
 Милетъ 159. 164 с. 219. 231. 246.
 Милль Джонъ-Стюартъ 30.
 Миллиардъ 220.
 Милльхейфертъ 187.
 Минійцы 29.
 Минось 80. 85. 87. 211.
 Минские словы культуры 80 с. 83—84.
 86. 106.
 Минскій Н. М. 109. 115. 135 с.
 Митани 68. 70.
 Митилена 175. 231. 275.
 Митридатъ Эвпаторъ Понтійскій 321.
 Митфордъ 29—31.
 Мищенко О. Г. 212. 258.
 Молоосы 163.
 Моммзенъ Т. 248.
 Монтеке 48. 148.
 Морганъ 119. 126.
 Мраморное море 158. 267. 292.
 Музей Британскій 144.
 Мюллеръ Карлъ Отфридъ 26. 28. 29.
 32. 123. 202. 211.
 Мюллеръ Иванъ 39.
 Мюллеръ-Штрюбинъ 298.
 Мьян (Maine) 108.
 Мэонія 115.
 Набатейское племя 213.
 Набисъ 213.
 Наваринъ 289.
 Навкарія 157.
 Навкарары 157.
 Навкратисъ 69. 159.
 Навсосъ 229. 240.
 Неваръ 298. 308.
 Негаде 86.
 Нейманъ К. (Neumann C.) 35. 53. 55.
 Нейманъ К. I. (Neumann K. I.) 193—
 194. 196. 205. 207.

Нектанебъ 292.
 Немесида 15. 216.
 Неолитическая эпоха 62. 64. 80. 87.
 Нибелунги (лѣсны) 98. 103.
 Нибуръ Г. Б. 27.
 Нибуръ Г. I. 199.
 Ниез (Niese) 32. 59. 98. 99. 102. 103.
 305. 808.
 Никій 20. 262. 270. 274. 277.
 Никіенъ миръ 254. 270.
 Николай Дамаскскій 19.
 Никополь 322.
 Нилъ 51.
 Нильская долина 218. 310.
 Нимфей 267.
 Ниневія 308.
 Ничъ (Nitzsch) 98.
 Нововеты 248—249.
 Нубія 310.

Д'Обьяньякъ (d'Aubignac) 97.
 Обы 194—195.
 Одиссея 87. 89. 92. 95—137. 194.
 „Древняя Одиссея“ 99. 103.
 Ойноя 148.
 Оксиринхскій папирусъ 261. 283. 296.
 Ожъ 60.
 Октавианъ 321.
 Олигархія 164. 167. 168. 171. 315.
 Олигархи 191. 266. 281. 295—296.
 Олигархическая партія въ Ассирахъ
 276—280. 281.
 Олимпиада (хрѣвол.) 20.
 Олимпиада мать Александра Великаго
 307.
 Олимпія 5. 14. 33. 82. 84. 260.
 Олимпъ 45. 51. 52. 228.
 Олянеъ 284. 308.
 Ольвія 6. 83. 159.
 Опизъ 312.
 Орнаменты 70. 77. 80 сс. 86.
 Орхоменъ 4. 78. 80. 82 сс. 296.
 Ореагоряды 168.
 Осулье (Hauisoulier) 252.
 Остракизмъ 189—190. 221. 225. 238. 274.
 Остракологія 12. 323.
 Остроной округъ 283.
 Отанъ 217.
 Отрисъ 52. 222.

Павсаній полководецъ 90.
 Павсаній царь 224. 228. 291.
 Памфлетъ царя Павсанія 191. 196. 291.
 Пагасейскій валунъ 55.
 Палеолитическая эпоха 62.
 Палестина 72. 86.
 Паллена 148. 183.
 Памносъ 48. 54.
 Пангей 49.
 Пандора 103.
 Паноръ 123.
 Пантинпей (Керчь) 6. 159. 267.

Панэллинизмъ 212.
 Паралия 175. 187.
 Парисатиды 310.
 Парменионъ 311.
 Парнесъ 52. 222.
 Парось 49.
 Парчъ (Parytsch) 85.
 Паренонъ 240.
 Парсiovъ 287—288.
 Патриархатъ 118—119. 120.
 Патры 322.
 Пауди-Виссова (Pauly-Wissowa) 284.
 Пафлагонія 314.
 Пеласги 87. 90.
 Пелаты 151. 152.
 Пелей 96.
 Пелопондъ 20. 93. 171. 283. 296.
 Пелопоннесская война 268—280.
 Пёльманъ Р. 22. 81. 86. 39. 72. 108.
 109. 110. 212. 214. 215. 227. 259.
 276.
 Пельтасты 292.
 Пеней 46. 52.
 Пенесты 163.
 Пентеликонъ 49.
 Пентеликонскій мраморъ 175.
 Пентакосимедимны 294.
 Пентаконтастія 146. 225—253.
 Пергамъ 5. 83. 97. 814.
 Пердикка 269.
 Пердикка 20. 32. 38. 40. 47. 189. 213.
 217. 226. 238—253. 256 с. 262. 270.
 274. 294.
 Перидоній 67.
 Перидандръ 167.
 Перивки 166. 200. 317.
 Персія 15. 64. 67. 141. 186. 213 с. 218 с.
 225. 228. 239. 259. 262—266. 271 с.
 280. 291—294. 296. 301. 308. 305—
 308
 Персей (царь македон.) 320.
 Персъ (братъ Гесиода) 170.
 Петрарна 25. 26.
 Пидя 45.
 Пидна 308.
 Пиктѣ (Pictet) 59 с.
 Пилось (Наваринъ) 269.
 Пиндаръ 165.
 Пирей 281. 282. 315.
 Пирейская бухта 221.
 Пирръ Эпирскій 18. 20. 815.
 Писандръ 274. 277. 278.
 Писистратъ 96—98. 103. 145. 167. 181—
 185. 236 сс. 240. 252.
 Писистратиды 185 с.
 Питтакъ 165.
 Писагоръ Эфесскій 165.
 Писон 191. 195. 206.
 Платей (битва) 222. 225. 227. 295.
 Платонъ 18. 17. 21. 43. 142. 191. 200.
 253. 276. 291. 302.
 Плейстоценовъ 286.
 Плевнъ 54. 309.

Плутархъ 20. 118. 141. 146. 150. 152.
 177. 180. 190 сс. 198 с. 202 с. 205.
 212. 220. 224 сс. 238. 240. 248. 262.
 267. 288. 298 с. 313. 318.
 Погодинъ А. Л. 60.
 Полемархъ 205.
 Полюбий 18. 19. 23. 24. 43. 199.
 313. 318.
 Полидоръ 202. 203. 205. 207.
 Поликратъ 216. 265.
 Полиперхонтъ 315.
 Поллуксъ (Pollux) 125. 172.
 Помпей 321.
 Понтеъ (Ponten) 36.
 Понтъ 47.
 Посидоній 19. 318.
 Потидея 268—269. 303.
 Пригатиъ 245. 250.
 Пригати 244. 277.
 Пробулы 276.
 Проктъ 191.
 Проксенъ 246.
 Пропплея 240.
 Пропонтеда 158.
 Протагоръ 275—277.
 Псамметихъ I 7. 69.
 — II 7.
 — Коринтскій 167.
 Птоломей IX Эвергетъ II 12. 298.
 — П Филадельфъ 12.
 — Керванъ 816.
 Птоломей 33. 35. 314. 318.
 Пуласата 88.
 Пуническія войны 19. 118. 119.
 Рамсесъ III 68. 88.
 Раскопки 5—6. 33.
 Ратцель Ф. 48.
 Райнеръ (Эригерцогъ) 10.
 Ревию 48.
 Реконструкция 8. 20. 22. 23. 24.
 Реинвизия формальная и реальная
 101. 105.
 Ригведа 64.
 Риджей (Ridgeway) 108. 109.
 Риттеръ К. 43.
 Ридлеръ 161.
 Ринъ 5. 10. 14. 84. 38. 43. 47. 58. 154.
 313. 317. 318—322.
 Римская имперія 4. 8. 84. 48. 146. 161.
 311. 322.
 Римское государство 19. 20. 24. 42. 172.
 239. 318.
 Періодъ римскаго владычества 42. 318—
 322.
 Роде (Rohde) 36. 60.
 Родось 72. 78. 91. 92. 96. 223. 284. 295.
 300. 320.
 Родосская республика 315.
 Роды или кланы 64. 65. 121—122. 125.
 152. 154.
 Розе (Rose) 143.

Романа 810.
Россия (южная) 86. 175. 214. 218 с.
235. 267.

Самс 69.
Сандокритский языкъ 58. 60.
Саламинъ 96. 140. 175. 223 с.
Саламинская битва 223. 225.
Самось 165. 212. 229. 230 с. 267.
279.

Сардинцы 68.
Сарды 175. 222.
Саронический заливъ 55.
Свастика 189.
Свида 24.
Семиградіе 82.
Сеймуръ (Seumur) 111. 114. 184. 187.

Селевкъ, Селевкиды 814.
Селласія (битва) 317.
Семиты 86.
Семонидъ Самосский 106.
Сепіадъ 215.
Сисситинъ 202 с. 211. 291.
Сестъ 214.
Сибаросъ 158.
Сигейонъ 175.
Ондонъ 72. 106.
Сейонъ 70. 71.

Онкіонъ 46. 165. 166. 315.
Омикелъ Георгій 24.
Сидонъ 159. 240. 267.
Сидоняны 50. 147—150. 160. 193—
194. 196. 300.

Симонидъ 185.
Сиппиль 71.
Сиракузы 158. 165. 252. 262 со. 270.
278. 284. 318—319.

Сирія 68. 69. 70. 88. 91. 213. 308. 314.
320.

Сисактія 145. 176—177. 179. 180.
Сифъ 49.
Сицилія 18. 20. 73. 103. 106. 108. 123.
158. 165. 265. 264. 262. 266 со. 270.
318 с.

Сицилійскія экспедиціи 270—273.
Сициліяны 68.
Сицилійское море 286.
Скалгеръ (Scallger) 26.
Скелдуитъ 260.
Скелы 61. 218. 214. 219.
Скелія 214.
Смирна 96. 105.

Сократъ 400 177. 178. 186. 273.
— 500 189. 230. 240. 294.
— 300 знатныхъ 186.
Сократъ 252. 253. 260. 281.
Соломонъ 72.

Солохъ (заковъ) 7. 18. 20. 121. 140 с.
145 с. 150 с. 153. 156. 174—181.
183 с. 220. 284. 296 со. 276.

Софисты 258. 275.
„Совѣщательская война“ 296. 317.

Союзъ: Ахейскій 816—817. 820 с.
— Аенійскій 1-я 227—235. 263—
269. 271—272.
275. 280—281.
— — 2-я 288. 292. 294—
297. 300.

— Беотійскій 171. 296 с. 305.
— Пелопоннесскій 209. 227. 262
с. 268. 270. 280
— 283. 222.

— Этолійскій 816—817.
— Фиванскій 296—297.

Спарта 190—209. 226. 263—265.
268—272. 289—293. 296—297. 317.
320.

Спартиаты 197 с. 201 со. 290—292. 317.
320.

Спартокиды 267.
Сперхей 46. 52.
Спартра 310.

Стекибротъ Фасосскій 226.
Страбонъ 19. 196. 299. 318.
Стратегъ 189. 245. 250.

Стратосъ 54.
Стринионъ 230.
Сулла 19. 318. 321.

Сумерійская культура 62
Сфакторія 269.
Схерія 112.
„Схолія“ къ Гомеру 96. 97.

Тайгетъ 193.
Такара 265.
Тарентъ 158. 293. 318.

Талосъ 292.
Тегей 208. 209.
Тигръ 308. 312.

Тимолеонтъ 20. 262. 319.
Тиней 18. 91.
Тимархъ 285.

Тирания 30. 164—168. 172. 181. 185 с.
189. 212. 217 со. 263. 315.

Тирания тридцати 274. 278. 280—283.
Тиринь 4. 78. 80. 82. 83. 84. 93.
Тирей 89. 90. 93. 197. 203. 205.

Тиръ 72.
Тель-эль-Амарна 68. 70.
Тенаръ (мысъ) 157.

Терлуозъ (Thirlwall) 30.
Террамары 64.
Тесей 20. 146. 149.

Тетраполисъ 148.
Трезенъ 166. 265.
Трибы 125.

„Тридцатилѣтній миръ“ 277.
Триполисъ (Тетраполисъ) 50.
Тритія 187. 252.

Троада 93 с. 105. 175.
Троя 5. 74—84. 86. 119. 129. 137.
Троинская культура 87.

Троино-фрагійское племя 87.
Троивцы 109. 113. 183. 194.
Троюсъ Помпей 19. 297—298. 299. 313.

Оглавление.

	<i>Стр.</i>
I. Методы исторiи и общiй обзоръ источниковъ по исторiи Греции	3—23
II. Новая историографiя въ области греческой исторiи	23—41
III. Перiоды древне-греческой исторiи	41—43
IV. Природа Греции и ея соціально-историческое значенiе	43—58
V. Первобытныя индо-европейскiя основы	58—67
VI. Сосѣди грековъ въ древнѣйшее время и ихъ влiянiе на развитiе греческой культуры	67—73
VII. Эпоха эгейской культуры	73—95
VIII. Греческое средневѣковье	95—138
Гомеровскiй вопросъ (95—106). Общество греческаго средневѣковья (106—138).	
IX. Аѳины въ эпоху средневѣковья	138—157
X. Перiодъ классической или городской Греции (развитiе государствъ-городовъ). 1. Разложенiе средневѣковыхъ отношенiй и развитiе городского строя (VII—VI вѣка)	157—211
а) Колонизацiя конца VIII—VI вѣковъ и экономическiй переворотъ въ Грецию въ эту эпоху. Развитiе городовъ (147—162). б) Судьба средневѣковыхъ отношенiй въ различныхъ государствахъ (163—171). в) Разложенiе средневѣковыхъ отношенiй въ Атикѣ (171—180). г) Военная община въ Спартѣ (190—211).	
XI. Перiодъ классической или городской Греции. 2. Борьба греческихъ государствъ-городовъ съ сосѣдями (греко-персидскiя войны)	211—225

XII. Періодъ классической или городской Греціи.
8. Эпоха „пятидесятилѣтія“ (479—431 г. до Р. X.):
Аѣннская держава и расцвѣтъ демократіи въ Аѣнахъ. 225—253

XIII. Періодъ классической или городской Греціи.
4. Борьба Аѣннъ со Спартой за преобладаніе
(целопоннесская война и ея предвѣстники) 253—283

XIV. Періодъ классической или городской Греціи.
5. Внутренній кризисъ въ государствахъ-городахъ
(классовая борьба) и попытки новыхъ государствен-
ныхъ образованій въ первую половину IV вѣка . . . 283—297

XV. Краткій очеркъ эллинистическаго періода.
1. Македонское завоеваніе 297—313

XVI. Краткій очеркъ эллинистическаго періода.
2. Греція въ эллинистическую эпоху 313—317

XVII. Періодъ римскаго владычества въ Греціи
до эпохи Римской имперіи 318—322

Источники (318). а) Подчиненіе западныхъ гре-
ковъ Риму (318—319). б) Борьба Македоніи и восточ-
ныхъ грековъ съ Римомъ (319—321). в) Греція подъ
римскимъ владычествомъ (321—322).

Поправки и дополненія 323

Указатель 325—334

